

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

№ 1 (41)

**САРАНСК
2017**

Учредители:

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

*Ученый совет Научно-исследовательского института гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

Основан в 2006 году

Главный редактор

В. А. Юрчёнков — доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Г. А. Куршева — доктор исторических наук, профессор

Ответственный секретарь

О. В. Зарубина

Р е д к о л л е г и я:

Андреев В. В. — доктор исторических наук, профессор; *Бахлов И. В.* — доктор политических наук, профессор; *Бикейкин Е. Н.* — кандидат философских наук, доцент; *Бурланков С. П.* — доктор экономических наук, профессор; *Гусева Т. М.* — доктор исторических наук; *Зубов И. В.* — кандидат философских наук, доцент; *Каторова А. М.* — доктор педагогических наук, профессор; *Келина А. Н.* — кандидат филологических наук, доцент; *Кильдюшкина И. Г.* — кандидат исторических наук, доцент; *Ломшин В. А.* — кандидат исторических наук, доцент; *Минеева Е. К.* — доктор исторических наук, профессор; *Никонова Л. И.* — доктор исторических наук, профессор; *Поляков О. Е.* — доктор филологических наук, профессор; *Ставицкий В. В.* — доктор исторических наук, доцент; *Тихонова А. Ю.* — доктор культурологии, доцент; *Чернов А. В.* — кандидат филологических наук, доцент; *Юрчёнкова Н. Г.* — доктор философских наук, профессор

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39951
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 21 мая 2010 г.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Адрес редакции:

430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3, каб. 304,
e-mail: vestnikniign@list.ru

© НИИ гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Ибнеева Г. В., Мухамадеев А. И. Православное духовенство в церемониале императорских путешествий Екатерины II	7
Цыганкин Г. С. Архитектурно-пространственная и бытовая среда господских домов заводских поселений Замосковского горного округа первой половины XIX в.	19
Милешина Н. А., Чернышов А. П. Воспитание и образование как основы формирования сословной системы ценностей дворянства первой половины XIX столетия (По материалам средневожских губерний России)	33
Иванов А. А., Иванов А. Г., Соловьев А. А. Сельский сход в доколхозной деревне Марийской автономной области: состав, функции, место в общественно-политической жизни	41
Биряева А. В. Мордовский совнархоз: подготовка кадров для легкой промышленности (1957 — 1962 гг.)	49
Бикейкин Е. Н. Аграрная политика второй половины 1960-х гг.: сущность, содержание и итоги первых лет реализации (По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)	55
Бикейкин Е. Н. Трансформация социально-экономической инфраструктуры села во второй половине 1980-х гг.: опыт анализа на микроуровне	63
Соколова В. И., Минеева Е. К. «Готов к труду и обороне»: к вопросу о государственной политике в сфере физического воспитания молодежи (На примере реализации комплекса ГТО в Чувашской Республике)	71
Пахалюк К. А. Память о Первой мировой войне в региональном измерении современной России	79

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Липатова Л. Н., Бирюков И. Г., Игнатьева М. В. Динамика и основные факторы человеческого развития в России	94
Егорцева Ю. Ю., Артемьева С. С. Государственный долг Республики Мордовия: к постановке проблемы	104
Четаева К. Г. Оценка продовольственной безопасности в Республике Мордовия	112

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Васильев Н. Л.</i> Д. Ю. Струйский и цензор П. И. Гаевский	122
<i>Каторова А. М.</i> «Второе дыхание» К. Смородина: обусловленность переживаний лирического героя жизненными перипетиями	130
<i>Бирюкова О. И.</i> Творчество А. и К. Смородиных как художественно-выраженная философская система	136
<i>Гусарова Е. М.</i> Песенный фольклор в контексте современного музыкального искусства	144
<i>Ржанова С. А., Дементьева К. В.</i> Информационно-коммуникативные основы саморегуляции общественного мнения в региональном социуме	152
<i>Сибатрова С. С.</i> Грамматическое освоение русских заимствованных глаголов в марийском языке: выражение видовых значений	161

НАШИ ПРОЕКТЫ

«Мифология мордвы». Буква С	172
-----------------------------------	-----

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

Научная деятельность НИИГН в 2016 г.	220
Аспирантские научные чтения — 2016	226
Полевой сезон 2016: основные результаты	234

РЕЦЕНЗИИ	240
-----------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	245
----------------------------------	-----

СОКРАЩЕНИЯ	251
-------------------------	-----

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

<i>Ibneyeva G. V., Mukhamadeev A. I.</i> Orthodox Clergy in the Ceremonial of Imperial Travels of Catherine II	7
<i>Tsygankin G. S.</i> Architectural-Spatial and Household Environment of Manor Houses of Factory Settlements of the Zamoskovny Mining District in the First Half of the XIX Century	19
<i>Mileshina N. A., Chernyshov A. P.</i> Upbringing and Education as the Fundamentals of Formation of the System of Class Values of the Nobility in the First Half of the XIX Century (Based on the materials of the Middle Volga governorates of Russia)	33
<i>Ivanov A. A., Ivanov A. G., Solovyev A. A.</i> Village Gathering in Pre-Kolkhoz Countryside of the Mari Autonomous Region: Composition, Functions, Place in Social and Political Life	41
<i>Biryayeva A. V.</i> Mordovian Sovnarkhoz: Personnel Training for the Light Industry (1957 — 1962)	49
<i>Bikeykin E. N.</i> Agrarian Policy of the Second Half of the 1960s: Essence, Contents and Results of First Years of Implementation (Based on materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSRs)	55
<i>Bikeykin E. N.</i> Transformation of Social and Economic Infrastructure of the Village in the Second Half of the 1980s: Experience of Microlevel Analysis	63
<i>Sokolova V. I., Mineeva E. K.</i> “Ready for Labour and Defense”: on the Question of State Policy in the Sphere of Physical Education of the Youth (On the example of the GTO complex implementation in the Chuvash Republic)	71
<i>Pakhalyuk K. A.</i> Memory of the First World War in the Regional Measurement of Modern Russia	79

ECONOMIC SCIENCES

<i>Lipatova L. N., Biryukov I. G., Ignatyeva M. V.</i> Dynamics and the Main Factors of Human Development in Russia	94
<i>Egortseva Yu. Yu., Artemyeva S. S.</i> State Debt of the Republic of Mordovia: to the Problem Statement	104
<i>Chetaeva K. G.</i> Food Security Assessment in the Republic of Mordovia	112

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Vasilyev N. L.</i> D. Yu. Struysky and Censor P. I. Gaevsky	122
<i>Katorova A. M.</i> “The Second Breath” by K. Smorodin: Conditionality of Emotional Experiences of Lyric Hero by Life Peripetias	130
<i>Biryukova O. I.</i> Works of A. Smorodin and K. Smorodin as an Art-Expressed Philosophical System	136
<i>Gusarova E. M.</i> Folk Songs in the Context of Modern Musical Art	144
<i>Rzhanova S. A., Dementieva K. V.</i> Informational and Communicative Basis of Self-Regulation of Public Opinion in Regional Society	152
<i>Sibatova S. S.</i> Grammatical Development of Russian Borrowed Verbs in the Mari Language: Expression of Aspectual Meanings	161

OUR PROJECTS

«The Mythology of the Mordvins». Part C	172
---	-----

EVENTS. FACTS. COMMENTARY

Scientific Work of NIIGN in 2016	220
Postgraduate Scientific Readings — 2016	226
Field Season of 2016: Main Findings	234

REVIEWS	240
----------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	248
--	-----

ABBREVIATIONS	251
----------------------------	-----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(47).66:271.22(470)

Г. В. Ибнеева, А. И. Мухамадеев
G. V. Ibneeva, A. I. Mukhamadeev

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В ЦЕРЕМОНИАЛЕ ИМПЕРАТОРСКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ ЕКАТЕРИНЫ II

ORTHODOX CLERGY IN THE CEREMONIAL OF IMPERIAL TRAVELS OF CATHERINE II

Ключевые слова: императорское путешествие, Екатерина II, православное духовенство, ритуал, приветственные речи, православная идентичность, легитимация.

В статье исследуется взаимодействие православного духовенства с императрицей Екатериной II в ходе ее путешествий как средства политической легитимации; рассматриваются модели поведения духовенства во время подготовки к приезду и встречи императрицы; анализируются приветственные речи российского духовенства; выявляются способы легитимации власти Екатерины II.

Key words: imperial travel, Catherine II, Orthodox clergy, ritual, welcome speeches, Orthodox identity, legitimation.

The interaction of the Orthodox clergy with Empress Catherine II during her travels as a means of political legitimation is studied in the article; behavioral models of the clergy during the preparation for the visit and the meeting of the Empress are considered; the welcome speeches of the Russian clergy are analyzed; ways to legitimize the power of Catherine II are revealed.

Путешествия императрицы Екатерины II представляют собой пространство легитимации власти. В современной западной социологии и политической науке под термином «легитимация» обозначается «процесс обеспечения политического, социального порядка на основе распределения и использования символического капитала»¹. В основе многочисленных теорий легитимности находятся концепции М. Вебера² и его последователей, фиксирующие наличие представлений о вере в значимость социального порядка, способности элит обеспечивать свое институциональное господство посредством верований в моральные символы, священные эмблемы и юридические формулы³. Именно этот аспект исследовал Р. Уортман⁴, по мнению которого семиотика церемониала российских государей поддерживала создание мифов, определявших образ царя в ту или иную эпоху. В практике высочайших путешествий Екатерина II использовала символические ресурсы культурного пространства: религиозные, моральные и другие для того, чтобы утвердить образ российской императрицы, важным элементом которого являлась его

православная составляющая. Значительную роль в формировании благочестивого облика Екатерины II сыграло православное духовенство, легитимировавшее своими проповедями власть российских правителей XVIII столетия.

Несмотря на обращение российских исследователей к теме риторических стратегий церковников в создании придворных проповедей⁵, истории их распространения⁶, проблема коммуникации Екатерины II и российского духовенства в контексте легитимации власти является малоизученной. В этой связи поездки императрицы по Российской империи представляют существенный интерес в плане изучения политических и культурных практик российского православного духовенства в утверждении религиозной идентичности российской императрицы и в целом ее политической легитимации.

Екатерина II понимала важность проявления религиозной идентичности не только в повседневной, придворной политической жизни, но и в поездках по стране. Акцент на религиозной составляющей, прежде всего, обуславливался ее нелегитимным восхождением на престол. Во время путешествий Екатерина постоянно поддерживала образ православной императрицы, что отражалось в тщательном исполнении ею религиозных обрядов*. При этом церемониал путешествий предполагал не только соблюдение религиозных ритуалов, но и взаимодействие императрицы с представителями российского православного духовенства.

Поведение духовенства, как правило, определялось распоряжениями из Синода, касавшимися, прежде всего, приготовлений к приезду высочайшей особы и ее встречи. Эти документы позволяют выявить приоритеты церкви во взаимоотношениях с верховной властью, рассмотреть общую стратегию действий духовенства в церемониале императорских путешествий. В частности, материалы архива Киево-Печерской лавры дают возможность проследить многообразие деятельности монастыря при подготовке к приезду Екатерины II. Так, например, еще до отправления императрицы в Южную Россию в 1787 г., в декабре 1786 г. Киево-Печерская лавра получила распоряжение («Распорядок») о порядке встречи Екатерины II, которое строго устанавливало правила поведения духовенства в момент ее прибытия в Киев⁷.

Получив известие о дне приезда императрицы в губернский город, все архиереи, архимандриты, игумены, протоиереи и прочие духовные лица утром этого дня собирались в соборе или церкви для проведения Божественной литургии. В своих ранних путешествиях, например, в путешествии по Волге в 1767 г., Екатерина практически в каждом крупном населенном пункте, сойдя с лошадей или с пристани, сразу шла в церковь, выстаивала службу, прикладывалась к образам и мощам святых. В более поздних поездках литургия иногда проводилась заблаговременно, без ожидания высочайшего прибытия. Так, например, утомительное путешествие в Крым оговаривалось со светской властью заранее⁸.

В рассматриваемых официальных текстах, определяющих церемониал встречи Екатерины II, прослеживается стремление придать пышность происходивше-

* Екатерина II осуществила наиболее значимые путешествия: в Троице-Сергиеву лавру (17 — 18 октября 1762 г.), в Ростов (12 мая — 1 июня 1763 г.), в Остзейский край (20 июня — 25 июля 1764 г.), по Волге (2 мая — 15 июня 1767 г.), в Белоруссию (9 мая — 17 июня 1780 г.), в Вышний Волочек (24 мая — 19 июня 1785 г.), в Крым (7 января — 11 июля 1787 г.).

му. В частности, торжественность встречи подчеркивала последовательность звучания колокольного звона: благовест в большой колокол начинался заблаговременно за час до прибытия императрицы и продолжался до сигнала пушечной пальбы. После этого производился колокольный звон во все колокола в трех частях города. Звон продолжался до вступления императрицы в соборную Печерскую церковь⁹. Праздничность ритуала встречи выражалась также в использовании богатой церковной посуды, облачении духовенства в светлые одежды¹⁰.

Осознание значимости приезда коронованной особы проявлялось и в заботе наместника Лавры о проведении службы в соответствии с принятыми правилами. Так, ордер Каллиста приказывал клиросу Соборной церкви, чтобы «церковное пение вели... по уставу чинно, без вечного притворства и непристойного восклицания», не останавливались «где не надобно..., особливо в присутствии Ея императорского Величества»¹¹. Именно поэтому в служении поздних литургий с пением наместник рекомендовал задействовать «искуснейших» певчих. Согласно приказу наместника, монахи во время богослужения должны были соблюдать «чинность и порядочность», «не бегать по церкви»¹².

«Распорядок» содержал перечень правил поведения духовенства на момент прибытия императрицы в Киев. Предписываемая модель поведения духовенства должна была соответствовать тому чину, к которому оно принадлежало. В частности, монашеству приказывалось «ни под каким видом» не бродить и не разъезжать по городу, а неотлучно находиться в своих монастырях. В обязанность управы благочиния входило наблюдение за тем, чтобы киевские и приезжие священно- и церковнослужители «носили пристойную одежду» и «не шатались бы нигде по непристойным местам». Для совершения покупок из мужских монастырей следовало отправлять наиболее честных и надежных лиц, из женских — «белиц» или светских людей¹³.

Большое беспокойство иерархов церкви вызывала возможная подача челобитных, поэтому в «Распорядке» специальным пунктом выделялось запрещение монашеству и священнослужителям утруждать императрицу «ни в пути, ни в Киеве, и нигде» письменными или словесными жалобами и прошениями в силу прежних узаконений¹⁴. Существовавшие законы о неподаче челобитных монарху позволяли церковным иерархам избегать проявления внутренних конфликтов.

Следует отметить, что предписанная стратегия поведения для местного белого православного духовенства являлась идентичной и для черного духовенства, которое также активно должно было участвовать в ритуале встреч императрицы в городах, селах, на станциях, где устраивались обеденные столы и ночлег.

Архивные материалы по Черниговской губернии содержат рекомендации, которые давались белому духовенству при встрече с Екатериной II в 1787 г. Так, все городское священство с церковным причтом обязывалось выходить из церквей без хоругвей с крестом. По тракту «высочайшего проезда» духовенству запрещалось выходить с крестами и хоругвями за села. Требовалось, чтобы сельские священники в «первом» малом облачении, т. е. в ризе и епитрахили и «единственно имея на блюде... крест», стояли с причетниками, при этом «сколь можно поопрятней одетыми быть». Во время проезда императрицы должен был производиться колокольный звон. Если во время проезда планировалась остановка возле церкви, то в это время священник «с благовением» и «во всякой трезвости» был

обязан «ко всевысочайшему принятию» поднести крест. Однако в погоню за государыней со «святыней» не стремиться¹⁵. Из вышесказанного следует, что священству предписывалось соблюдать чинность и благопристойность.

В 1787 г. духовенству, всему церковному причту было отдано приказание «с подписками», согласно которым, в проезд государыни «никто и никаковыми просьбами императорское высочайшее лицо не отваживался утруждать». Там же, где имелись сборные просительные книги (для собирания добровольных подаяний), разрешалось просить пожертвования только до 1-го числа 1785 г. С этого времени протопопы духовных правлений и настоятели монастырей изымали книги и запечатывали их печатями до высочайшего отъезда¹⁶.

Таким образом, ритуал подготовки духовных лиц к встрече с императрицей был направлен на то, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать соответствие образа жизни и деятельности данного сословия концепции власти относительно его положения в государстве, с другой — поддержать величественный и торжественный образ венценосной особы.

Следует отметить, что коммуникация императрицы с духовенством не была формальной. Так, значительное внимание августейшей путешественницы к духовенству проявлялось в посещении келий, больных, приглашениях к обеду духовных лиц (причем об этом заранее сообщалось приближенным, очевидно, в расчете на определенный эффект). Так, например, 29 марта 1787 г. она информировала дипломата Ф. де Миранду о том, что навещала после службы большого архиепископа в Киеве. «Какое человеколюбие», — отметил венецуэлец¹⁷. Так создавался имидж истинно православной императрицы.

Другим значимым аспектом восприятия населением Екатерины как истинно благочестивой императрицы являлись ее пожертвования Русской православной церкви. Так, в дар церквам, монастырям, епархиям и семинариям императрица жертвовала денежные суммы¹⁸, церковную утварь. В частности, Киево-Печерской лавре было подарено серебряное паникадило; Златоверхомихайловскому монастырю — золотая лампада с жемчужной и «бриллиантами клетью»¹⁹; Киево-Софийскому собору — золотые сосуды (потир «выложенной сканной золотой работой», дискос)²⁰.

Сведения о ритуале встреч коронованной особы говорят о том, что она бывала в значимых для православной церкви и паствы местах. Особое внимание императрица уделяла украшению православных святынь. Так, например, останавливаясь в Казани в 1767 г., в Богородицком монастыре, по окончании литургии императрица приложила к иконе Казанской Божией Матери небольшую бриллиантовую корону, а другую корону — к образу Спасителя²¹. Киево-Софийскому собору в 1787 г. был подарен парчовый покров к мощам святителя Макария; Златоверхомихайловскому монастырю — парчовый покров к мощам святой великомученицы Варвары; Киево-Печерской лавре — золотая лампада с бриллиантовой кистью к мощам святого князя Владимира, а также парчовые покровы ко всем святым мощам²². Дорогие подарки символически отражали стремление подчеркнуть понимание Екатериной II значимости этих святынь (мощи святого Владимира олицетворяли начало православия на Руси, мощи других святых — его утверждение). Все дары, безусловно, являлись важным ресурсом в утверждении легитимности российской императрицы.

Высшие иерархи церкви в лице Киевского митрополита Самуила (Миславского) расценивали царские подношения как истинное благочестие императрицы: «она поставляя драгоценнейший матерний дар в Храм Богоматери с восхищением проповедует чистейшую веру и пламеннейшее усердие Вашего Величества к Богу... и не находя иной жертвы кроме вечных благодарений и горячих молений новой славы, возвышается ко пресветлому превечному престолу...»²³. Тем самым митрополит поднимал образ Екатерины до уровня божественного престола.

Таким образом, поведение Екатерины II в религиозных ритуалах, щедрые дары, взаимодействие с духовными лицами представляли ее как православную императрицу, подчеркивали ее благочестивый образ.

Существенную роль в конструировании пространства легитимации власти играли приветственные речи, хвалебные слова, составленные духовными лицами по случаю приезда императрицы. При анализе подобных текстов, на первый взгляд, прослеживается элемент конъюнктуры: восхваляя коронованную особу, духовные лица надеялись и на повышение статуса, и на вознаграждение, и на улучшение материального состояния епархий, и т. д. С другой стороны, хвалебные речи позволяют выделить практики легитимации монарха, где сакрализация образа правителя составляет ее важнейшую часть.

Речь, слово — это вид церковной проповеди. Содержание проповеди определялось двумя планами: планом текущей ситуации и планом авторитетных топов, которые заимствовались из сакральных текстов, святоотеческой и агиографической литературы и т. д.²⁴ Авторитетная топика Священного Писания являлась значимым ресурсом убедительности имперского политического дискурса²⁵, позволявшим сакрализовать образ монарха.

Сакрализация носителя верховной власти в России, являвшаяся доминантой русской культуры того времени (что характерно и для проповедей), становилась осью русского культурного сознания, сформированной эпохой барокко. Сама фигура сакрализации — отождествление или сближение монарха и бога — актуализируется в многочисленных вариантах²⁶. В этом отношении показательна речь архиепископа Могилевского Георгия Конисского, адресованная Екатерине II по случаю ее приезда в Мстиславль: «Оставим астрономам доказывать, что земля вокруг солнца обращается: наше солнце вокруг нас ходит, и ходит для того, чтобы мы в благополучии почивали. Исходиши, милосердая монархиня, яко жених от чертога своего: радуешься, яко исполин тещи путь...». Приезд императрицы приравнивается к Христову пришествию, а образ Екатерины олицетворяется с образом Христа, «грядущего во полунощи»²⁷.

Уподобление императрицы образу и подобию Бога прослеживается во многих хвалебных речах, что дает возможность духовенству попытаться показать обоснованность прихода Екатерины II к власти. В частности, архиепископ Казанский и Свияжский Вениамин (Пуцек-Григорович) в приветственной речи 26 мая 1767 г. возвышал сакральный образ императрицы тем, что обосновал ее восхождение на престол волей Божьей: «она богом помазанная и на престоле царства российского... православного посажденная»²⁸. В хвалебных текстах духовенства, произнесенных в 1787 г. по случаю путешествия Екатерины II в Южную Россию, звучат сравнения императрицы с «Превечным Отцом»²⁹, «Воскресшим Христом» (Самуил),³⁰ «Отцом небесным» (Феофан),³¹ «Богочеловеком» (Иоасаф)³².

По мнению Ю. В. Кагарлицкого, сакрализация не предполагала каких-либо следствий из отождествления монарха с сакральным образом. Нарочитая искусственность панегирических сближений, их демонстративная условность способствовали лишь созданию вокруг царя и его двора определенной торжественно-церемониальной ауры. Панегирическая же риторика организовывала развертывание и воспроизведение дискурса власти в придворном церемониале, формировала пространство для жестикюляции, подчеркивавшей лояльность говорившего имперскому порядку³³.

На наш взгляд, именно это обстоятельство имело особое значение. Ведь произнесение хвалебных слов, приветственных речей происходило вне пределов императорского двора, в коммуникативном пространстве, в котором были представлены не только монарх, но и другой важный актор этого действия — подданный, воспринимавший и оценивавший («считывавший») образ власти, а также доносивший до остальных услышанное и увиденное. Эта коммуникация являлась значимым аспектом легитимации власти российского государя.

Подобные аналогии были доступны для понимания и восприятия окружающих. Так, в воспоминаниях Е. Ф. Комаровского, очевидца высочайшего пребывания в Киеве, отмечена речь митрополита Самуила (сказанная на Пасху), в которой он уподобил Екатерину II «Христу, явившемуся после Воскресения своим ученикам»³⁴. Восхитила современников, в частности А. П. Сумарокова, и речь Г. Конисского: «Речь Георгия, — отмечал писатель, — вмещает в себя все, чего требовали и достоинство предмета, и чувствования Витии. Я не знаю подобного ей ни у Боссюэта, ни у Масильона, Бурдалу... она единственна»³⁵. Речь Конисского была переведена на латинский, французский и польский языки.

В приветственных речах и хвалебных словах, адресованных императрице, прослеживается такой важный аспект легитимации монархической власти, как установление преемственности власти Екатерины II с предшествовавшими правителями. В Екатерине видели не просто наследницу, но продолжательницу дел Петра I и Елизаветы Петровны³⁶. С другой стороны, в данных текстах духовенство отражало свое понимание отличия природы политической власти Екатерины II от Петра I, ее особых качеств как властителя, что также являлось средством ее политического возвышения. Так, во время пребывания Екатерины в Пскове в 1780 г. архиепископ Псковский и Рижский Иннокентий в своей речи, говоря о посещениях Петра Великого этого города, дал понять, что его деятельность, направленная на защиту обитателей города, носила воинственный характер. Прибытие же Екатерины ассоциировалось им с «миром, сошедшим с небес на Израиля», поскольку она безопасность своих подданных «утверждает миром». Цель ее государственного строительства отражена в контексте концепции «общего блага»: «мир и тишина отвне, удовольствие всех и каждого»³⁷.

Проводя преемственную линию императрицы с предшествовавшими правителями, духовные лица использовали образ места — пункт прибытия венценосной особы. Так, в Костроме, во время прибытия Екатерины II в Ипатьевский монастырь 14 мая 1767 г., епископ Дамаскин напомнил ей о значимости обители для рода Романовых — о принятии скипетра Российского государства «предком Вашего Императорского величества»³⁸.

Образ города ярко использовался и в речах духовных лиц Киева — города, символами которого являлись князья Владимир, Ярослав и др. Сквозь символи-

ческую топонимику проступали архетипы обновления и преобразования власти, что связывалось с нахождением российской императрицы в этом древнем городе. Так, 11 марта 1787 г. по совершении Божественной литургии митрополит Самуил обратил внимание государыни на то место, где они находились — Софийский собор. Проследивая вехи его существования от Ярослава Великого до Петра Великого, митрополит высказал идею о связи времен и российских правителей: отныне храм «воспримет новое сияние власти» в силу присутствия в нем «такой» монархини. Таким образом, обращение к истории Софийского собора, в котором находилась императрица, явилось средством легитимации монархической власти³⁹. Обращение же к общему историческому прошлому, а также к его ключевым персонажам воспроизводило мифологическую составляющую царствования Екатерины II, ее императорский миф⁴⁰.

Утверждая преемственность Екатерины II с особо знаковыми предшествовавшими правителями, церковники выражали стремление соединить императрицу со всей православной традицией. Так, в речи ректора Киевской академии Варлаама Миславского (1787 г.) говорилось следующее: «Виноград сей Высочайшего Вашего посещения удостоенный есть насажден... десницею... святого князя Владимира. Первые его ветви были слабы и малочисленны. Но любомудрие и ревность к просвещению великого Ярослава подкрепили и распространили их. ...Петр Первый росую обильных щедрот напоил, а возрастить и сладчайшими плодами от них... Церковь Христову обогатить... предоставлено Вашему Императорскому Величеству... Толь милосердый и попечительный о сем винограде промысел, толь высокое покровительство соделали, что ветви в нем произрастающие со дня на день умножают свои плоды»⁴¹.

Виноградник является символом христианской церкви⁴². Очевидно, что здесь обыграна молитва: «Призри с небесе Боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и, его же насади десница Твоя»⁴³. В данном случае этот символ, взятый из Священного писания, не только выступает риторическим украшением, но и несет определенный смысл. Отношение Екатерины к православной церкви связано здесь с истоками православия («первые его ветви») в Древнерусском государстве и с политикой предшествовавших правителей («Владимир насади, Ярослав распространи, Петр напои, а премудрая Екатерина возрасти и утверди»). Учитывая радикальность реформы Церкви, а секуляризация в Малороссии проходила именно в 1786 — 1787 гг., следует отметить, что часть малороссийского духовенства искренне или лицемерно выказывала Екатерине II поддержку, легитимируя ее как православную императрицу. В результате лояльность киевских духовных лиц была отмечена властью в виде денежной суммы в размере 31 тыс. руб.⁴⁴

В своих хвалебных речах духовенство делало акцент на православной идентичности императрицы, что, безусловно, было для нее важным. Истовое исполнение Екатериной II религиозных ритуалов подчеркивались духовными лицами как благочестие: императрица вместо того чтобы отдохнуть от тягот путешествия («от зыбей водных, от жара солнечного»), «поклоняется святой трапезе, лобзает честные иконы, почитает чудотворные мощи Гурия с чудным благоговением». Это позволило архимандриту Свяжского Богородицкого монастыря Иерониму сравнить Екатерину с такими образцами благочестия, как Ольга Христоролюбивая и Феодосий Благочестивый⁴⁵.

Рассматриваемые нами тексты архивных документов относятся к последней четверти XVIII в. Исследователями отмечалось, что барочная традиция в написании приветственных речей устойчиво сохранялась в духовной среде, в отличие от гражданской, даже в XIX столетии⁴⁶. Однако эпоха просвещенного абсолютизма повлияла и на культуру проповедничества. Наряду с барочными «штампами» в текстах духовных лиц выступал один из основных концептов легитимности власти XVIII в. — провозглашение общего блага всех подданных: их телесного и духовного благосостояния, лучшего земного устройства и общего мира. Концепт «общего блага» в текстах духовных лиц прослеживается во взаимосвязи с концептом «матери Отечества». Примером служит речь митрополита Самуила, произнесенная 28 марта 1787 г., в которой обоснованы такие рациональные константы образа Екатерины II — «матери Отечества», как «снисхождение», «милосердие», «попечение о просвещении... народов», «матерние беседы», составлявшие смысловое наполнение концептов «матери Отечества» и «общего блага»⁴⁷.

Милосердие, милость Екатерины как часть образа матери Отечества проецировались и на подданных. В своей речи 21 апреля 1787 г. Киево-Софийский протоиерей И. В. Леванда очень витиевато отразил этот момент: «Север, представляющий небесные сияния, в которых намерения Творца непроницаемы, представляет и народ, который изведаль на себе судеб Божьих бездну многу. Он возвышен и унижен жалостно... Ныне к удивлению всего света тот же самый народ, руководимый премудростью и силой, восходит на высоту славы благоуспешно... Милость, подобно небесам, простерлась над ним...». Здесь прослеживается архетип преображения: народ из состояния униженности достигает при Екатерине II благополучия. При этом преображение сопряжено с божественной милостью. Милость императрицы возвышена до божьего милосердия: «Оружие его смиряет сердца гордых, слава побед его омрачает мысли завидящих, имя его разрушает мысли коварных»⁴⁸.

«Попечение» о благосостоянии людей, их благоденствии, заставлявшее испытывать «подвиги» (т. е. трудности путешествий по стране), является важным семантическим звеном вышеназванных концептов. Попечение, или забота, являлась не абстрактным понятием и оно обуславливалось знакомством монарха с империей. Источником «попечений» Екатерины, как отмечал в своей проповеди псковский архиепископ Иннокентий, выступала «Матерняя Ея Величества к Отечеству любовь»⁴⁹. В понимании Иннокентия, любовь к Отечеству — это начало, пробуждавшее в людях «взаимное удовольствие, спокойствие и тишина», то, к чему необходимо стремиться. В сущности, архиепископ обосновал цель существования государства — стремление к сохранению гражданского мира, что представляет собой константу понятия «общего блага». Любовь к отечеству, согласно проповеди, состояла также в том, чтобы «пользу общую предпочитать пользе частной; блаженство и несчастье других, с равным чувствованием, принимать всякому, как бы то было собственное и блаженство и несчастье». Иннокентий давал понять, что в этой добродетели необходимо следовать «священнейшему примеру» матери Отечества — Екатерине II⁵⁰.

В приветственных речах и одах духовенства содержится также восхваление реформ Екатерины II, проводимых в различных областях государственной жизни, в том числе секуляризационной и административной. Однако иногда духовные

лица отходили от общепринятых правил написания текстов. Так, в приветственной оде префекта Казанской семинарии И. Стефановича, например, восхвалялась весьма непопулярная у церковников секуляризационная реформа и заблаговременно высоко оценивались возможные результаты будущего Уложения: «Премудрой дан духовной штат, судьям дано узаконенье, чтоб бросили обман сплетать: увидим скоро Уложение»; «Парнас чтоб под ее покровом дни проживал, как в веке новом, любуясь счастьем своим, завидным веселяся штатом»⁵¹.

Следует отметить неестественный оптимизм префекта И. Стефановича, очевидно, вызванный надеждами на улучшение материального состояния семинарии. Известно, что «штаты» духовного заведения были отнюдь не завидными. В результате проведения секуляризационной реформы архиереи получали «штатные суммы», которые жестко контролировались. Предполагалось, что семинарии также будут существовать на выделяемые государством через Синод средства. Особенно тяжелыми для семинарий были 1763 — 1764 гг., когда деньги от архиерейских домов уже не поступали, а Синод их еще не выделял. В 1765 г., наконец, семинариям были назначены «штаты» в размере от 300 до 2 тыс. руб., в зависимости от числа учащихся. Для Казанской семинарии установленные штаты составляли 1 635 руб. 87,5 коп. Это была ничтожно малая сумма, приблизительно в 4 раза меньше прежних выплат⁵².

Иерархи церкви понимали значимость произносимых приветственных и хвалебных слов, поздравительных од императрице. Уже в преддверии высочайшего приезда в Киев митрополит Самуил сделал наставление Синоду, в результате чего вышел указ о напечатании в типографии Киево-Печерской лавры «поздравительной Ея Величества оды», а также некоторых классических книг на разных языках для Киевской академии⁵³.

Сама Екатерина II не оставляла без внимания произнесенные речи. В частности, она осталась довольной речами Самуила (Миславского). Известно также, что Г. Конисский за свою «молодецкую» речь получил 1 тыс. руб.⁵⁴ Похвалы императрицы заслужил и архимандрит Нежинский Дорофей. В разговоре со статс-секретарем А. Храповицким императрица, отметив, что он «хорошо выражал слова, к кресту относящиеся», пожаловала ему 500 руб., в то время как другим давали по 300 руб.⁵⁵ Киевскому протоиерею Леванде по окончании службы, где он произносил речь, в момент подхождения к руке Екатерина возложила крест на красной ленте, украшенный бриллиантами⁵⁶. Впоследствии в 1789 г., скорее всего, по желанию императрицы, лаврская типография отослала к высочайшему двору различные книги, в том числе проповеди протоиерея Леванды⁵⁷.

Императрицей было проявлено и недовольство в произнесении речи новоспаского архимандрита Павла в Туле: «Новоспаский архимандрит Павел вчера худо говорил речь. Он ученик Платона; нарочно стараются, чтоб их не превзошли, и теперь в бельцах люди лучше, нежели в чернецах»⁵⁸.

Осознавая значимость хвалебных речей, в которых возвышался образ власти, Екатерина II дала указание распространять их среди населения. Об этом свидетельствует распоряжение Кашинского духовного правления Калязинского уезда священнику церкви Иоанна Предтечи объявить священно- и церковнослужителям, «благородным господам», и «разным чинам светских людей» о возможности приобретения книги, содержащей поучительные слова архиепископа Иоасафа,

и сочинении семинаристов о пребывании императрицы в Вышнем Волочке (1785 г.) и Твери (1787 г.) по 1 руб. за экземпляр⁵⁹.

Таким образом, соответствие власти установленным нормам, как формальным, так и неформальным, оправданность этих правил верованиями, разделяемыми правительством и народом, являлись одними из аспектов легитимации власти. В этом отношении духовенству отводилась существенная роль: оно подчеркивало православную идентичность российской монархии, преемственность ее власти. Взаимодействие с православным духовенством и признание им Екатерины II истинно православной государыней в некоторой степени носило демонстрационный характер⁶⁰. Императрица использовала возможности ритуалов путешествий для того, чтобы нарастить свой политический ресурс. Авторитет императорской власти как архетип традиционного сознания в немалой степени поддерживался хвалебными речами, словами, одами, кантами, легитимировавшими власть Екатерины II. В них заключались определенного рода идеологические «матрицы», воздействовавшие на сознание населения в правильном направлении. Именно они формировали представление об императрице как о благочестивой монархине, руководившей в своих действиях только целями «общего блага».

Библиографические ссылки

¹ Завершинский К. Методологические и семантические векторы политической легитимности. Великий Новгород, 2002. С. 40.

² См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

³ См.: Lipset S. M. Political Man. Baltimore, 1981. P. 64; Beetham D. The Legitimation of Power. Atlantic Highlands, 1991. P. 15 — 35.

⁴ См.: Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.

⁵ См.: Кагарлицкий Ю. В. Риторические стратегии в русской проповеди переходного периода. 1700 — 1775 : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 2000 ; Егоров Е. Г. Проповедь как источник по истории русской культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка : сб. ст. М., 2000. С. 243 — 258.

⁶ См.: Kislova E. Sermons and Sermonizing in 18th-Century Russia : At Court and Beyond // Slovene = Слов Ђне. International Journal of Slavic Studies. 2015. Vol. 3, № 2. P. 175 — 193.

⁷ См.: Распорядок каким образом со стороны духовного чина должно быть всеподданнейшее встречу Ея имп. Вел-ва во время всерадостного Ея Вел-ва в губернском городе прибытия, декабрь 1786 г. // Центральный державный исторический архив Украины. Ф. 128. Оп. 1. Д. 605. Л. 271. (Далее — ЦДИАУ).

⁸ Там же. Л. 268.

⁹ Там же. Л. 268 об.

¹⁰ См.: Ордер экклисиарху Захарию от наместника Каллиста, 21 янв. 1787 г. // Там же. Л. 300 ; Распорядок каким образом со стороны духовного чина... Л. 268 об. ; Реестр, кто из Лаврской братии для встречи Ея имп. Вел-ва должен в священные одеяние облачиться // Там же. Л. 233.

¹¹ См.: Ордер наместника Каллиста — клиросу соборной церкви, 24 янв. 1787 г. // Там же. Л. 298.

¹² См.: Ордер [наместника Каллиста] Лаврскому экклисиарху [Захарию], 24 янв. 1787 г. // Там же. Л. 291 об.

¹³ См.: Распорядок каким образом со стороны духовного чина... Л. 271.

¹⁴ Там же. 270 об. — 271.

¹⁵ См.: Добровольский П. М. Путешествие императрицы через Черниговский край (по делам черниговских архивов). Чернигов, 1903. С. 102 — 103.

¹⁶ Там же. С. 103.

- ¹⁷ См.: **Миранда Ф. де.** Путешествие по Российской империи. М., 2001. С. 129.
- ¹⁸ См.: Ордер... соборному старцу экклисиарху... Захарию, соборному иеромонаху... отцу Иерониму, иеродьякону Филарету... // ЦДИАУ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 605. Л. 314 об. ; Росписание поскольку кому из монашествующей Соборской братии в штате почитающейся следует с высочайше пожалованной от Ея имп. Вел-ва трех тысячной суммы, март 1787 г. // Там же. Л. 319 — 319 об.
- ¹⁹ ЦДИАУ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 749. Л. 3 — 3 об.
- ²⁰ См.: Репорт Иоанна Леванды и ключаря Павла Альшевского, 18 апр. 1787 г. // Ин-т рукописей Нац. б-ки Украины им. Г. В. Вернадского. Ф. 230. Ед. хр. 36. Л. 4. (Далее — ИР НБУВ).
- ²¹ См.: **Рыбушкин М.** Краткая история города Казани. Казань, 1848. Ч. 1. С. 99.
- ²² ЦДИАУ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 749. Л. 3.
- ²³ Самуил — Екатерине II, янв. 1789 г. // Там же. Л. 63.
- ²⁴ См.: **Кагарлицкий Ю. В.** Проповедь как источник по истории русской культуры... С. 248.
- ²⁵ **Кагарлицкий Ю. В.** Сакрализация как прием: ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru> (дата обращения: 03.12.16).
- ²⁶ См.: **Живов В. М., Успенский Б. А.** Царь и Бог : (Семиотич. аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избр. тр. : в 3 т. Т. 1 : Семиотика истории; Семиотика культуры. М., 1996. С. 205 — 337.
- ²⁷ См.: **Конисский Г.** Речь на прибытие Ея Императорского Величества в город Мстиславль 19 января 1787 г. // Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского : С портретом и жизнеописанием его, составл. протоиереем И. Григоровичем. СПб., 1861. Ч. 1. С. 275 — 276.
- ²⁸ Речь приветственная на пришествие в Казань... государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы Всероссийская, говоренная... преосвященным Вениамином, архиепископом Казанским и Свияжским, 26 мая 1767 года // Духовная церемония, производившаяся во время всевожденнейшего присутствия Ея Императорского величества государыни премудрейшая Монархини и попечительнейшая матери Екатерины Вторья в Казани. СПб., 1769. С. 4 — 5.
- ²⁹ См.: Речь на всерадостное и всевожденное прибытие в Киев генваря 29 дня // Речи поздравительные Ея Императорскому Величеству во время высочайшего прибытия, пребывания и отшествия, сказыванныя святейшего, правительствующего Синода членом, преосвященным Самуилом, митрополитом Киевским и Галицким, и архимандритом Киево-Печерския Лавры в Киеве. Киев, 1787. С. 48.
- ³⁰ См.: Речь на Всерадостный праздник Святыя Пасхи 28 марта 1787 г. // Там же. С. 50.
- ³¹ См.: Благодарственная речь Ее императорскому величеству старца Феофана бывшего типографа // Зеркало света. 1787. № 72. С. 343.
- ³² См.: Разные сочинения Тверской семинарии на прибытие Ея Императорского Величества в Тверь // Разные поучения и речи, сказыванныя на пришествие... государыни Екатерины Вторья в 1787 год, а притом и в другия разных годов высокаторжественные дня, синодальным членом архиепископом тверским Иоасафом. М., 1787. С. 5.
- ³³ См.: **Кагарлицкий Ю. В.** Сакрализация как прием...
- ³⁴ Из записок графа Е. Ф. Комаровского // Оснадцатый век. 1869. Кн. 1. С. 388.
- ³⁵ Цит. по: Собрание сочинений Георгия Конисского... С. 275.
- ³⁶ См.: Речь приветственная на пришествие в Казань... С. 4.
- ³⁷ Описание действия, от стороны Святейшего Правительствующего Синода члена, преосвященного Иннокентия, архиепископа Псковского и Рижского, и его семинарии, происходившего во время всевожденного прибытия Ея Императорского величества, всеавгустейшия императрицы и самодержицы всероссийския Екатерины Вторья, во Псков, и высочайшего Ея Величества в нем пребывания, мая от 13-го, до 16-го дней продолжавшегося, 1780 года. СПб., 1780. С. 19.
- ³⁸ **Вознесенский Е. П.** Воспоминания о путешествиях высочайших особ, благополучно царствующего дома Романовых, в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетии. Кострома, 1959. С. 31 — 32.
- ³⁹ См.: Речь на всерадостное и всевожденное прибытие в Киев генваря 29 дня. С. 48 — 49.

⁴⁰ Об этом подробнее см.: **Леонтьева О. Б.** Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начала XX в. Самара, 2011. С. 14.

⁴¹ Речь Ея Императорскому Величеству во время высочайшего присутствия в Академической Богоявленной церкви, сказыванная Академии Киевской ректором Киево-Михайловского монастыря архимандритом Варлаамом 11 апреля 1787 г. // Зеркало света. 1787. № 87.

⁴² См.: Матф. 20:1; 20:4; 21:28; 21:33. Ис. 27:2 ; Библия : Кн. Священ. Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1992.

⁴³ **Булгаков С. В.** Настольная книга для священнослужителей : Сб. сведений, касающихся преимущественно практ. деятельности отечеств. духовенства. М., 1993. Т. 1. С. 929.

⁴⁴ См.: Рескрипт о пожаловании из Кабинета 31 тысячи рублей разным лицам, 15 марта 1787 г. // Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отд. 2 (1721 — 1795). Т. 5 : Царствование Екатерины II (1762 — 1795). Киевский митрополит Самуил Миславский (1783 — 1795). Киев, 1908. С. 204.

⁴⁵ См.: Слово во время высочайшего присутствия Ея Императорского Величества, говоренное в Казанском девичьем монастыре Казанской семинарии ректором Спасо-Казанского Преображенского, что ныне Свяяжского Богородицкого монастыря архимандритом Иеронимом // Духовная церемония... С. 12.

⁴⁶ См.: **Живов В. М., Успенский Б. А.** Указ. соч. С. 303.

⁴⁷ См.: Речь на Всерадостный праздник Святыя Пасхи 28 марта 1787 г. // Речи поздравительные Ея Императорскому Величеству... Л. 50.

⁴⁸ **Терновский Ф. А.** Киево-Софийский протоиерей Иоанн Васильевич Леванда: его биография и неизданные доселе проповеди и письма. Киев, 1879. С. 27.

⁴⁹ Проповедь 14 мая 1780 г. // Описание действия, от стороны Святейшего Правительствующего Синода члена, преосвященного Иннокентия... С. 4.

⁵⁰ Там же. С. 13.

⁵¹ Ода на всевысочайшее прибытие Ея Императорского Величества Екатерины Вторья, императрицы самодержицы Всероссийской из Москвы в Казань Казанской семинарии учителем, что ныне префект, Иван Стефановичем сочиненная и при краткой здесь приложенной речи поднесенная 1767 г. мая 30 дня // Духовная церемония... С. 36.

⁵² См.: **Липаков Е. В.** Очерки истории казанских духовных школ // Семинар. вестн. 2004. № 2 (11). С. 16.

⁵³ См.: По последовавшему из Священного Синода на представление Его Высокопреосвященства указы о напечатании в Лаврской типографии поздравительной Ея Величества оды, а также классических для Киевской академии книг на разных языках, 25 ноября 1786 г. // ЦДИАУ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 228.

⁵⁴ См.: **Добрынин Г.** Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и Витебске. СПб., 1872. С. 263.

⁵⁵ См.: **Храповицкий А. В.** Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 20.

⁵⁶ См.: Слова, речи и письма протоиерея Киево-Софийского собора Иоанна Леванды // Ин-т рукописи Нац. б-ки Украины им. В. И. Вернадского. Ф. 160. Ед. хр. 380. Л. 13 об.

⁵⁷ См.: Об отсылке Высочайшему двору разных книг... проповедей протоиерея Леванды, 1789 г. // ЦДИАУ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 219.

⁵⁸ **Храповицкий А. В.** Памятные записки А. В. Храповицкого... С. 33.

⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 1160. Л. 1.

⁶⁰ См. **Ибнеева Г. В.** Императрица Екатерина II в церемониале высочайшего путешествия // Русь, Россия, Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 470.

Поступила 05.12.2016 г.

УДК 94:533.6074(470.311)

Г. С. Цыганкин

G. S. Tsygankin

**АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ И БЫТОВАЯ СРЕДА
ГОСПОДСКИХ ДОМОВ ЗАВОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ
ЗАМОСКОВНОГО ГОРНОГО ОКРУГА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

**ARCHITECTURAL-SPATIAL AND HOUSEHOLD ENVIRONMENT
OF MANOR HOUSES OF FACTORY SETTLEMENTS
OF THE ZAMOSKOVNY MINING DISTRICT
IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

Ключевые слова: господский дом, заводские поселения, Замосковский горный округ.

В статье на основе значительного архивного материала рассматривается архитектурно-пространственная и бытовая среда господских домов заводских поселений Замосковского горного округа первой половины XIX в.; существенное внимание уделяется выявлению особенностей бытовой культуры заводовладельцев, одни из которых копировали дворянский уклад жизни, другие — сохраняли специфику бытовой культуры купеческого сословия.

Key words: manor house, factory settlements, Zamoskovny mining district.

The architectural-spatial and household environment of manor houses of the Zamoskovny mining district factory settlements in the first half of the 19th century is considered in the article on basis of significant archival material; great attention is paid to the identification of the peculiarities of the everyday culture of the factory owners, some of which copied the noble way of life, while others preserved the specificity of the everyday culture of the merchant class.

Господский дом являлся центральным элементом жилой структуры практически каждого заводского поселения¹. В отличие от других объектов горнозаводского хозяйства, возведенных в связи с необходимостью рациональной организации социальной и производственно-хозяйственной жизнедеятельности населения, в них реализовывались различные архитектурно-художественные задачи².

Большинство господских домов сооружалось в 2, а в некоторых случаях и в 3 этажа. Возводились они на возвышенности, обычно на берегу пруда, с видом на заводские строения. Среди них встречались как каменные, так и деревянные дома. Настоящим шедевром архитектурного зодчества XVIII — XIX вв. из числа господских домов горнозаводских хозяйств являлся дом Баташевых в Гусь-Железном. Первое упоминание о господском доме при Гусевском заводе содержится в описи 1764 г., обнаруженной в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)³. На тот момент дом представлял собой двухэтажное прямоугольное здание, украшенное со стороны парадного двора и паркового фасада портиками из 6 белокаменных колонн тосканского ордена⁴.

Расцвет строительства усадьбы связан с именем Андрея Родионовича Баташева, к которому Гусевский завод отошел в 1783 г. после раздела имения. При нем к основным постройкам добавились два узких, слегка пониженных боковых

флигеля. Постепенно разрастаясь и соединяясь с другими зданиями на территории усадьбы, дом превратился в настоящий конгломерат построек, тесно связанных между собой⁵ (рис. 1).

Согласно плану расположения строений (см. рис. 1), господский двор Гусевского заводского поселения в первой половине XIX в. представлял собой обширную прямоугольную территорию, сильно вытянутую с запада на восток. Главный дом (Т) и хозяйственный двор (S) располагались на западном участке вдоль реки. Всю остальную часть господского двора занимал парк.

Несмотря на отсутствие плана дома, его внутреннюю планировку и убранство можно реконструировать, опираясь на детальную опись, датированную 1838 г.⁶ Ко времени ее составления масштабное строительство Гусевского заводского поселения, которое велось уже наследником Андрея Родионовича — Андреем Андреевичем Баташевым, было завершено. Это обуславливалось финансовыми трудностями и вновь вспыхнувшими судебными разбирательствами по поводу наследства Андрея Родионовича.

На момент составления описи господский дом являлся законченным архитектурным целым и представлял собой кирпичное здание длиной 60 м, шириной 16 и высотой 12 м, на каменном фундаменте с флигелями по обе стороны, крытое белым листовым железом. Все детали фасадного декора здания были вы-

Рис. 1. План расположения построек господского двора при Гусевском заводе в первой половине XIX в.

полнены из кирпича и оштукатурены. Средняя часть главного фасада с парадным входом по центру завершалась невысоким аттиком. Высокие прямоугольные окна обрамляли простые рамочные наличники.

Дом состоял из двух жилых этажей с подвалами на сводах и флигелями. Этажи здания разделялись капитальной продольной стеной приблизительно на две равные части с анфиладным расположением комнат вдоль главного и паркового фасадов. В центральной части дома находился вестибюль с трехмаршевой лестницей, ведущей на второй этаж. При входе западная половина вестибюля перекрывалась высокими сомкнутыми сводами, опиравшимися на 12 массивных столбов с переброшенными между ними арками. Украшенный потолочный карниз дополняли фризы из триглифов и розеток.

На втором этаже располагались находившиеся в общем соединении просторные залы, гостиные, кабинеты, жилые помещения разной величины и вида, всего 17 комнат. В описи отмечено, что некоторые из комнат были «вызолочены, однако позолота от давности вся истерлась, остались только одни признаки, равно и сама внутренняя отделка комнат уничтожилась»⁷.

Второй этаж насчитывал 52 окна с двойными стеклянными рамами с 75 медными шпингалетами, 33 двери створчатых и одинарных на петлях с 12 медными и 18 железными задвижками, с 30 медными и 2 железными замками. Комнаты отапливались 18 голландскими печами с железными затворками и вьюшечным прибором. При 4 печах находились чугунные полукруглые каминные, полы были деревянные, в некоторых комнатах — крашенные.

В обеих половинах первого этажа было 18 жилых комнат, 42 окна с двойными стеклянными рамами с 21 парой медных и 15 — железных шпингалетов, 2 окна с железными решетками, 4 — с железными внутренними затворами; 32 двери створчатых и одиноких на петлях с 12 железными и 4 парами медных шпингалетов и 12 медными и 10 железными замками. Всего в комнатах первого этажа было 10 голландских печей с железными затворами и вьюшечным прибором, а в одной прихожей — русская печь на манер очага с чугунной плитой. Отличительной особенностью первого этажа этого господского дома был чугунный пол, отлитый в цехах Гусевского завода.

С обеих сторон дома находились балконы на каменном фундаменте. Каждый балкон поддерживался 8 чугунными колоннами с железными фигурными решетками по бокам. Под передним балконом был подъезд с чугунными перилами. В парадных сенях по обе стороны стояли 2 каминные с чугунными досками. Между обеими парадными лестницами, ведущими на верхний этаж, находилась кладовая с железными дверями и решетками на трех окнах. Кладовая, парадные сени, 2 передние лестницы, задняя приступка, ведущая в сад, площадки и перила были сделаны из чугуна. В двухэтажных флигелях, находившихся по обе стороны дома, размещались 4 кухни с чугунными очагами, котлами и плитами.

Для гостей отводились 24 комнаты. В них насчитывалось 60 окон с двойными стеклянными рамами. Два из них были оснащены железными решетками с 5 медными и 10 железными шпингалетами. Было 32 двери створчатых и одиноких на петлях с 5 железными и 8 медными шпингалетами и 7 железными замками и 4 двери железных. В одном флигеле находились 3, а в другом — 2 лестницы с чугунными и деревянными порогами, ведущими на верхний этаж. Помещения

отапливались 4 голландскими печами с железными затворками и выюшечным прибором, 9 русскими печами с чугунными досками.

Несмотря на то что Баташевы изначально происходили из купеческого сословия, после получения дворянства они и в бытовых предпочтениях старались соответствовать правившему классу. Так, согласно планировке господского дома, типичной для дворянских усадеб начала XIX в., на первом этаже находились комнаты для прислуги (прихожая, людская, кухня, кладовые), на втором этаже — помещения для господ (гостиная, столовая, спальни). Помещения первого этажа перекрывались сводами, второго — несущими конструкциями по деревянным балкам. Таким образом, композиция фасадов строилась на контрасте нижнего и верхнего этажей.

Бытовую культуру владельца Гусевской усадьбы отражают различные предметы повседневной жизни, сведения о которых сохранились в описи. Так, свидетельством религиозности заводовладельца является наличие 28 святых образов во всех помещениях дома. Среди них — образ с изображением Рождества Христова в золоченой раме, Богородицы с предвечным младенцем, Петра и Павла, распятие, написанное на стекле с фольгой, мученицы Феклы и др. Помимо икон в доме находилось множество картин. По некоторым из них можно судить о политических взглядах владельца, в частности, приверженности к идеям Просвещения (изображения Вольтера на Елисейских полях или портрет Руссо). Часть картин посвящалась античной тематике («Сражение Александра Македонского с царем персидским Дарием», «Нагие нимфы», «Венера с Купидоном», «Юпитер», «Геркулес»). Всего в доме насчитывалось 89 картин⁸.

Отдельного внимания заслуживает личная библиотека А. Р. Баташева, состоявшая из изданий старинных книг (романтических сказок, ежемесячных изданий русских и латинских лечебников, вестников священной истории и житий некоторых угодников, календарей, анекдотов, академических изданий). Среди них были французские и немецкие издания, относившие к горной механике, горному и заводскому делу, а также различные рукописи и партикулярные переписки. Согласно описи, библиотека Баташева, находившаяся долгое время без присмотра, изрядно обветшала и поэтому «не составляла собой той ценности, за которую они были приобретены, разве кому-либо из любителей сей старины еще сберегаются прежнего времени разные чертежи, планы и другие рисунки, Санкт-Петербургские ведомости с 1771 до 1812 года, конторские ведомости о действии завода тех же времен, указы и предписания Гусевской конторы, в том числе о приготовлении артиллерийских снарядов и прочее. Все эти бумаги большей частью попорчены мышами, изорваны»⁹.

Не менее роскошным являлся господский дом при Выксунском заводском поселении, которым владел брат Андрея Родионовича — Иван Родионович Баташев. Как по внешнему виду, так и по внутреннему строению и оформлению, здание относилось к сооружениям так называемого дворцового стиля архитектуры¹⁰. Занимая центральное место во всем комплексе жилых и производственных построек Выксы, дом являлся главной резиденцией владельцев заводов.

Впервые о строительстве господского дома в Выксе упомянуто в отчете приказчика Михаила Родионова за 1765 г. Речь шла о строительстве дома с 10 комнатами для приезда хозяев и проживания приказчиков с пристроенными домовыми строениями. Судя по всему, первоначально и контора, и дом заводчиков были деревянными.

Пожар, случившийся в Выксе в 1767 г., практически полностью уничтожил усадебно-промышленный комплекс на берегу Верхневыксунского пруда. Академик И. И. Лепехин, посетивший Выксу 25 — 26 июля 1768 г., в своих путевых заметках писал: «...заводы незадолго до нашего приезда выгорели. И так никакой на них работы больше не производилось...»¹¹. Как справедливо отметил нижегородский исследователь деятельности Баташевых А. Г. Киселев, занимавшийся историей баташевского комплекса, «пожар пошел много к украшению»¹² молодой Выксе (по аналогии с московскими пожарами). Именно после уничтожения огнем первоначальных деревянных строений перед заводчиками встал вопрос о каменном строительстве.

Тем не менее в записках П. Палласа, обследовавшего окрестности Выксы по поручению Российской академии наук в августе 1768 г. (т. е. немногим позднее посещения И. И. Лепехина), отмечено то, что после пожара каменной решили сделать только контору, и ничего не сказано про дом Баташевых: «...Ныне трудились там восстановить строение в прошлом году от молнии сгоревшего. Высокая обжигальная печь сделана двойная, а плавильню и конторский дом строят ныне каменной. Еще есть две ковальные печи, а мехами и молотом действует приведенная вода из речки Выксы...»¹³.

Точной даты возведения каменной усадьбы Баташевых в Выксе нет, однако традиционно принято считать, что дом-дворец строился в конце 60-х гг. XVIII в.¹⁴ Первоначально дом был построен двухэтажным, но после раздела заводов братьями в 1783 г. Иван Родионович пристроил для себя мезонин из 7 комнат, а потом увеличил его и расширил во весь дом. Этот факт зафиксирован в «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию»: «...при вышеописанном же заводе состоит церковь каменная во имя Рождества Христова с пределом Николая Чудотворца и Иоанна Богослова. Дом господской, каменной, о трех этажах, крытой железом. Регулярный сад с плодовитыми деревьями, овощи с оного употребляются для домашнего господского обиходу. И зверинец, в коем содержатся олени и дикие козы, и в оном состоит для означенных зверей пруд...»¹⁵. Е. А. Салиас в своем романе «Владимирские Мономахи», изданном впервые в 1898 г., отмечал следующее: «В доме было 40 комнат, во втором этаже — все парадные комнаты: три гостиных, китайская комната и итальянская, или портретная. Здесь на главном месте висел портрет Ивана Родионовича, написанный маслом. В стороне от гостиных, окнами в сад были комнаты троюродной внучки барина... На небольшую террасу с маленькой подъемной лестницей в сад в правом крыле были комнаты молодого барина — сына Баташева — Ивана Ивановича с особой террасой и особым подъездом с улицы. В левом крыле передняя часть строения принадлежала маленькой, как ее называли, барышне, внучке Ивана Родионовича — Дарье Ивановне, жившей со своей няней. В задней части крыла, но без сообщения, жили близкие родственники Баташева»¹⁶.

Более детально внешний вид и внутреннее строение дома представлено в рис. 2 — 3¹⁷. Судя по планам, датированным 1820 — 30 гг., господский дом Выксунского завода представлял собой огромное трехэтажное здание с большим количеством комнат разного функционального назначения. Так, на нижнем этаже (см. рис. 2), находились преимущественно комнаты для хозяйственных нужд:

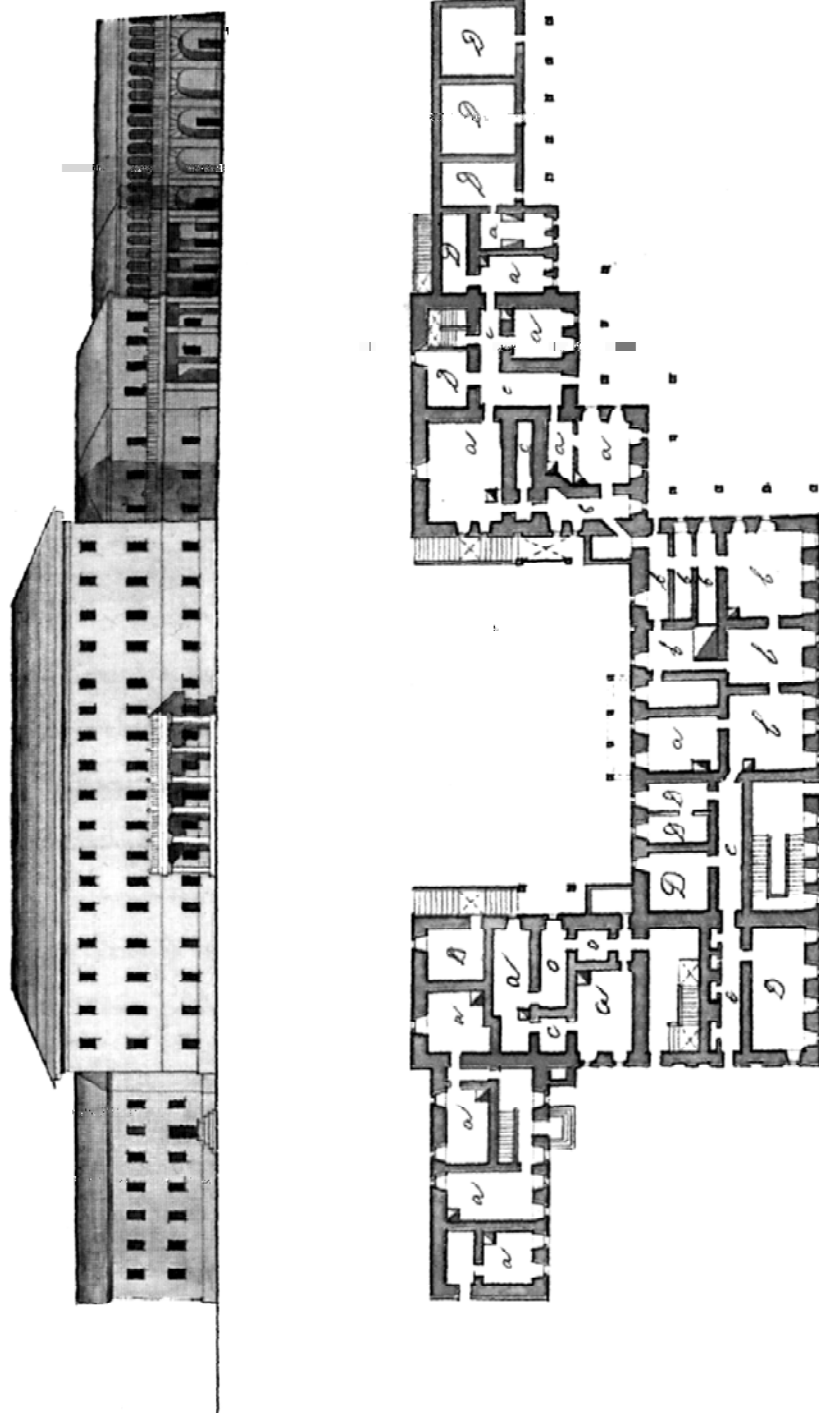

Рис. 2. Фасад и план господского дома Верхневьюкунского заводского поселения

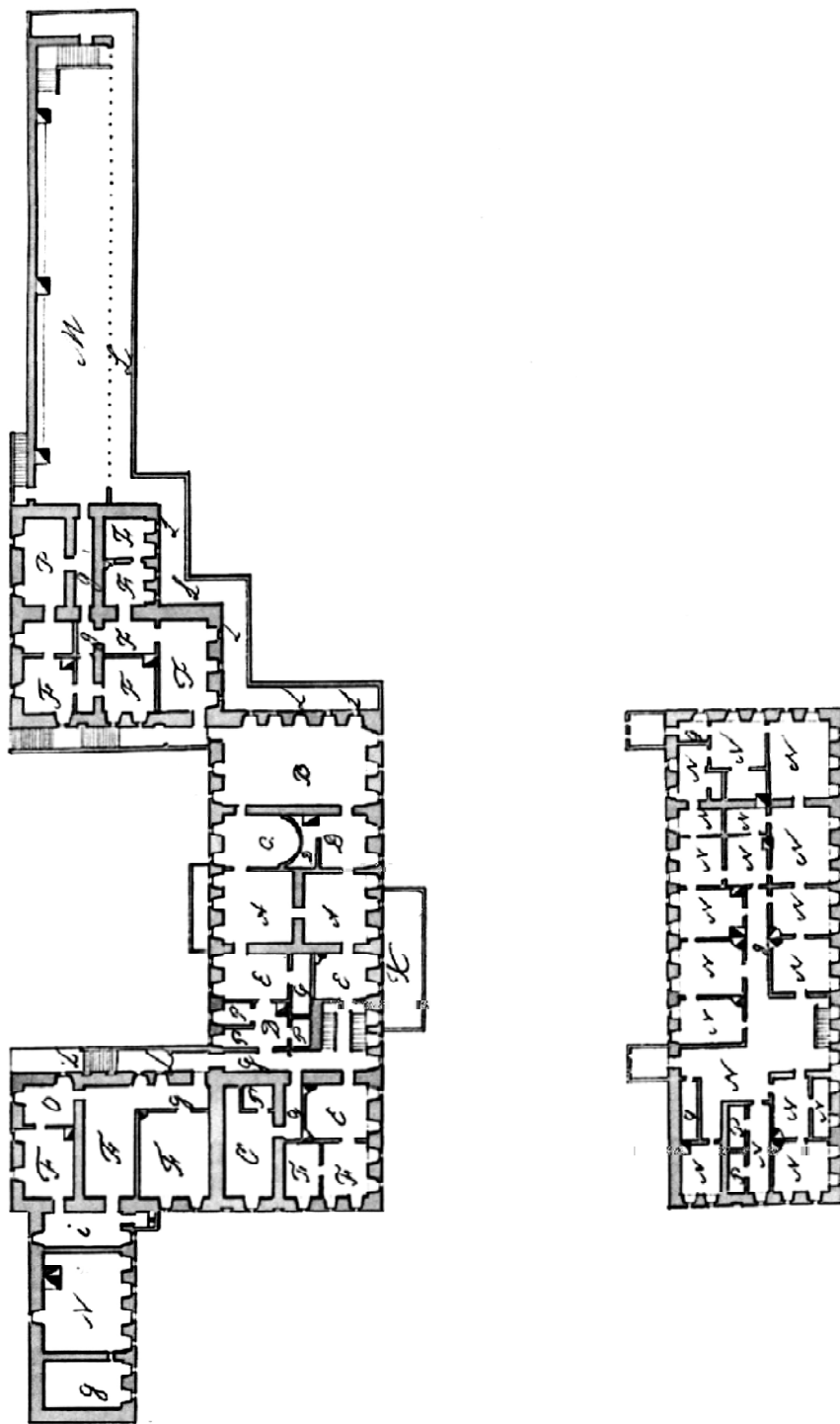

Рис. 3. Бельэтаж господского дома Верхневыкунского заводского поселения

кухня (в) людские (а), чуланы (с), кладовые (Д) и др. В бельэтаже (см. рис. 3) размещались спальни (Д), гостиные (Е), баня (Н), лакейские (О). Здесь же находились комнаты, образовывавшие своего рода культурно-развлекательный центр дома: бильярдная (В), галерея (L), оранжерея (М) и др. При этом последняя, согласно рис. 3, размещалась на втором этаже и была включена в архитектурную композицию дома. Реализация достаточно смелого для того времени архитектурного замысла технически являлась очень сложной и требовала значительных материальных и физических затрат. Для крупных заводских хозяйств Замосковского горного округа оранжереи не были редкостью, однако они размещались либо в отдельных зданиях, либо примыкали непосредственно к дому, но устраивать их на втором этаже практически никто из заводовладельцев не решался. Во всяком случае, в рамках горнозаводских хозяйств центра России аналогичных примеров больше не прослеживалось.

На третьем этаже располагалась личная канцелярия И. Р. Баташева. Для первой половины XIX в. обустройства в господских домах личного кабинета хозяина было достаточно распространенным явлением. Кабинет выступал своеобразным атрибутом владельца, относился к непарадным, «приватным» помещениям. В нем, как правило, принимали наиболее близких друзей. Обстановка личного кабинета характеризовала вкусы и пристрастия хозяина.

В 1821 г. после смерти владельца заводов И. Р. Баташева в доме жила семья Д. Д. Шепелева, который после смерти жены Дарьи Ивановны и тестя фактически являлся владельцем выксунских заводов. При нем Выкса сделалась средоточием веселой и праздной жизни высшего общества нескольких губерний. Господский дом утопал в роскоши. Так, на втором этаже было устроено несколько парадных залов, предназначенных для приема гостей, организации торжеств, юбилеев и пр.

В условиях постоянных празднеств особое положение занимала огромная столовая. Она заполнялась 3 — 4 раза в день, причем за стол садилось всегда несколько десятков человек, иногда их число достигало 50 (в будние дни), а в праздничные еще больше. Зал украшали пальмы в кадках, скульптурные портреты знаменитых людей. Обед состоял из множества разнообразных блюд. Обязательным атрибутом сервировки являлась столовая посуда: (серебряная, золоченая, фарфоровая, бронзовая, стеклянная) и столовые приборы (ножи, вилки, ложки столовые, десертные, чайные из серебра и т. д.). Весь объем работ по устройству и обслуживанию данных увеселений лежал на плечах дворовых обитателей. Сотни крепостных-дворовых мыли полы и натирали паркет, готовили еду, накрывали и убирали стол, стирали, шили и гладили белье, одежду, ухаживали за садом, скотным двором и псарней, конюшней и огородом.

Оба вышеописанных господских дома, являясь местом постоянного проживания заводовладельцев с семьями, одновременно представляли собой центры крупных хозяйственных образований, состоявших из нескольких заводов. Основная функция таких господских домов заключалась в общественном предназначении, демонстрации престижа. Дело в том, что предприниматели, как правило, не имевшие дворянского происхождения, стремились всеми способами получить дворянский титул. Впоследствии они практически уподоблялись помещикам, воссоздавая в своих владениях дворянскую культурную среду.

Господские дома, относившиеся к периферийным в единой структуре горно-заводского имения, не были столь роскошными в сравнении с центральными резиденциями. Нередко они отдавались для проживания управляющего. Так, господский дом Верхнеунженского завода, занимавшийся приказчиком, представлял собой «дом деревянный на каменном фундаменте, крыт тесом, с двумя крыльцами передним и задним с навесами. Дом длиной 16 метров, шириной 6 и вышиной 4 метра, в нем по бокам 2 комнаты с перегородками, а в середине теплые сени со стеклянными снаружи дверьми на железных петлях с замком, а в мезонине одна комната с итальянским окном. В доме 3 голландских печи со всеми принадлежностями, 6 разных дверей на железных петлях, 14 окон со стеклянными рамами и деревянными ставнями. При доме кухня с сенями, крытая тесом длиной 14 метров, шириной 6 и вышиной 3 метра. В ней печь русская с принадлежностями, 5 окон в стеклянных рамах, дверь на железных петлях. Так же при доме погреб с погребицей с перегородкой внутри»¹⁸.

Иногда на периферийных заводских усадьбах строили 2 господских дома: один предназначался для приказчика, а другой пустовал на случай приезда на завод хозяина. Примером служит усадьба Унженского завода. Так, дом приказчика был деревянный, с мезонином, крытый тесом, длиной 18 м и шириной 10 м. Рядом находился деревянный флигель, крытый тесом, с 6 комнатами. К дому были пристроены баня, кухня, прачечная, скотная, конюшня с 6 стойлами, экипажный сарай. Второй господский дом, предназначенный на случай приезда хозяина, был деревянным, крытый листовым железом, длиной 36 м, шириной 10 м с 12 комнатами. При доме находился деревянный флигель в 12 квадратных аршин, крытый тесом¹⁹.

На фоне домов-дворцов крупных дворян-заводовладельцев дома купцов-промышленников смотрелись значительно скромнее. Если Баташевы, происходившие из рода тульских купцов, уже к началу XIX в. получили дворянские звания и полностью придерживались дворянской бытовой культуры, то большинство заводовладельцев Замосковского горного округа принадлежало к купеческому сословию и их бытовая культура соответствовала купеческой. В качестве примера рассмотрим господский дом при Рябкинском чугуноплавильном заводе, в Краснослободском уезде Пензенской губернии (сегодня — территория Республики Мордовия). В начале XIX в. заводом управляли дочь Ивана Милякова Мария с мужем — московским купцом 1-й гильдии коммерции советником А. Шапкиным²⁰.

Каменный двухэтажный дом длиной 20 м и шириной 8 м находился практически на самом торце плотины, в некотором отдалении от промышленной зоны и значительно выделялся на фоне деревянных одноэтажных домов мастеровых.

Согласно плану господского дома Рябкинского завода первой половины XIX в. (рис. 4) и архивным источникам²¹, часть нижнего этажа занимала заводская контора (А), разделенная тремя деревянными перегородками. Красный прямоугольник на плане, расположенный в одной из конторских комнат, обозначает каменную печь с очагом на чугунных столбах-поперечниках и двумя вьюшками. В каждом отделении стояли письменный стол и шкаф. В одной из комнат находился массивный сосновый сундук, окованный листовым железом с одним внутренним и двумя внешними замками для хранения заводских дел и денег. Содержимое сундука включало проект горного положения в двух томах, заводскую железную печать и железное клеймо с литерами²².

В конторе также находился медный колокол на столбах, который сигнализировал начало и окончание рабочего дня. Остальную часть первого этажа занимали сени (В) и кладовые помещения (Д). Сени были проходными, с двумя дверями, из сеней на верхний этаж вели две лестницы: одна — парадная, с искусно выполненными перилами столярной работы, другая, с заднего крыльца, — круглая,

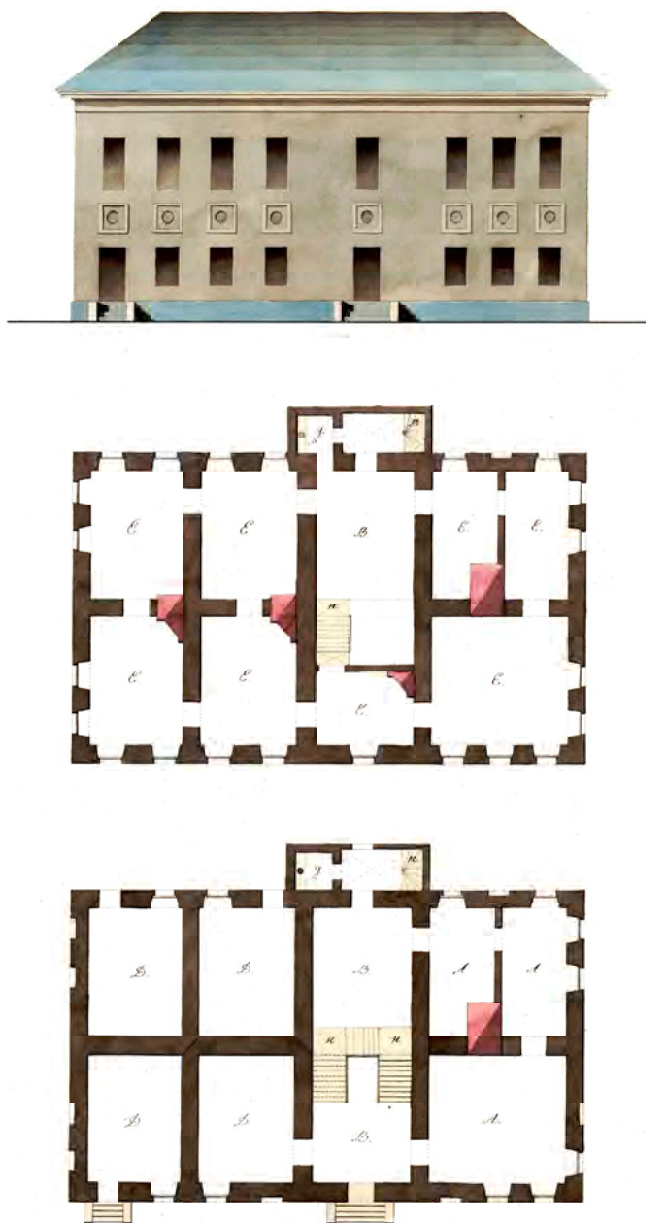

Рис. 4. Фасад и план господского дома при Рябкинском заводе

дубовая. На втором этаже было 10 комнат, отапливаемых четырьмя изразцовыми голландскими печами с железными заслонками и медными отдушниками.

Если нижний этаж служил исключительно утилитарным функциям, то верхний был исключительно жилым. На это указывает большое количество жилых комнат (Е) и всевозможной мебели: столов, стульев, кроватей, различного рода шкафов, комодов, люстр и т. д. В одной из комнат стояла «двуспальная перина с наволокою» — эти и другие предметы отражали повседневную жизнь купца-заводовладельца и его семейства²³.

К дому был пристроен деревянный флигель на каменном фундаменте (рис. 5) длиной 19 м, шириной 10 м с семью комнатами²⁴. Отапливался он двумя кирпичными голландскими печами с чугунными заслонками и железными отдушниками. При флигеле находились трое сеней с полами и потолками. К флигелю через сени под одну связь была пристроена изба из липового леса, крытая тесом. Рядом располагалась кухня из липового леса длиной и шириной по 6 м. Для приготовления пищи использовалась кирпичная печь с очагом и чугунной доской, тремя конфорками, фигурной заслонкой из чугуна. Для хранения продуктов «был устроен специальный погреб и ледник под одну связь»²⁵.

Дом окружали различные хозяйственные постройки, из них 3 амбара и сарай для хранения различных вещей, баня, конюшня с каретным сараем, несколько жилых домов для конюхов. Позади господского дома находился сад, разделенный на 8 аллей с дорожками, по сторонам которых росли березовые, липовые и

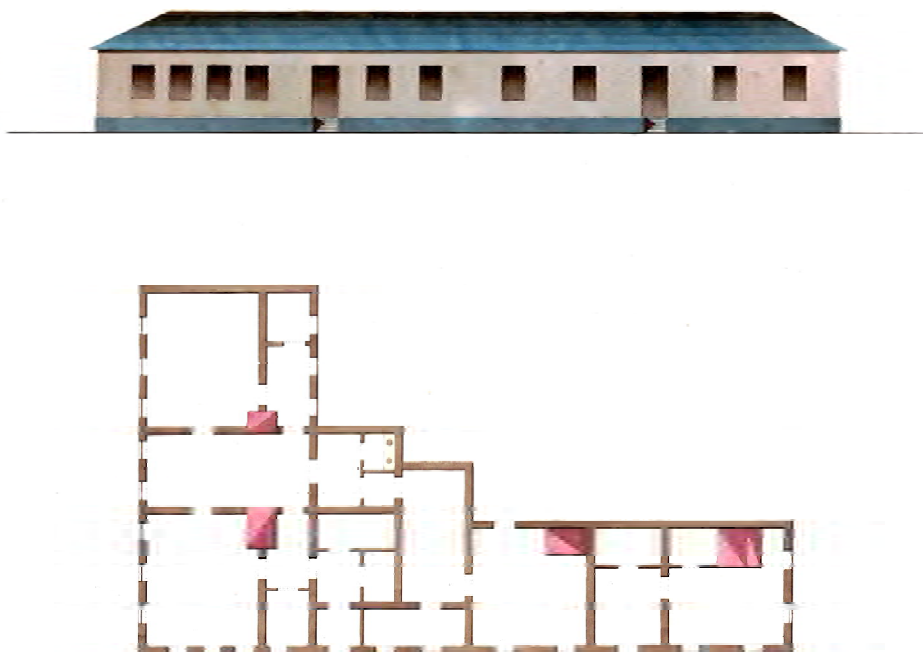

Рис. 5. Фасад и план флигеля при господском доме Рябкинского завода

рябиновые деревья, крыжовник и смородина, лесные и садовые яблони и вишни. Сад на случай пожара был огорожен с трех сторон плетнем длиной и шириной приблизительно по 80 м²⁶.

Купеческие дома отличало наличие в них парадной части с обязательной гостиной. Парадных комнат могло быть несколько, на случай устройства светских приемов и балов. В рассматриваемый период в большинстве купеческих домов парадные комнаты оформлялись богато, даже роскошно, но не всегда со вкусом. Роспись на потолках изображала райских птиц, сирен, купидонов. Из мебели обязательными были диваны и диванчики нескольких разновидностей, обитые неяркой синей, бордовой, коричневой и другой тканью. Парадные комнаты хозяева украшали своими портретами и портретами предков, в стеклянных шкафах стояли красивые и дорогие безделушки.

По сравнению с господским домом Рябкинского завода дом при Виндреевском заводе (рис. 6) был несколько беднее²⁷. В начале XIX в., когда владелицей завода являлась жена купца 1-й гильдии Н. Ф. Очкина Пелагея, дом представлял собой каменное, двухэтажное, крытое тесом строение длиной 18 и шириной 12 м, оштукатуренное снаружи и внутри. Планировка дома при Виндреевском заводе во многом была сходной с господским домом при Рябкинском заводе. Так, нижний этаж занимали 12 комнат, служившие в качестве кладовых, «в них окон подъемных с рамами и стеклами 27, дверей створчатых на железных петлях семь, при них 4 медных коробчатых замка, дверей однополовинчатых филенчатых 6, простых 4»²⁸. Нижний этаж отапливали 1 голландская, 5 русских и 1 чугунная печь. На верхнем этаже было 14 жилых комнат, «в них окон со стеклянными рамами 29, створчатых дверей, навешенных на железные петли 5, при них коробчатых замков железных 7, задвижек дверных три пары»²⁹. Верхний этаж отапливался 3 голландскими и 1 русской печью. В сенях было 2 чулана, «в них дверей две навешенных на железные петли»³⁰. Из сеней вели 2 лестницы: одна на верхний этаж и другая на чердак. Верхний этаж украшал балкон, стоявший на двух каменных столбах, с тремя железными связями, балюстрадой с деревянными поручнями, сосновым полом. К каждому этажу дома вело крыльцо, крытое тесом. Под деревянной пристройкой находились 2 подвала. К дому была пристроена деревянная связь на каменном фундаменте длиной 10 и шириной 12 м³¹.

Таким образом, из вышесказанного следует, что быт купцов-промышленников был значительно скромнее по сравнению с дворянским. Однако в этих домах, не отличавшихся большим изыском, находилось все необходимое для комфортного существования. Подобный контраст обуславливался, прежде всего, тем, что купцы-заводовладельцы являлись менее богатыми, чем дворяне. Статус дворянина не оставлял выбора в модели бытового поведения, требуя соответствия сословной принадлежности к элите российского общества. Целью жизни становилось достижение уровня так называемого праздного потребления, которое должно было обеспечить почетное место в обществе. Отсюда — внешняя показная роскошь.

Господские дома выделялись из общей структуры горнозаводских имений наибольшими архитектурно-стилистическими изысками и были особенно роскошными в том случае, если заводоладелец являлся дворянином и постоянно про-

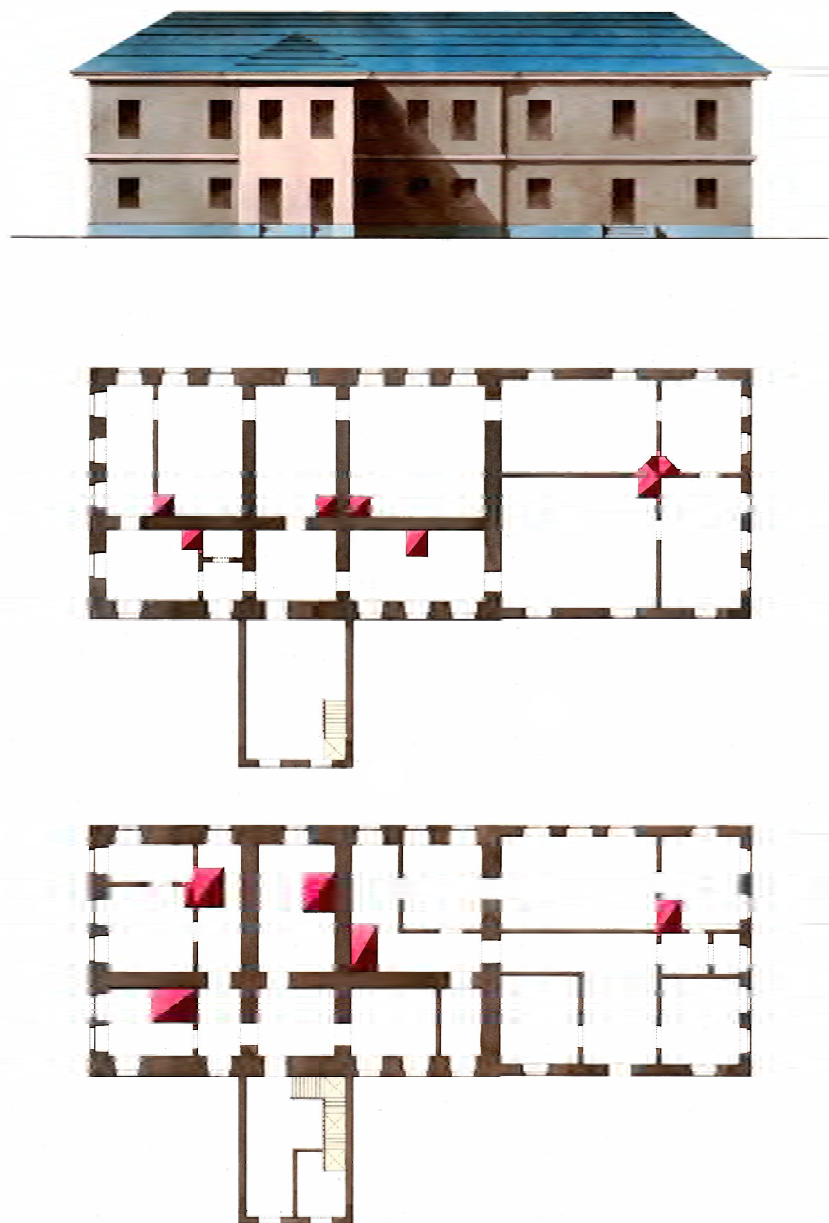

Рис. 6. Фасад и план господского дома при Виндреевском заводе

живал в заводском поселении. В этом качестве они отражают бытовую культуру, сложившуюся в конце XVIII — начале XIX в. среде владельцев металлургических предприятий Замосковского горного округа.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Цыганкин Г. С.** Основные структурообразующие элементы заводской усадьбы Замосковского горного округа конца XVIII – первой половины XIX в. // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1 (29). С. 32 — 45.
- ² См.: **Арсентьев Н. М., Дубодел А. М.** Архитектурно-производственный облик промышленных центров первой половины XIX века : (По планам и чертежам Замосковского горного округа) // Саранск: история и образ города-провинциала : материалы III Воронин. науч. чтений. Саранск, 2005. С. 201.
- ³ РГАДА. Ф. 271. Оп 1. Д. 1230. Л. 11 — 16.
- ⁴ См.: **Колесникова В. И.** Усадьба промышленников Баташевых : Гусь-Железный // Собрание. 2005. № 3. С. 90.
- ⁵ См.: **Металлургическая промышленность России первой половины XIX в. : сб. док. и материалов.** Саранск, 2006. С. 326 — 327.
- ⁶ Центр хранения документов до 1917 г. Ф. 2199. Оп 1. Т. 1. Д. 273. Л. 80 — 85. (Далее — ЦХД до 1917 г.)
- ⁷ Там же. Л. 85.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Л. 86.
- ¹⁰ **Давыдов А. И., Давыдова А. А.** Главный дом усадьбы Баташевых в городе Выксе Нижегородской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru> (дата обращения: 06.05.2016).
- ¹¹ См.: **Лепехин И. И.** Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1795. Ч. 1. С. 50.
- ¹² См.: **Киселев А. Г.** Клуб путешественников // Железная роза. 2003. 31 янв. С. 4.
- ¹³ **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1770. Ч. 1. С. 61.
- ¹⁴ **Давыдов А. И., Давыдова А. А.** Указ. соч.
- ¹⁵ ЦАНО. Ф. 829. Оп. 676Б. Д. 1А. Л. 9 — 9 об.
- ¹⁶ См.: **Салиас Е. А.** Владимирские Мономахи. Н. Новгород, 1996. С. 166.
- ¹⁷ См.: **Металлургическая промышленность России...** С. 310 — 311.
- ¹⁸ ЦХД до 1917. Ф. 2199. Оп. 1. Т. 1. Д. 273. Л. 153.
- ¹⁹ Там же. Д. 291. Л. 157.
- ²⁰ См.: **Арсентьев В. М.** Промышленное развитие Мордовии в первой половине XIX в. Саранск, 2001. С. 180.
- ²¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Д. 174. Л. 2.
- ²² ЦХД до 1917. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 168.
- ²³ Там же. Л. 534 — 535.
- ²⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Д. 174. Л. 4.
- ²⁵ ЦХД до 1917. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 168. Л. 536 — 537.
- ²⁶ Там же. Л. 537 — 538.
- ²⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 63. Д. 154. Л. 9.
- ²⁸ ЦХД до 1917. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 166. Л. 138 — 139.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.

Поступила 07.04.2016 г.

УДК 94(470.4)«18»(045)

Н. А. Милешина, А. П. Чернышов
N. A. Mileshina, A. P. Chernyshov

**ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ
СОСЛОВНОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ДВОРЯНСТВА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ
(По материалам средневожских губерний России)**

**UPBRINGING AND EDUCATION AS THE FUNDAMENTALS
OF FORMATION OF THE SYSTEM OF CLASS VALUES OF
THE NOBILITY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY
(Based on the materials of the Middle Volga governorates of Russia)**

Ключевые слова: воспитание, образование, дворянство, система сословных ценностей, самодержавие, средневожские губернии.

В статье на основе широкого спектра разноплановых источников анализируются особенности дворянского воспитания и образования в первой половине XIX столетия. Особое внимание уделяется специфике обозначенных процессов в столице и провинции (на примере средневожских губерний), влиянию на них внутрисословной иерархии и политики самодержавия, формированию системы ценностей сословия как основному результату дворянского воспитания и образования.

Key words: upbringing, education, nobility, the system of class values, autocracy, the Middle Volga provinces.

The features of noble upbringing and education in the first half of the XIX century are analyzed in the article on basis of a wide range of diverse sources. Particular attention is paid to the specifics of the processes under consideration in the capital and the provinces (on the example of the Middle Volga governorates), as well as to the influence of the intra-class hierarchy and autocracy policy on them and to the formation of the value system of the class as the main result of noble upbringing and education.

Система дворянского воспитания, ориентированная на формирование таких вечных ценностей, как честь, достоинство, искренность, порядочность, сострадателность, справедливость, верность слову и христианские заповеди, сформировалась еще в XVIII столетии, оставаясь востребованной и актуальной по сей день. Кадетские корпуса, возникшие в России еще при Анне Иоанновне в 1731 г., развили и упорядочили приоритетные принципы в воспитании служилого сословия, складывавшиеся на протяжении столетий. Параллельно с этим благодаря реформам Петра Великого, Петра III и Екатерины II завершился процесс формирования дворянской корпорации, «благородные» получили свободу от обязательной службы, укрепились и расширились сословные привилегии. В общественное сознание окончательно был внедрен тезис об исключительности, особом статусе дворянства как высшего сословия и опоры самодержавия¹. В этих условиях дворянское воспитание стало не только основой формирования сословного самосознания, но и важнейшим фактором идеологического воздействия на систему ценностей дворянства, его восприятие власти, поведенческие стереотипы.

В первой половине XIX в. главные цели дворянского воспитания не претерпели существенных изменений по сравнению с екатерининской эпохой — как аристократы, так и рядовые дворяне считали своим долгом воспитывать своих детей так, чтобы впоследствии их можно было бы назвать добродетельными. Ценности, на которых базировалось дворянское воспитание, в основном совпадали как в аристократических и даже императорских, так и в рядовых дворянских семьях. При этом тон задавала именно императорская семья. На ее воспитательные традиции ориентировались аристократия, высший свет, провинция. Так, в письме П. П. Коновницына к великим князьям Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу прослеживаются рекомендации, аналогичные «родительским наказам» в обычных дворянских семьях: «Чтобы непрестанно занимать, питать разум... возьмите на себя хотя бы один час в день занять разум какой-либо наукой или познанием... Чтобы непрестанно питать сердце, отвержайте в нем пламенное сострадание к бедным, несчастным, угнетенным... Убегайте льстецов... Не будьте высокомерны... Умеряйте честолюбивыя желания»². Подобные ценности внушались и детям провинциальных, в частности, симбирских, нижегородских и пензенских дворян: «Помни, сын мой, всю свою жизнь о заповедях Божьих и относись к ближним своим с бескорыстною и бесконечною любовью»³.

В воспитании детей по-прежнему большую роль играла мать, которая, как правило, в первую очередь, прививала детям христианские ценности. В этом отношении не существовало различий между столичной и провинциальной средой. Так, Е. Л. Камаровская, выросшая в Петербурге, отмечала: «Мать и словом, и примером внедряла нам, детям, любовь к ближнему. Она часто говорила мне: „Пусть не пройдет ни одного дня, чтобы ты кому-нибудь не услужила. Не жди великих дел, героем сделаться нетрудно. Служи людям постоянно и в мелочах. Идешь, например, по улице, видишь: старушке трудно перейти дорогу — помоги ей“»⁴. Подобные материнские наказания содержатся также в документах средневожских дворян. В частности, Л. Марченкова в письме к дяде, нижегородскому помещику В. С. Шереметеву, в 1824 г. писала: «Матушка моя с огромною любовью меня воспитывала, но завещала жить по заповедям Божьим»⁵.

Казалось бы, даже анализ базовых ценностей дворянского воспитания позволяет оценить его достаточно высоко. В этой связи возникает вопрос, почему же А. С. Пушкин называл его «самым безнравственным»⁶? Объяснялось это, прежде всего, тем, что значительную роль в воспитании дворянских детей по-прежнему играли иностранные наставники. Общеизвестно, что иностранное наставничество законодательно поддерживалось самодержавием. Несмотря на традиционную боязнь «революционной заразы», императоры доверяли иностранцам своих наследников. Показателен в этом отношении пример Александра I, на которого существенное влияние оказал его воспитатель швейцарец-республиканец Ф. Лагарп. Провинциалы, следуя за высшей аристократией, воспитывали «на иностранный лад», а воспитание в духе России, ее исконных традиций нередко считалось даже недостойным дворянина. Н. Ф. Дубровин так характеризовал последствия подобного воспитания: «Как пчелы налетают на дерево, так эмигранты набегали на Россию, водворили тысячи дотоле неизвестных нами предрасудков, разврата, бездельничества... От них мы приняли все пороки, заблуждения, чванились сходством с ними и отвергли веру в Бога»⁷.

Однако в провинции дворяне все с большим опасением доверяли своих детей воспитателям-французам. В частности, нижегородский помещик В. П. Шереметев, выезжая из своего имения, требовал от воспитательницы его детей француженки Виржинии подробного отчета, что подтверждает их переписка⁸. О том, что процесс воспитания в доме Шереметевых не мог быть высокоэффективным, свидетельствует одновременное выполнение Виржинией обязанностей домоуправительницы. Отсюда — постоянное недовольство Шереметева воспитателями своих детей и частая их сменяемость.

Преобладание иностранцев среди гувернеров стало острой проблемой уже в первые десятилетия XIX в., что постепенно осознавалось самодержавием. Об этом, в частности, свидетельствует повышенный интерес императорской фамилии к этому вопросу. Так, вице-адмирал А. С. Шишков писал императрице Марии Федоровне в мае 1816 г. следующее: «По воле Вашего императорского Величества я был на экзамене девиц, приготавливаемых для воспитания детей. Ячитаю заведение сие самым полезнейшим... Что может быть хуже как недостаток в воспитании детей? Однако еще хуже заменять оный иностранными воспитателями. Намерение Вашего Величества приуготовить собственных дядек и нянек есть самое нужнейшее и благотворительнейшее для России»⁹.

Современники видели и другие проблемы в дворянском воспитании. В его основе лежало стремление научить юного «благородного» вести себя с достоинством, а что подразумевалось под этим — «никто не объяснял». Детям внушали неуступчивость, «отчего молодежь ставит себе долгом и обязанностью ничего не извинять»¹⁰. Это привело к распространению дуэлей. Итогом такого воспитания стали потеря идеалов, разочарование в жизни, путаница в понятиях, ощущение пустоты, которые повсеместно распространялись среди дворян к первой четверти XIX в.

Что касается образования, то большая часть дворянства традиционно начинала его с домашних уроков. Формы и уровень домашнего образования были самыми разнообразными. Среди гувернеров по-прежнему предпочтение отдавалось французам и немцам, иногда англичанам. Однако к услугам нескольких гувернеров-иностранцев прибегали, преимущественно, столичные аристократы. Так, С. Д. Шереметев сообщал об одной столичной аристократке следующее: «Она хорошо и усердно училась. Из рук своей няни англичанки она перешла к француженке. Заменяла их немка...»¹¹. Требования родителей-дворян к гувернерам еще более возросли. Так, нижегородский помещик В. С. Шереметев очень тщательно подбирал гувернера для своих детей, о чем свидетельствует полное обиды «письмо француза-гувернера В. С. Шереметеву по поводу отказа ему от места» от 16 мая 1813 г.¹² Из письма следует, что француз не смог занять место гувернера в семье Шереметевых по причине «недостатка знаний» и «достойных рекомендаций»¹³.

К середине XIX столетия некоторые дворяне стали нанимать для обучения своих детей русских студентов. Однако, в силу слабой распространенности высшего образования в провинции, подобная практика была типичной, преимущественно для столиц. Так, Е. Л. Камаровская свидетельствовала: «Наш первый преподаватель — Сергей Петрович Поляков, студент-медик, сын известного учителя математики, преподавал арифметику, а брату вначале и латынь»¹⁴.

По-прежнему обязательным для дворян являлось изучение иностранных языков, причем уже не только французского и немецкого, как ранее, но и нередко английского. Однако приоритетным оставался французский язык, поскольку он был необходим на светских приемах и являлся показателем принадлежности человека к высшим кругам¹⁵. Как известно, французский язык был также распространен в провинциальной дворянской среде, причем и в отдаленных от столицы губерниях, например в Пензенской. Так, среди 75 приглашений на различные увеселительные мероприятия, обнаруженных нами в фонде нижегородских дворян Шереметевых, только одно оказалось написанным на русском языке¹⁶. Аналогичная ситуация прослеживается и в материалах Центрального архива Ульяновской области, где в личных фондах состоятельных дворян пригласительные билеты на русском языке вообще отсутствуют¹⁷. Соответственно, даже в наиболее удаленной от столицы Симбирской губернии в дворянском обществе был распространен французский язык. С. Д. Шереметев дал этому следующее объяснение: «Собственно говоря, французский язык был как бы официальным в этом кружке, язык международный... Только изредка хозяин отводил душу по-русски с кем-нибудь из гостей. Не то было неприятно, что говорили на французском языке, а осознание обществом... полной невозможности русского разговора»¹⁸.

Отношение дворянства к французскому языку как способу акцентирования внимания на исключительности высшего сословия отчетливо проявляется в эпизоде, описанном воспитанницей Патриотического института П. К. Яковлевой: «Приходящем до нас громе орудий мы, институтки, страшно перепугались... Начальница института госпожа Вистенгаузен стала говорить нам: „Это Господь Бог наказывает вас, девицы, за ваши грехи: самый главный и самый тяжкий грех Ваш тот, что вы редко говорите по-французски и, точно кухарки, болтаете по-русски!“»¹⁹. Склонность дворян к «иноземщине» с горечью прослеживали авторы многих мемуаров. Так, С. Д. Шереметев, характеризуя столичное дворянское общество, отмечал: «Князь Гагарин еле говорил по-русски и имел вид французского эмигранта»²⁰. Он с ностальгией вспоминал славный «екатерининский век», когда подражание европейским традициям еще не было так распространено: «Сквозь эту иноземщину проглядывало что-то из другого мира: остатки ли это времени графа Кушелева, коренного русака, или пробивались собственные добрые семейные предания, но графиня была искренняя христианка и притом строго православная... Даже в самом Модесте Андреевиче было много русского, начиная с господства русского языка, что было очень отрадно»²¹.

В первой половине XIX в. домашнее образование дворян стало более разносторонним в сравнении с предыдущим столетием. Стандартный домашний урок включал уже не только занятия иностранными и русским языками, математикой, рисованием, час игры на фортепьяно, но и изучение физики, тригонометрии, аналитики. Содержание учебной программы зависело от материальных возможностей и общественного статуса дворян-родителей. Стоимость домашнего обучения возрастала. Многие исследователи связывают это со следующим фактором: после Отечественной войны 1812 г. увеличилось число французско-учителей, конкуренция среди которых повлекла за собой рост стоимости обучения.

Дети аристократов нередко получали первое, домашнее образование за границей: «Княжна Гагарина была воспитана за границей или довершила там свое

образование. Это нежное, молодое растение было внезапно пересажено с дальней, чуждой почвы на московскую почву, в другой климат, под условия совершенно новья...»²². В отдельных случаях за границей обучались и дети состоятельных провинциальных дворян. Так, в домашнем архиве симбирских дворян Уфимцевых обнаружены дипломы об окончании Штутгартской военной высшей школы, выданные сыновьям А. А. Уфимцева²³. В зарубежных университетах русские студенты обучались редко. Так, нижегородский дворянин П. Д. Боборыкин, характеризуя состав французского студенчества, отмечал: «Русских почти что мы не видали — по крайней мере настоящих студентов. Все русские, которые ютились в Латинском квартале, были тогда наперечет»²⁴. Мелкопоместные дворяне иногда получали только самые элементарные знания. Обязательным атрибутом дворянского образования являлось обучение музыке: «Мальчиков, воспитывавшихся в достаточных и богатых домах, часто приохочивали к фортепьяно, а девочек учили уже непременно, и в институтах они проходили довольно строгую „муштру“»²⁵.

Важную роль в формировании нового отношения дворян к образованию сыграла в том числе политика самодержавия в этой сфере в первой половине XIX в., в частности, последовательный курс правительства на расширение системы образовательных учреждений, вызванный потребностью страны в квалифицированных кадрах. В этот период возникли и привилегированные средние учебные заведения гуманитарного направления — лицеи (Демидовский, Царскосельский, Ришельевский, Нежинский), также в александровскую эпоху появился ряд новых университетов. Развивалось и военное образование: если в начале XIX столетия насчитывалось только 5 кадетских корпусов, то к середине века их было уже 20. При Николае I было основано среднее и высшее техническое образование, созданы Технологический, Межевой, Земледельческий (позднее — Томский) институты, а также Архитектурное училище и училище гражданских инженеров, объединенные в 1842 г. в Строительное училище. При этом власть еще не осознавала острой потребности в развитии женского дворянского образования. Наиболее эффективным для девушек-дворянок по-прежнему считалось изолированное от внешнего мира институтское образование и воспитание: «В то время еще не появилось в обществе критического взгляда на институтское воспитание, большинство, в том числе и мой отец, считало это воспитание идеальным. Отец в самых ярких красках изображал мне всю прелесть институтского воспитания, ...монтировал меня так, что я спала и видела, как бы очутиться в институте»²⁶.

Дворянство, в том числе провинциальное, адекватно отреагировало на подобное стремление властей к повышению уровня образования подданных. Если еще во второй половине XVIII в. многие провинциальные дворяне ограничивались домашним образованием и, в лучшем случае, частным пансионом, то позже они все больше стремились в лицеи, гимназии и университеты. И это несмотря на то, что учеба в губернских гимназиях, даже в московской, не говоря уже о провинциальных, давалась дворянам нелегко, многим приходилось жить на съемных квартирах и скудно питаться: «Голыя... чуть-чуть замазанные стены в наемном доме, досчатые полы, которых часто не видать было из-под грязи, кое-как сколоченные лавки, животрепещущие столы. Мы ходили в желтых сюртуках из войлока, жилеты у нас были затрапезные. Пища — жидкие щи с куском

говядины, которая с трудом уступала ножу, и гречневая каша с маслом, ближайшем к салу»²⁷.

Правительство, особенно в периоды реакции, стремилось контролировать содержание гимназического и университетского образования. Так, в период аракеевщины, Александр I отказался от многих либеральных начинаний, в том числе усилил контроль за умонастроениями профессорского состава вузов и студенчества через объединение Министерства просвещения с духовным ведомством. С 1819 г. с назначением на должность попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого, печально известного своей ревизией в Казанском университете, по свидетельству П. П. Зеленецкого, в образовательную программу Пензенской гимназии были введены Закон Божий, христианские беседы, было «распространено преподавание латинского языка в четвертом классе»²⁸. Многие книги из гимназической библиотеки находились под запретом.

К середине XIX в. гимназии появились во многих городах, в том числе Среднем Поволжье; обучение в них стало возможным практически для всех категорий дворянства. В частности, П. Д. Боборыкин подчеркивал доступность Нижегородской гимназии даже для среднепоместных дворян: «Поверят ли мне, что все семь лет учения годовая плата была пять рублей?! Дворяне и крупные чиновники не пренебрегали гимназией для детей своих, и в нашем классе очутилось больше трети барских детей»²⁹. При этом образование, которое давала Пензенская гимназия, являлось разносторонним: здесь обучали русскому языку, истории российской и французской, Закону Божьему, географии, геометрии, физике, логике, риторике, естествознанию, латинскому, французскому, немецкому языкам и рисованию³⁰.

Многие провинциальные дворяне обучались в лицеях и училищах. Техническое образование, как тогда считалось, давало больше шансов сделать карьеру. Так, М. А. Бестужев вспоминал следующее: «Брат Павел воспитывался в артиллерийском училище. Он был в офицерском классе и готовился, по выдерживании экзамена, поступить в гвардейскую конную артиллерию»³¹. Самыми популярными по-прежнему оставались кадетские корпуса, обеспечивавшие карьеру учащимся. Кроме того, кадетские корпуса являлись примером уникальной воспитательной среды, в которой воспитанникам прививали понятия о патриотизме, чести, достоинстве, мужской дружбе, милосердии.

В первой половине XIX столетия возросло и количество дворян, стремившихся получить высшее образование. Этому способствовало увеличение количества университетов и пансионов, организуемых при университетах. Число студентов из дворян постоянно росло. В частности, П. Д. Боборыкин лаконично и точно отразил отношение провинциального дворянства к обучению в столичном вузе: «Тогда столичные университеты имели обаяние запретного плода. Существовал комплект, и каждый из нас смотрел на здешнего студента, как на счастливец»³². Если в начале столетия даже первый министр просвещения П. В. Завадовский признавал, что «мало учеников, но потому, что мал у нас еще вкус к наукам»³³, то к середине века мировоззрение дворянской молодежи относительно учебы, студенчества как такового кардинально изменилось: «Не о светских успехах мечтали мы, а о том, что будем сначала гимназисты, а потом студенты. Студент рисовался нам как высшая ступень для того, кто учится»³⁴.

Провинциальные университеты предлагали студентам образование высокого, по тем временам, уровня. Так, П. Д. Боборыкин вспоминал о своей учебе в Казанском университете следующее: «Благодаря энциклопедической программе камерального разряда, где преподавали, кроме юридических наук, химию, ботанику, технологию, сельское хозяйство, я получил вкус к естествознанию и незаметно прошел в течение восьми лет... полный цикл университетского знания по целым трем факультетам с их разрядами»³⁵.

Дисциплина в университете, даже в николаевское время, оставляла желать лучшего: «Под внешней подтянутостью держались довольно-таки дикие нравы — пьянство, буйство, половая распущенность, и посещение лекций не состояло ни под чьим контролем. Были круглые лентяи, по полугодиям не ходившие на лекции, никаких записываний субами не водилось, ни перекличек, ни отметок...»³⁶. В период господства теории «официальной народности» с ее верноподданнической направленностью III отделение Его Императорского Величества канцелярии (Е. И. В. К.), одной из функций которого был контроль именно за настроениями студентов, следило за ними даже во внеучебное время и постоянно било тревогу по поводу студенческих организаций, тайных обществ, радикальных идей и безнравственного поведения студентов³⁷.

Несмотря на все попытки жесткой регламентации, студенчество становилось все более заметной и активной социальной группой. С изменением отношения к образованию в целом студенчество начало демонстрировать требовательное и критичное отношение к преподавателям и уровню их квалифицированности. Так, например, Д. К. Тарасов, будущий почетный лейб-хирург, посетив первую лекцию в университете, был возмущен: «Профессор начал читать по книжке введение оной, и заставлял поправлять типографические ошибки... Неужели мы приехали за тысячу верст слушать такое преподавание?!»³⁸. Соответственно, стремление власти контролировать мировоззрение и поведение студенчества давало обратный эффект: оно все более проявляло активную гражданскую позицию, недовольство властью и, соответственно, олицетворяло собой тенденцию к радикализации российского социума в целом.

Таким образом, система дворянского воспитания и образования, ориентированная на такие вечные ценности, как патриотизм, верность долгу, честь и справедливость, в первой половине XIX столетия использовалась самодержавием как средство формирования «нужных настроений» в дворянской среде. Особенно это явно прослеживалось в образовательной политике самодержавия, в той воспитательной среде, которая создавалась в закрытых сословных учебных заведениях и вузах. Кроме того, подобная тенденция имела свою специфику в столице и провинции, а также преломлялась под влиянием внутрисословной иерархии дворянства, кризиса крепостничества, падения авторитета самодержавия в обществе, что наглядно демонстрируют источники, характеризующие дворянское воспитание и образование в средневожских губерниях первой половины XIX столетия.

Библиографические ссылки

¹ См.: Первушкин А. В. Дворянство Пензенской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Центр и периферия. 2009. № 1. С. 10 — 15.

² Письмо П. П. Коновницына к великим князьям Николаю Павловичу и Михаилу Павловичу // Рус. старина. 1870. № 1. С. 514.

- ³ ЦАНО. Ф. 933. Оп. 1963. Д. 70. Л. 3.
- ⁴ Там же. Д. 71. Л. 2 об.
- ⁵ Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф. Воспоминания. М., 2003. С. 77.
- ⁶ Пушкин А. С. Избранные сочинения. М., 1998. С. 19.
- ⁷ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX столетия // Рус. старина. 1899. № 1. С. 54.
- ⁸ ЦАНО. Ф. 933. Оп. 1963. Д. 399. Л. 1 — 10 об.
- ⁹ Из письма вице-адмирала А.С. Шишкова к императрице Марии Федоровне // Рус. старина. 1870. № 1. С. 510.
- ¹⁰ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 543.
- ¹¹ Шереметев С. Д. Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2004. С. 24.
- ¹² ЦАНО. Ф. 933. Оп. 1963. Д. 72. Л. 4 об.
- ¹³ Там же. Л. 3.
- ¹⁴ Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф. Указ. соч. С. 12.
- ¹⁵ См.: Смородина П. К. Литературные предпочтения провинциальных дворян конца XVIII — первой четверти XIX в. : (На примере мордов. края) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 4 (24). С. 208 — 213 ; Её же. «В сияньи бала...» : Провинц. бал в конце XVIII — начале XIX в. // Центр и периферия. 2008. № 4. С. 43 — 46.
- ¹⁶ ЦАНО. Ф. 933. Оп. 1963. Д. 121. Л. 4 об.
- ¹⁷ ГАУО. Ф. 257. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 — 11 об.
- ¹⁸ Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 71.
- ¹⁹ Яковлева П. К. Л. Ф. Вистинггаузен : Воспоминания П. К. Яковлевой // Рус. старина. 1871. № 3. С. 390.
- ²⁰ Шереметев С. Д. Указ. соч. С. 65.
- ²¹ Там же. С. 114.
- ²² Вяземский П. А. Очерки и воспоминания : Москов. семейство старин. быта // Рус. арх. 1877. № 3. С. 69.
- ²³ РГАДА. Ф. 1281. Оп. 1. Д. 402. Л. 1 — 3.
- ²⁴ Боборыкин П. Д. За полвека : Воспоминания. М., 2003. С. 439.
- ²⁵ Там же. С. 266.
- ²⁶ Институтки : Воспоминания воспитанниц ин-ов благород. девиц. М., 2005. С. 5.
- ²⁷ Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII в. М., 1914 — 1923. Вып. 1. С. 186.
- ²⁸ Зеленецкий П. П. Исторический очерк Пензенской первой гимназии 1804 — 1871 гг. Пенза, 1889. С. 73.
- ²⁹ Боборыкин П. Д. Указ. соч. С. 10.
- ³⁰ ГАПО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 4. Л. 4 — 9 об.
- ³¹ Записки М. А. Бестужева // Рус. старина. 1870. № 1 — 6. С. 258.
- ³² Боборыкин П. Д. Указ. соч. С. 39.
- ³³ Очерки истории российского образования : К 200-летию Мин-ва образования Рос. Федерации : в 3 т. М., 2002. С. 73.
- ³⁴ Боборыкин П. Д. Указ. соч. С. 11.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
- ³⁸ Воспоминания моей жизни : Зап. почетного лейб-хирурга Д. К. Тарасова // Рус. старина. 1871. № 9. С. 234.

Поступила 29.02.2016 г.

УДК 930.253

А. А. Иванов, А. Г. Иванов, А. А. Соловьев
A. A. Ivanov, A. G. Ivanov, A. A. Solovyev

СЕЛЬСКИЙ СХОД В ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ МАРИЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ: СОСТАВ, ФУНКЦИИ, МЕСТО В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ*

VILLAGE GATHERING IN PRE-KOLKHOZ COUNTRYSIDE OF THE MARI AUTONOMOUS REGION: COMPOSITION, FUNCTIONS, PLACE IN SOCIAL AND POLITICAL LIFE

Ключевые слова: крестьянство, община, сельский сход, Марийская автономная область.

В статье рассмотрены организация и функционирование сельского схода в деревне Марийской АО в 1917 — 1929 гг. В качестве фактологической основы использованы материалы обследования взаимоотношений сельских сходов, сельских Советов и земельных обществ Инспекции советского строительства Наркомата РКИ РСФСР 1926 — 1927 гг. Определены состав сельских сходов, их основные функции и место в общественно-политической и повседневной жизни сельского социума доколхозного периода.

Key words: peasantry, community, village gathering, the Mari Autonomous Region.

The article deals with the organization and functioning of a village gathering in the countryside of the Mari AO in 1917 — 1929. Materials of the survey of interrelation between village gatherings, village Soviets and land societies of the Inspectorate of Soviet construction of the People's Commissariat of the RSFSR Rabkrin in 1926 — 1927 are used as a factual basis. The composition of village gatherings, their main functions and place in the social, political and everyday life of the rural society of the pre-kolkhoz period are determined.

Проблема изучения истории сельской общины советской доколхозной деревни, возникшая в отечественной историографии в середине 1950-х гг., за последние десятилетия существенно обогатилась новыми концепциями и значительным кругом привлекаемых исследователями источников. К настоящему времени сформировались определенные тематические направления в исследовании традиционных сельских сообществ послереволюционной России. В общине стали видеть институт, «который регулировал жизнь крестьянства во всех его проявлениях — производстве и повседневном быту, семейных и внутريدеревенских отношениях, отправлении культа, соблюдении обрядов, обычаев, правовых, этических и эстетических норм и др.»¹ Особое внимание уделялось социально-экономическим аспектам развития общины при неизменном подчеркивании важности обращения к характеристике ее политической роли и места в повседневной деревенской жизни.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Марий Эл, проект «Сельская община Марийского края в доколхозный период (1917 — 1929 гг.): новые источники, методы исследования, междисциплинарные связи», № 16-11-12001.

В определенной мере поставленную проблему раскрывают источники, посвященные характеристике взаимоотношений сельского Совета нэповской деревни и земельного общества того же периода, все еще недостаточно известные в российской и зарубежной историографии. Так, исследованием данной проблемы в конце 1926 — начале 1927 г. занималась Инспекция советского строительства Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (НК РКИ). Всего было охвачено 284 населенных пункта, 213 земельных обществ и 53 сельских Совета, находившихся в 26 волостях (районах) 18 уездов (округов, кантонов) 10 губерний (краев, областей). Дополнительно собирались сведения по Тамбовской губернии и некоторым местностям Украины. В целом полученные материалы НК РКИ являются достаточно содержательными. Организаторы обследования сделали попытку охватить наиболее показательные для различных экономико-географических зон административные субъекты, выделяя при этом национальные автономии. В числе последних оказалась Марийская автономная область (МАО)², а именно: Емангашский и Юринский сельские Советы Юринского кантона, Козьмодемьянский и Ардинский сельские Советы Козьмодемьянского кантона.

Полученные в ходе обследования первичные данные и аналитические документы, подготовленные центральными аппаратом НК РКИ и его местными отделениями, подробно характеризуют каждый из трех выделенных институтов (сельский Совет, сельский сход и земельное общество), прослеживая их взаимоотношения на почве разделения властных полномочий³.

«Что же представляет собой „сход“, к которому должен апеллировать сельсовет во всех серьезных случаях? Сход ли это земобщества или общее собрание граждан?» Такими вопросами задавались специалисты Инспекции советского строительства НК РКИ РСФСР при обращении к материалам, посвященным характеристике ситуации, сложившейся с общими собраниями сельского населения в середине 1920-х гг. Официально, по действовавшему на тот момент Положению о сельских Советах и рекомендации апрельского 1925 г. Совещания по советскому строительству при Президиуме ЦИК СССР, таковыми должны были являться общие собрания граждан, пользовавшихся избирательными правами и проживавших в данной местности не независимо от рода своей деятельности (т. е. не только крестьяне)⁴.

В другом случае под «сходами» подразумевались общие собрания членов земельных обществ. Согласно юрисдикции Земельного кодекса РСФСР 1922 г., в сходе могли принимать участие все землепользователи без различия пола с 18 лет, а в некоторых случаях и моложе, при наличии определенного кворума⁵.

Практика мест, согласно итогам обследования НК РКИ, показала, что повсеместно доминировал второй случай, часто преломляясь в весьма специфические формы. Общие собрания, или сельские сходы, предусмотренные Положением о сельских Советах 1924 г. (ст. 4), проводились в крупных населенных пунктах в виде участковых избирательных собраний или общих сходов селений, состоявших из нескольких земельных обществ. Повестка дня подобных собраний, как правило, посвящалась заслушиванию отчетов сельских Советов, проведению советских праздников, различных кампаний и т. п., а основными участниками схода выступали представители дворов (домохозяева), в редких случаях — другие

сельские жители, собиравшиеся на выступления докладчиков уездного и губернского уровней⁶.

Так, в марийской автономии в трех из четырех обследованных объектах об официальных сельских сходах ничего не было известно. Соответствующие разделы отчетов по ним пусты или ограничены лаконичными фразами типа «функции сельсходов выполняются земсходами». Единственное упоминание о них обнаружено применительно к Емангашскому сельсовету, где в каждом населенном пункте проводились собственные общие собрания, отнесенные к сельсходам⁷. Однако таковыми считать их вряд ли придется. Инспектор областного отделения РКИ не учел определенной специфики традиционных сельских сообществ марийского населения, исторически связанного с организацией сложных поземельных общин, т. е. наличия общего земельного фонда на несколько селений⁸. На территории вышеназванного сельского Совета находились 4 такие общины⁹. Каждое земельное общество включало от одного до четырех селений, но периодическая общая переверстка земли в 1920-х гг. была уже общепризнанным анахронизмом. Формально сохраняя между собой связь по землеустройству, каждая деревня фактически самостоятельно распоряжалась тем земельным фондом, который достался ей по последнему переделу, как правило, еще во второй половине XIX столетия. В повседневной жизни это обстоятельство означало наличие не четырех, а значительно большего количества общинных организаций, а их сходы ничем не отличались от других, таких же земельных. Единственным исключением из этой закономерности, подтвержденным документально, является протокол от 13 июня 1926 г. об общем переделе земли Среднешешмарского земельного общества, состоявшего из четырех населенных пунктов¹⁰. Не случайно в соответствующем разделе именно по этому сельсовету отмечено, что «здесь происходит полное смешение функций земобщества и сельского схода; здесь рассматриваются вопросы земельного общества, как-то: передел земли, выделение сельуполномоченных, открытие пивлавки и т. д.»¹¹ Сводные выводы Марийской областной РКИ также отличаются предельной краткостью: «Разграничений сельсходов от земельных сходов в большинстве своем не имеется. Состав сельсходов ничем не отличается от земсходов. В земсходах участвуют все граждане независимо от пола и избирательных прав»¹².

Многочисленные примеры, собранные региональными органами РКИ и дополнившие данные по МАО, свидетельствуют, что во всех районах страны сельские сходы носили одновременно черты и общих собраний граждан, и общих собраний земельных обществ. Никакого разграничения не существовало. Показательно, что общую картину не меняло даже принятие некоторыми губисполкомами (в Тамбовской и Ленинградской губерниях) местных положений о сельских сходах. «В итоге, приходится признать, — констатировала Инспекция советского строительства, — что обычный деревенский „сход“ или „общее собрание“ есть повсюду сход (или собрание) земобщества с представительством дворов, а не всех членов земобщества... Это собрание решает и земельные, и все прочие вопросы в одном и том же составе участников». Далее следовал хрестоматийный вывод: «Освещенный материалами обследования „сход“ все более приближается по типу своему к дореволюционному „сельскому сходу“, который являлся органом управления „сельского общества“ и который, по-видимому, невредимо прошел сквозь всю эпоху революции»¹³.

Действительно, сопоставление компетенции общих собраний крестьян периода 20-х гг. XX в. с пунктами дореволюционного Положения о сельском состоянии, проведенное в НК РКИ, показало, что, за единичными исключениями, она не изменилась¹⁴. При этом юридическая неграмотность сельского населения, отсутствие в его среде элементарных представлений о сфере правотворчества различных управленческих структур в деревне не являлись основной причиной сложившейся ситуации, хотя на нее и обращалось внимание. Главным для крестьян, судя по отчетам исследователей из различных губерний, было сохранение специфических бытовых условий в сельском образе жизни, неизменность семейно-патриархального уклада крестьянского хозяйства, немыслимость отделения земельных дел от прочих «общественных».

В этой связи социально-политические изменения в государстве в первой четверти XX в. практически не повлияли на внешнюю составляющую (технику организации) работы сельских сходов. Для инспекторов РКИ этот критерий был особенно важен для изучения внутреннего механизма работы органов крестьянского самоуправления. Здесь они столкнулись с большими трудностями как объективного порядка, перешедшими в наследство от прежнего времени, так и субъективного, принесенными новой эпохой.

Выяснилось, что организация работы сельских сходов по всей территории РСФСР была весьма однообразной. Обязанности их созыва обычно возлагались на сельских уполномоченных, которые исполняли их путем обхода по дворам, где происходило ознакомление потенциальных участников с предполагаемой повесткой дня. В определенное время в назначенном месте собиралось общее собрание. Далее следовали выборы председателя и секретаря. В присутствии руководства сельского Совета выбирался председатель собрания (как правило, председатель сельсовета или член исполкома). Если их не было, то общим собранием руководил сельуполномоченный. Известны случаи выбора президиума сельского схода, при этом участие членов сельского Совета оставалось обязательным. Только в исключительных случаях председательствовали «не члены сельсовета (уполномоченные земобщества, председатели комиссий и т. д.)». Секретарем собрания нередко выступал секретарь сельсовета. Далее оглашалась повестка дня. Работа общего собрания проходила по типу «слушали — постановили», хотя встречались и устаревшие приговорные варианты постановлений. Каждый из рассматриваемых вопросов ставился на голосование. По малозначительным для местных жителей проблемам оно имело формальный характер («там, где нет горячих прений, даже самое предложение не получает точной формулировки и постановление определяется и записывается в протокол „по общему настроению“»¹⁵). Напротив, вопросы, жизненно важные для селян, затрагивавшие их материальные интересы, активно дискутировались и по ним проводилось открытое голосование. Правда, голоса подсчитывались «на глаз», и только по вопросам землепользования в протокол заносился каждый голос. Более того, по традиции, сложившейся еще в XIX столетии, при отсутствии кворума проводился сбор подписей по домам. Завершали каждый протокол подписи председателя и секретаря либо всех присутствовавших.

Протокольное делопроизводство сельских сходов в доколхозной деревне в целом было поставлено слабо¹⁶. Это касалось и внешнего оформления, и содер-

жательной стороны. Нередко они заполнялись небрежно, не имели всех необходимых для актовых материалов компонентов. Сформулированные вопросы часто являлись неточными, а постановления неясными, отсутствовали отметки об исполнении. Однако все вышесказанное было только половиной проблемы. Главным недостатком деревенского делопроизводства, начиная с эпохи аграрной революции, являлась плохая сохранность постановлений сельских сходов. Во многих случаях протоколы не велись, а решения принимались в устной форме, что сразу же ставит под сомнение как их законность, так и реализацию на практике. Здесь уместна реплика, невольно высказанная через год после рассматриваемых событий уполномоченным областной контрольной комиссии и РКИ во время внепланового обследования очередного сельского Совета в Оршанском кантоне МАО: «Сельские сходы истории о своем существовании не сохраняют (нет протоколов)»¹⁷. Типичная ситуация в этом направлении была отмечена в итоговом отчете НК РКИ: «Протоколы обычно имеются по тем сходам, где решаются вопросы, которые требуют вмешательства ВИКа, большинство же сходов проходят беспротоколно. В земельную комиссию посылаются только приговоры о переделах, протоколы же по другим вопросам обычно не посылаются»¹⁸.

Комплекс материалов по МАО более чем наглядно демонстрирует сложившуюся тенденцию. Так, по всем четырем сельсоветам (официально — 24 земельных общества и 32 населенных пункта) протоколы сельских сходов имелись только за последний, предшествовавший обследованию хозяйственный год (1 октября 1925 г. — 30 сентября 1926 г.). По Ардинскому сельсовету количество протоколов не превышало двух на 1 населенный пункт, по с. Юрино известно 4 протокола общих собраний за март-декабрь 1926 г.; деятельность четырех земельных обществ Емангашского сельского Совета получила отражение в 27 записях постановлений сельских сходов, а наиболее представительный комплекс подобных источников был зафиксирован в Козьмодемьянском сельсовете, расположенном в городской черте, что многое объясняет, в структурном отношении объединявшем 2 учетные единицы по программе НК РКИ¹⁹. В итоговой общеобластной сводке выделены Ардинский и Емангашский сельские Советы, на территории которых сохранность общинного делопроизводства была поставлена особенно плохо²⁰. Так, например, в Ардинском сельсовете не было протоколов даже двухлетней давности (за 1924/25 хозяйственный год). Согласно объяснениям председателя сельского Совета, земельные сходы проводились, «но протоколы не велись», и, возможно, они есть в земельных обществах, «но в райсельсовет не представлялись»²¹. Аналогичная картина складывалась в Юринском земельном обществе одноименного сельсовета. На момент обследования обнаружилось только 4 протокола за 1925/26 хозяйственный год²², но в действительности их должно было быть 10, что точно установлено.

Слабость протокольного делопроизводства обуславливалась низким уровнем грамотности населения, включая управленцев 1920-х гг., отсутствием разъяснительной работы со стороны вышестоящих инстанций. В то же время нельзя сбрасывать со счетов и определенные традиции сельского письмоводства, перешедшие из прежней эпохи. Согласно дореволюционному Положению о сельском состоянии, в книги приговоров сельских обществ записывались постановления лишь по наиболее важным вопросам, способным выступить в качестве

юридических доказательств в суде. Однако была еще одна проблема, которую Инспекция советского строительства не могла оставить без внимания. Во многом формальный подход к ведению и особенно протоколированию заседаний общих собраний открывал возможность для «лиц, искусившихся в деревенской политике» проводить собственную линию, даже вопреки превалировавшему настроению большинства односельчан.

Проблемы с письменной фиксацией решений земельных обществ создают значительные сложности с определением подлинной номенклатуры, рассматривавшихся на сельских сходах вопросов. Как правило, в повестках дня общих собраний повсеместно преобладали пункты административного и хозяйственного плана, другие вопросы освещались крайне незначительно. Так, в рассматриваемой марийской автономии «вопросы же культурного значения не обсуждаются, по причине — якобы не встречалось надобности»²³. Областное отделение РКИ затруднилось дать даже приблизительное распределение рассмотренных накануне обследования вопросов по своему назначению, отсылая всех заинтересованных лиц к самим протоколам. Однако подобные выкладки были сделаны в центральном аппарате РКИ. Выяснилось, что в целом по всем губерниям, республикам и областям наибольший удельный вес вопросов, поставленных на сельских сходах, приходился на долю земельно-хозяйственной группы (главным образом земельных) — 39 %, затем следовали финансово-налоговые вопросы — 16 %, организационные и административные — 15 %, культурные (такие как «просвещение, здравоохранение, взаимопомощь») — 9 %, вопросы благоустройства — 8 %. На долю политических и «разных» вопросов приходилось 13 %. При этом в сравнении с 1924 г. количество вопросов земельно-хозяйственных и благоустройства увеличилось в 2 раза, но «произошло ли это вследствие действительного увеличения доли означенных вопросов, или же вследствие сокращения протоколирования организационных, административных и финансовых вопросов — сказать нельзя»²⁴.

Еще более приблизительный характер имели подсчеты о происхождении, так сказать, «законодательной инициативы» в механизме работы сельских сходов. Здесь повсеместно доминировала практика незапротоколированных «устных» решений, что существенно искажает истинное положение вещей. Так, по данным Марийской областной РКИ, инициатива созыва общих собраний на 42 % принадлежала сельским уполномоченным, на 30 % — исполкомам сельских Советов и на 28 % — вышестоящим организациям, ячейкам ВКП(б) и самим гражданам²⁵. Судя по этим показателям, сельские сходы выступали преимущественно в роли проводников решений, спускаемых сверху. В действительности же все источники о доколхозной общине, включая данные проводимого обследования, свидетельствуют об обратном. Сводные (по РСФСР) материалы в целом подтверждают картину, известную по протоколам сельских сходов МАО: «На 50 % инициатива постановки вопросов на сходе принадлежит сельсовету и его комиссиям, на 17 % — ВИКу, на 11 % вопросы ставятся различными учреждениями (школой, врачом, ККОВ, кооперацией) и на 22 % — по заявлению граждан (главным образом земельные вопросы, отчасти благоустройство)»²⁶. Однако Инспекция советского строительства справедливо полагала, что не менее половины вопросов, инициированных сельсоветами, их комиссиями, учреждениями, судя по номенклатуре, все-таки следует отнести к «местной инициативе». В итоге полу-

чалось, что «сходы на $\frac{2}{3}$ являются „органом местного самоуправления“ и лишь на $\frac{1}{3}$ — исполнителем вопросов, поставленных высшими органами, причем не менее 60 % местных вопросов приходится на долю земельных»²⁷. И это без учета не сохранившихся, т. е. неизвестных решений сходов.

Анализируя работу сельских сходов советской доколхозной деревни, нельзя не затронуть проблему полноты представительства в них членов той или иной общины. В сводном отчете НК РКИ этот вопрос подробно не рассматривался, но на местах пытались проследить общую динамику. В частности, выяснилось (по сохранившимся протоколам), что за 2 года в 4 объектах МАО состоялось 98 сельских сходов, точнее, по критериям областного отделения РКИ, 70 земельных сходов и 28 общих собраний (Емангашский сельсовет), т. е. созывались они «от одного до 3-х месяцев 1 раз». На земсходах присутствовало 4 441 чел., или 43 % ко всему сельскому населению²⁸. Таким образом, средняя посещаемость общих собраний не составляла даже половины. В отдельных обследованных объектах она была совсем незначительной (например, в с. Юрино — от 8 до 26 % от общего числа всех совершеннолетних²⁹). Основной причиной, по мнению инспектора областного отделения РКИ, являлось отсутствие должного помещения: «количество населения взрослых 1500 человек, но помещения, которое могло бы вместить такое количество, в районе не имеется»³⁰. Следует отметить, что Юринское земельное общество в этом отношении не является показательным, так как общины в привычном понимании оно не представляло. Абсолютное большинство местных жителей занималось не земледелием (земля была получена только после 1917 г.), а кустарным производством. Не случайно из общего количества в 884 двора 828 были освобождены от сельскохозяйственного налога³¹. По этой же причине «общественные» мероприятия сельчанами игнорировались, как ничего не дававшие. Тем не менее в отношении других земельных обществ низкая посещаемость общих собраний оставалась действительным фактом³². Домохозяйства-мужчины даже в полном составе не могли представлять собой полноценный кворум по Земельному кодексу РСФСР 1922 г. Случаи присутствия на общих собраниях более половины всех членов общины отмечены только в Козьмодемьянском сельском Совете³³; в Ардинском причиной низкой посещаемости сходов являлось нахождение всех мужчин на лесоразработках. Не случайно в сводной информации НК РКИ было отмечено, что «жизнь сходов зимой (период обследования. — *Авт.*) замирает»³⁴.

Сама процедура проведения сельского схода, несколько не изменившаяся после 1917 г., иногда способствовала тому, что даже прибывшие на сход не дожидались его окончания. Иллюстрируют вышесказанное личные наблюдения инспектора РКИ по Новгородской губернии, применимые с высокой долей вероятности и для других районов страны: «Изба-читальня, в которой состоялся сход, была так переполнена, что некоторые граждане сидели на русской печи, и так было накурено, что в двух шагах трудно было отличить мужчину это или женщина. В момент горячих прений часть граждан не выдерживала и уходила»³⁵. Факты преждевременного ухода с общих собраний иногда фиксировались непосредственно в протоколах заседаний³⁶. «Причин, почему крестьянки не посещают сходов, очень много, — писалось в одной из губернских крестьянских газет периода нэпа, — я хочу указать здесь только на главное: спорные вопросы часто

разбираются горлом, для чего выпускается не один десяток „матов“ некоторыми мужчинами, похабщина льется, как из ведра. Затем, как это на первый взгляд ни странно — отбивает женщин от сходов и курение табаку»³⁷.

Таким образом, исследование материалов Инспекции советского строительства НК РКИ РСФСР позволяет утверждать, что традиционное крестьянское самоуправление в виде сельского схода не только не изменилось в новых советских условиях, но и, более того, пережило своего рода второе рождение, показав себя жизнеспособным институтом, способным обойтись без внешней политической надстройки, привнесенной в деревню органами советской власти.

Библиографические ссылки

¹ Данилов В. П., Данилова Л. В. Русская крестьянская община в современной историографии // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 93.

² См.: Иванов А. А. Материалы Инспекции советского строительства Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР как источник по истории советской доколхозной деревни: к постановке проблемы // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2009. № 1. С. 77 — 82.

³ См.: Иванов А. А. Община и сельский совет в доколхозной деревне Марийской автономной области: (по материалам Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР) : Исслед. Док. Комментар. Йошкар-Ола, 2009. 344 с.

⁴ См.: Резунов М. Сельские советы и земельные общества. М., 1928. С. 23 ; Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства РСФСР. М., 1924. № 82.

⁵ См.: Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917 — 1954 гг. М., 1954. С. 160 — 161.

⁶ См.: Иванов А. А. Община и сельский совет в доколхозной деревне... С. 272 — 312.

⁷ Там же. С. 72 — 75.

⁸ См.: Иванов А. А. Сложные земельные общины в национальной деревне Поволжья и Приуралья (конец XIX — первая треть XX века) // Вопр. истории. М., 2004. № 1. С. 149 — 154.

⁹ См.: Иванов А. А. Община и сельский совет в доколхозной деревне... С. 79.

¹⁰ Там же. С. 79, 97.

¹¹ Там же. С. 75.

¹² Там же. С. 261.

¹³ Там же. С. 288 — 289.

¹⁴ Там же. С. 285.

¹⁵ Там же. С. 292.

¹⁶ См.: Иванов А. А. Аграрные преобразования в России в 1917 — начале 1920-х годов: источниковедческие очерки : (По материалам Сред. Поволжья и Приуралья). Йошкар-Ола, 2010. 288 с. ; Его же. Сельские сходы периода аграрной революции в документах региональных архивов // Отечеств. арх. 2004. № 1. С. 56 — 62 ; Его же. Земельное обследование ЦСУ 1922 года: история организации и проведения // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2015. № 2. С. 101 — 111.

¹⁷ ГА РМЭ. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 706. Л. 224.

¹⁸ Иванов А. А. Община и сельский совет в доколхозной деревне... С. 293.

¹⁹ См.: Иванов А. А. Сельские сходы первого и второго козьмодемьянских земельных обществ 20-х годов XX века в материалах Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР // Мар. археогр. вестн. 2008. Вып. 18. С. 197 — 211.

²⁰ См.: Иванов А. А. Община и сельский совет в доколхозной деревне... С. 257 — 269.

²¹ Там же. С. 226 — 231.

²² Там же. С. 144 — 145.

²³ Там же. С. 261 — 262.

²⁴ Там же. С. 293 — 294.

- ²⁵ Там же. С. 263.
²⁶ Там же. С. 293.
²⁷ Там же. С. 293.
²⁸ Там же. С. 261.
²⁹ Там же. С. 118 — 119.
³⁰ Там же. С. 118 — 119.
³¹ Там же. С. 123.
³² Там же. С. 97, 144 — 145, 187 — 206.
³³ Там же. С. 164.
³⁴ Там же. С. 229 — 230.
³⁵ Там же. С. 291.
³⁶ См.: Община в аграрной революции : Док. сельск. схода о земельных отношениях в нац. деревне Поволжья (1918 — 1922 гг.). Йошкар-Ола, 2005. 372 с.
³⁷ **Иванов А. А.** Община и сельский совет в доколхозной деревне... С. 291.

Поступила 12.10.2016 г.

УДК 67/68:331.108(470.375)

А. В. Биряева
A. V. Biryayeva

МОРДОВСКИЙ СОВНАРХОЗ: ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1957 — 1962 гг.)

MORDOVIAN SOVNARKHOZ: PERSONNEL TRAINING FOR THE LIGHT INDUSTRY (1957 — 1962)

Ключевые слова: совнархоз, легкая промышленность, кадры, переподготовка, мастер, служащий, рабочий, квалификация, инновации, технологии, уровень образования, курсы повышения квалификации, навыки, комсомольская путевка, обмен опытом, наставник.

В статье анализируется опыт Мордовского совнархоза по подготовке рабочих кадров для легкой промышленности; отмечаются проблемы, которые возникали на предприятиях с освоением техники, а также пути их разрешения; рассматриваются вопросы повышения квалификации промышленно-производственного персонала, изучения передовых методов труда.

Key words: Sovnarkhoz, light industry, personnel, retraining, master, employee, worker, qualification, innovation, technology, level of education, further training courses, skills, Komsomol referral, experience exchange, mentor.

The experience of Mordovian Sovnarkhoz in workers training for the light industry is analyzed in the article; problems with the development of technology in enterprises, as well as the ways of their solution, are noted; the issues of further training of industrial and technical personnel and the study of advanced labour methods are considered.

Создание совнархозов способствовало развитию индустрии, ее кадрового потенциала, системы образования и подготовки специалистов на периферии. В ранее отсталых регионах появилась национальная научно-техническая и инженерная

интеллигенция. Вместе с тем в 1950 — 1960-х гг. стали нарастать такие негативные явления, как местничество, диктат местной администрации по отношению к подведомственным предприятиям, прогрессирующая бюрократизация принимаемых решений в сфере капитального строительства, промышленного производства и т. д.¹

По мере внедрения новых машин, оборудования и инновационных технологий на предприятиях возникали проблемы с освоением техники, что вело к плохому качеству выпускаемой продукции. В решении вопроса об интенсификации труда перед руководством Управления легкой промышленности на первом месте стояла задача повышения профессиональной подготовки инженерно-технических работников (ИТР) и рабочих кадров.

В связи с этим 23 ноября 1957 г. начальник Управления легкой промышленности совнархоза Мордовского экономического административного района А. Г. Скворцов издал приказ № 31 «О работе заводов по первичной обработке конопли (пенькозаводов)», по которому руководителям предприятий поручалось разработать и утвердить учебные программы по повышению квалификации инженерно-технических работников, служащих и рабочих². Контроль за выполнением приказа был возложен на начальника производственно-технического отдела Г. Ф. Гурвич.

Занятия начались уже 15 декабря 1957 г., к 1 мая 1958 г. переподготовку прошли 12 работников Ширингушской суконной фабрики, 3 — завода «Дубитель», 5 — бумажной фабрики и 18 работников Саранского пенькокомбината. Необходимо отметить, что из 38 ИТР, мастеров и служащих, направленных на повышение квалификации, высшее образование имели 2 чел., среднее техническое — 10, общее среднее — 2, незаконченное общее среднее — 1 чел., остальные были практиками³. Шестидневные семинары были проведены также с директорами, главными инженерами и механиками, старшими бухгалтерами, плановиками, мастерами смен и бригадирами по сортировке и укладке сырья пенькозаводов.

Двухмесячные курсы повышения квалификации в г. Ленинграде прошли руководители заводов, а 19 ИТР учились в заочных высших и средних специальных учебных заведениях. Теоретическая учеба кадров была организована и в аппарате Управления легкой промышленности совнархоза⁴.

В декабре 1957 г. на Дубенском пенькозаводе провели десятидневный семинар с производственными мастерами пенькозаводов. Производственно-технические курсы по повышению квалификации прошли 50 рабочих. В 1957 г. на эти цели было потрачено из республиканского бюджета 3 010 руб., в 1958 г. — 8 400 руб., в том числе по суконной фабрике — 1 200 руб., бумажной фабрике — 1 200 руб., заводу «Дубитель» — 800 руб., Краснослободскому пенькозаводу — 800 руб., Атяшевскому — 500 руб., Кочкуровскому — 500 руб., Дубенскому — 500 руб., Чамзинскому — 600 руб., Старошайговскому — 800 руб., Сабаевскому — 500 руб. и по Инсарскому пенькозаводу — 800 руб.⁵

На предприятиях практиковался также лекционный метод обучения работников. Лекции по охране труда и технике безопасности, эксплуатации новой техники, механизации трудоемких работ, передовому опыту работы и организации труда, экономному использованию сырья и материалов читали начальник Управления легкой промышленности совнархоза А. Г. Скворцов, заместитель и главный инженер управления С. В. Аксёнов, заместитель председателя совнархоза А. П. Попов, стар-

ший инженер по контрактации в управлении В. С. Веденеев, старший инженер по строительству П. С. Рудаков, агрономом И. Г. Ефимов, начальник производственно-технического отдела Г. Ф. Гурвич, главный бухгалтер А. Н. Васильев, начальник планово-экономического отдела Л. Д. Князева, старший инженер-технолог О. Д. Маликова и инженер-технолог С. З. Дорохин. Однако, как отмечают исследователи, этот метод носил «только вспомогательный характер, способствуя, скорее, общему развитию работников завода, а не повышению их профессионального уровня»⁶.

Необходимо отметить, что все предприятия имели библиотеки с технической литературой, выписывали журналы «Легкая промышленность», «Текстильная промышленность», «Бумажная промышленность», «Лен и конопля» и др. В конце 1957 г. была утверждена редакционная коллегия Бюллетеня и информационного листка по обмену опытом производственной работы, в которую входили С. В. Аксёнов, Г. Ф. Гурвич, А. П. Попов, С. З. Дорохин и О. Д. Маликова.

В целях обмена опытом работников предприятий Управления легкой промышленности совнархоза отправляли в командировки на Мокшанский пенькозавод (Пензенская область), Можгинский завод дубильных экстрактов (Удмуртская АССР), ленинградскую фабрику «Канат», Одесскую пенькоджутовую фабрику, Харьковский канатный завод, Шумерлинский экстрактовый завод (Чувашская АССР), Моршанскую суконную фабрику (Тамбовская область) и Ульяновскую суконную фабрику. Обмен опытом работы шел и в системе СНХ. Так, в июне 1958 г. группа работников Сабаевского пенькозавода посетила Краснослободский пенькозавод для изучения передовых методов работы этого коллектива.

Подготовка рабочих кадров проводилась непосредственно и на предприятиях. Так, в 1957 г. на Саранском пенькокомбинате срок обучения составлял от 1 до 6 месяцев. Обучение проводили групповым методом по 4 — 12 чел. Для освоения квалификации к ученику прикрепляли опытного производственника, а после окончания учебы нового работника проверяли методист по подготовке кадров и инженер по технике безопасности. Теоретические и практические занятия вели начальник чесального цеха М. В. Прошакова, начальник цеха подготовки сырья В. Ф. Серебряков, помощник мастера С. Ф. Шурпач, мастер по ремонту оборудования прядильного цеха Г. А. Пеганов, мастер прядильного цеха А. И. Дудорова и начальник веревочного цеха К. И. Аркадьева. Квалификацию нового рабочего оценивали по таким производственным показателям, как выполнение нормы выработки, качество произведенной продукции, правильность выполнения приемов труда. В 1957 г. на Саранском пенькокомбинате было обучено 118 чел., из которых на производстве остались работать 98 чел., 78 трудились по специальности (табл. 1).

Кроме того, производственно-технические курсы повышения квалификации прошли 45 чел., в том числе 37 ленточниц и 8 слесарей⁷. Занятия проводили начальник прядильного цеха А. Г. Нестерова, мастер прядильного цеха А. П. Коробцова, начальник отдела ремонта оборудования И. Р. Моисеев и конструктор А. И. Просвирин. На предприятии были организованы и краткосрочные школы по изучению передовых методов труда. Их окончили 72 работника, в том числе по профессии чесальщица — 30 чел., ленточница — 36, веревочница и крутильщица — по 3 чел.

Таблица 1

**Количество обучающихся рабочих по специальностям
на Саранском пенькокомбинате**

Профессия	Всего обучено	Кол-во рабочих, закрепившихся на производстве	Кол-во работающих по специальности
Чесальщица	63	47	45
Ленточница	11	11	11
Веревочница первой категории	3	3	3
Крутильщица	5	5	5
Слесарь	3	2	2
Токарь	2	—	—
Плотник	21	21	3
Прочие	10	9	9
Всего	118	98	78

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 13. Л. 183.

Практиковался и такой метод повышения квалификации рабочих, как получение второй специальности. Вторым профессиям было обучено 12 рабочих, а 10 чел. повысили разряды⁸.

В 1958 г. практически все предприятия легкой промышленности были укрупнены ИТР. Однако процент специалистов на должностях ИТР колебался: от 22,2 % на Кочкуровском пенькозаводе до 86,0 % на бумажной фабрике «Красная роза»⁹.

В 1959 г. квалификацию повысили 557 чел., в том числе 541 рабочий¹⁰. На Ширингушской суконной фабрике путем индивидуального обучения на производстве были подготовлены аппаратчики, прядильщицы, ткачи, машинисты, слесари, токари, столяры, контролеры, помощники мастеров ткацкого производства и сухой отделки, счетоводы (всего — 54 чел.). Повысили квалификацию 32 прядильщицы и 47 ткачей. На производственно-технических курсах было обучено 23 ткача, 9 столяров, 7 слесарей, 8 машинистов силовых установок и 37 кочегаров. Продолжительность обучения составляла 2 — 3 месяца. Трехмесячные курсы повышения квалификации в Институте усовершенствования (г. Москва) прошли 3 ИТР¹¹.

В 1960 г. школы по изучению передовых методов труда окончили 170 рабочих, курсы целевого назначения — 20, производственно-технические курсы — 155, постоянно действующие школы и курсы с отрывом от производства — 60 чел. В целом квалификацию повысили 560 работников, вторым профессиям было обучено 82 рабочих. Инженерно-технический персонал повышал квалификацию как с отрывом от производства (14 чел.), так и без отрыва от производства (36 чел.). Было подготовлено 314 новых рабочих, в том числе 14 чел. с отрывом от производства, остальные — индивидуальным методом на производстве.

Стоимость обучения одного рабочего индивидуальным методом на производстве составляла 278 руб., бригадным — 114 руб., в школах по изучению передовых методов труда — 40 руб., на курсах целевого назначения — 39 руб., на производственно-технических курсах — 61 руб. Овладение работником второй

специальностью обходилось в 61 руб., дорогим было повышение квалификации ИТР с отрывом от производства — 460 руб., без прерывания — 54 руб.¹² Большие затраты на подготовку новых кадров и повышение квалификации промышленно-производственного персонала наблюдались на Саранском пенькокомбинате, суконной и бумажной фабриках, заводе «Дубитель», Старошайговском и Чамзинском пенькозаводах (табл. 2).

Значительное количество работников, которые приобретали вторые специальности, повышали квалификацию и овладевали передовыми методами труда, было отмечено на заводе «Дубитель». Так, четырехмесячные курсы по подготовке и переподготовке прошли 50 рабочих, в том числе 20 чел. методом индивидуального обучения. Вторые профессии получили 10 чел. С отрывом от производства 2 инженерно-технических работника прошли одномесячные курсы повышения квалификации, 2 чел. учились на заочных отделениях в институтах и 1 — в заочном техникуме. Вечерние школы рабочей молодежи посещали 20 рабочих, однако 11 чел., трудившихся на заводе, имели 7 классов образования¹³.

В 1961 г. предусматривалось обучить более 300 рабочих, в том числе на Саранском пенькокомбинате — 140, на Инсарской лентоткацкой фабрике — 50, на суконной и швейной фабриках и заводе «Дубитель» — по 20, на Краснослободской прядильно-ткацкой фабрике — 15, на бумажной фабрике — 50, Краснослободском пенькозаводе — 25, Инсарском пенькозаводе — 30 работников¹⁴. Однако было подготовлено 602 новых рабочих, из них индивидуальным методом — 597 чел., бригадным — 5 чел.

По путевкам комсомольских организаций, исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся, а также в соответствии с постановлением № 158 Совета министров Мордовской АССР от 11 марта 1960 г. о брони устройства на работу молодежи на предприятия было направлено 219 молодых рабочих, в том числе 48 подростков. В целом по Управлению легкой промышленности совнархоза квалификацию повысили 779 работников, в том числе 757 рабочих, и 22 ИТР и служащих, из них 6 чел. с отрывом от производства. В 1962 г. подготовили 520 рабочих, а квалификацию повысили 690 рабочих и 60 ИТР и служащих.

Необходимо отметить, что ИТР и служащие повышали теоретические и практические навыки и за пределами республики. Так, в 1960 г. в Московский всесоюзный заочный институт текстильной и легкой промыш-

Таблица 2
Затраты предприятий на подготовку новых кадров и повышение квалификации промышленно-производственного персонала в 1960 г.

Предприятие	Затраты, тыс. руб.
Саранский пенькокомбинат	35
Ширингушская суконная фабрика	30
Завод «Дубитель»	8
Бумажная фабрика «Красная роза»	17
Атяшевский пенькозавод	5
Дубенский пенькозавод	4
Инсарский пенькозавод	6
Краснослободский пенькозавод	7
Кочкуровский пенькозавод	5
Старошайговский пенькозавод	9
Сабаевский пенькозавод	5
Торбеевский пенькозавод	3
Темниковский пенькозавод	6
Чамзинский пенькозавод	8
Итого	148

Составлена по: ЦГА РМ. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 13. Л. 491.

ленности на факультет усовершенствования инженеров и руководящих работников были направлены 4 чел. Работники легкой промышленности Мордовского совнархоза повышали профессиональный уровень в Куйбышевском институте по повышению квалификации руководящих и инженерно-технических работников. В 1961 г. в Костромской институт усовершенствования руководящих и инженерно-технических работников на факультет первичной обработки лубяных волокон было направлено 10 чел.¹⁵

18 июня 1962 г. в соответствии с постановлением Мордовского совнархоза и областного совета профсоюзов «Об организации социалистического соревнования за лучшие показатели по внедрению в производство мероприятий, заимствованных из материалов научно-технической информации, пропаганды и обмена передовым опытом» в Управлении легкой промышленности совнархоза была создана комиссия, в состав которой вошли главный инженер управления С. В. Аксёнов (председатель), председатель группового комитета профсоюза рабочих легкой промышленности С. В. Каюткин, заместитель начальника ПТО управления О. Д. Маликова, начальника ПТО управления Г. Ф. Гурвич и главный механик управления С. З. Дорохин. Эта комиссия обобщала информацию о передовых достижениях предприятий страны, после чего на заводы направляли специалистов для изучения передовых методов работы и нового оборудования.

Таким образом, в 1957 — 1962 гг. на предприятиях легкой промышленности активно функционировала система подготовки рабочих кадров и повышения их квалификации как на территории Мордовии, так и за ее пределами, практиковались обмен опытом работы, наставничество, использование передовых методов труда.

Библиографические ссылки

¹ См.: Ломшин М. Г. Мордовский совнархоз: промышленная и кадровая политика (1957 — 1962 гг.): дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Саранск, 2009.

² ЦГА РМ. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

³ Там же. Д. 13. Л. 20 — 21, 24 — 45.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 271.

⁶ Белоус В. И., Гинзбург Б. Л. Исторический опыт повышения квалификации и подготовки рабочих кадров металлургической промышленности СССР в 1957 — 1965 гг.: (На материалах Выксун., Кулебак. и Горьк. металлургич. заводов) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 1 (29). С. 56.

⁷ ЦГА РМ. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 13. Л. 183 — 185.

⁸ Там же. Л. 185 — 186.

⁹ См.: Ломшин М. Г. Указ. соч. С. 121.

¹⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-1441. Оп. 1. Д. 116. Л. 6.

¹¹ Там же. Д. 13. Л. 478 — 479.

¹² Там же. Л. 490.

¹³ Там же. Л. 479 — 480.

¹⁴ Там же. Д. 79. Л. 69; Д. 85. Л. 146, 155, 166, 175, 179; Д. 69. Л. 192.

¹⁵ Там же. Д. 116. Л. 114, 117.

Поступила 29.07.2016 г.

УДК 94(470)

Е. Н. Бикейкин

E. N. Bickeykin

**АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х гг.) :
СУЩНОСТЬ, СОДЕРЖАНИЕ И ИТОГИ
ПЕРВЫХ ЛЕТ РЕАЛИЗАЦИИ
(По материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)**

**AGRARIAN POLICY OF THE SECOND HALF OF THE 1960s:
ESSENCE, CONTENTS AND RESULTS
OF FIRST YEARS OF IMPLEMENTATION
(Based on materials of the Mari, Mordovian and Chuvash ASSRs)**

Ключевые слова: аграрная политика, сельскохозяйственное производство, модернизация, интенсификация, специализация, колхозно-совхозное производство.

В статье проанализирована аграрная политика партии и Советского государства как индикатора модернизационных процессов в региональных хозяйственных комплексах Мордовской, Марийской и Чувашской автономных республик.

Key words: agrarian policy, agricultural production, modernization, intensification, specialization, collective and state farm production.

The agrarian policy of the Party and the Soviet state as an indicator of modernization processes in regional economic complexes of the Mordovian, Mari and Chuvash autonomous republics is analyzed in the article.

Сельскохозяйственное производство занимало ключевое место в становлении хозяйственного комплекса регионов, а его функционирование во многом оказало существенное влияние на процесс социально-экономической модернизации Советского государства. Изучение вопросов модернизации сельскохозяйственного производства вызвано резким снижением исследовательского интереса, особенно в регионах, к аграрной проблематике второй половины XX в., а также возросшей в настоящее время необходимостью дать объективную оценку теории и практике хозяйствования в СССР, определить тенденции и противоречия в развитии советского аграрного строя. Сущность и содержание опыта реформирования сельского хозяйства в рассматриваемый период в полной мере раскрываются и конкретизируются, прежде всего, на региональных аспектах. Именно поэтому изучение особенностей теории и практики аграрной политики на материалах таких традиционно сельскохозяйственных регионов, как Марийская, Мордовская и Чувашская АССР приобретает особое значение.

В конце периода правления Н. С. Хрущева стало очевидно, что реформы в области сельского хозяйства «пробуксовывают». Плановые задания на семилетку не были выполнены ни в одной из республик. Наметился общий спад сельскохозяйственного производства, замедлился рост урожайности зерновых, в ряде отраслей животноводства снизилась продуктивность и сократилось поголовье

скота. Для Марийской, Мордовской и Чувашской АССР 8-я пятилетка в сельском хозяйстве начиналась в сложных экономических условиях¹. Необходимость очередной аграрной модернизации не вызывала сомнений.

Решения мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС инициировали, по сути, очередной этап реформирования на селе. Было четко определено, что интенсификация — это генеральное направление в подъеме сельскохозяйственного производства, содержащее 3 основные составляющие: комплексная механизация, мелиорация и химизация сельского хозяйства. Подчеркивалось значение последовательной специализации сельскохозяйственного производства путем создания крупных специализированных и высокомеханизированных хозяйств по определенным видам товарной продукции.

Основные принципы реформирования сельскохозяйственного производства получили конкретное воплощение в государственных планах на 1966 — 1970 гг. Их основу составил принципиально новый подход к планированию закупок. Планы заготовок продукции сельского хозяйства были стабилизированы, что способствовало гармоничному сочетанию государственных и внутрихозяйственных интересов, возможности колхозам и совхозам самостоятельно планировать использование сверхплановой продукции, расширять производство в более выгодном для хозяйства направлении.

В рассматриваемых республиках ранее утвержденные планы заготовок на 1965 г. содержали значительные изменения. В частности, были несколько снижены планы заготовок зерна, картофеля, сахарной свеклы и некоторых других сельскохозяйственных продуктов. Республикам утверждались объемы заготовок на каждый год предстоявшей пятилетки. Так, в Мордовии ежегодный план продажи государству зерна устанавливался на все пятилетие в объеме 155 тыс. т, что было на 20 тыс. т меньше по сравнению с продажей в 1965 г.² Фиксированный план государственных закупок продуктов животноводства в республиках предусматривал их увеличение³.

В каждой республике уже в 1965 г. были разработаны планы конкретных мероприятий по выполнению решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС. В данных документах содержался широкий перечень мер по подъему сельского хозяйства республик и, в первую очередь, в сферах растениеводства, животноводства, электрификации и механизации аграрного производства. Кроме того, предусматривалось осуществление мероприятий в сельском строительстве, заготовительных организациях и перерабатывающей промышленности, в области специализации, организации и оплаты труда, подготовки и переподготовки кадров и т. д. Таким образом, программа мероприятий по реформированию сельского хозяйства носила комплексный характер, охватывая максимально широкий спектр проблем села от организационно-экономических до социально-бытовых. Подтверждением вышесказанного является, в частности, «Проект мероприятий по выполнению решений мартовского Пленума ЦК КПСС „О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства“ в колхозах и совхозах Чувашской АССР»⁴.

Важнейшим направлением в аграрной политике по-прежнему оставалось финансовое оздоровление хозяйств. Для этого государство использовало практически все имевшиеся в рамках существовавшей экономической модели механизмы.

С целью исправления ситуации с убыточностью хозяйств в начале реформ значительно повысились закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Увеличение цен на зерно составило 50 — 100 %. При этом цены были существенно дифференцированы. Так, цена на пшеницу для колхозов РСФСР составляла 86 руб., для Нечерноземных областей России, к числу которых относились рассматриваемые республики — 130 руб. за тонну⁵ против 83 руб., выплачиваемых за урожай 1964 г. С учетом зональных особенностей повышались закупочные цены на скот. По Российской Федерации цены на КРС возросли на 35%, свиней — на 33 %. Для рассматриваемых республик надбавки к заготовительным ценам стали еще выше: на КРС — 50 %, свиней — 53 % и на овец — 70 %⁶.

Укрепление финансового состояния хозяйств, как и в предыдущий период, в основном осуществлялось за счет списания задолженностей. На протяжении второй половины 1960-х гг. списывались задолженности по долгосрочным и краткосрочным ссудам Госбанка, постоянно отсрочивались платежи колхозов по авансам заготовительных организаций, продлевалось погашение задолженностей по натуральным ссудам. Прогрессивным являлось изменение порядка обложения колхозов подоходным налогом. Так, с 1965 г. подоходным налогом государство стало облагать чистый доход колхоза, а не валовой, как было раньше⁷. При новом порядке взимания налога его сумма снизилась приблизительно в 2 раза.

По-прежнему особое внимание в республиках уделялось развитию экономически слабых хозяйств. Для них ежегодно разрабатывались мероприятия по подъему экономики, носившие комплексный характер. Ярким примером успешной реализации проводимых мероприятий является колхоз «Якстере Зоря» Атяшевского района Мордовии, из отстававшего хозяйства в 1965 г. ставший рентабельным к концу 8-й пятилетки. Подобные примеры были не единичными. Необходимо отметить, что повышенное внимание государства к отстававшим хозяйствам приносило свои положительные результаты. Так, за период с 1965 по 1970 г. из 119 экономически слабых колхозов Мордовской АССР 75 хозяйств преодолели свое отставание. Однако на 1 января 1971 г. 44 колхоза продолжали оставаться экономически слабыми⁸.

Годы 8-й пятилетки были ознаменованы серией принятых постановлений в области сельского хозяйства, заложивших организационно-правовую основу последующего развития отрасли. Уже в течение 1965 — 1966 гг. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли ряд решений о повышении материальной заинтересованности колхозов и совхозов в увеличении производства и продажи государству продукции растениеводства и животноводства, об отнесении затрат по коренному улучшению земель в колхозах за счет государственного бюджета, об оказании финансовой помощи колхозам, об оплате труда руководящих работников и специалистов совхозов и другие, направленные на укрепление экономики колхозов. Не все из них удалось выполнить, в частности, не был осуществлен перевод совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий на полный хозяйственный расчет.

После мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС произошли значительные изменения и в управлении сельским хозяйством. В рассматриваемый период министерство вновь было освобождено от функций заготовок и преобразовано в Министерство сельского хозяйства.

Своеобразным рудиментом политики первой половины 1960-х гг. явилось сокращение числа колхозов и рост совхозов в средневожских республиках. Статистические данные свидетельствуют об укреплении колхозов во всех рассматриваемых республиках. Увеличились сельскохозяйственные угодья, посевные площади, повысилось число голов скота, в том числе крупного рогатого, вырос парк сельскохозяйственных машин⁹.

По организационно-хозяйственному укреплению колхозов одной из действенных мер после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС были разработка нового Устава колхоза и проведение III Всесоюзного съезда колхозников. Следует отметить высокую активность колхозников при обсуждении проекта нового Примерного устава колхоза. Например, в Мордовии в обсуждении этого значимого документа приняло участие 176,3 тыс. колхозников, на собраниях выступило более 1 800 чел.¹⁰ В соответствии с новым Уставом колхозов в районах образовались районные, в республиках — республиканские Советы колхозов. Целью их создания явилось дальнейшее развитие колхозной демократии, коллективного обсуждения наиболее важных вопросов жизни и деятельности колхозов, обобщение опыта организации производства и выработка рекомендаций по более полному использованию резервов роста общественного хозяйства. Однако, как показала потом практика, они не сыграли существенной роли в укреплении колхозного строя.

Положение в совхозах во второй половине 1960-х гг. было несколько иным. Прослеживается отрицательная динамика практически всех показателей развития совхозов к 1970 г. В первую очередь, это относилось к Марийской АССР, показатели которой сократились в 2 раза¹¹. Как правило, совхозы по сравнению с колхозами были более крупными хозяйствами, с большим количеством сельскохозяйственных угодий, с мощным машинно-тракторным парком и т. п. В то же время следует учитывать и то, что большие объемы порождали определенные проблемы. Так, в совхозах республик существовало неблагоприятное положение с использованием машинно-тракторного парка. Средняя годовая выработка на один трактор в колхозах Марийской АССР в 1965 г. составила 394 га, в совхозах — 366 га, или 92,9 % от показателей колхозов, в Чувашской АССР — 408 га и 355 га (87,0 %), в Мордовии — 457 и 363 га (79,4 %) соответственно. Ситуация кардинально не изменилась и к концу пятилетки, колхозы по-прежнему значительно опережали совхозы по данному показателю. Сходная ситуация в республиках сложилась и по показателю сезонной выработки на один зерноуборочный комбайн¹².

Кроме того, в рассматриваемый период в совхозах, несмотря на значительные капитальные вложения и рост основных производственных фондов, четко проявилась проблема их эффективного использования. Например, в совхозах Мордовии рост фондовооруженности значительно опередил рост производительности труда и снижение фондоотдачи. Если в 1965 г. на 100 руб. производственных фондов сельхозназначения было получено 85 руб. валовой продукции сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1965 г.), то в 1966 г. — 78 руб., в 1967 г. — 79 руб.¹³ Значительные суммы капитальных вложений совхозы вкладывали в строительство животноводческих помещений и формирование стада. Однако при этом не достаточно средств тратилось на улучшение плодородия почв, в виду чего не получали должной отдачи от использования земли.

Таким образом, при сопоставлении сведений по колхозам и совхозам за 1965 и 1970 гг., получается, что как в РСФСР, так и в трех исследуемых автономиях совхозное производство существенно отставало от колхозного в следствие большей численности колхозов и более высокой производительности труда колхозников.

Политика, направленная на поддержку совхозов (во многом в ущерб колхозам), в целом не принесла существенных результатов. Более того, отдельные исследователи (Е. Б. Никитаева, Л. Н. Денисова, О. В. Горбачев¹⁴ и др.) объявили ее как главный фактор «раскрестьянивания» и исчезновения деревни в России. Административное «превращение» колхозов в совхозы в массовом порядке было прекращено. Однако практика пересмотра размеров крупных совхозов и колхозов продолжилась. В частности, в случаях специализации хозяйств отстававшие колхозы продолжали объединяться в один большой совхоз. В Марийской АССР, например, за годы 8-й пятилетки на базе колхозов было вновь организовано 22 совхоза¹⁵. Таким образом руководство республик пыталось «убить двух зайцев»: списать за счет бюджета РСФСР задолженности отстававших колхозов и провести в жизнь курс на специализацию сельскохозяйственного производства. В связи с тем, что специализация была объявлена мерой по интенсификации сельского хозяйства, отказы ЦК по объединению отстававших колхозов в совхозы были редкими.

Во второй половине 1960-х гг. оформилась специализация колхозов и совхозов как мера, направленная на интенсификацию сельскохозяйственного производства. Специализация стала основой процесса перевода сельскохозяйственного производства на промышленную основу.

В Марийской АССР ставку сделали на активное развитие птицеводства. В результате уже в 1968 г. республика значительно опережала по валовому производству яиц и мяса на душу городского населения не только Мордовскую и Чувашскую АССР, но и РСФСР в целом¹⁶. Осуществлялась специализация и отдельных хозяйств. Так, например, пригородный совхоз «Семеновский» получил молочно-овощеводческое направление в целях снабжения населения города молоком, картофелем и овощами. Позже сложились и другие специализированные хозяйства: по интенсивному откорму КРС, свиней и выращиванию поросят. По плану специализации, разработанному в 1968 г., крупные молочные фермы и птицефабрики были районированы в пригородной зоне, а свиноводческие и овцеводческие — в остальных районах республики¹⁷.

В Мордовской АССР план 8-й пятилетки предусматривал развитие во всех районах республики зернового хозяйства, молочно-мясного скотоводства, производство картофеля. По отдельным культурам предполагалась ярко выраженная специализация. Например, в если Мордовии в начале 8-й пятилетки сахарная свекла возделывалась почти во всех районах, то в 1970 г. ее производство концентрировалось в 8 районах¹⁸. Уже в марте 1968 г. в республике были созданы специализированные совхозы по откорму скота, по производству свинины и яиц; сдана в эксплуатацию Атемарская птицефабрика. Крупные специализированные фермы работали в Ромодановском, Ичалковском, Чамзинском и некоторых других районах¹⁹.

В отличие от Мордовии план специализации животноводства Чувашской АССР на 8-ю пятилетку предусматривал преимущественное развитие мясомолочного

животноводства и птицеводства. Производство шерсти и мяса баранины форсировать не предполагалось. В сфере земледелия Чувашия пошла по линии резкого увеличения производства кормов для обеспечения развивавшегося животноводства и производства технических культур, прежде всего, сахарной свеклы на промышленные цели и хмеля²⁰.

В то же время архивные документы содержат сведения о том, что в республиках во второй половине 1960-х гг. к специализации нередко относились как к очередной «кампанейщине». В первую очередь, это выражалось в непродуманности специализации по районам и отдельным хозяйствам, когда местные условия не позволяли вести то или иное направление сельского хозяйства эффективно. В результате реализации спускавшихся сверху планов по специализации отдельные хозяйства работали с убытками²¹. Однако, несмотря на наличие отдельных негативных проявлений, общая тенденция к результативности специализации сельского хозяйства в республиках была позитивной.

Во второй половине 1960-гг. было пересмотрено отношение к личным подсобным хозяйствам (ЛПХ) и сняты некоторые ограничения в отношении них. Еще при Н. С. Хрущеве 13 ноября 1964 г. Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР приняли постановление «Об устранении необоснованных ограничений подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих»²². И это был значительный шаг вперед. Однако сложившиеся у руководителей разного уровня стереотипы по отношению к ЛПХ в первые годы 8-й пятилетки не всегда было легко преодолеть. Именно поэтому в рассматриваемых республиках данное постановление выполнялось неудовлетворительно. Особенно это касалось вопроса устранения необоснованно произведенных уменьшений приусадебных земельных участков колхозных дворов. На данное обстоятельство, в частности, указывал в своем докладе на VII пленуме Мордовского обкома КПСС, состоявшемся 29 июня 1965 г., прокурор республики А. А. Беляев. В некоторых колхозах и совхозах, вместо пересмотра и восстановления ранее необоснованно ограниченных приусадебных участков, продолжались факты незаконного уменьшения²³.

В то же время доля ЛПХ в общем объеме сельскохозяйственного производства оставалась на протяжении второй половины 1960-х гг. весьма значительной. Более того, нередко именно благодаря ЛПХ в республиках выполнялись планы государственных заготовок²⁴. Однако, несмотря на изменение отношения власти к ЛПХ, революционного скачка в их развитии не произошло. Более того, по отдельным показателям прослеживалась отрицательная динамика. В частности, это относится к поголовью скота в ЛПХ, численность которого неуклонно снижалась в Мордовской АССР на протяжении всего анализируемого периода²⁵.

Руководство рассматриваемых республик возлагало большие надежды на решения мартовского пленума. В частности, об этом неоднократно в своих выступлениях высказывался Первый секретарь Мордовского обкома КПСС Г. И. Осипов²⁶. Уверенность в правильности взятого курса постоянно звучала в отчетных докладах республиканских обкомов КПСС²⁷. Надо признать, что эти надежды во многом оправдывались. Уже в первые годы 8-й пятилетки в хозяйствах республик повысились урожайность и продуктивность скота, увеличилось производство и заготовка основных сельскохозяйственных продуктов. Так, в Мордо-

вии за 2 года пятилетки было продано государству сверх плана 46 тыс. т зерна, 27,8 тыс. т мяса, более 54 тыс. т молока, около 10 млн шт. яиц²⁸. Чувашия в 1965 г. досрочно, 22 августа, выполнила план продажи зерна государству. Годовой план хлебозаготовок был выполнен на 130 %, картофеля — на 129 %. Сверх плана продано 16 671 т зерна, 40 тыс. т картофеля. Годовой план продажи мяса выполнен на 112 %, молока — 115 %, яиц — 130 %, шерсти — на 104 %²⁹. В Марийской республике в 1965 г. всего было собрано зерна свыше 310 тыс. т, или на 47 % больше, чем в 1964 г. Хозяйства республики успешно справились с продажей хлеба государству, продав более 45 тыс. т зерна при плане 30 тыс. т. План продажи картофеля был выполнен на 172 %. Значительно увеличилось производство всех продуктов животноводства. Перевыполнен план продажи молока, яиц, шерсти и мяса³⁰.

Таким образом, суть аграрных реформ второй половины 1960-х гг. состояла во введении принципов учета и использования в руководстве хозяйством экономических законов развития общества посредством либерализации отношений сельхозпроизводителя и государства, децентрализации управления отраслью, введении элементов рыночных отношений в сфере аграрного производства и расширении внутриколхозной демократии и т. д. Основу реформирования составила реализация основных направлений интенсификации сельскохозяйственного производства специализации и перевода его на промышленную основу. Опыт первых лет аграрной модернизации, инициированной мартовским пленумом ЦК КПСС, свидетельствует о несомненном благотворном влиянии проведенных реформ. Республики не знали подобных успехов в предыдущие периоды аграрной истории. В то же время проявились отдельные негативные явления, ставшие впоследствии факторами сворачивания реформ и застоя в отрасли. Однако главным противоречием реформ, как и в предыдущий хрущевский период, стало отсутствие оптимального сочетания взятого за основу социалистического способа хозяйствования с привнесенными в систему элементами демократии и рынка.

Библиографические ссылки

¹ Об этом подробнее см.: **Бикейкин Е. Н.** Развитие сельского хозяйства и реформы на селе во второй половине 1960-х гг. : (По материалам республик Сред. Поволжья) // *Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2009. № 2. С. 103 — 112.

² ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 213. Л. 185.

³ См.: *Мар. правда*. 1966. 26 февр. ; ЦГА РМ. Ф. Р-516. Оп. 3. Д. 228. Л. 3 ; ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 48. Д. 388. Л. 6.

⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-197. Оп. 48. Д. 388. Л. 6-27.

⁵ См.: **Казарезов В. В.** Крестьянский вопрос в России: (от коллективизации до перестройки). М., 2001. Т. 2. С. 401.

⁶ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 213. Л. 190 ; Д. 228. Л. 68.

⁷ См.: *Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965 — 1974 гг.)*. М., 1975. С. 31.

⁸ НА НИИГН. И-1550. Л. 17 — 20.

⁹ См.: *Народное хозяйство Мордовской АССР. 1922 — 1972 гг. : юбилейн. стат. сб.* Саранск, 1972. С. 68 ; *Народное хозяйство Марийской АССР в цифрах : стат. сб.* Йошкар-Ола, 1976.

С. 103 — 105 ; Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки (1976 — 1980) : стат. сб. Чебоксары, 1982. С. 68 — 70.

¹⁰ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 579. Л. 23 — 24.

¹¹ См.: Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. : стат. ежегод. М., 1971. С. 278 — 279.

¹² Об этом подробнее см.: **Бикейкин Е. Н.** Комплексная механизация и электрификация в условиях интенсификации сельскохозяйственного производства во второй половине 1960-х гг. : (По материалам Мар., Мордов. и Чуваш. АССР) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. № 3. С. 67 — 79 ; Использование тракторов и комбайнов в колхозах и совхозах в 1965 — 1970 гг. : стат. сб. М., 1971. С. 137, 176.

¹³ ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 32. Д. 234. Л. 130 — 133.

¹⁴ См.: **Никитаева Е. Б.** Исчезающая деревня (1960 — середина 80-х годов) // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 436 — 462 ; **Денисова Л. Н.** Исчезающая деревня России : Нечерноземье в 1960 — 1980-е гг. М., 1996 ; **Горбачев О. В.** На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946 — 1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002.

¹⁵ См.: **Сухин В. И.** Основные направления развития сельского хозяйства Марийской АССР в годы восьмой пятилетки (1966 — 1970) // Сельское хозяйство Марийской АССР в 1940 — 1960 годах. Йошкар-Ола, 1981. С. 136.

¹⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 2445. Л. 168 — 169.

¹⁷ См.: **Сухин В. И.** Указ. соч. С. 154.

¹⁸ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 213. Л. 186.

¹⁹ Там же. Д. 455. Л. 107.

²⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-210. Оп. 29. Д. 139. Л. 67, 71 — 73.

²¹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 455. Л. 57.

²² См.: Об устранении необоснованных ограничений подсобного хозяйства колхозников, рабочих и служащих : постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР, Совмина РСФСР от 13 нояб. 1964 г. № 1 408. [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.lawmix.ru> (дата обращения: 24.04.2014).

²³ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 213. Л. 141 — 143.

²⁴ Там же. Д. 438. Л. 5 — 8.

²⁵ Там же. Ф. Р-662. Оп. 34. Д. 51. Л. 16.

²⁶ Там же. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 213. Л. 190 ; Д. 455. Л. 5.

²⁷ См.: Совет. Чувашия. 1966. 10 февр.

²⁸ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 455. Л. 5.

²⁹ См.: Заседания Верховного Совета Чувашской АССР (шестой созыв, седьмая сессия, 19 — 20 янв. 1966 г.) : стеногр. отчет. Чебоксары, 1966 г. С. 6 — 7.

³⁰ См.: **Сухин В. И.** Указ. соч. С. 130.

Поступила 30.10.2016 г.

УДК 94(470)

Е. Н. Бикейкин

Е. N. Bickeykin

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.:
ОПЫТ АНАЛИЗА НА МИКРОУРОВНЕ**

**TRANSFORMATION OF SOCIAL AND ECONOMIC
INFRASTRUCTURE OF THE VILLAGE IN THE SECOND HALF
OF THE 1980s: EXPERIENCE OF MICROLEVEL ANALYSIS**

Ключевые слова: перестройка, сельское хозяйство, колхоз, животноводство, растениеводство, социально-экономическая инфраструктура села, село Мордовское Давыдово Кочкуровского района Мордовской АССР.

В статье анализируется трансформация социально-экономической инфраструктуры советского села во второй половине 1980-х гг. На материалах Мордовского Давыдова определяются основные векторы развития колхозного производства — в частности и итоги перестройки на микроуровне — в целом.

Key words: perestroika, agriculture, kolkhoz, livestock, crop production, social and economic infrastructure of the village, the village of Mordovskoye Davydovo of the Kochkurovo District of the Mordovian ASSR.

The transformation of social and economic infrastructure of the Soviet village in the second half of the 1980s is analyzed in the article. The main vectors for the development of kolkhoz production, in particular, and the results of perestroika at the microlevel, in general, are determined on materials of Mordovskoye Davydovo.

Перестройка, инициированная М. С. Горбачевым, существенно изменила состояние сельской экономической и социокультурной инфраструктуры¹. Не стало исключением и мордовская глубинка. Что же собой представляло село в годы перестройки? Какие социально-экономические метаморфозы оно пережило? Ответить на эти вопросы, а также определить основные векторы и итоги трансформации мы попытаемся на примере конкретного села, а именно Мордовского Давыдова Кочкуровского района Мордовской АССР.

К середине 1980-х гг. Мордовское Давыдово представляло собой типичное советское село со стандартным набором учреждений и организаций, составлявших костяк этой инфраструктуры. «Мордовское Давыдово — обычное село, — отмечает уроженец села А. Н. Пинямаскин, вспоминая годы своей юности и молодости. — Но даже по тем временам в нашем селе было две школы, два фельдшерско-акушерских пункта, клуб, библиотека. Строились дома. Инфраструктура была в тех объемах, что можно было автономно прожить, не выезжая за пределы села»². Социально-экономическим стержнем села являлся колхоз «Правда». Именно в колхозе трудилось наибольшее число работоспособных жителей. Благодаря колхозу были построены основные социокультурные и хозяйственные объекты села, за счет средств колхоза проводились их ремонт и реконструкция.

Колхоз «Правда» в 1970-е гг. считался в районе «крепким середнячком», но уже в первой половине 1980-х гг. стал сдавать позиции и все чаще причислялся к отстающим, это сказывалось и на развитии села в целом — его инфраструктуры, социокультурной сферы и доходах жителей. В период перестройки обострились старые и появились новые проблемы в жизни Мордовского Давыдова.

Существенные недостатки в развитии общественного производства начали проявляться в 1984 — 1985 гг. Несмотря на то, что планы 11-й пятилетки по производству и продаже основных видов сельскохозяйственной продукции были выполнены³, в эти два года колхоз, например, не выполнил план по продаже молока государству, снизилось поголовье крупного рогатого скота и свиней. Урожайность в 1985 г. составила 8,9 ц с 1 га (или на 8,1 ц с 1 га меньше, чем планировали), и это были худшие показатели по району⁴. Таким образом, планы 11-й пятилетки были достигнуты только за счет первых трех лет. 1984 — 1985 гг. стали, по сути, провальными для колхоза «Правда».

В 1986 г. колхоз также не выполнил взятые на себя обязательства по большинству показателей. Отрицательная динамика производственных показателей в 12-й пятилетке медленно, но верно стала доминировать в хозяйственной жизни колхоза. По мнению М. И. Баковой, «колхоз „Правда“ все эти годы по продуктивности сельского хозяйства оставался на уровне девятой — десятой пятилеток»⁵. Тогда она, видимо, еще не осознавала, что в скором будущем эти слова будут восприниматься в качестве похвалы.

Причины подобного положения дел являлись традиционными для сельского хозяйства республики тех лет, а именно: их видели в недооценке «...экономических методов хозяйствования, непоследовательности во внедрении передового опыта в земледелии и животноводстве и, конечно, борьбы за культуру земледелия»⁶.

В животноводческой отрасли достигнутый уровень также был невысоким и не отвечал требованиям времени. Результатом низкой продуктивности дойного стада стало систематическое невыполнение планов: по итогам 1986 г., колхоз не выполнил их ни по молоку (выполнен на 90 %, надой на одну фуражную корову составил 1 835 кг), ни по мясу. Государству продали молока 5 401 ц⁷, и в 1986 г. эти показатели были худшими в Кочкуровском районе⁸.

1987 г. в истории колхоза «Правда» можно назвать своеобразной точкой необратимости. Это во многом подтверждается статистикой и фактами. Так, при плане производства молока 6 570 ц было произведено 5 640 (или 89,7 % от плана). Производство мяса при плане 1 350 ц составило 1 178 ц (или 87,2 % от плана). Не выполнили соответственно планы продажи государству животноводческой продукции⁹. Для тружеников полей 1987 г. по погодным условиям был неблагоприятным. Постоянно лили дожди. Несмотря на это, колхоз получил зерновых 18,3 ц с 1 га, что превысило показатели предыдущего года. В 1987 г. были выполнены планы производства и реализации зерна государству¹⁰.

Таким образом, как и в 1984 — 1987 гг., планы по производству не были выполнены ни по молоку, ни по мясу. А причины этого те же — недостаток и низкое качество кормов, плохие содержание скота и санитарный уход за ним, протой машинно-тракторного парка и т. д. Следует отметить и тот факт, что партийно-хозяйственный актив сходил в мнении, что в колхозе и в селе в целом упали дисциплина, ответственность и желание добросовестно трудиться¹¹.

Низкая эффективность сельскохозяйственного производства во многом объяснялась также следующим: при высокой фондообеспеченности и фондовооруженности техника и основные фонды не всегда использовались рационально и эффективно. Колхоз был достаточно неплохо оснащен сельскохозяйственной техникой. В частности, на конец 1987 г. имелись 12 (а в 1986 г. — 18¹²) автомашин разных марок, более 30 тракторов, 8 комбайнов и другой сельхозтехники и оборудования на сумму более чем 509 тыс. руб.¹³ Всего же основных фондов по хозяйству на конец 1987 г. числилось на 2 674 тыс. руб. Рост за 1987 г. составил 466 тыс. руб. за счет нового строительства (коровник и водопровод), а также приобретения новой техники¹⁴. Использование машинно-тракторного парка в колхозе оставалось низким и составило в 1987 г. по тракторам 46 %, по автомашинам — 60 %¹⁵. Причины заключались как в недостатке механизаторов и дефиците запасных частей, так и в нерадивом отношении к технике¹⁶. Однако, пожалуй, главной причиной можно считать отсутствие теплого гаража. На протяжении многих лет его обещали построить, но так и не достроили, хотя объявили о завершении строительства в газете «Заря»¹⁷. В реальности его построили, но не подключили к коммуникациям, т. е. здесь не было горячей воды и отопления, из-за чего в 1987 г. гараж так и не пустили в эксплуатацию. Кроме того, из года в год руководство и специалисты колхоза отмечали факты низкой культуры земледелия, неэффективное использование удобрений, медленное внедрение научнообоснованной системы земледелия и т. д.

Несмотря на то, что росли основные фонды колхоза, ежегодно увеличивалась задолженность государству по долгосрочным и краткосрочным ссудам. На начало 1988 г. общий долг колхоза государству исчислялся 4 826 тыс. руб.¹⁸ Многомиллионные долги хозяйства свидетельствовали о низкой эффективности сельскохозяйственного производства в колхозе «Правда». Об этом же говорит и тот факт, что производство кормов и зерна по-прежнему оставалось дорогим. Дороговизна кормов неминуемо сказывалась на себестоимости животноводческой продукции¹⁹.

Все чаще выходила из строя техника, не выдерживали люди. В 1987 г. «опустились руки» и у председателя колхоза Б. В. Цыбина, работавшего на этой должности с начала 1980-х гг. Видимо, систематическое невыполнение планов, частая смена вектора аграрной политики, жесткая критика районного руководства привели к тому, что он постепенно отстранился от управления хозяйством. 24 августа 1987 г. в один из самых сложных для колхоза моментов — период уборки урожая — состоялось заседание партбюро колхоза, на котором секретарь парторганизации предложила вынести председателю колхоза самое строгое наказание «за его проделки». Б. В. Цыбин не стал отрицать обвинения, более того он признал, что находился на собрании пьяный и коротко заявил: «Снимайте меня с работы, мне уже надоело работать»²⁰. Как результат, Б. В. Цыбин покинул должность председателя колхоза, а на его место прислали И. В. Немойкина, работавшего до этого секретарем парторганизации свиноводческого совхоза «Темпы» Кочкуровского района МАССР²¹.

1988 г. начался в сложных условиях, колхоз должен был перейти на самофинансирование. Результаты 1988 г. были хуже предыдущих лет. Урожайность зерновых составила только 12 ц с 1 га (или недополучили 5,9 ц с 1 га от плана). Произвели зерна 9 600 ц — значительно меньше планируемого²².

В 1988 г. кормодобывающая бригада фактически распалась. Было заготовлено 250 т сена (меньше, чем в 1987 г.), а однолетние травы вообще не убирались. Практически в 2 раза меньше было заготовлено силоса — 2 450 ц (в 1987 г. — 4 480 ц). Всего же заготовлено 8,2 кормовых единиц на одну условную голову без концентратов, а с концентратами — 14,3 (в 1987 г. — соответственно 14,2 и 19,8 ц)²³. Таким образом, зимовка ожидалась трудной.

Итоги развития сельского хозяйства в Кочкуровском районе были подведены на 31-й районной партконференции. Колхоз «Правда» подвергли жесточайшей критике. Критиковать было за что: план 1988 г. по мясу выполнили, а по молоку и зерну нет; надой на 1 корову составил 1 795 кг — худший результат по району²⁴. Из несомненных достижений 1988 г. следует отметить только пуск в действие пилорамы и моста через реку на свиноферму.

С очередной смены председателя колхоза начался 1989 г. В январе подал заявление об освобождении с работы по собственному желанию И. В. Немойкин²⁵. В качестве причин принятия своего решения он указал: «...Дела в хозяйстве не улучшились. ...Да и здоровье у меня не важное». Председатель РАПО Н. В. Пырников, отметил, что показатели колхоза «минусовые», а дела И. В. Немойкина «не вяжутся в производстве. Слабо идет строительство жилья, специалистов не хватает и уезжают много». Кочкуровский РК КПСС рекомендовал на должность председателя колхоза «Правда» В. И. Шагалкина²⁶, который и был избран на общем собрании.

1990 г. не принес позитивных изменений в хозяйственной жизни колхоза. Низкой оставалась урожайность — по зерновым она составила 16,2 ц с 1 га²⁷. В 1990 г. колхоз не выполнил планы продажи государству продукции животноводства: процент выполнения составил по мясу — 71,7, а по молоку — 88,6. Необходимо отметить, что 1990 г. был для района беспрецедентным. Впервые планы по продаже молока не выполнили 11 хозяйств из 13, по мясу — 8 из 13²⁸. Колхоз традиционно занимал последние места по району и часто показывал самые худшие результаты.

В 1990 г. продолжилась кадровая чехарда с председателями колхоза. Новым председателем «избрали» В. И. Вишнякова²⁹. Разочарование в области сельского хозяйства принес и последний год советской эпохи. В 1991 г. обострились проблемы в животноводстве, в итоге был сорван план заготовок продукции животноводства последнего года 12-й пятилетки. Очень низкой в 1991 г. была урожайность зерновых и зернобобовых культур. На 12 августа она составила всего 10,0 ц с 1 га, и в целом по району оставалась тоже низкой — 11,8 ц с 1 га³⁰. По сути, единственным достижением в общественном производстве являлось то, что колхоз «Правда» оказался на первом месте в районе по заготовкам кормов³¹.

В области строительства и благоустройства села 1991 г. стал одним из наиболее успешных. Под занавес советской эпохи летом 1991 г. со стороны Сабеева была проведена асфальтированная дорога. Заасфальтировали 1 700 м до центра Мордовского Давыдова и 3 км до старой фермы. В том числе соорудили железобетонный мост, соединивший Мордовское Давыдово и Русское Давыдово³². Это существенно улучшило облик села и решило проблемы водителей и пешеходов.

Анализируя колхозную жизнь в Мордовском Давыдове, необходимо отметить, что скатывание колхоза «Правда» в разряд убыточных и отстающих привело к формированию устойчивого и крайне негативного отношения к нему у районных руководителей. Вот как, например, оценивал результаты работы колхоза «Правда» в первые годы перестройки председатель РАПО Кочкуровского района Н. В. Пырников на собрании парторганизации колхоза 2 декабря 1987 г.: «...Сегодня обсуждали вопрос о перестройке. И делового предложения никто не высказал. В итоге ваша партийная организация, ваше хозяйство стоит в самом хвосте. Вы не убрали до конца зерновые, вы не подняли зябь. Животноводство провалили. И у выступающих специалистов нет никакого просветления и представления. Ваше село очерствело. Люди есть, а дела нет никакого»³³. Второй секретарь РК КПСС Кочкуровского района А. П. Васяев, присутствовавший на отчетно-выборном партийном собрании колхоза сказал следующее: «...Люди у вас хорошие, но работаете пассивно, с каждым годом показатели падают вниз, а были у вас надои до 3 000 кг на корову и урожай не плохой. В чем же причина? ...Дисциплина упала, строительством жилья не занимаетесь, поэтому молодежь не остается, негде жить»³⁴.

Более того, колхоз «Правда» стал объектом критики на районных партийных конференциях, а их в годы перестройки было три — ХХХ (16 ноября 1985 г.), ХХХI (5 ноября 1988 г.) и ХХХII (13 октября 1990 г.). Практически по всем негативным проявлениям в развитии сельского хозяйства, социокультурной инфраструктуры в районе в качестве типичного примера приводился именно колхоз «Правда», на конференциях не было ни одного выступления или доклада представителя села, нами не обнаружен ни один случай, когда колхоз и село приводились в качестве положительного примера³⁵. Таким образом, имидж колхоза «Правда» в годы перестройки стремительно эволюционировал от отстающего к безнадежному.

В ускорении темпов роста сельскохозяйственного производства в годы перестройки существенное значение придавали внедрению в практику хозяйств таких механизмов хозяйствования, как полный хозрасчет и подряд. Эти формы организации труда нашли применение и в колхозе «Правда», хотя на собраниях партийной ячейки колхоза часто звучала критика по поводу формального характера подобных мер и инициатив, что специалисты хозяйства «...никакого представления о хозрасчете не имеют» и «...находятся в плену старых представлений, инструкций, действуют по инерции»³⁶.

В 1988 г. колхоз «Правда» планировал перейти на самофинансирование. Необходимо отметить, что труженики с. Мордовское Давыдово ожидали этого нововведения с большой настороженностью и даже с опасением. На то были свои причины и основания, поскольку положение дел в хозяйстве с каждым годом ухудшалось, а главное — специалисты уходили из села, а оставшиеся утратили надежду на возрождение колхоза. Это, в свою очередь, порождало пессимистические, упаднические настроения, безынициативность, нигилизм, переходившие в пагубную безответственность и халатность. Тракторист колхоза Р. М. Мамедов так выражал свое мнение о будущем колхоза в условиях самофинансирования: «...Перестройка... Разговоров много. С нового года мы переходим на самофинансирование, а чем мы будем рассчитывать членов колхоза, когда у нас нечего продать

в этом году (1987 г. — *Е. Б.*), а больше выручка у нас ниоткуда не поступит. По подъему зяби, осенью сломали всю технику, а зябь осталась не поднята полностью, людей для ремонта нет»³⁷. «Что реализуем, то и пойдет на оплату», — парировала экономист колхоза Н. М. Адушкина³⁸. С такими фаталистическими настроениями труженики колхоза входили в новый 1988 г., несший очередные новшества в практику хозяйствования на селе.

С января 1988 г. были переведены на полный хозрасчет и подряд кормодобывающая бригада, поросята на откорм на свиноферме, молодняк и дойное стадо на молочно-товарной ферме. Таким образом специалисты были поставлены в зависимость от конечного результата³⁹. По другим данным, это произошло 1 июля 1988 г.⁴⁰ Пытались создать арендное звено, которое хотел возглавить Р. М. Мамедов, но в 1988 г. так и не создали. 7 апреля 1989 г. Президиум Верховного Совета СССР постановил, что в аренду могут передаваться земля и другие природные объекты, имущество государственного, кооперативного или иного общественного предприятия и т. д. 18 апреля 1989 г. секретарь Кочкуровского РК КПСС К. И. Шуляева отметила, что «...во всех колхозах созданы арендные звенья...», и подвергла резкой критике колхоз «Правда» за то, что здесь «нет ни одного арендного звена», предложив выход из создавшейся ситуации — «...коммунисты должны возглавить арендные звенья...»⁴¹. Причина нежелания брать ответственность за создание арендных звеньев была простой — слабая материальная база колхоза, техническая и моральная изношенность основных фондов. В таких условиях труженики колхоза не видели перспектив успеха новой формы хозяйствования. Однако после критики К. И. Шуляевой и под давлением районного руководства в 1989 г. все же было создано арендное звено, которое добилось неплохих результатов и даже попало на страницы районной газеты «Заря»⁴².

Подводя итог анализу развития колхоза, подчеркнем, что удручающее состояние общественного хозяйства, систематическое невыполнение планов и обязательств вкупе с негативным имиджем колхоза у районного руководства не добавляли оптимизма сельчанам. Замечания, высказанные на XXIX (1990 г.) Мордовской партконференции по поводу АПК, можно с уверенностью отнести и к накопившимся проблемам в колхозе «Правда»: запутанность форм собственности в АПК; разрушение основы сектора — общественного производства; отсутствие новых форм хозяйствования; неэффективность экономических рычагов управления производством; низкий уровень кооперации и агропромышленной интеграции; подорванность роли партийных органов в управлении⁴³. В целом, провалы в ведении общественного хозяйства в первые годы перестройки, а затем переход на самофинансирование стали, по сути, началом конца истории такого субъекта хозяйствования, как колхоз «Правда» Кочкуровского района Мордовской АССР. Вслед за этим не в лучшую сторону изменялась и жизнь с. Мордовское Давыдово.

Руководство страны понимало, что реализация Продовольственной программы в годы перестройки силами только общественного производства будет весьма затруднительной, поэтому на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев в очередной раз подчеркнул роль личных подсобных хозяйств в выполнении Продовольственной программы. Однако и с личными подсобными хозяйства-

ми в Мордовском Давыдове ситуация обстояла не лучшим образом. В ходе перестройки в селе возобладала тенденция к сокращению поголовья скота в личном пользовании. Основной причиной такого положения председатель колхоза Б. В. Цыбин называл «трудности в приобретении кормов»⁴⁴. Иными словами, личные хозяйства сельчан также были не в состоянии закрыть образовавшиеся бреши в общественном производстве. В результате систематически не выполнялись планы закупок излишков сельскохозяйственной продукции у населения⁴⁵.

Резюмируя сказанное, отметим, что со времени описываемых событий прошло мало времени и, вероятно, еще не достаточно для подведения однозначных итогов. Тем не менее у очевидцев перестройки сохранились диаметрально противоположные оценки. Например, уроженец села А. Н. Пинямаскин считает, что «...расцвет села в экономическом и социальном плане — вторая половина 80-х гг. Колхозы имели определенную силу, выделяли жилье. Даже построили новую улицу. Молодые семьи не думали уезжать. Была стабильная зарплата»⁴⁶. Имеется и крайне негативное отношение, когда в сознании представителей старшего поколения присутствует прямая аналогия между перестройкой и развалом великой Родины — СССР, победившим фашизм и поднявшимся из пепла послевоенной разрухи. Оба мнения имеют право на существование и лежат в плоскости субъективного восприятия прошлого. Однако исторические документы — вещь упрямая, а они свидетельствуют о том, что «эпоха перемен» в целом негативно отразилась на всех сторонах жизни Мордовского Давыдова. Упадок общественного производства и, как следствие, невозможность поддерживать на должном уровне состояние хозяйственной и социокультурной инфраструктуры села, демографическая катастрофа и кадровый голод, ослабление авторитета партии и советских органов, падение трудовой дисциплины на всех уровнях колхозной кадровой иерархии и ухудшение психологического самочувствия сельчан, в свою очередь, приведшие к обострению социальных болезней, — вот тот тяжелый багаж, с которым село вступало в 1990-е гг. — время масштабных социальных экспериментов.

Библиографические ссылки

¹ Подробнее об этом см.: **Бикейкин Е. Н.** Тенденции и противоречия в развитии сельскохозяйственного производства в 1980-е гг. : (По материалам Мар., Мордов. и Чуваш. АССР) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 1. С. 59 — 70.

² Текущий архив отдела истории НИИГН.

³ ЦГА РМ. Ф. 1639-П. Оп. 1. Д. 78. Л. 2, 4.

⁴ Там же. Л. 9, 29.

⁵ Там же. Д. 79. Л. 12.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 79. Л. 13 — 14.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 81. Л. 11.

¹⁰ Там же. Л. 11 — 12.

¹¹ Там же. Л. 87 — 89.

¹² Там же. Д. 78. Л. 35.

¹³ Там же. Д. 79. Л. 105.

- ¹⁴ Там же. Д. 81. Л. 12.
¹⁵ Там же. Д. 79. Л. 105.
¹⁶ Там же. Д. 78. Л. 120.
¹⁷ Там же. Л. 59.
¹⁸ Там же. Д. 81. Л. 12.
¹⁹ Там же. Л. 21.
²⁰ ЦГА РМ. Ф. 1639-П. Оп. 1. Д. 80. Л. 38 — 40.
²¹ Там же. Д. 79. Л. 118.
²² Там же.
²³ Там же. Л. 94.
²⁴ Там же. Л. 116.
²⁵ Там же. Д. 83. Л. 1.
²⁶ Там же. Л. 1 — 5.
²⁷ Там же. Ф. 677-П. Оп. 39. Д. 1. Л. 88.
²⁸ См.: Животноводство: курс — ускорение. Планы и реальность // Заря. 1991. 15 янв.
²⁹ ЦГА РМ. Ф. 677-П. Оп. 39. Д. 1. Л. 89.
³⁰ См.: Заря. 1991. 12 февр.
³¹ См.: Заря. 1991. 17 окт.
³² См.: **Кальмагаев Н.** Проехать и пройти приятно // Заря. 1991. 4 июля.
³³ ЦГА РМ. Ф. 1639-П. Оп. 1. Д. 79. Л. 91 — 92.
³⁴ Там же. Д. 81. Л. 83.
³⁵ См., например: ЦГА РМ. Ф. 677-П. Оп. 27. Д. 1. Л. 13, 17 — 18, 25, 28, 37; Оп. 35. Д. 2. Л. 19, 22, 24 — 26, 38, 41; Оп. 39. Д. 1. Л. 65, 83, 88 — 89.
³⁶ Там же. Ф. 1639-П. Оп. 1. Д. 79. Л. 15 — 16.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же.
³⁹ Там же. Д. 81. Л. 47.
⁴⁰ Там же. Л. 108.
⁴¹ Там же. Д. 83. Л. 16.
⁴² См.: **Кирюшкина В.** Общими усилиями // Заря. 1990. 13 янв.
⁴³ См.: **Бикейкин Е. Н., Огрин Г. В.** Аграрная политика и развитие сельского хозяйства Мордовии в годы перестройки (1985 — 1991 гг.) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 4. С. 105.
⁴⁴ ЦГА РМ. Ф. 1639-П. Оп. 1. Д. 79. Л. 70.
⁴⁵ См.: Молочные контрасты // Заря. 1990. 20 янв.
⁴⁶ Текущий архив отдела истории НИИГН.

Поступила 05.12.2016 г.

УДК 93/94

*В. И. Соколова, Е. К. Минеева**V. I. Sokolova, E. K. Mineeva*

**«ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ»:
К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ
В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ
(На примере реализации комплекса ГТО в Чувашской Республике)**

**“READY FOR LABOUR AND DEFENSE”:
ON THE QUESTION OF STATE POLICY IN THE SPHERE
OF PHYSICAL EDUCATION OF THE YOUTH
(On the example of the GTO complex implementation
in the Chuvash Republic)**

Ключевые слова: молодежная политика, гражданско-патриотическое воспитание, физкультурно-спортивный комплекс, «Готов к труду и обороне» (ГТО), СССР, Россия, Чувашия.

В статье на основе архивных и других опубликованных материалов исследуются вопросы физического и нравственного воспитания подрастающего поколения. Особое внимание уделяется проблеме зарождения и развития физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО), который является составным звеном в гражданско-патриотическом воспитании населения страны. На примере реализации молодежной политики государства в отдельно взятом регионе — Чувашии — дана оценка вкладу государственных органов и общественных организаций в вовлечение молодежи в оборонно-массовую работу, в укрепление здоровья и физической подготовки граждан.

Key words: youth policy, civil and patriotic education, physical training and sports complex, “Ready for Labour and Defense” (GTO), the USSR, Russia, Chuvashia.

The questions of physical and moral education of the younger generation are studied in the article on basis of archival and various published materials. Particular attention is paid to the problem of the origin and development of the physical training and sports complex “Ready for Labour and Defense” (GTO), which is an integral link in civil and patriotic education of the population. On the example of the implementation of the state youth policy in a particular region — Chuvashia — the contribution of state bodies and public organizations to the involvement of youth in the defense-mass work, to the strengthening of health and physical training of citizens is evaluated.

В современном мире молодежь является движущей силой и стратегическим ресурсом политических, социально-экономических и культурных преобразований. Развитие любого государства зависит от энергии и креатива, нравственной и физической подготовленности подрастающего поколения, рассматривающегося теоретиками и практиками в качестве пассионарного потенциала, к предстоящим трудностям с учетом современных процессов глобализации и геополитической расстановки сил на международной арене. Для России, проводящей активный внешнеполитический курс, не поддерживаемый многими странами мира, включая не только соседние государства из бывших республик СССР, но и членов Евросоюза, опирающихся на позицию США, необходимость подготовки физически крепкого молодого поколения является одним из наиболее приоритетных направлений

политики органов власти. Несмотря на важность проблемы, часто государственные, а так же общественные организации, опирающиеся на нравственное и физическое воспитание нового поколения молодых людей, остаются в тени истории. Поэтому потребность изучения политики в отношении молодежи становится востребованной временем и социально актуальной исследовательской задачей.

Определенное отношение к молодежи оформилось еще на заре человечества, в первобытном обществе. Далеко не всегда оно носило альтруистический характер. Хорошо известны такие исторические факты, как, например, сбрасывание древними людьми со скалы слабых, увечных и больных новорожденных. Случалось, что стариков и младенцев убивали в голодные годы, или в случае смерти матери малых детей хоронили вместе с ней. В качестве классического примера из истории Античности можно назвать спартанское воспитание юношества, ставшего олицетворением особо жесткой формы физической и нравственной закалки человека.

Наши предки хорошо понимали, что безопасность и процветание народа, т. е. выживание государства и гражданского общества, зависят от того, насколько молодое поколение идентифицирует себя со своей страной. В связи с этим создание патриота, человека, отстаивающего государственные интересы и общественные ценности, способного физически их защищать, что создавало необходимость в его спартанской подготовке, являются краеугольным камнем внутренней и внешней политики каждого государства.

Значительную роль в подготовке истинного патриота играют не только государственные, но и общественные организации, среди которых не последнее место занимают молодежные движения и институты. Говоря об истории возникновения и развития юношеского движения в мире, следует отметить, что понимание необходимости для молодежи, кроме школы и семьи, ее собственных объединений, пришло только к середине XIX в. В начале 1850-х гг. в Германии были предприняты попытки организации молодежных и детских корпораций. Так, например, в 1845 г. был создан Союз евангелической молодежи под руководством доктора Франка. Постепенно такие юношеские товарищества появились в США, Китае, Российской империи, Азии, Латинской Америке, Австралии и других странах мира¹. Колыбелью пролетарских молодежных объединений следует считать Бельгию. Здесь в 1880-х гг. был организован «Союз Молодой Гвардии», который начал работу по привлечению в свои ряды юношей и девушек 15 — 21-летнего возраста. Союз издавал журнал под названием «Молодая Гвардия», группировавший людей не только по возрасту, но и по их интересам.

Патриотическое воспитание представляет собой сложную систему формирования сознания и психологии, главной особенностью которых является готовность к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов своей родины. В современных условиях, когда в общественном сознании многих молодых россиян получили распространение индивидуализм, неуважительное отношение к государству и социальным институтам, усиливается тенденция падения престижа военной службы, требующей хорошей физической подготовки, насущной задачей руководства страны и общества становится патриотическое воспитание молодежи, включающего в себя комп-

лекс мер по совершенствованию трудового, нравственного, физического и эстетического воспитания.

Реализация указанной задачи тем более становится важной в связи с тем, что в настоящее время вызывает тревогу не только морально-нравственное состояние, но и физическое здоровье нового поколения России. С каждым годом численность юношей, годных к военной службе в армии, неуклонно сокращается. Духовная и телесная слабость молодежи заставляет задуматься о будущем развитии российской нации в целом. В результате появляются вопросы первоочередной важности, по поводу которых следует объединить усилия власти и общества, теории и практики. Именно гражданско-патриотическое воспитание должно стать элементом стабильного политического, социально-экономического развития и национальной безопасности Российской Федерации. Страна не должна остаться без дееспособного и здорового поколения молодых людей.

Необходимо отметить, что политика органов власти в России на современном этапе военно-патриотической и оборонно-массовой работы в сфере физической культуры и спорта не в полной мере отвечает вызовам времени. В связи с этим представляется вполне обоснованным изучение опыта государственного управления в области физкультурного и спортивного движения после революции 1917 г., выполненное на примере такого национального региона страны, как Чувашия. Значительный вклад в исследование данной проблемы внес председатель Чувашского республиканского комитета по физической культуре и спорту (1963 — 1975 гг.) Николай Скородумов².

Известно, что в течение многих лет составной частью физкультурного и спортивного движения в СССР являлось выполнение Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО). Впервые ГТО было введено решением Высшего совета физической культуры 11 марта 1931 г. по инициативе ВЛКСМ. В 1932 г. комплекс был дополнен 2-й ступенью, а в 1934 — ступенью «Будь готов к труду и обороне» (БГТО). В 1939 г. Совнарком СССР постановлением от 26 ноября утвердил новые «Положение» и нормы ГТО, с учетом имевшегося опыта работы и возросших требований к физическому воспитанию граждан государства. Комплекс ГТО должен был решать главную задачу физкультурного движения в стране — «всестороннее физическое развитие трудящихся для подготовки их к социалистическому труду и обороне СССР»³.

Принципы и требования ГТО лежали в основе государственных программ по физическому воспитанию в школах, ремесленных училищах, техникумах и вузах, а также спортивных организациях предприятий, учреждений, колхозов, в Советской армии и Военно-морском флоте. Комплекс состоял из 3-х ступеней: 1) «Будь готов к труду и обороне» для юношей и девушек 14 и 15 лет обеспечивала правильное физическое развитие подростков путем привлечения их к систематическим занятиям физкультурой и спортом; 2) «первая ступень ГТО» вела к дальнейшему физическому развитию трудящихся, вовлекая их в постоянные занятия физическими упражнениями; 3) «вторая ступень ГТО» обеспечивала высокий уровень всесторонней физической подготовленности и овладение спортивным мастерством. Полный комплекс ГТО первоначально был рассчитан на возраст от 14 до 40 лет⁴. В его первую часть входили упражнения общеразвивающего и прикладного характера, сдача нормативов по которым являлась обязательной

для всех: гимнастика, преодоление препятствий, бег, плавание, лыжи или пеший переход. Вторую часть комплекса составляли нормативы, сдаваемые по выбору самих физкультурников.

Для обучения и тренировки по ГТО, наравне с секциями по видам спорта, служили также специально создававшиеся в физкультурных организациях площадки общей физической подготовки. Зачет норм производился или на специально организовывавшихся испытаниях в форме массовых соревнований, или на обычных спортивных соревнованиях, если их программа и условия соответствовали нормативным требованиям комплекса. Сдавшие полностью положенные испытания той или иной степени имели право носить соответствующий значок.

Введение ГТО внесло значительное оживление в физкультурное и спортивное движение как в стране в целом, так и ее регионах. Ретроспективный анализ физкультурно-оздоровительных мероприятий в Чувашии показал, что спортивное движение зародилось в ней довольно поздно, только в первом десятилетии XX в. В январе 1908 г. приступил к работе первый штатный учитель гимнастики А. М. Шигаев (Порецкая учительская семинария). В 1910 г. появился первый кружок по фехтованию (Алатырское реальное училище), а в Ядринском реальном училище была открыта гимнастическая комната. Выпускники Симбирской чувашской школы и реального училища начали пропаганду физической культуры и спортивно-оздоровительных мероприятий в тех населенных пунктах, в которых работали учителями. Известно, что в начале 1910-х гг. учителя гимнастики (так тогда называли преподавателей физкультуры) выступали в роли обучающихся в ряде средних учебных заведений Чувашии⁵. Так началась инициатива по вовлечению молодежи и населения края в занятия физкультурой и спортом.

Активное продолжение физическому закаливанию населения положила программа выполнения требований комплекса ГТО. Молодежь Чувашской АССР активно включилась в сдачу его норм. Появились спортсмены-разрядники. Так, например, в 1940 г. М. М. Гущина и Г. И. Иванов стали первыми в Чувашии мастерами спорта СССР по лыжным гонкам. В том же году в Ядринском педагогическом училище было открыто первое в республике структурное отделение для подготовки специалистов со средним физкультурным образованием. Постепенно стала расти сеть подобных специализированных учебных заведений⁶. Кроме того, в регионе организовывались добровольные спортивные общества, строились спортивные сооружения, проводились физкультурно-массовые и спортивные соревнования, приобретался инвентарь и оборудование, развивался детский и юношеский спорт.

В предвоенные годы вся спортивно-физкультурная работа в Чувашии строилась в соответствии с требованиями времени. Поэтому внедрялись преимущественно оборонные виды спорта. Например, задания на 1939 г., утвержденные Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта, по Чувашской АССР составляли: БГТО — 4 130 чел., ГТО 1-й степени — 5 300 чел., ГТО 2-й степени — 50 чел. На 1 августа того же года было подготовлено значкистов: БГТО — 982 чел. (23,77 %), ГТО 1-й степени — 2 792 чел. (52,68 %), ГТО 2-й степени — 18 чел. (36,0 %)⁷.

В целях распространения оборонных видов спорта в республике в 1939 г. были проведены следующие мероприятия: праздник оборонно-массовых видов спорта,

в том числе праздник учителей, кросс им. тов. Шверника, эстафета «Комсомольской правды» в Алатыре и др. 18 июля был проведен I Всесоюзный день физкультурника. В районных центрах организовывались митинги и массово-спортивные мероприятия. В Чебоксарах состоялся парад физкультурников, в котором приняли участие 2 000 чел. Были проведены колхозные кроссы в 309 колхозах. В республиканском кроссе приняли участие 35 лучших бегунов и велосипедистов из сельской местности⁸.

Итоги проведенной в предвоенные годы оборонно-массовой и физкультурно-оздоровительной работы, главным направлением которой являлось выполнение нормативов комплекса ГТО, показали, что страна целенаправленно выполняла важную государственную задачу — физическое воспитание различных поколений советских граждан или основной части населения страны, и в первую очередь, молодежи. Впоследствии германские военные специалисты, проанализировав причины поражения своего блока стран во Второй мировой войне, одной из причин победы СССР назвали наличие в Советском Союзе массовых физкультуры и спорта. Они были недалеки от истины, как и объединитель Германии (первый рейхсканцлер империи в 1871 — 1890 гг.) Отто фон Бисмарк, утверждавший, что войны выигрывает школьный учитель.

Существенные изменения в систему физического воспитания подрастающего поколения были внесены в 1972 г. По новому Положению комплекса «Готов к труду и обороне», который включал физические упражнения из различных видов спорта (легкая атлетика, гимнастика, плавание, лыжные и велогонки, стрельба и т. д.), возраст людей, его сдававших, был изменен с учетом расширения возрастных групп населения. Теперь нормативы были определены для 5 категорий советских граждан — от 10 до 60 лет⁹.

Новый комплекс ГТО стал занимать еще более важное место в физическом воспитании молодежи, которое по сравнению с довоенным временем ширилось и разрасталось. Однако за 1972 — 1973 гг. только 20 % молодежи Чувашской АССР стали значкистами. К сдаче нормативов ГТО в 1974 г. приступили 320 тыс. юношей и девушек. Из них сдали все нормативы 87 370 чел. (27,3 %) ¹⁰. Цифровые показатели наводят на мысль о том, что в программе подготовки физически закаленной молодежи были определенные изъяны, трудности и просчеты. К их разряду следует отнести уже практиковавшееся в это время в стране формальное отношение к сдаче норм ГТО, что стало одним из проявлений начавшейся стагнации советского государства. Погоня за количеством, а не качеством усиливала негативную реакцию населения к подобным добровольно-принудительным мероприятиям. С точки зрения политики физического воспитания молодого поколения требовались новые формы ее проявления и реализации. Возникновение некоторых из них подтверждают подобные выводы.

Значительную популярность в республике, как и в целом по стране, в 1970-е гг. получила военно-спортивная игра «Зарница». Спортсмены Чувашии добивались здесь определенных успехов. Например, отряд юнармейцев Цивильской средней школы № 1 в 1970 г. стал участником Всесоюзной игры в Пскове. Продолжалась и практика проведения дней призывника. В школах работали кружки по изучению стрелкового оружия, противогазов и радиотехники. При аэроклубе в Чебоксарах действовало спортивное общество парашютистов, привлекавшее к себе серьезное

внимание со стороны молодых людей. Проводились соревнования по стрельбе. Наряду с комплексом ГТО появились значкисты ГЗР («Готов к защите родины»)¹¹.

В 1976 г. в Чувашии в соревнованиях по многоборью комплекса ГТО на приз газеты «Спортивная жизнь России» приняли участие 136 108 чел., из них 33 096 комсомольцев, т. е. 28,5 % численности членов ВЛКСМ и 19 846 пионеров. В июле 1976 г. в Чебоксарах 245 физкультурников оспаривали звание чемпиона республики по многоборью. В командном зачете первое место заняли представители Красноармейского района. В 1977 г. впервые спортсмены Чувашии вошли в число 20 сильнейших команд РСФСР. Однако, как уже отмечалось, в физическом развитии молодежи имелось немало недостатков, связанных, прежде всего, с нехваткой средств и безынициативностью многих функционеров от спорта. В 1977 г. только каждый четвертый в возрасте 10 — 28 лет являлся значкистом ГТО, т. е. был способен выполнять спортивные нормативы¹². В 1982 г. в Чувашской АССР 400 тыс. человек разных возрастов в свободное от работы и учебы время занимались физкультурой и спортом. Они были объединены в 1 403 коллективах физкультуры, в которых культивировалось 40 видов спорта. К сожалению, в последующие годы спортивное движение пошло на спад. Вместе с распадом СССР в 1991 г. прекратил свое существование и Всесоюзный физкультурный комплекс ГТО¹³.

Таким образом, итоги реализации молодежной политики в Советском государстве дают возможность сделать вывод о том, что пропаганда здорового образа жизни, духовных ценностей и патриотизма наиболее успешно проводилась в предвоенные 1930-е гг. и в период Великой Отечественной войны. Молодежь на данных этапах исторического прошлого активно участвовала в физкультурно-спортивном движении. После победоносного завершения войны вплоть до конца 1970-х гг. указанная тенденция продолжалась, хотя уже при наличии значительных трудностей и зарождавшегося в политике указанного периода формализма. В 1980-е гг. вместе со снижением темпов развития экономики, падением уровня жизни населения наметились ощутимые признаки ухудшения моральной атмосферы в стране, что не замедлило сказаться на состоянии физкультурно-оздоровительной работы, а значит и на реализации комплекса ГТО. Проводившаяся партийно-государственной номенклатурой политика двойной морали, манипулирования мнением людей не вызывала в юношеской среде энтузиазма и отдачи, как это было раньше, девальвировались моральные устои советского общества. Ввиду расхождения декларируемых властью ценностей и реального положения дел результаты внедрения в массы патриотических чувств, здорового образа жизни, культивирования массового спорта уже не имели успеха.

Необходимость принятия закона, возрождающего в государстве легендарный комплекс «Готов к труду и обороне», стала актуальной и в наши дни. Не последнюю роль в данном вопросе сыграла усложнившаяся международная обстановка в мире. Не случайно руководство страны начинает более внимательно относиться к проблемам молодежи и к их разрешению. В связи с этим в России был издан Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О физической культуре и спорте в Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты РФ». Закон принят Государственной думой 25 сентября 2015 г., одобрен Советом Федерации 30 сентября и вступил в силу 7 октября

2015 г. со дня опубликования в «Российской газете». Таким образом, в настоящее время действует новый Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс ГТО — программная и нормативная основа системы физического воспитания населения, устанавливающая государственные требования к уровню его физической подготовленности¹⁴.

Комплекс «Готов к труду и обороне» утверждается Министерством спорта РФ и предусматривает подготовку к реализации и непосредственное выполнение населением различных возрастных групп от 6 до 70 лет и старше установленных нормативных требований по трем уровням трудности, соответствующим золотому, серебряному и бронзовому знакам отличия ГТО. Сдавать нормы комплекса по новому положению можно в течение всей жизни. Каждому возрасту определены свои нормативы. Теперь местные органы власти получили право организовывать специализированные центры, в которые желающие могут прийти и официально сдать нормативы на значок. Тестирование по нормам ГТО могут проводить государственные образовательные учреждения и некоммерческие организации, в том числе спортивные клубы. Для подготовки к испытаниям планируется создать физкультурно-спортивные клубы для граждан по месту жительства, работы и учебы.

В Чувашии, как и по всей стране, после официального опубликования Федерального закона о внедрении Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» активизировалась работа по гражданско-патриотическому воспитанию подрастающего поколения, включающего в себя, прежде всего, физическое и нравственное начала.

Таким образом, источники материалы показывают, что в современных условиях к возрождению действовавшей в СССР практики сдачи норм ГТО следует относиться не столь однозначно. С одной стороны, в качестве положительного для использования в настоящее время опыта можно рассматривать то, что по всей стране органы власти и общественные организации в результате уже начавшейся кампании станут уделять значительно больше внимания сохранению, укреплению физического здоровья и пропаганде здорового образа жизни. В период глобального развития интернет-сети, компьютеризации, повсеместного заражения атмосферы как результата научно-технического прогресса, когда господствуют гиподинамия, поражение зрения и т. п., государство начинает сознавать, что пришло время спасти нацию. Результатом этого понимания должна стать комплексная программа физической подготовки граждан, которая может включать открытие спортивных обществ и клубов, увеличение количества часов на физкультурные и спортивные мероприятия в учебных заведениях и пр., что, безусловно, обращает наши взоры к опыту предыдущих поколений и исторических этапов, среди которых внедрение комплекса ГТО играет далеко не последнюю роль.

С другой стороны, мы должны помнить, что данное направление является добровольной процедурой, и в этом случае не следует гнаться за количеством, очень важным является соблюдение своего рода «золотой середины» в вопросе агитации здорового образа жизни, здесь не может быть места для административного давления на подчиненных. Более сложным, но особенно значимым становится формирование осознания самими гражданами государства необходимости

укрепления здоровья и поддержания физического потенциала; постепенное внедрение в психологию населения страны потребности активного, здорового, патриотического образа жизни не только на высоком государственном, но и повседневном уровне. Исходя из предыдущего опыта, вполне логичными становятся опасения, что все эти и подобные им мероприятия могут превратиться в пустую формальность. Возникают и такие, на первый взгляд, незначительные практические вопросы, как, например, будет ли спрос на значки ГТО, состоятельна ли их востребованность в обществе в целом, или, насколько оправданными станут материальные затраты государства, смогут ли вновь открытые физкультурно-спортивные клубы превратиться в альтернативную форму фитнес-центрам, доступ в которые для большинства населения ограничен из-за высоких цен на их услуги? За ответами на многочисленные и разнообразные конкретные вопросы стоят определенные идеология и политика, материальные средства и потребность их учета, прогнозы на будущее, главным ресурсом которого остается молодежь, соответственно, ее моральные установки и ценности, а также физическое воспитание. В настоящее время невозможно определить степень успеха или провала начатой кампании, так как пока еще о ней не имеется полномасштабной информации, ограничены и статистические данные. Хочется надеяться, что стратегически важный курс, взятый государством, будет иметь положительные результаты.

Библиографические ссылки

- ¹ РГАСПИ. Ф. М-6. Оп. 1. Д. 1. Л. 42 — 47.
- ² См.: **Скородумов Н. Г.** Физическая культура и спорт в Чувашии (XX в.). Чебоксары, 1994 ; **Его же.** Чувашская спортивная энциклопедия. Чебоксары, 2007.
- ³ Большая советская энциклопедия : в 51 т. М., 1952. Т. 12. С. 346.
- ⁴ Там же. С. 636.
- ⁵ См.: Чувашская энциклопедия : в 4 т. Чебоксары, 2011. Т. 4. С. 360 — 361.
- ⁶ Там же.
- ⁷ ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 3. Д. 110. Л. 7 — 12.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: Советский энциклопедический словарь. М., 1979. С. 330.
- ¹⁰ ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 19. Д. 41. Л. 49.
- ¹¹ Там же. Оп. 15. Д. 40. Л. 87 — 90.
- ¹² Там же. Оп. 23. Д. 4. Л. 27 — 29.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Рос. газ. 2015. № 225. С. 13.

Поступила 21.09.2016 г.

УДК 94(520).032.3/.4

К. А. Пахалюк
К. А. Pakhalyuk

ПАМЯТЬ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

MEMORY OF THE FIRST WORLD WAR IN THE REGIONAL MEASUREMENT OF MODERN RUSSIA

Ключевые слова: Первая мировая война, символическое пространство, память, казачество, Калининградская область.

В статье рассматриваются различные мероприятия, проходившие в российских регионах в связи со 100-летием Первой мировой войны.

Key words: the First World War, symbolic space, memory, the Cossacks, the Kaliningrad Region. The various events, devoted to the 100th anniversary of the First World War, which took place in Russian regions, are considered in the article.

В России Первая мировая война долгое время считалась забытой, поэтому всплеск интереса к ней в 2013 — 2016 гг. оказался для многих неожиданностью. Конечно, понятие «забытая война» стоит отнести к разрыву между, с одной стороны, обильной историографией, сложившейся в советское и постсоветское время, а с другой — слабым закреплением этих событий в социальной и культурной памяти, их малой известностью для большинства россиян и подчиненностью по отношению к революции 1917 г. и Гражданской войне (отсутствие собственного «лица»)¹. Хотя, естественно, слово «забытая» можно произносить с определенной условностью, поскольку в период «юбилея» и политики, и чиновники, и журналисты, и деятели культуры нередко актуализировали и воспроизводили те подходы или мифы, которые в реальности сложились либо в царское время (например, образы таких героев, как Римма Иванова, Кузьма Крючков или «женский батальон»), либо в советское (например, традиция вспоминать об этой войне 1 августа, особое отношение к «брусиловскому прорыву» или проведение параллелей с событиями Великой Отечественной войны).

По следам «юбилейного года» вышел ряд аналитических статей, сконцентрированных на изучении действий федерального центра². Влияние патриотического дискурса (в основе которого стоит ценность служения государству) привело к тому, что акцент был поставлен на героической стороне войны, в то время как остальные оказались в тени. Ввиду обострения внешнеполитической ситуации в 2014 г. (кризис на юго-востоке Украины) и консервативного поворота в российской политике стало актуальным проведение исторических параллелей, тем самым разговор о прошлом нередко подменялся обсуждением текущих событий. Сама же Первая мировая война представлялась и как героическое прошлое, и как негативный пример тех процессов, которые не должны повториться. Показательным является выступление В. В. Путина на открытии основного мемориала героям

Первой мировой в Москве на Поклонной горе: в нем обвинения в адрес «внутренних предателей-большевиков», лишивших Россию ее победы в 1917 г., коррелировали с текущей критикой либеральной оппозиции, которая, по утверждению прогосударственных СМИ и публицистов, пытается лишить современную Россию «крымской победы». Точно также возложение ответственности на западные страны за развязывание Первой мировой войны из-за нежелания тогда принять позицию России, настаивавшей на мирном урегулировании «июльского кризиса», было созвучно текущей ситуации (по крайней мере, вписывалось в тот образ, который вырисовывался в официальных новостях): неготовность Запада договариваться по поводу Украины угрожает мировой стабильности³.

Не останавливаясь подробно на том, что происходило на федеральном уровне, мы сделали попытку рассмотреть процесс возрождения памяти о Первой мировой войне в региональном измерении. В частности, речь идет о включении этих событий в региональное символическое пространство, под которым понимается конфигурация значимых символов и смыслов, структурирующих региональную идентичность. Одна из проблем заключалась в том, чтобы преодолеть отчужденность этой войны: Первая мировая является малоизвестной для простого россиянина, причем события 1914 — 1918 гг. не затронули территорию современной России (за исключением Калининградской области). В связи с этим «опорой» для коммеморации служили память о земляках-героях, сохранившиеся здания госпиталей и военные казармы, реже — братские захоронения. Неудивительно, что материальных объектов сохранилось не так много, поэтому одной из тенденций этого юбилея стало создание памятных мест.

Существует соблазн считать деятельность в регионах производной от общих усилий, инициированных федеральным центром. Во многом это верно: без публичного призыва «вспомнить о Первой мировой», который впервые сделал В. В. Путин в 2012 г., вряд ли юбилей принял бы столь широкий масштаб, а общая дискурсивная рамка, акцентирующая внимание на героизме, также исходила из Москвы. Таким образом деятельность регионов в целом может быть интерпретирована как включение в общефедеральную повестку и ее детализация на основе «местного» материала. В итоге Первая мировая война превратилась в одну из тем, посредством которой происходило поддержание символического единства страны. Более того, ряд мероприятий федеральных ведомств был направлен на то, чтобы включить Первую мировую войну не только в общероссийское, но и в региональные символические пространства. В частности, одна из задач созданного в 2013 г. Оргкомитета по подготовке мероприятий к 100-летию Первой мировой войны, возглавляемого спикером Госдумы С. Е. Нарышкиным, заключалась в координации мероприятий регионального уровня. По линии Росмолодежи была инициирована серия региональных молодежных проектов и конкурсов, приуроченных к 100-летию. Во всех православных храмах (как в России, так и за рубежом) 1 августа 2014 г. прошли памятные богослужения, а 1 сентября во всех школах первый «урок мужества» был посвящен теме участия России в Первой мировой войне. Более того, в 2014 — 2015 гг. министерство культуры и Российское военно-историческое общество (РВИО) открыли памятник героям Первой мировой не только в Москве, но и в Калининграде, Гусеве, Пскове, Липецке, Саранске и Туле. При этом в 2014 — 2016 гг. памятные акции 1 августа (День памяти российских

солдат, погибших в годы Первой мировой войны) РВИО стремилось проводить не только в Москве, но и в ряде регионов, где имелись активные отделения. Все эти разрозненные действия мы склонны рассматривать как часть общего процесса, направленного на символическую интеграцию страны.

Однако в некоторых регионах коммеморация Первой мировой войны началась раньше, чем на федеральном уровне. В частности, мы хотим указать на обозначившийся в конце 1980-х гг. процесс возрождения казачьих традиций, который опирался в том числе и на сохранившуюся семейную память о дореволюционных временах. Акцент на героизме делал логичным актуализацию разных страниц казачьего прошлого, включая и Первую мировую, что определило и специфику обращения к этой войне: роль казачества в общих усилиях русской армии. Если в 2000-е гг. все ограничивалось преимущественно отдельными публикациями, то в 2010-е гг. в различных станицах начали устанавливать первые мемориальные доски на фасадах православных храмов в честь земляков-героев или участников войны 1914 — 1918 гг. Так, в 2010 г. по инициативе атамана Келермесского хуторского казачьего общества (Адыгея) на стене Свято-Покровского храма была установлена мемориальная доска прославленному земляку, прославленному летчику В. М. Ткачеву. В конце 2011 г. в с. Новосвободной (Адыгея) появилась мемориальная доска в честь георгиевского кавалера К. Глухова (на ее открытии присутствовали и его потомки)⁴, а в 2012 г. в Ессентуках открылась памятная доска на стене храма в честь 17 казаков — георгиевских кавалеров. Эта история получила резонанс еще в 2011 г., поскольку доска была изготовлена по инициативе пенсионера О. Глухова, который в связи с нежеланием властей города разрешить ее установку объявил голодовку⁵. Уже в 2014 г. памятники в честь казаков были открыты в г. Шахты и станице Егорлыкской Ростовской области. В этом же году в Краснодаре местные власти приняли решение назвать 22 улицы в честь героев Первой мировой войны. В 2015 г. в Волгограде при поддержке РВИО был открыт памятник К. И. Недорубову (полный георгиевский кавалер Первой мировой и Герой Советского Союза в Великую Отечественную).

Стоит отметить и формирующуюся в станицах традицию установки памятных досок на стенах храмов в честь либо погибших казаков в годы Первой мировой войны, либо тех, кто был удостоен георгиевских наград. Например, подобные доски появились в станице Тбилисской Краснодарского края (2015 г.) и в станице Передовой Отрадненского района (2016 г.). Подобная мемориальная практика стала возможной с возрождением православной традиции, которая «предложила» ряд отличных от унаследованных от советской эпохи коммеморативных практик, направленных на сакрализацию подвига русских воинов (проведение крестных ходов, богослужений на захоронениях, памятное храмостроительство). Со второй половины 2000-х гг. стали вспоминать о последней воинской иконе России — Августовской иконе Божьей Матери, написанной в честь Явления Богородицы русским солдатам 1 (14) сентября 1914 г. В 2008 г. в официальный месяцеслов было внесено празднование в честь этой иконы. Особое внимание к ней проявили в Калининградской области (поскольку это событие произошло недалеко от границ этого региона): в 2005 г. настоятель Свято-Духова прихода г. Нестерова о. Георгий (Бирюков) начал собирать средства на строительство часовни в честь иконы в пос. Чернышевском и храма-памятника. К сожалению, идея храма тогда

властями поддержана не была, однако часовня появилась. Более того, с 2008 г. каждое 20 августа стал совершаться крестный ход с этой иконой от г. Нестерова к полю Гумбинненского сражения (первая значительная победа русских войск, одержанная 20 (7) августа 1914 г.). В 2012 и 2014 гг. икона Августовской Божьей Матери для молитвенного поклонения побывала в Калининградской области⁶.

С деятельностью Русской православной церкви также связано возрождение традиции памятного храмостроения. В частности, в 2010 г. в г. Гусеве (бывший Гумбиннен) был освящен закладной камень на строительство храма-памятника павшим в годы Первой мировой войны (завершение работ планировалось к концу 2016 г.). В 2014 г. в Парке Кулибина (Нижний Новгород) была открыта часовня в память о нижегородцах, погибших в годы Первой мировой войны.

Здесь стоит лишний раз подчеркнуть, что возрождение памяти о Первой мировой войне началось в 1990-е гг. благодаря именно общественной инициативе (неважно, идет ли речь о попытках разобраться в семейных корнях, о военно-исторической реконструкции, об историческом краеведении или о более целенаправленной деятельности по возрождению казачьей и православной традиций), и только затем подключилось государство.

Непосредственно процесс «юбилейной» коммеморации начался в 2013 г., причем в его рамках можно выделить несколько направлений. В первое мы включаем то, что можно определить общим понятием «просвещение»: профессиональные историки, архивисты, краеведы и сотрудники музеев «откликнулись на юбилей» организацией тематических выставок, публикацией монографий, сборников документов или отдельных статей, посвященных участию жителей своего региона (города или района) в Первой мировой войне. Эта деятельность затронула практически все субъекты федерации. Общей моделью служили коммеморативные практики, связанные с Великой Отечественной, которые можно обозначить как изучение роли региона в этой войне. Ввиду доминирования патриотического дискурса акцент делался на героях (особенно георгиевских кавалерах) и работе различных учреждений по помощи раненым воинам.

Другая группа практик была связана с созданием «инфраструктуры памяти». Как правило, речь шла об установке памятников и памятных знаков. Поскольку захоронения эпохи Первой мировой войны плохо сохранились, то помимо Калининградской области подобный род мемориальных практик получил развитие в Санкт-Петербурге (благодаря организации «Белое дело», члены которой с 2007 г. обустроивают отдельные захоронения) и Вологде (благодаря действующему с 2011 г. Вологодскому военно-историческому обществу)⁷. Впрочем, захоронений участников Первой мировой войны в реальности в России намного больше. Например, в рамках 100-летнего юбилея во Владимире вышла книга, посвященная не только истории города в 1914 — 1918 гг., но и сохранившимся индивидуальным могилам участников сражений как тех, кто погиб на фронте, так и тех, кто вернулся домой и умер в мирное время. Проведенная исследовательская работа привела к расширению семантического значения ряда захоронений: теперь это места упокоения не просто обычных граждан, но и ветеранов Первой мировой⁸.

Непосредственно памятные места можно разбить на несколько групп: общие памятники героям или участникам войны, мемориальные доски на зданиях, где в те годы располагались военные учреждения или лазареты, бюсты героям.

В 2014 г. «общие монументы» (помимо тех, которые были открыты РВИО) появились в Волгограде, Воронеже (кроме того, в 2013 г. здесь же был открыт памятник в честь героев трех войн — Отечественной 1812 г., Первой мировой и Великой Отечественной), Пскове, Ростове-на-Дону, Калуге, Оренбурге, Тамбове, Санкт-Петербурге (на Витебском вокзале и на Левашовском мемориале в честь жертв репрессированных в советские годы участников Первой мировой войны), Азове, Батайске, в с. Частоостровском Красноярского края (первый памятник такого рода за Уралом), Национальном Конном парке «Русь» (Подмосковье), в с. Ершове Одинцовского района Московской области, в пос. Подгоренском Воронежской области (в ноябре 2015 г.), а также в Обнинске (2016 г.). Отметим, что еще в 2009 г. в Перми по инициативе движения «Белое дело» был открыт памятник русским солдатам Первой мировой и Гражданской войн, а в 2014 г. в Уфе был открыт закладной камень на месте будущего памятника участникам Первой мировой — уроженцам Уфимской губернии.

В некоторых случаях прослеживалась выраженная региональная специфика, как например, в Новочеркасске (обелиск «Донским политехникам-добровольцам великой войны 1914 — 1918 годов», ноябрь 2015 г.), в г. Ногинске (в честь расквартированного здесь 209-го Богородского пехотного полка), Кингисеппе (в честь солдат и офицеров 146-го Царицынского пехотного полка), Землянске Воронежской области (2015 г., закладной камень памятника в честь подвига 226-го пехотного полка во время обороны крепости Осовец) и в Полесске Калининградской области (памятный камень в честь 209-го пехотного полка).

Другими памятными местами стали сохранившиеся здания бывших военных казарм, на которых в 2014 — 2015 гг. появились соответствующие памятные таблички. Так, в Рязани установили мемориальные доски на казармах 138-го пехотного полка и 35-й артиллерийской бригады, в Пензе — на казармах 45-й пехотной дивизии. Также в 2013 г. в Казани была открыта памятная доска на бывшем здании Казанского военного округа с именами тех горожан города, кто был награжден за труды по мобилизации в 1914 г., а в Калуге (2014 г.) — мемориальная доска на местном вокзале, откуда отправлялись эшелоны на фронт.

В Краснодарском крае и Республике Адыгея тема Первой мировой войны активно использовалась для продвижения идеи межнационального мира, в частности, посредством символического закрепления памяти о боевом братстве между казаками и черкесами. Последние в 1914 — 1917 гг. служили в Черкесском конном полку, который входил в состав «Дикой дивизии» (Кавказской туземной конной дивизии, элитного воинского соединения, в котором добровольцами служили мусульмане Северного Кавказа). Самым масштабным мероприятием стало открытие в 2016 г. в Краснодаре памятника «Казакам и горцам — героям Первой мировой войны».

В 2010-е гг. произошло и закрепление героического нарратива о «Дикой дивизии» в ряде республик Северного Кавказа. Всего были установлены 4 памятника, связанные с этой темой: в честь Ингушского полка в Назрани в 2012 г. и в с. Сагопши в 2014 г.; в честь Чеченского полка в Грозном в 2015 г., а также в честь всадников из аула Уляп (Адыгея) в 2015 г. Более того, на 2015 г. в Республике Адыгея насчитывалось более 10 памятных досок в честь всадников Черкесского полка⁹.

В значительно меньшем количестве создавались памятники в честь конкретных героев. Начало положил памятник А. А. Брусилову в Санкт-Петербурге в 2007 г.

В 2014 г. в Гусеве открыли памятную доску генералу П. К. фон Ренненкампу, в пос. Ульяново (вблизи бывшей немецкой деревни Каушен) Калининградской области — барону П. Н. Врангелю, в Рязани — военному врачу В. П. Кравкову, в г. Холм Новгородской губернии появился бюст генералу П. П. Калитину. В том числе в Бронницах на памятнике в честь умерших в местном лазарете воинов установили памятную доску. В 2016 г. в д. Шанлыкулево Буздякского района (Башкортостан) открыли памятную доску в честь погибшего генерала Р. Сыртланова, а в с. Кременки Ульяновской области появился памятник полному георгиевскому кавалеру В. И. Долматову. Инициатором стал общественник, подполковник в отставке Д. Борисов из Тольятти. В сентябре 2016 г. был открыт бюст казачьего сотника М. И. Чайки (станция Бриньковская Приморско-Ахтарского района) работы З. Церетели (внуком казака является действующий Генпрокурор Ю. Чайка).

Отдельно стоит отметить мемориальные доски на местах, где в годы Первой мировой войны размещались лазареты и другие военно-медицинские учреждения. Подобные доски были открыты в Липецке (2013 г.), Черняховске (2014 г.), Санкт-Петербурге (2014 г., на здании бывшего Дворцового госпиталя, где служила императрица Александра Федоровна), 2 в Курске (2014 г., одна отражает факт посещения императрицей этого лазарета, другая — Николаем II), Кисловодске (2014 г.), Ессентуках (2014 г.), Новосибирске (2014 г.), Владимире (2014 г., посвящена умершим воинам обеих мировых войн), Туле (2014 г., связана с посещением госпиталя Николаем II), Щелково (2014 г.), Бийске (2014 г.), Воронеже (2014 г., связана с посещением госпиталя Николаем II), Ставрополе (2015 г.). Из оригинальных памятников военно-медицинской тематики следует упомянуть открытый в 2014 г. в Самаре памятник героям Первой мировой войны «Корабельная рында теплохода Кашгар» (госпитальный пароход), а на территории 3-го Центрального военного госпиталя им. Вишневского, расположенного в Подмосковье, в 2016 г. появился памятник сестре милосердия. Изображения на барельефах связывают этот памятник с событиями Крымской, Первой мировой и Великой Отечественной войн. Кроме того, в августе 2016 г. в Кирове РВИО был установлен памятник сестре милосердия.

Тот факт, что некоторые мемориальные доски связаны с посещением госпиталей представителями царской семьи, неслучаен. Подобное стоит воспринимать не столько как проявление монархической идеологии, сколько как воспроизводство модели «центр — периферия», когда осмысление себя в качестве последней делает значимыми знаки внимания «центра». Показательны отрывки из региональных газет, посвященные истории своего города в Первую мировую войну. Так, авторы статьи о Тамбове в 1914 г. описание визита монаршей четы в город завершили так: «На этом краткое пребывание императорской семьи в Тамбове закончилось. Это был последний приезд Николая II на Тамбовскую землю. С тех пор никто из первых лиц нашего государства в Тамбове не был»¹⁰. В 2004 г. в газете «Дагестанская правда» вышла статья, посвященная «юбилею» визита Николая II в Дербент. Завершалась она симптоматично: «Николай Романов — единственный из руководителей России и СССР, кто в XX веке посетил Дербент. Никогда не были в Дагестане В. Ленин, Н. Хрущев, Ю. Андропов, М. Горбачев, Б. Ельцин. Чаще всех в нашу республику приезжал В. Путин»¹¹.

Для ряда субъектов Российской Федерации память о Первой мировой войне имела особое значение ввиду того, что в свое время с ними были связаны изве-

стные герои того времени. Таким образом мы можем говорить о формировании «пантеона» героев региональной значимости, а именно: летчик П. Н. Нестеров (Нижегородская область), авиатор Г. Алехнович (Смоленская область), подпоручик В. К. Котлинский (Псковская область, один из ключевых участников раскручиваемой в 2015 г. «атаки мертвецов»), сестра милосердия Римма Иванова (Ставрополь, где в честь нее названа улица и установлена мемориальная доска). Вполне ожидаемо, что в Краснодарском крае и Ростовской области особое внимание было уделено казачеству, а в Ингушетии, Чечне, Северной Осетии и Дагестане — «Дикой дивизии».

Кроме этого отдельно следует отметить наиболее оригинальную коммеморативную инициативу, принадлежащую подполковнику в отставке Д. Борисову (Тольятти): в 2014 г. при поддержке ЮНЕСКО, Русского географического общества, региональных властей и частных компаний был высажен лес памяти солдат Ставропольского уезда Самарской губернии (всего 40 тыс. саженцев на площади в 10 га). В 2016 г. здесь был установлен памятный знак и освящена часовня.

Отметим также, что ассоциация «Военные мемориалы» (согласно распоряжению Правительства РФ, является единственным исполнителем работ, связанных с обеспечением сохранности иностранных военных захоронений в России) в том числе занимается обустройством некоторых братских могил эпохи Первой мировой войны. В частности, согласно сайту организации, в Кировской области были установлены 3 памятных знака, посвященных венгерским военнопленным¹². Впрочем, подобных захоронений намного больше: в Карелии существует 16 братских могил германских и австрийских военнопленных, умерших во время строительства мурманской железной дороги¹³; в Красноярске на Троицком кладбище сохранились 2 захоронения: в одной погребен немецкий капитан, второе представляет собой братскую могилу солдат и офицеров¹⁴. К сожалению, информация об этих захоронениях малоизвестна широкому кругу общественности, а эти места памяти могли бы быть актуализированы в рамках внешнеполитической стратегии по продвижению позитивного имиджа России: обустройство братских могил (их состояние в реальности оставляет желать лучшего) можно было бы превратить в международные мероприятия с акцентом на историческом примирении и уважительном отношении к памяти бывших врагов.

Отдельно следует выделить Калининградскую область, а также то сообщество памяти, которое в 1990 — 2000-е гг. было образовано местными историками, общественными деятелями и краеведами. Основанием обращения к теме Первой мировой войны был тот факт, что регион в составе современной России оказался единственным, где в 1914 — 1915 гг. велись активные боевые действия. Всего в Восточной Пруссии на 1939 г. находилось около 2 200 братских и индивидуальных захоронений, причем более 1 000 — на территории, вошедшей в состав России¹⁵. Более того, практически в каждом селении существовали обелиски в память о жителях, погибших на этой войне. Поскольку в 1944 — 1945 гг. эта территория оказалась ареной активных боевых действий, многие монументы были разрушены, значительное их число уничтожили в послевоенное время. Переселенцы либо не знали, кому или в честь чего установлены данные монументы, либо рассматривали их как свидетельство германского империализма (в последнем случае речь шла об обелисках в честь немецких солдат, не привязанных к

захоронениям). После образования Калининградской области переселенцы в основном занимались восстановлением базовой инфраструктуры, поэтому сохранению следов немецкой культуры если и предавали значение, то только утилитарное. В городах нередко являлось строительство жилых кварталов на местах немецких кладбищ, включая захоронения солдат Первой мировой. Только в период «оттепели» (рубеж 1950 — 60-х гг.) несколько братских могил, находившихся в Советске (Тильзит), пос. Совхозное (Маттишкемен), пос. Дружба (Алленбург) и Гусеве (Гумбиннен), были взяты под охрану¹⁶. Интересная особенность: несмотря на то, что на братских кладбищах покоились немецкие солдаты, в официальных документах о них не было сказано ни слова. К 1960-м гг. об этих захоронениях вновь «забыли» и они исчезли из отчетов. Если в дальнейшем о захоронениях и вспоминали, то sporadически и благодаря инициативам отдельных представителей власти на местах. К концу 1980-х даже специалистам было известно около 7 захоронений русских солдат времен Первой мировой войны¹⁷.

Ситуация стала меняться с перестройкой. В конце 1980-х гг. в некоторых районах активность проявили местные сельсоветы и комсомольские отряды¹⁸, с 1993 г. в области действует отделение ассоциации международного военно-мемориального сотрудничества «Военные мемориалы», которое также периодически уделяет внимание военным захоронениям. В дальнейшем (вплоть до «юбилейного 2014 года») судьба захоронений в основном волновала отдельных краеведов и энтузиастов. Известны случаи, когда местные жители (например, в д. Тростники и пос. Лунино) восстановили найденные памятные знаки немецким воинам (вне привязки к захоронениям). Наибольшую активность проявлял Немецкий народный союз по обустройству воинских захоронений, который организовывал специальные лагеря для молодежи и резервистов, приезжавших в регион для проведения работ по благоустройству.

В культурном плане в 1990 — 2000-е гг. достаточно мирно сосуществовали две тенденции обращения к прошлому. Одна заключалась в попытках спасти «немецкое наследие» (многочисленные немецкие дома, замки, кирхи, обелиски, брусчатку и пр.), проявить ответственность за то, что осталось от «бывших хозяев». Очевидность, повседневность для большинства жителей региона «немецких следов» (Кафедральный собор является одной из архитектурных доминант Калининграда, многие живут в домах, построенных до 1945 г. и пр.) привели к тому, что сами памятники культуры превратились в один из акторов формирования символического пространства региона. Они стали основанием для чувства сопричастности немецкой истории региона, а следовательно — истории Германии и Европы в целом. Вряд ли за этим процессом стоит усматривать именно германизацию региона, скорее — «приватизацию» истории Восточной Пруссии. Подобный подход делает одинаково легитимным обращение к истории и русской, и германской армий. Равным образом как захоронения, так и памятные обелиски в честь немецких солдат признавались одинаково достойными для сохранения.

Другое направление, активно поддерживаемое властями (и порой обоснованное иррациональным страхом перед германизацией региона), было направлено на восстановление «русских следов» в Восточной Пруссии как своеобразное историческое обоснование прав на эту территорию. Одним из таких «следов», чья мемориализация шла активно, стала Первая мировая война. Например, в 2003 г. в Черняховске (бывший Инстербург) была открыта памятная доска в честь па-

рада русской гвардии, проведенного здесь в сентябре 1914 г. Также на территории региона появились памятник (в пос. Победино) и памятная доска (в Калининграде), посвященные Н. Гумилеву, чей боевой путь был связан с Восточной Пруссией. В 2015 г. в Гвардейске (бывший Тапиау) установили памятник русским солдатам сразу четырех войн (Семилетняя, наполеоновские, Первая и Вторая мировые войны), сражавшихся с те годы на территории района.

Конечно, ключевым объектом коммеморации в регионе стали захоронения Первой мировой войны. Если в 1990-е гг. представители общественности спорадически обращались к ним, то в 2000-е гг. сложилось несколько относительно стабильных групп, занимающихся поиском, выявлением и обустройством братских могил. В начале 2000-х гг. активную деятельность развил настоятель Свято-Духова прихода г. Нестерова о. Георгий (Бирюков), который занимался захоронениями на территории Нестеровского района. Так, в 2002 г. на собственные средства и пожертвования прихожан он установил памятный знак возле одного из крупнейших захоронений в пос. Пушкино, создал скаутский отряд «Ятвягия» (зарегистрирован в 2004 г., название восходит к этнически близкому к пруссам балтийскому племени, которое одним из первых приняло православие), с членами которого начал выездные работы на братских могилах в Нестеровском районе, а в дальнейшем стал по собственной инициативе заказывать металлические кресты для установки их на захоронениях¹⁹.

К 2008 г. оформилась группа калининградских краеведов (А. Адылов, А. Казеннов, П. Качнов, Н. Тронеvский, А. Панфилов), которая начала активно заниматься выявлением и обустройством захоронений²⁰. К сожалению, участники этих акций не стремились к тому, чтобы считать количество выездов или широко пиарить свою работу, поэтому на данный момент сложно оценить ее масштаб. На основе немецких карт и каталогов энтузиасты ездили по труднодоступным местам области, пытались на местах определить, где находится ранее существовавшее захоронение. Где-то выезды ограничивались обнаружением сохранившихся надгробий с фотофиксацией текущего состояния, а также расчисткой территории, в других же приходилось собственными силами пытаться локализовать захоронение (так как надземная часть была полностью утрачена).

В Гусевском районе по инициативе директора краеведческого музея А. А. Фесенко в 2011 г. на захоронении в пос. Лощинка была установлена памятная плита с фамилиями солдат и офицеров 109-го пехотного полка, которые предположительно захоронены здесь (список был предоставлен московским историком В. Юшко). Впрочем, в дальнейшем о. Георгий Бирюков подверг критике создателей памятника, справедливо указывая, что обозначенные солдаты и офицеры погребены в другом месте²¹.

Примером подвижнической работы является восстановление захоронения в бывшем немецком поселке Дееден. Здесь на сельском кладбище захоронены 74 русских солдата. Само захоронение поддерживалось немцами вплоть до 1944 г. В ходе боевых действий пос. Дееден был уничтожен, погибла и надземная часть захоронения. В 2010 г. внимание к нему привлек о. Георгий Бирюков. Братская могила была обследована поисковиками из ассоциации «Военные мемориалы», о. Георгий начал писать письма в местную администрацию, однако местные власти не проявили должного интереса²². В 2012 г. земли, в том числе с захороненными русскими

солдатами, были переданы частному предпринимателю под сельскохозяйственные работы. Общественники забили тревогу, к спасению подключились и калининградские краеведы. В частности, А. А. Панфилов не только вел переговоры с чиновниками, но и вышел на владельца участка А. Долгова, который принял решение о сохранении братской могилы. Летом 2013 г., после того как трактор случайно вспахал часть захоронения, усилиями о. Георгия и других краеведов (А. Адылова, А. Панфилова и Н. Троневого) это место огородили и установили два креста: православный на захоронении русских солдат и латинский в память о погребенных германских гражданах²³. В дальнейшем захоронение было поставлено на учет как объект культурного наследия. Завершающий аккорд прозвучал в 2014 г., когда по инициативе прокуратуры суд изъял эти земли из собственности и обязал муниципалитет произвести необходимые мемориальные работы²⁴.

Проблема подобной деятельности заключалась в том, что любое захоронение требует постоянного ухода, а потому одними лишь частными силами сделать это невозможно. Муниципальные власти проявляли (и до сих пор проявляют) незначительный интерес к братским могилам, поскольку они не поставлены на официальный учет. Областная служба охраны объектов культурного наследия в 1990 — 2000-е гг. не уделяла им достаточного внимания ввиду сложности и высокой стоимости официальной процедуры постановки на учет. Попытки же писать обращения на федеральный уровень (например, в Министерство обороны) заканчивались ответами, что данный вопрос должен решаться на местном уровне. Ситуация усугублялась и проблемой «черных» копателей, разрушающих захоронения²⁵.

Подготовка к «100-летию юбилею» началась в 2012 г., когда при губернаторе области Н. Н. Цуканове была создана рабочая группа, ответственным секретарем стал М. Черенков, известный общественный деятель, бизнесмен и сотрудник Калининградской епархии. Его имперские взгляды, резкий характер, а также стремление играть «первую скрипку» в теме, которой он прежде не занимался (если не считать пожертвований на часовню Августовской Божьей Матери и организацию 11 ноября 2010 г. памятных мероприятий на крупнейшем захоронении в пос. Совхозное), вызвали недовольство у значительной части краеведов и журналистов, некоторые из которых пытались замалчивать либо проводимые им мероприятия, либо его роль в их организации.

Основная активность М. Черенкова была связана с полем Гумбинненского сражения: 20 августа 1914 г. русские войска одержали значительную победу над немцами, которая, в свою очередь, в совокупности с другими успехами русских войск заставила противника ослабить давление на наших франко-английских союзников, а это, по мнению некоторых российских историков, позволило им выиграть стратегическую битву на Марне и сорвать германский блицкриг²⁶. К сожалению, попытки привлечь внимание французских или бельгийских властей к данной теме не увенчались успехом: дипломатические представители присутствовали на памятных церемониях, проведенных 11 ноября 2010 г. и 2012 г., однако фактически отказались от содействия в организации более масштабных мероприятий. На одном из круглых столов в ноябре 2012 г. (автор данной статьи присутствовал на нем) представители заявили, что не заинтересованы в праздновании русской победы. Впрочем, региональное министерство культуры также не проявляло рвения в реализации широкомасштабных международных проектов.

В дальнейшем М. Черенков вступил в серию конфликтов как с краеведами, так и с региональными властями. В основе разногласия лежали как межличностные противоречия, так и борьба за возможность влиять на распределение тех средств, которые федеральные власти выделяли на различные юбилейные мероприятия. Предметом конфликта с региональным министерством культуры (а затем и губернатором) стало проведение фестиваля реконструкторов на поле Гумбинненского сражения. В 2012 г. М. Черенков организовал первый небольшой фестиваль «Гумбинненский прорыв» (неадекватная реалиям самого Гумбинненского сражения калька с известного военно-исторического фестиваля «Брусилковский прорыв»). В дальнейшем идеей создания постоянной площадки для реконструкторов Первой мировой войны заинтересовались в федеральном Министерстве культуры и РВИО. Региональные власти решили напрямую работать с Москвой (поскольку основные средства выделялись именно оттуда), по сути, оставив М. Черенкова в стороне. В ответ он обвинил региональное министерство культуры в том, что оно своровало его идею и название мероприятия («Гумбинненский прорыв»)»²⁷. В связи с этим в 2013 г. прошло 2 фестиваля: один (у пос. Лермонтово), организованный на государственные средства, а второй в черте Калининграда (бывший аэропорт Девау), при поддержке Московского центра военной истории и культуры «ГВАРДИЯ» (во главе с Г. Истоминым). Если в 2014 г. благодаря позиции федерального центра М. Черенков как один из подрядчиков привлекался к проведению основного фестиваля, то уже на следующий год ввиду продолжавшегося конфликта с региональными властями ему пришлось проводить альтернативное мероприятие, которое посетили, правда, не более 350 чел.²⁸ Отметим, что «основной» фестиваль «Гумбинненский прорыв» в 2014 — 2016 гг. привлекал больше зрителей: в 2014 г. — от 35 до 75 тыс. (региональные власти называли цифру в 70 тыс.), в 2015-2016 гг. — около 25 — 30 тыс. чел. (впрочем, М. Черенков указал на то, что данные цифры завышены)²⁹.

Другой конфликт был уже связан с захоронениями Первой мировой войны, который в определенной степени обуславливался нежеланием муниципальных и региональных властей заниматься проблемой необустроенных захоронений. Эта история восходит к 2008 г., когда о. Георгий Бирюков решил обустроить в районе озера Виштынец русско-немецкое захоронение, где, в частности, находятся героически погибшие в арьергардных боях 1915 г. солдаты 106-го Уфимского пехотного полка³⁰. Однако, благодаря краеведу А. Панфилову, вскоре выяснилось, что в реальности захоронение находится не у дороги (это оказалось немецкое гражданское кладбище), а на 1,5 км дальше в лес. Казалось бы, на этом инцидент был исчерпан, однако летом 2013 г. в социальных сетях появились фотографии, свидетельствующие о том, что М. Черенков вместе с о. Георгием Бирюковым, волонтерами и поисковым отрядом «Фридрихсбург» «обустроили» под видом военной могилы то самое сельское кладбище. Разразился скандал: калининградские краеведы обвинили Черенкова и Бирюкова в подлоге и излишнем самопиаре. Последние заявили, что на самом деле установили кенотаф (о том, насколько этично это было делать на могилах немецких бюргеров мы оставим судить читателю, равным образом и о причинах появления однозначной надписи на «обустроенном» захоронении «Здесь покоятся 69 воинов 106 Уфимского п.п. 27 п.д. 12 февраля 1915 года»), а критики намеренно препятствуют их «патриотической деятельности» и выполняют заказ

по дискредитации М. В. Черенкова (незадолго до скандала он обвинил региональные власти в том, что они «своровали» его фестиваль)³¹.

Дальнейшая история конфликта была связана с незаконной эксгумацией останков солдат силами поисковиков из «Фридрихсбурга», причем личные вещи, как заявляли они, были переданы в несуществующий музей отряда. В начале 2014 г. эта ситуация стала предметом жаркой полемики на втором заседании Совета по увековечению памяти защитников Отечества при губернаторе (создан осенью 2013 г.), подключились следственные органы. В 2015 г. было возбуждено уголовное дело по факту надругательства над телами убитых, однако затем его закрыли ввиду невозможности предъявить обвинения конкретному лицу³². В итоге по благословию vicария Балтийского Серафима останки были захоронены на территории Свято-Духова прихода, хотя местные органы власти (муниципалитет Нестеровского района) не давали на это разрешения.

Впрочем, несмотря на все конфликты, работа по обустройству продолжилась. Служба государственной охраны объектов культурного наследия Калининградской области начала мониторинг существовавших захоронений; в 2013 г. на подготовку сметной документации и проведение реставрационных работ было выделено 9,3 млн руб. (на 24 захоронения)³³. С 2013 г. проводилась паспортизация всех воинских захоронений (в 2014 — 2015 гг. ее координировал известный краевед А. А. Адылов как эксперт регионального Министерства по муниципальному развитию и внутренней политике). Если до этого на учет находились 24 братские могилы Первой мировой войны (а также 38 других военно-мемориальных объектов), то по итогам работы — 76. В настоящее время еще 14 карточек из Нестеровского района находятся на оформлении. Общий объем финансирования работ по обустройству захоронений и памятников составил около 30 млн руб. Вместе с тем еще десятки братских могил (с разрушенной или полностью уничтоженной надземной частью) оказались пока за пределами внимания региональных и муниципальных властей: официальная процедура выявления и постановки на учет объекта культурного наследия является не только долгой, но и затратной (ведь в данном случае требуются археологические раскопки, а не просто приблизительное определение места захоронения на основе немецких карт и справочников, как это делают краеведы-энтузиасты). В условиях постоянного недофинансирования официальные органы оказываются в скованном положении, а сама медлительность, объясняемая следованием официальным процедурам (включая проведения конкурсов и тендеров на составление необходимой документации и проведение реставрационных работ), у несведущих представителей общественности вызывает далеко не всегда справедливую критику.

Если ранее «первая скрипка» в уходе за братскими могилами русских и германских солдат принадлежала немецким волонтерам, то в 2013 — 2016 гг. она досталась региональной общественности. Параллельно обустройством захоронений занимались и о. Георгий Бирюков, и М. Черенков (он организовал в 2013 г. группу волонтеров «Последние герои империи», которые за несколько лет собственными силами обустроили более десятка захоронений), и Балтийский военно-морской институт совместно с военно-мемориальной службой Балтийского флота, в том числе вышеназванные краеведы. В юбилейный год активность по увековечению памяти воинов Первой мировой войны проявил и Балтийский федеральный университет им. И. Канта (БФУ), при котором был создан Центр во-

енно-мемориальных исследований (ЦВМИ) (его деятельность ограничилась проведением ряда конференций и круглых столов, а также оказанием содействия в мемориальных работах). В 2013 г. при поддержке БФУ весной-летом проводились «субботники» на захоронении Амтсхаген, а 2014 г. в рамках российско-польско-германского проекта «Триалог» был организован международный лагерь, участники которого обустроили несколько захоронений³⁴.

Кроме того, компания GS Group (крупный межотраслевой технологический холдинг, имеющий ряд производств на территории Гусевского района Калининградской области) реализовала ряд мероприятий, направленных на увековечение памяти о Первой мировой войне. В частности, был издан сборник, посвященный Гумбинненскому сражению, в самом городе установлен монумент известного скульптора М. Шемякина «Памяти забытой войны, изменившей ход истории», открыт мемориальный парк, а также обустроены некоторые захоронения на территории района (активное содействие в их поиске оказывал упомянутый ЦВМИ при БФУ, а именно его сотрудник А. С. Казеннов). Отметим, что обустройство захоронений сопрягалось со многими проблемами, в частности, с поиском конечных собственников земель, на территории которых находятся кладбища, с нежеланием чиновников брать на учет те захоронения, которые официально не были выявлены.

Отметим, что в 2014 г. РВИО (помимо установки двух памятников в Калининграде и Гусеве, а также мемориальной доски П. К. фон Ренненкампу, что отмечалось выше) оказало содействие в обустройстве мемориальных знаков в пос. Кубановка, Совхозное и Пушкино. Кроме того, в юбилейный год на средства калининградской еврейской общины была открыта мемориальная доска на старом еврейском кладбище в честь захороненных здесь 36 русских и немецких солдат Первой мировой войны.

Таким образом, главный итог «100-летнего юбилея» Первой мировой войны в региональном измерении связан не только с появлением значительного объема региональных исследований, посвященных этой теме, но и формированием базовой «инфраструктуры памяти». Памятников культуры, связанных с той эпохой, сохранилось не так много: помимо редких захоронений это здания военного назначения (нередко военные казармы полков, участвовавших в войне) и помещения лечебных учреждений. Посредством установления памятных табличек этим местам памяти придавалось соответствующее символическое значение. В некоторых случаях за неимением очевидных памятных мест происходило либо расширение семантического значения уже имеющихся (например, в Санкт-Петербурге и Калуге здания вокзалов, откуда отправлялись эшелоны на фронт, стали местами памяти о Первой мировой войне; во Владимире в качестве таковых известный краевед В. И. Титова обозначила могилы участников войны, умерших в мирное время), либо появление новых памятников и монументов.

Ввиду доминирования патриотического дискурса основной акцент был сделан на увековечении памяти героев, а при реализации значительного числа мероприятий ключевая роль принадлежала общественности. В итоге вся эта деятельность служила укреплению символического единства России. Поскольку юбилей был связан с возрождением памяти, а вернее — с преодолением исторической дистанции, то наиболее успешными в этом плане оказались те регионы, где либо сохранились захоронения той эпохи, либо сам «исторический материал» был удобен для пополнения

локального исторического нарратива (в частности, героизм казачества и всадников «Дикой дивизии» в ряде регионов юга России). Среди безусловно положительных тенденций стоит отметить активизацию Русской православной церкви, которая предложила собственные практики сакрализации памяти о Первой мировой войне. Теперь же, по нашему мнению, задача состоит в том, чтобы не утратить достигнутые результаты, чтобы созданная «инфраструктура памяти» посредством проведения различных памятных мероприятий постоянно привлекала к себе внимание широкой общественности, а не простаивала в забвении вплоть до следующего юбилея*.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Колоницкий Б. И.** «Забытая война»? : Политика памяти, рос. культура эпохи Первой мировой и культур. память // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? СПб., 2015. С. 321 — 332 ; Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. Кн.1. : Народы Рос. империи. М., 2014. С. 113 — 119 ; **Будник Г. А.** Первая мировая война в исторической памяти студентов // Изв. высш. учеб. заведений. 2014. Т. 5. № 4. С. 283 — 287 ; **Быкова С. И.** Осмысление опыта Первой мировой войны: европейская традиция в восприятии современных российских студентов // Науч. диалог. 2014. № 8. С. 116 — 117.

² **Малинова О. Ю.** Увековечивание памяти о «забытой войне» и дилеммы российской политики идентичности // Россия в глобальной политике. 2014. 17 июля. [Электронный ресурс]. URL: <http://globalaffairs.ru> (дата обращения: 26.09.2016) ; **Макаркин А. В.** Память о забытой войне: политические аспекты // Неприкосновенный запас. 2014. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru> (дата обращения: 26.09.2016).

³ Открытие памятника героям Первой мировой войны // Президент России : офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 19.09.2016).

⁴ Казаки из Республики Адыгея в поиске имен героев Первой мировой войны // Кубанское казачье войско. 2013. 27 июля. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slavakubani.ru> (дата обращения: 26.09.2016).

⁵ Борьба за память о Первой мировой довела пенсионера до голодовки // Лента.ру. 2011. 5 апр. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news> (дата обращения: 26.09.2016).

⁶ **Грачева А.** Августовская икона Божией Матери побывала в Калининградской области // Герои Первой мировой. 2012. 24 авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://hero1914.com> (дата обращения: 26.09.2016).

⁷ См.: **Минеев А. Л.** Деятельность Вологодского военно-исторического общества по увековечению памяти участников Первой мировой войны // Великая и забытая : материалы науч. конф. 10 — 11 нояб., 2012. Калининград ; Гусев, 2012. С. 128 — 136.

⁸ См.: **Титова В. И.** Память храбрых мы почтим : Захоронения участников Первой мировой войны во Владимире на Князь-Владимир. кладбище. Владимир, 2014.

⁹ **Старков Н.** Кто с честью защищал свою страну // Кубанское казачье войско. 2015. 24 сент. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news> (дата обращения: 26.09.2016).

¹⁰ См.: **Горелов А., Щукин Ю.** Шли годы... // Город на Тсне. 2001. 9 мая.

¹¹ См.: **Джафаров Н.** Путин чаще всех // Дагестан. правда. 2004. 2 дек.

¹² Памятные знаки венгерским военнопленным // Военные мемориалы : офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://voennie-memorialy.ru> (дата обращения: 28.09.2016).

¹³ Дорога на костях : В Карелии нашли 16 кладбищ австро-герман. пленных // SmartNews. 2014. 8 марта. [Электронный ресурс]. URL: <http://smartnews.ru> (дата обращения: 26.09.2016).

* Автор статьи благодарит А. Григорова, Н. Родина, В. Бахтина, Д. Борисова, Т. Янчаускаса, Я. Голубинова, А. Казеннова, Е. Маслова, А. Панфилова и А. Петрушкевича за предоставленную информацию о мероприятиях, связанных с Первой мировой войной, проводившихся в различных регионах.

¹⁴ **Ивлева Т. В.** История военнопленных Первой мировой // Российское военно-историческое общество : офиц. сайт. 2016. 8 февр. [Электронный ресурс]. URL: <http://rvio.histrf.ru> (дата обращения: 28.09.2016).

¹⁵ См.: **Dehnen, M., Raschdorf, W.** Heldenfriedhoefe in Ostpreussen. Koenigsberg, 1939. S. 8.

¹⁶ ГА КО. Ф. Р-68. Оп. 2. Д. 6. Л. 4.

¹⁷ См.: **Кретинин Г.** Восточная Пруссия, август четырнадцатого... // Калининград. правда. 1989. 11 авг.

¹⁸ См.: **Малков Н.** Памятная дата // За доблестный труд. [Гусев]. 1989. 1 авг. ; **Иванов А.** Сохраним для потомков // Там же. 1987. 2 апр. С. 4.

¹⁹ Свято-Духов приход Калининградско-Балтийской епархии Русской православной церкви : офиц. сайт. [Электронный ресурс]. URL: nesterov-cerkov.ru (дата обращения: 24.08.2016).

²⁰ См.: **Казеннов А. С.** Сохраненное состояние захоронений и памятников Первой мировой войны на территории области // Великая и забытая : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Калининград ; Гусев, 2013. С. 110.

²¹ **Бирюков Г.** Памятники Гумбиненского поля // Рус. народ. линия. 2011. 15 сент. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruskline.ru> (дата обращения: 25.09.2016).

²² **Бирюков Г.** Братская могила как залог для ипотечного кредитования // Рус. линия. 2013. 9 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusk.ru> (дата обращения: 28.09.2016).

²³ **Майтакова О.** По следам Первой мировой: спасенное захоронение русских воинов в Деедене // Нов. Калининград. 2013. 29 авг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newkaliningrad.ru> (дата обращения: 28.09.2016).

²⁴ См.: **Козырев И.** ...А в Калининградской области благоустроят захоронение солдат // Невское время. 2014. 2 сент.

²⁵ Проблема «черных» копателей до сих пор не решена : Обыкновен. вандализм: откуда у копателей артефакты Первой мировой // Нов. Калининград. 2016. 5 мая. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newkaliningrad.ru> (дата обращения: 26.09.2016).

²⁶ См.: **Ростунов И.И.** Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 129.

²⁷ Черенков обвинил Цуканова в попытке «украсть» фестиваль «Гумбинненский прорыв» // Rugrad.eu. 2015. 8 апр. [Электронный ресурс]. URL: <http://rugrad.eu> (дата обращения: 26.09.2016).

²⁸ Власти: военно-исторический фестиваль под Гусевом собрал 150—350 зрителей // Gusev-Online.ru. 2015. 13 авг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gusev-online.ru/news> (дата обращения: 26.09.2016).

²⁹ **Сумарокова А.** Цуканов: за реконструкцией сражения под Гусевом наблюдали свыше 100 тысяч человек // Нов. Калининград. 2014. 26 авг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news> ; Объявлена дата проведения фестиваля «Гумбинненское сражение» в 2016 году // Там же. 2016. 21 апр. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newkaliningrad.ru> (дата обращения: 25.09.2016) ; Правительство: фестиваль «Гумбинненское сражение» посетило около 32 тысяч зрителей // Там же. 2016. 21 авг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newkaliningrad.ru> (дата обращения 26.09.2016).

³⁰ См.: **Успенский А. А.** На войне. Восточная Пруссия — Литва. Каунас, 1932. С. 181 — 182 ; РВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 149. Л. 9 об.

³¹ **Бирюков Г.** Право на ответ: «Нечужие могилы // Нов. Калининград. 2013. 21 июня. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newkaliningrad.ru> (дата обращения: 25.09.2016).

³² Поисковики перезахоронили останки воинов вопреки закону, но с благословения Серафима // Там же. 2015. 17 июня (дата обращения: 25.09.2016).

³³ Власти области хотят восстановить могилы русских воинов времен Первой мировой // Там же. 2012. 14 сент. (дата обращения: 28.09.2016).

³⁴ Внеси свой вклад в увековечение памяти о героях: лагерь Триалог-2014 // Герои Первой мировой. 2014. 27 июля. [Электронный ресурс]. URL: <http://hero1914.com> (дата обращения: 19.09.2016).

Поступила 06.10.2016 г.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 314.122(470)

Л. Н. Липатова, И. Г. Бирюков, М. В. Игнатьева
L. N. Lipatova, I. G. Biryukov, M. V. Ignatyeva

ДИНАМИКА И ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

DYNAMICS AND THE MAIN FACTORS OF HUMAN DEVELOPMENT IN RUSSIA

Ключевые слова: человеческий потенциал, экономический рост, продолжительность жизни, уровень жизни, качество образования.

В статье на основе данных ООН и официальной статистики исследуется динамика основных параметров человеческого потенциала.

Key words: human potential, economic growth, life expectancy, standard of living, quality of education.

The dynamics of the main parameters of human potential is studied in the article on basis of the UN data and official statistics.

Концептуальный подход к развитию человеческого потенциала был разработан экспертами ООН и впервые изложен во всемирном Докладе о человеческом развитии за 1990 г. Число изучаемых стран ежегодно увеличивалось: в 1995 г. оценка производилась по 174 государствам, в 2001 г. — 162, в 2014 г. — по 187 странам мира.

В докладах традиционно содержится информация об индексе человеческого развития (ИЧР)*, который ежегодно рассчитывается экспертами ООН совместно с группой независимых международных специалистов, использующими в своей работе (наряду с аналитическими разработками) статистические данные национальных институтов и международных организаций. ИЧР используется ООН как альтернативный показатель общественного прогресса (в противоположность экономическим оценкам).

Оценка человеческого развития строится на базовых показателях, рассчитываемых по сопоставимой методике для экономически развитых и развивающихся-

* Индекс человеческого развития разработал пакистанский экономист Махбуб уль-Хак (Mahbub ul-Haq) в 1990 г.

ся стран, каждый из которых количественно представляет одно из ключевых измерений человеческого развития — долголетие, образованность и уровень жизни населения.

Долголетие — долгая и здоровая жизнь. Его базовым показателем служит средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении, исчисляемая в целом для мужчин и женщин. Этот показатель выражает число лет, которые в среднем предстоит прожить одному человеку из поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким же, как и в год рождения, что характеризует условия жизнедеятельности людей.

Образованность — получение и накопление знаний, общение, обмен информацией. Эти способности необходимы для полноправного участия в жизни современного общества и внесения своего вклада в его развитие. В настоящее время ценность образования особенно высока и продолжает увеличиваться по мере научно-технического прогресса и приобретения инновационным производством доминирующей роли в экономике.

Грамотность представляет собой необходимую предпосылку получения любого образования, и поэтому уровень грамотности взрослого населения — доля грамотных в возрасте 15 лет и старше — служит важным базовым показателем данного измерения человеческого развития. Уровень грамотности отражает накопленные достижения в области образования, в значительной степени зависит от распространения грамотности в течение предыдущих 10 — 20 лет. С 1991 г. в связи с повышением образовательного уровня населения многих стран мира образованность стала оцениваться с помощью комбинации двух базовых показателей: уровня грамотности взрослого населения и средней продолжительности обучения, рассчитываемой для лиц в возрасте 25 лет и старше.

В связи с тем, что национальные системы образования предусматривают различную длительность обучения на сходных степенях, в комбинации базовых показателей образованности средняя продолжительность обучения была заменена полнотой охвата обучением. Последний рассчитывается как отношение общего числа учащихся (зачисленных) на всех степенях обучения (начальной, общей средней, средней профессиональной, высшей, послевузовской) вне зависимости от их возраста к общей численности населения в возрасте 5 — 24 лет.

Выбор базового показателя, отражающего уровень жизни, представляет собой серьезную проблему, поскольку характеристика жизненного уровня должна учитывать многочисленные факторы, определяющие возможности развития и реализации человеческих способностей (личный доход, распределение доходов между слоями общества, ранее приобретенная собственность, доступ к земельным ресурсам и кредитам, развитость инфраструктуры, доступность и качество услуг здравоохранения, образования, транспорта, индивидуальный стиль жизни, размер и структура семьи, совокупность благ, производимые в домашнем хозяйстве, политические, социальные, природно-климатические и экологические условия и т. д.).

Большое число факторов, подлежащих учету, отсутствие регулярно собираемой информации по одним из них, сложность и (или) несопоставимость исчисления других делает практически невозможной оценку материального уровня жизни с

помощью какого-либо прямого показателя. Поэтому в этих целях используется косвенный показатель — величина валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения. В общем виде ВВП измеряет стоимость конечных товаров и услуг, произведенных резидентами данной страны за тот или иной период времени в ценах конечного покупателя. В ВВП включаются результаты деятельности всех учреждений, организаций и других единиц, которые функционируют на экономической территории данной страны, включая предприятия, полностью контролируемые иностранным капиталом, а также филиалы иностранных компаний, расположенные на территории данной страны.

Оценка ВВП разных стран происходит в одной валюте, в настоящее время — в долларах США. Для этого используются паритеты покупательной способности валют (ППС). При расчете этого показателя определяется число единиц национальной валюты, необходимое для покупки товаров и услуг, которые можно купить на 1 долл. США в Америке. Это позволяет учесть различную покупательную способность дохода, сложившуюся в разных странах, и привести к сопоставимости показателя разных стран.

Для стран с разным уровнем развития используются дополнительные индикаторы, позволяющие дифференцировать страны, принадлежащие к одной группе. Для стран с низким уровнем дохода ВВП на душу населения сравнительно адекватно отражает ситуацию, сложившуюся с доступом к ресурсам, необходимым для достойной жизни. Для стран со средним уровнем развития этот показатель может быть дополнен числом людей с доходом ниже уровня бедности. Для экономически развитых стран к двум названным показателям можно добавить индикатор, учитывающий уровень неравенства по доходам. Показатель ВВП на душу населения часто скрывает серьезные диспропорции в распределении доходов, а следовательно, в ограничении возможностей развития человека. Более равное распределение доходов среди населения служит дополнительным фактором человеческого развития.

Перечисленные показатели измеряются в разных единицах, изменения происходят неравномерно, а иногда и разнонаправленно. Поэтому для результирующей оценки уровня человеческого развития необходимо сведение этих индикаторов воедино. Это осуществляется с помощью индекса человеческого развития, рассчитываемого по следующей формуле:

$$\text{ИЧР} = \sum a_j \times (X_j - m_j) : (M_j - m_j),$$

где X_j — фактическое значение показателя, описывающего j -е измерение человеческого развития,

m_j и M_j — минимальное и максимальное значения показателя, описывающего j -е измерение,

a_j — весовой коэффициент. Весовой коэффициент средней ожидаемой продолжительности жизни составляет $1/3$, скорректированного ВВП на душу населения — $1/3$, уровня грамотности — $2/9$, полноты охвата обучением — $1/9$.

Расчет ИЧР происходит в два этапа. На первом — фактические показатели приводятся к единой шкале измерений, т. е. нормализуются. При этом для каждого из показателей определяются минимальное и максимальное значения и формируется шкала от 0 до 1, на которой 0 соответствует минимальному значению, а 1 — максимальному. Затем определяется мера относительных достижений —

линейное расстояние между фактической величиной и минимальным значением соотносится с линейным расстоянием между максимальным и минимальным значениями.

На втором этапе нормализованные показатели агрегируют в индекс человеческого развития, который представляет собой среднее арифметическое нормализованных показателей человеческого развития. Для каждого из трех измерений устанавливаются равные весовые коэффициенты, поскольку нет оснований предпочесть какое-либо одно из них двум другим как наиболее важное в концепции человеческого развития.

К странам (регионам) с высоким уровнем человеческого развития относились те, в которых $ИЧР \geq 0,8$; со средним — в которых $0,5 \leq ИЧР < 0,8$; к странам с низким уровнем — те, в которых $ИЧР < 0,5$.

В настоящее время все страны в рейтинге классифицируются по четырем категориям:

- с очень высоким уровнем $ИЧР \geq 0,8$;
- с высоким уровнем $0,7 \leq ИЧР < 0,8$;
- со средним уровнем $0,5 \leq ИЧР < 0,7$;
- с низким уровнем $ИЧР < 0,5$.

Согласно докладу ООН (2014 г.; содержит данные за 2012 — 2013 гг.), в первую группу вошли 49 государств. Благополучной страной в мире признана Норвегия ($ИЧР = 0,944$). Преуспевающими странами считались также Австралия ($ИЧР = 0,933$), Швейцария (0,917), Нидерланды (0,915) и США ($ИЧР = 0,914$). Замыкала список стран Аргентина ($ИЧР = 0,808$).

Российская Федерация, заняв 57-е место в рейтинге 2014 г. ($ИЧР = 0,778$), потеряла две позиции по сравнению с 2013 г. В группу с высоким уровнем человеческого развития вошли всего 53 страны. Россия опережала в этом рейтинге другие страны с быстрорастущей экономикой: Бразилию (79-е место), Китай (91-е), Южную Африку (118-е) и Индию (135-е место).

Из числа государств бывшего СССР в группе стран с высоким уровнем человеческого развития также находились: Беларусь (53-е место), Казахстан (70-е), Азербайджан (76-е), Грузия (79-е), Украина (83-е) и Армения (87-е). Другие постсоветские государства включены в группу стран со средним уровнем развития: Туркменистан (103-е место), Молдова (114-е место — самый низкий показатель в Европе), Узбекистан (116-е), Кыргызстан (125-е) и Таджикистан (133-е). Из всех государств бывшего СССР только страны Балтии смогли войти в группу государств с очень высоким уровнем человеческого развития: Эстония занимала 33-е место, Литва — 35-е, Латвия — 48-е место¹.

С 1990 г. Россия по индексу человеческого развития занимала различные позиции ($ИЧР = 0,815$, т. е. государство входило в первую группу). В 1992 г. страна занимала 52-ю строку в мировом рейтинге ($ИЧР$ был равен 0,849); в 1993 г. — оставалась в группе стран с высоким уровнем человеческого развития ($ИЧР = 0,804$). С 1994 г. по данному показателю Россия длительное время относилась к группе стран со средним уровнем развития. В 1999 г. $ИЧР$ составлял 0,775 (55-е место в мире). В 2000 г. индекс был немного выше (0,782), но из группы стран со средним уровнем человеческого развития страна не вышла. В 2004 г. условия гуманитарного развития в России оценивались экспертами ниже, сводный индекс

был равен 0,781. В 2005 г. ИЧР России составил 0,802, и страна вновь стала относиться к странам с высоким уровнем человеческого развития, заняв 67-е место из 70 в этой группе. Однако уровня начала 1990-х гг. по условиям для развития человека Россия так и не достигла. В 2009 г. Россия занимала 66-е место в группе стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала. ИЧР страны был равен 0,838. В 2010 г. Россия улучшила свои позиции в мировом рейтинге по развитию человеческого потенциала, поднявшись на 65-ю позицию. ИЧР страны был равен 0,840.

Основные показатели РФ в 2012 г. были следующие:

- средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении — 69,1 лет;
- средняя продолжительность получения образования — 11,7 года;
- ВВП на душу населения — 12 700 долл. США в год.

Негативное влияние на экономические показатели России оказали социальное неравенство, экологические проблемы, а также низкая продолжительность жизни, свойственная, скорее, неблагоприятным странам. Например, по этому показателю Россию уже обогнали такие государства, как Ирак и Бангладеш.

Внутри России условия для развития человека существенно различаются. В 2010 г. крайние значения ИЧР имели г. Москва и Республика Тыва. Индекс значительно варьировался — от 0,931 до 0,750. Однако интервал разброса показателя заметно сократился, в 1996 г. крайние значения индекса составляли 0,867 и 0,520. ИЧР г. Москвы увеличился за 1996 — 2010 гг. на 7,4 %, Республики Тыва — на 44,2 %. В 1996 г. 22 региона имели ИЧР выше, чем в среднем по России. В 2004 г. таких регионов было 12, в 2008 — 2009 гг. — 7, в 2010 г. — 10 (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Тюменская, Сахалинская, Белгородская и Томская области, Республика Татарстан, Красноярский край, Республика Коми и Республика Саха (Якутия)).

Приволжский федеральный округ (ПФО) является одним из самых разнородных российских территорий по этническому составу населения и уровню экономического развития регионов. Округ включает 14 субъектов федерации, в том числе 6 национальных республик, 7 областей и Пермский край. Компоненты индекса человеческого развития приволжских регионов в 2004 г. в сравнении со средними по России показателями представлены в табл. 1.

Таблица 1

ИЧР в регионах ПФО в 2004 г.

Регион	ВРП, долл. ППС	Индекс доходов	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс продолжительности жизни	Грамотность, %	Доля учащихся в возрасте 7 — 24 лет, %	Индекс образования	ИЧР
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Российская Федерация	9 922	0,767	65,3	0,671	99,0	73,7	0,906	0,781
Республика Татарстан	12 325	0,804	67,7	0,711	99,0	78,5	0,922	0,812
Самарская область	9 795	0,765	65,7	0,678	99,2	77,2	0,919	0,787
Республика Башкортостан	9 664	0,763	66,3	0,688	98,8	74,3	0,906	0,786
Оренбургская область	9 445	0,759	65,4	0,673	98,9	72,7	0,902	0,778
Республика Мордовия	6 555	0,698	66,6	0,693	97,9	80,2	0,920	0,770

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Удмуртская Республика	7 793	0,727	64,2	0,653	99,0	77,1	0,917	0,766
Чувашская Республика	5 577	0,671	66,3	0,689	99,0	78,9	0,923	0,761
Пермская область	9 282	0,756	62,5	0,625	98,9	71,5	0,898	0,760
Саратовская область	6 288	0,691	65,6	0,677	99,2	74,5	0,910	0,759
Нижегородская область	7 664	0,724	63,8	0,646	98,9	72,7	0,902	0,757
Ульяновская область	5 481	0,668	65,3	0,672	98,6	72,6	0,899	0,747
Пензенская область	4 958	0,652	65,7	0,679	98,4	73,4	0,901	0,744
Кировская область	5 356	0,664	63,9	0,649	98,4	72,9	0,899	0,737
Республика Марий Эл	5 002	0,653	63,4	0,640	98,8	72,6	0,901	0,731

Составлена по: Регионы России: цели, проблемы, достижения : докл. о развитии человек. потенциала в РФ 2006 / 2007. М., 2007. С. 128 — 131.

Как видно из табл. 1, в 2004 г. Республика Татарстан, Самарская область и Республика Башкортостан имели ИЧР выше среднего по России значения. В 1996 г. таких было 7, к перечисленным выше регионам примыкали также Ульяновская, Нижегородская, Пермская и Оренбургская области. В 2010 г. в число наиболее развитых субъектов РФ из числа приволжских регионов входила только Республика Татарстан — 6-е место в федеральном списке (ИЧР — 0,861).

Высокие показатели были в Республике Татарстан. В 2010 г. среднедушевые доходы населения здесь на 21,0 % превышали среднероссийские показатели. Ожидаемая продолжительность жизни была на 1,6 года выше, чем в среднем по России. Индекс образования, учитывающий грамотность взрослого населения и охват обучением населения в возрасте 7 — 24 лет, — на 0,7 % выше, чем в РФ. В Удмуртской и Чувашской республиках, в Пермском крае и Кировской области индекс образования был еще выше (табл. 2).

Таблица 2

ИЧР в регионах ПФО в 2010 г.

Регион	ВРП, долл. ППС	Индекс доходов	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Индекс продолжительности жизни	Грамотность, %	Доля учащихся в возрасте 7 — 24 лет, %	Индекс образования	ИЧР
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Российская Федерация	19 674	0,882	68,83	0,731	99,7	0,755	0,916	0,843
Республика Татарстан	23 747	0,913	70,43	0,757	99,7	0,771	0,922	0,864
Оренбургская область	20 020	0,884	68,26	0,721	99,6	0,774	0,922	0,842
Республика Башкортостан	16 266	0,850	68,79	0,730	99,6	0,753	0,915	0,832
Удмуртская Республика	15 187	0,838	67,95	0,716	99,6	0,797	0,930	0,828
Самарская область	16 028	0,847	67,78	0,713	99,7	0,772	0,922	0,827
Пермский край	17 626	0,863	66,69	0,695	99,6	0,779	0,924	0,827
Саратовская область	13 581	0,820	68,98	0,733	99,7	0,761	0,918	0,824
Нижегородская область	15 755	0,844	66,99	0,700	99,7	0,757	0,917	0,820
Чувашская Республика	10 771	0,781	68,63	0,727	99,6	0,793	0,928	0,812
Ульяновская область	11 929	0,798	68,39	0,723	99,6	0,741	0,911	0,811

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Республика Мордовия	10 895	0,783	69,09	0,735	99,5	0,744	0,911	0,810
Кировская область	10 105	0,770	68,39	0,723	99,6	0,799	0,930	0,808
Пензенская область	9 958	0,768	69,09	0,735	99,6	0,719	0,904	0,802
Республика Марий Эл	10 707	0,780	67,17	0,703	99,6	0,727	0,906	0,796

Составлена по: Устойчивое развитие: вызовы Рио : докл. о человец. развитии в РФ 2013. М., 2013. С. 150 — 151.

Как видно из табл. 2, самый низкий показатель доходов населения наблюдался в Пензенской области; продолжительность жизни ниже 67 лет — в Пермском крае и Нижегородской области. Грамотность взрослого населения во всех регионах была высокая. Доля учащихся в возрасте 7 — 24 лет в большинстве приволжских регионов выше, чем в среднем по России. Однако в ряде регионов этот показатель заметно отставал от среднероссийского уровня: Пензенская область — 72 %, Республика Марий Эл — 73 %, Ульяновская область и Республика Мордовия — 74 %. Высокое значение этого показателя было в Удмуртской и Чувашской республиках, Кировской области — почти 80 %.

Распределение регионов по уровню человеческого развития существенно менялось. Данные табл. 3 показывают, что в 1996 — 2010 гг. большинство приволжских регионов ухудшили позиции в федеральном рейтинге. Сильное падение показателя отмечалось в Ульяновской области — с 5-го на 48-е место. Улучшение положения наблюдалось в Оренбургской области, Удмуртии, Мордовии и Республике Марий Эл.

Таблица 3

Рейтинг регионов ПФО по уровню человеческого развития

Регион	1996 г.	1999 г.	2004 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Республика Татарстан	2	3	4	4	4	6
Республика Башкортостан	4	5	11	14	18	18
Ульяновская область	5	13	46	46	46	48
Нижегородская область	6	11	34	28	27	33
Самарская область	9	6	10	8	20	25
Пермский край	10	14	30	26	31	26
Оренбургская область	17	25	14	18	12	11
Саратовская область	24	36	31	27	25	28
Удмуртская Республика	40	35	24	25	22	24
Чувашская Республика	44	38	29	36	39	46
Кировская область	49	44	58	63	64	52
Республика Мордовия	51	31	19	38	41	49
Пензенская область	59	68	49	45	48	60
Республика Марий Эл	70	48	66	69	71	68

Составлена по: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1998. С. 118 — 119; 1999. С. 101 — 103; 2002. С. 82 — 83; Энергетика и устойчивое развитие : докл. о развитии человек. потенциала в РФ 2009. М. 2010. С. 150 — 151; Модернизация и развитие человеческого потенциала : докл. о развитии человек. потенциала в РФ 2011. М., 2011. С. 142 — 143; Устойчивое развитие... С. 150 — 151.

Особенности социально-экономического развития Республики Мордовия изучают И. Г. Кильдюшкина, В. Н. Градусова, Л. А. Абелова, В. Ю. Фадеев, М. В. Тингаева, М. В. Игнатьева, С. М. Имяреков и др.²

За 1996 — 2004 гг. республика по уровню гуманитарного развития поднялась с 51-го на 19-е место в России и с 12-го на 5-е место в ПФО. В 2004 г. ИЧР в Мордовии (0,770) был немного ниже среднего по России (0,781). Производство ВВП на душу населения РМ возросло по сравнению с 2003 г. на 22,0 % и составило 6,6 тыс. долл. США. Однако это на 34,0 % меньше среднероссийского показателя — 42-я строка на шкале индекса ВВП (табл. 4).

Таблица 4

Динамика показателей человеческого развития в Республике Мордовия в 1996 — 2010 гг.

Показатель	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2001 г.	2003 г.	2004 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
ВВП на душу населения по ППС, долл. США	2 761	3 053	4 890	5 088	4 289	5 374	6 555	9 175	11 394	10 895
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	68,2	67,9	68,8	67,4	67,38	66,0	66,6	68,74	69,06	69,09
Доля учащихся в возрасте 7 — 24 лет, %	76,0	76,4	76,3	78,0	70,5	80,8	80,2	73,7	75,1	74,4
Индекс доходов	0,498	0,571	0,649	0,656	0,627	0,665	0,698	0,754	0,790	0,783
Индекс продолжительности жизни	0,720	0,715	0,730	0,707	0,706	0,684	0,693	0,729	0,734	0,735
Индекс образования	0,910	0,911	0,918	0,923	0,888	0,922	0,920	0,898	0,903	0,911
Индекс развития человеческого потенциала	0,709	0,732	0,766	0,762	0,740	0,757	0,770	0,794	0,809	0,810
Место на шкале ИЧР	51	24	22	31	35	26	19	38	41	49

Составлена по: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1998. С. 118 — 119 ; 1999. С. 101 — 103 ; 2004. С. 99 — 101 ; 2007. С. 128 — 135 ; Модернизация и развитие человеческого потенциала... С. 142 — 143 ; Устойчивое развитие... С. 150 — 151.

Продолжительность жизни немного увеличилась по сравнению с 2003 г., но остается меньшей, чем в другие годы анализируемого периода. Доля учащихся по сравнению с предыдущим годом уменьшилась и составила 80,2 %. За рассматриваемый период доходы населения Республики Мордовия возросли почти в 4 раза, но остаются низкими.

Уровень жизни в Мордовии — один из наиболее низких в РФ. По производству валового регионального продукта на душу населения Мордовия заметно отстает от других российских регионов, в ПФО занимает предпоследнее место (табл. 5).

Таблица 5

Валовой региональный продукт на душу населения, руб.

Регион	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Российская Федерация	224 163,3	263 828,6	317 515,3	348 598,9
Приволжский федеральный округ	163 958,3	190 719,5	236 240,2	265 544,3
Республика Башкортостан	159 428,7	186 522,0	231 314,0	284 068,3
Республика Марий Эл	98 888,9	118 110,4	140 243,8	170 089,0
Республика Мордовия	107 903,3	125 975,5	144 636,0	161 158,7
Республика Татарстан	234 206,4	264 561,7	344 092,5	376 889,2
Удмуртская Республика	151 268,7	180 316,9	221 152,7	244 746,2
Чувашская Республика	111 300,3	125 843,0	151 177,9	174 293,5
Пермский край	203 364,2	235 930,6	319 149,5	340 933,2
Кировская область	107 680,4	128 073,7	146 451,8	160 461,8
Нижегородская область	164 071,8	196 792,5	233 405,3	254 630,6
Оренбургская область	202 332,4	224 937,2	272 897,1	311 588,5
Пензенская область	105 487,4	124 020,7	154 608,1	175 094,9
Самарская область	181 298,2	216 167,6	259 480,6	293 001,2
Саратовская область	128 473,8	148 839,0	171 449,8	190 481,6
Ульяновская область	118 179,9	137 518,4	173 890,3	191 059,6

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2014. С. 429.

В 2013 г. среднедушевые доходы населения РМ составляли 14 433 руб. в месяц, в то время как в РФ этот показатель был равен 25 928 руб. в месяц, в ПФО — 21 864 руб. в месяц³.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни в Мордовии до середины первого десятилетия XXI в. снижался. В 2011 г. он превысил 70 лет. В 2013 г. данные по продолжительности жизни населения Мордовии были следующие: мужчины — 64,8, женщины — 76,4 года⁴. Высокие по сравнению с другими российскими регионами показатели — один из факторов, определяющих высокие позиции этого региона в общероссийском рейтинге (табл. 6).

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., 21 % населения региона имеет высшее и неполное высшее про-

Таблица 6
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет

Регион	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Российская Федерация	68,9	69,8	70,2	70,7
Приволжский федеральный округ	68,4	69,2	69,8	70,0
Республика Башкортостан	68,9	69,0	69,3	69,6
Республика Марий Эл	67,3	68,3	69,0	69,3
Республика Мордовия	69,2	70,1	70,7	70,6
Республика Татарстан	70,4	71,3	71,8	72,1
Удмуртская Республика	68,1	68,9	69,7	69,9
Чувашская Республика	68,5	69,6	70,3	70,8
Пермский край	66,6	67,5	68,3	68,7
Кировская область	68,2	69,3	69,8	70,2
Нижегородская область	67,0	68,5	68,9	69,4
Оренбургская область	67,9	68,3	68,6	68,9
Пензенская область	69,3	70,2	70,8	71,5
Самарская область	68,1	69,0	69,6	69,4
Саратовская область	68,9	69,8	70,2	70,7
Ульяновская область	68,5	69,5	70,6	70,5

Составлена по: Мордовия. 2014. С. 430.

фессиональное образование⁵. Однако в последние годы отмечается снижение доли учащихся в общей численности населения.

Таким образом, с 1990-х гг. Россия опустилась в мировом рейтинге по человеческому развитию с 52-го на 57-е место. На ИЧР России в первую очередь негативно влияет низкая продолжительность жизни, характерная, скорее, неблагополучным странам. Согласно рейтингу, формируемому ООН ежегодно на основе индекса продолжительности жизни (Life Expectancy Index), Россия в 2013 г. находилась на 129-м месте. Опережали Россию по данному показателю такие государства, как Бангладеш, Ирак, Лаос, Непал и Узбекистан⁶.

За 1996 — 2010 гг. некоторые регионы ПФО, в том числе Республика Мордовия, ухудшили свои позиции в федеральном рейтинге. Высокие позиции по индексу человеческого развития Мордовия занимала в 2004 г. В последние годы республика теряет позиции в рейтинге российских субъектов. Главными причинами являются низкий уровень жизни в регионе, замедление роста показателя ожидаемой продолжительности жизни (в 2013 г. произошло его снижение), сокращение доли охвата обучением.

Проблемы человеческого развития требуют детального и всестороннего изучения, связанного с разработкой мер по регулированию этих процессов, поскольку снижение человеческого потенциала может стать серьезным тормозом устойчивого экономического развития страны и ее регионов.

Библиографические ссылки

¹ URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843> (дата обращения: 12.12.2016).

² См.: **Липатова Л. Н., Тингаева М. В.** Сравнительный анализ уровня бедности в России и Мордовии // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2009. № 1 (11). С. 41 — 53; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Абелова Л. А.** Народонаселение Республики Мордовия в трансформационный период // Там же. 2010. № 2 (14). С. 31 — 41; **Кильдюшкина И. Г., Ушакова О. А.** Парадигма устойчивого развития региональной экономики // Там же. С. 7 — 13; **Липатова Л. Н., Ерёмкина Т. В., Градусова В. Н.** Трансформация социально-трудовой сферы России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Там же. 2011. № 3 (19). С. 7 — 20; **Липатова Л. Н., Ерёмкина Т. В.** Занятость населения России в 1990-е гг.: федеральный и региональный аспекты // Там же. 2012. № 1 (21). С. 7 — 21; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Фадеев В. Ю.** Развитие народонаселения России в 1990 — 2000 годы: федеральный и региональный аспекты // Там же. 2013. № 2 (26). С. 7 — 17; **Игнатьева М. В., Липатова Л. Н.** Человеческий потенциал экономического развития: федеральный и региональный аспекты // Регионология. 2014. № 3 (88). С. 127 — 134; **Имяреков С. М., Липатова Л. Н., Юртаев К. П.** Сравнительная характеристика условий формирования трудового потенциала регионов Приволжского федерального округа // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2014. № 4. С. 49 — 56; **Липатова Л. Н., Бирюков И. Г.** Статистическая оценка человеческого развития // Статистика и вызовы современности : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 56 — 61; **Липатова Л. Н., Фадеев В. Ю.** Региональные особенности демографического развития // Международное сотрудничество: социально-экономические и правовые аспекты — XV Макаркин. науч. чт. Саранск, 2015. С. 70 — 77; **Липатова Л. Н., Модин Е. В.** Социально-демографические факторы экономической безопасности // Там же. С. 363 — 371; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н.** Демографические основы формирования трудового потенциала сельского хозяйства: региональные аспекты // Аграрная политика современной России: научно-методологические аспекты и стратегия реализации — Никонов. чт. — 2015. М., 2015. С. 370 — 373; **Липатова Л. Н., Абаева Е. И.** Современное состояние рынка труда в России // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2015. № 3 (34). С. 97 — 108; **Липатова Л. Н., Имяреков С. М.,**

Сивиркина Н. Н. Трудовой потенциал как фактор экономического развития : (На примере регионов Приволж. федер. округа) // Там же. С. 302 — 314 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н.** Материальное благополучие населения как фактор экономической безопасности // Управленч. консультирование. 2015. № 3. С. 105 — 115 ; **Липатова Л. Н.** Развитие человеческого потенциала в российских мегаполисах // Экономическая культура мегаполиса : сб. тез. V Междунар. науч. конф. СПб., 2016. С. 71 — 73 ; **Липатова Л. Н., Градусова В. Н., Модин Е. В.** Региональная дифференциация социально-экономического развития как угроза экономической безопасности // Управленч. консультирование. 2016. № 5 (89). С. 102 — 112 ; **Липатова Л. Н., Волчков В. Н., Бирюков И. Г.** Динамика и главный фактор производительности труда в современной российской экономике // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 111 — 121.

³ См.: Российский статистический ежегодник. М., 2014. С. 133 — 134.

⁴ См.: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2014. С. 81.

⁵ Там же. 2013. С. 72.

⁶ URL: <http://gtmarket.ru/ratings/life-expectancy-index/life-expectancy-index-info> (дата обращения: 12.12.2016).

Поступила 14.12.2016 г.

УДК 330.33.015:336.3:332

Ю. Ю. Егорцева, С. С. Артемьева

Yu. Yu. Egortseva, S. S. Artemyeva

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

STATE DEBT OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA: TO THE PROBLEM STATEMENT

Ключевые слова: государственный долг, долговая политика, долговая нагрузка, дефицит бюджета, региональные облигации.

В статье исследуются проблемы региональной долговой нагрузки и ее масштабы, причины, которые привели к значительному росту долга республики; рассматриваются динамика, структура и степень эффективности источников финансирования дефицита бюджета.

Key words: state debt, debt policy, debt burden, budget deficit, regional loan securities.

The problems of the regional debt burden and its level, as well as the reasons of a significant increase in the debt of the republic, are studied in the article; the dynamics, structure and degree of effectiveness of sources of financing the budget deficit are considered.

В современных условиях доходы бюджетов многих субъектов Российской Федерации не обеспечивают необходимого объема финансовых ресурсов для решения задач их социального и экономического развития. В связи с этим перед органами власти регионов РФ стоит вопрос о поиске альтернативных источников для покрытия дефицитов, так как исполнение бюджета во многом зависит от возможности привлекать дополнительные заемные финансовые ресурсы.

В целях мобилизации финансовых ресурсов широко применяется практика долгового финансирования, где важным становится проведение обоснованной долговой политики. Субъект РФ может привлекать кредиты и проводить эмиссию ценных бумаг. Следовательно, актуализируется вопрос формирования и реализации политики в области субфедеральных заимствований.

Долговая политика Республики Мордовия является составной частью бюджетной политики, которая определяется основными направлениями бюджетной политики Республики Мордовия на 2016 г. и на плановый период 2017 и 2018 гг.¹ Ее значимость подтверждается разработанной и реализуемой подпрограммой «Управление государственным долгом Республики Мордовия» (в рамках «Государственной программы повышения эффективности управления государственными финансами в Республике Мордовия» на 2014 — 2022 гг.² Основными задачами долговой политики Республики Мордовия являются: непревышение уровня государственного долга, установленного бюджетным законодательством, снижение расходов на обслуживание государственного долга и соблюдение показателей и индикаторов, установленных программой.

Одним из ключевых показателей финансового положения регионов выступает уровень долговой нагрузки (табл. 1). Как видно из табл. 1, Республика Мордовия в 2015 г. по данному показателю занимала последнее (85-е) место в рейтинге субъектов РФ. Регионы ранжируются по объему долга к доходам бюджета субъекта РФ без учета безвозмездных перечислений.

Таблица 1

Рейтинг субъектов РФ по уровню долговой нагрузки

Субъект РФ	Отношение госдолга субъекта РФ на 01.01.2016 г. к налоговым и неналоговым доходам его бюджета в 2015 г., %	Отношение госдолга субъекта РФ на 01.01.2016 г. к налоговым и неналоговым доходам его бюджета в 2014 г., %	Объем госдолга субъекта РФ на 01.01.2016 г., млрд руб.	Изменение госдолга за 2015 г., %	Доля налоговых и неналоговых доходов в суммарном объеме доходов бюджета субъекта РФ в 2015 г., %	Изменение налоговых и неналоговых доходов бюджета субъекта РФ в 2015 г., %
Республика Северная Осетия — Алания	119,1	114,9	9,1	5,1	35,5	1,4
Республика Карелия	119,6	119,3	21,3	11,8	62,7	11,6
Смоленская область	121,4	115,6	30,4	20,8	77,3	15,0
Костромская область	136,7	121,1	17,7	11,0	64,9	-1,7
Республика Мордовия	182,5	121,1	36,0	26,2	59,6	-16,3
Российская Федерация	35,7	36,5	2 314,6	-0,2	45,6	32,7

Составлена по: Официальный сайт РИА Рейтинг [Электронный ресурс]. URL: <http://riarating.ru/> (дата обращения: 25.07.2016).

Долговая нагрузка на 1 июля 2016 г. по России в целом составила 36,7 % (на 1 января 2016 г. — 36,5 %). При этом показатели по регионам существенно различались: от 0 % в Севастополе и Сахалинской области до 199,4 % в Республике Мордовия.

Государственный долг 14 российских регионов превышает их налоговые и неналоговые доходы. Число таких регионов с каждым годом увеличивается: в 2012 г. — 2, 2013 г. — 7, 2014 г. — 10, в 2015 г. — 14. У 56 субъектов РФ государственный долг превышает 50,0 %, из них у 37 — 70,0 %, у 14 регионов — 100,0 % от объема собственных доходов регионального бюджета.

Объем государственного долга Республики Мордовия превышает 199,4 % доходной части бюджета. Если в 2014 г. Республике Мордовия удалось снизить госдолг с 172,0 % до 121,1 % к налоговым и неналоговым доходам, то в 2015 г. долговая нагрузка выросла до 182,6 %, а к 1 июля 2016 г. — еще на 16,8 %. Ее рост сопровождался как снижением объема собственных доходов бюджета, так и увеличением госдолга.

Высокий уровень государственного долга РМ наблюдается с 2010 г. и имеет объективные причины. Во-первых, в связи с празднованием 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства республике предусматривалось выделение средств для осуществления строительства и реконструкции дорог в виде бюджетных кредитов из федерального бюджета в размере 2 651,9 млн руб. В 2011 г. Мордовии должны были выделить из федерального бюджета субсидии в размере 4 698,4 млн руб. Однако фактически вместо субсидий республике были предоставлены бюджетные кредиты на строительство (реконструкцию), капитальный ремонт, ремонт и содержание автомобильных дорог общего пользования (за исключением автомобильных дорог федерального значения). Во-вторых, в результате засухи 2010 г. долг республики увеличился дополнительно на 2 480,0 млн руб., так как на ликвидацию последствий из федерального центра были предоставлены бюджетные кредиты на частичное покрытие дефицита с установлением платы за пользование средствами кредита в размере одной четвертой ставки рефинансирования Центрального банка РФ, а не беспроцентные бюджетные кредиты или дотации³.

Однако государственное заимствование субъекта РФ увязывают с дефицитом его бюджета, рассматривая заем как способ его покрытия (т. е. как метод балансирования бюджета субъекта РФ), а также с погашением государственного долга. Государственное заимствование субъекта РФ предусматривает обеспечение субъекта денежными средствами, необходимыми для финансирования расходов, которые данный субъект не считает целесообразным сократить и поэтому не укладывается в доходы, собираемые с помощью налогов и других обязательных платежей⁴. Основные параметры республиканского бюджета представлены в табл. 2.

Высокий уровень дефицита республиканского бюджета также привел к наращиванию объема долга. Хотя, согласно представленным данным, дефицит бюджета Республики Мордовия с 2012 по 2016 г. снизился, учитывая, что данные за 2016 г. плановые, итоговые цифры могут отличаться, причем с учетом сложной социально-экономической обстановки не в положительную сторону.

В связи с этим органы власти республики должны прилагать максимум усилий к укреплению доходной базы бюджетов, эффективному расходованию имеющихся бюджетных средств, а также поиску относительно недорогих источников финансирования дефицита бюджета. Сложившаяся структура источников финансирования дефицита республиканского бюджета отражена в табл. 3.

Таблица 2

Основные параметры республиканского бюджета РМ

Показатель	2012 г. (отчет)		2013 г. (отчет)		2014 г. (отчет)		2015 г. (отчет)		2016 г. (план)	
	млн руб.	% ВВП	млн руб.	% ВВП	млн руб.	% ВВП	млн руб.	% ВВП	млн руб.	% ВВП
Доходы, всего	36 351,3	34,8	32 091,3	25,3	35 508,0	21,1	33 164,2	14,5	38 983,6	14,9
В том числе:										
собственные поступления	3 497,1	12,9	17 867,9	14,1	23 592,2	14,1	19 753,4	9,2	25 861,4	11,1
безвозмездные поступления	22 854,2	21,6	14 223,4	11,2	11 915,8	7,1	13 410,8	5,4	13 122,2	4,0
Расходы	39 205,6	37,6	39 527,0	31,2	40 337,3	24,0	39 190,3	15,9	40 897,3	16,2
Дефицит	2 854,3	2,7	6 435,7	5,1	4 829,3	2,9	6 026,1	1,5	1 913,7	1,1

Составлена по: Официальный сайт Министерства финансов Республики Мордовия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minfinrm.ru> (дата обращения: 25.07.2016).

Таблица 3

Дефицит республиканского бюджета РМ, млн руб.

Показатель	2012 г. (отчет)	2013 г. (отчет)	2014 г. (отчет)	2015 г. (отчет)	2016 г. (план)
Дефицит, всего	2 854,3	6 435,7	4 829,3	6 026,1	1 913,7
Источники финансирования дефицита					
Банковские кредиты	3 355,9	-38,0	-346,7	3 099,9	-2 860,5
Облигации	0,0	3 000	0,0	2 400,0	4 400,0
Бюджетные кредиты	1 181,4	871,5	3 023,5	2 000,0	220,4
Иные источники	-13,6	-1 397,3	-156,8	-2 624,5	0,0
Изменение остатков средств	-1 669,4	3 999,5	2 309,3	1 150,8	153,7

Составлена по: Официальный сайт Министерства финансов Республики Мордовия.

Таким образом, в связи с формированием несбалансированного республиканского бюджета возникает необходимость обеспечения финансирования дефицита бюджета за счет государственных заимствований (табл. 4).

Таблица 4

Динамика и структура государственного долга РМ, млн руб.

Показатель	2012 г. (отчет)	2013 г. (отчет)	2014 г. (отчет)	2015 г. (отчет)	2016 г. (план)
1	2	3	4	5	6
Предельный объем государственного долга РМ в соответствии со ст. 107 Бюджетного кодекса РФ	26 751	28 888	40 459	42 066	44 774
Объем государственного долга Республики Мордовия, всего	24 248	26 703	28 568	38 868	40 988

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6
В том числе:					
государственные гарантии	3 013	2 262	1 451	1 880	1 825
бюджетные кредиты	12 972	13 844	16 867	19 493	21 213
облигации	0	3 000	3 000	5 400	5 400
банковские кредиты	8 263	7 597	7 250	12 095	12 550
Расходы на обслуживание государственного долга	713	1 079	1 013	1 436	1 715

Составлена по: Официальный сайт Министерства финансов Республики Мордовия.

Если говорить об абсолютном значении государственного долга, то Республика Мордовия, имевшая 41,0 млрд руб. на 1 июля 2016 г., занимала 70-е место из 85 российских субъектов и 9-е место в Приволжском федеральном округе.

Основной формой привлечения заимствований в республике являются бюджетные кредиты, имеющие низкую стоимость обслуживания. Кроме того, в связи с неравномерностью поступления доходов и потребностью в финансировании расходов при исполнении бюджета в течение года возникают временные кассовые разрывы, основным видом покрытия которых являются бюджетные кредиты. Короткий срок (6 месяцев в пределах бюджетного года) и низкая процентная ставка (0,1 % годовых) по бюджетным кредитам позволяют значительно снизить расходы на обслуживание долга. Доля федеральных кредитов в общем объеме долга превышает 50,0 %.

Стоимость рыночных заимствований значительно возросла в 2014 г. Это связано с повышением уровня процентных ставок за пользование средствами кредита.

Объем бюджетных (федеральных) кредитов имеет устойчивую тенденцию к увеличению в абсолютном выражении. Однако динамика объема кредитов от кредитных организаций, полученных Республикой Мордовия, за 2012 — 2016 гг. не имеет определенного направления (рис. 1).

В рамках сформировавшейся в России системы государственных финансов, предполагающей значительные объемы перераспределения денежных потоков между бюджетами различных уровней и высокий уровень зависимости региональных бюджетов от федерального бюджета, эмиссия облигаций рассматривается ими как один из способов финансирования бюджетного дефицита, который имеет систематический характер. Актуальность облигационного финансирования текущих расходов региональных бюджетов резко возросла в последние несколько лет, когда в рамках реализации «майских» указов Президента РФ нагрузка на региональные бюджеты заметно возросла, а их доходы в результате замедления темпов роста отечественной экономики сократились, что объективно привело к росту масштабов бюджетного дефицита на уровне отдельных регионов и, соответственно, «подтолкнуло» их к выходу на облигационный рынок. Причем некоторые субъекты РФ (в том числе Республика Мордовия) провели размещение дебютных выпусков облигаций. В республике в целях снижения расходов на обслуживание государственного долга проведена работа по выходу на публичный рынок заимствований, в результате чего рейтинговым агентством «Moody's» впервые республике в 2013 г. присвоен международный кредитный рейтинг.

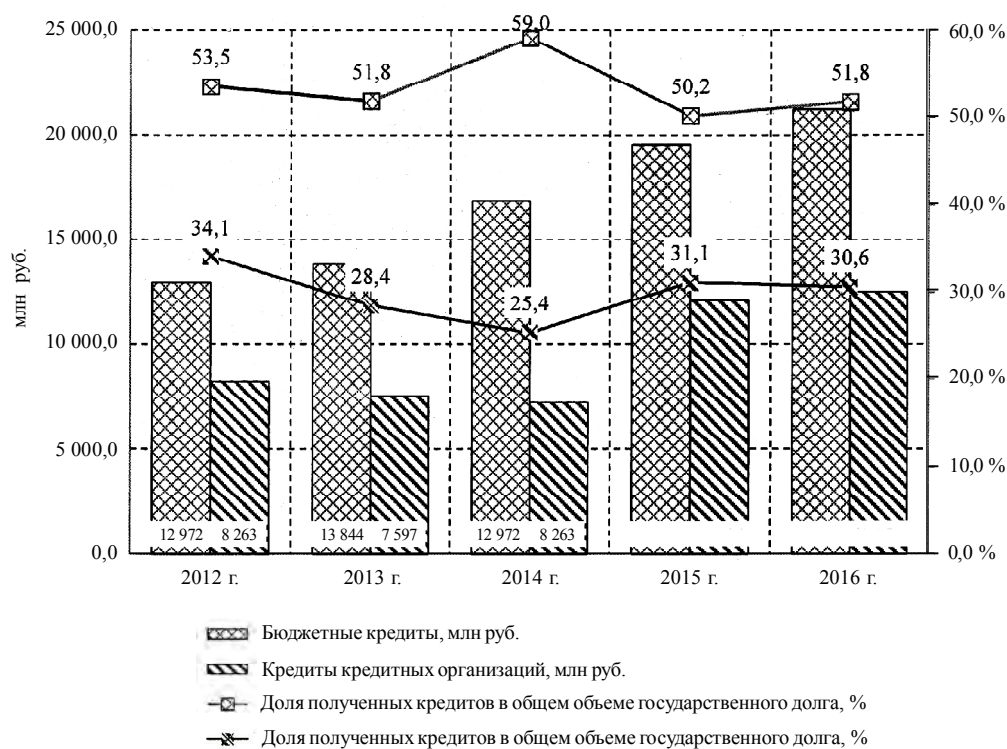

Рис. 1. Объем полученных кредитов и их доля в государственном долге РМ

Наличие данного рейтинга позволяет Банку России включать субфедеральные облигации в Ломбардный список, что способствует спросу на них со стороны кредитных организаций. Кроме того, согласно инструкции Банка России, при вложении в облигации субъектов РФ банки испытывают меньшее давление на капитал (по сравнению с корпоративными облигациями)⁵. В 2013 г. осуществлен дебютный выпуск облигаций Республики Мордовия в объеме 3 млрд руб. на 5-летний срок со ставкой купона в размере 9,25 % годовых. Привлеченный объем средств в результате эмиссии государственных облигаций позволил республике сэкономить средства на обслуживание по сравнению с действовавшими условиями кредитных договоров, а также провести работу по снижению процентных ставок по заключенным на тот момент кредитным договорам до уровня 9,25 % годовых. Наличие кредитного рейтинга и внесение облигационных выпусков Республики Мордовия в котировальный список высшего уровня (ЗАО «Фондовая биржа ММВБ») определяют спрос на данные ценные бумаги со стороны институциональных инвесторов (негосударственных пенсионных фондов, управляющих компаний и др.).

Однако, если в 2013 г. агентством «Moody's» республике был присвоен первоначальный рейтинг эмитента по глобальной шкале в иностранной и национальной

валютах на уровне В1 с прогнозом «стабильный», то в 2015 г. оно понизило положение Мордовии до уровня В2 с прогнозом «негативный». Долговые обязательства с рейтингом В рассматриваются как спекулятивные и подвержены высокому кредитному риску.

В результате существенный объем выпущенных облигаций не позволил сократить объем расходов на обслуживание долговых обязательств, который с 2012 г. значительно увеличился.

Государственные гарантии являются одной из форм заимствований, обуславливающей повышение инвестиционной привлекательности региона. Учитывая высокие риски гарантийных обязательств, в республике проводится политика, направленная на ограничение и сокращение доли условных обязательств в структуре государственного долга. В итоге объем государственного долга Республики Мордовия по государственным гарантиям имеет тенденцию к уменьшению в абсолютном и относительном выражении. Если в 2012 г. на долю государственных гарантий приходилось около 12,4 % всех долговых обязательств субъекта, то в 2016 г. этот показатель уменьшился до 4,5 % (рис. 2).

Изменение сложившейся негативной ситуации с государственным долгом Республики Мордовия возможно только в случае активизации механизма финансового самообеспечения за счет роста собственных доходов регионального и местных бюджетов. Однако в регионе практически исчерпаны резервы увеличе-

Рис. 2. Объем предоставления государственных гарантий и их доля в государственном долге РМ

ния собственных доходов за счет улучшения их администрирования. Действующая в республике модель межбюджетных отношений, в соответствии с которой объем финансовой помощи местным бюджетам увеличивается в случае увеличения их собственных доходов, стимулирует заинтересованность муниципальных образований в развитии собственной доходной базы⁶. В связи с этим с начала 2000-х гг. в муниципалитетах была проведена большая работа по снижению задолженности по налогам, выведению доходов из «тени». В настоящее время резервов в этом направлении практически нет.

Таким образом, темпы роста государственного долга Республики Мордовия на фоне стагнирующей экономики и проблем с наполняемостью бюджетов налогами только ускорятся, и без принятия дополнительных мер региону вряд ли удастся улучшить ситуацию. В таких условиях структура государственного долга будет постепенно меняться за счет увеличения доли бюджетных кредитов и сокращения заимствований через долговые инструменты и коммерческие кредиты. Однако в силу ограниченности бюджетного финансирования не следует ожидать полного замещения коммерческих кредитов.

Для субъектов с высоким уровнем долговой нагрузки необходима федеральная поддержка. В связи с этим Министерство финансов РФ регионам установило на 2016 г. лимит бюджетных кредитов на покрытие дефицита в размере 140 млрд руб., а также выделить 120 млрд руб. федеральных кредитов на рефинансирование ранее выданных бюджетных кредитов и частичное замещение долговых обязательств, подлежащих погашению в 2016 г. Эти меры, безусловно, полезны, но в полной мере проблему не решат.

Библиографические ссылки

¹ Об основных направлениях бюджетной политики Республики Мордовия на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов : Указ Главы Республики Мордовия № 304-УГ от 31 августа 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/mordovia/649216/> (дата обращения: 25.07.2016).

² Об утверждении «Государственной программы повышения эффективности управления государственными финансами в Республике Мордовия» на 2014 — 2022 годы : Постановление Правительства Республики Мордовия № 475 от 21 октября 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460282487> (дата обращения: 25.07.2016).

³ Об основных направлениях долговой политики Республики Мордовия на 2016 год и на плановый период 2017 и 2018 годов : Указ Главы Республики Мордовия № 294-УГ от 19 августа 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/9063950/> (дата обращения: 25.07.2016).

⁴ См.: **Солдаткин С. Н.** Эффективность региональной долговой политики через призму инвестиционной активности // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 30 (405). С. 46 — 57.

⁵ См.: **Щербаков А. Н., Ермакова Е. А.** Роль субфедеральных облигаций в обеспечении сбалансированности региональных бюджетов // Наука и общество. 2014. № 3 (18). С. 127 — 133.

⁶ См.: **Николаев К. Н.** Комплексное исследование социально-экономического развития муниципальных образований Республики Мордовия // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2012. № 4 (24). С. 14 — 22.

Поступила 29.07.2016 г.

УДК 338.439.02

К. Г. Четаева
K. G. Chetaeva

ОЦЕНКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ

FOOD SECURITY ASSESSMENT IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Ключевые слова: продовольственная безопасность, физическая и экономическая доступность продуктов питания, рациональные нормы потребления, потребительские расходы населения.

В статье проводится сравнительный анализ фактических и рекомендуемых Министерством здравоохранения и социального развития РФ объемов потребления продуктов питания населением Республики Мордовия в 2010 — 2014 гг.; предлагаются меры по поддержанию продовольственной безопасности региона на основе изучения динамики коэффициентов физической и экономической доступности основных групп продовольственных товаров.

Key words: food security, physical and economic accessibility of food products, rational consumption standards, consumer expenditure of the population.

The actual volumes of food consumption by the population of the Republic of Moravia in 2010 — 2014 and those, recommended by the Ministry of Health and Social Development of Russia, are compared in the article; methods to maintain the food security of the region on basis of studying the dynamics of the coefficients of physical and economic accessibility of the main groups of food products are proposed.

Обострение социально-экономической ситуации, вызванное санкционной политикой западноевропейских стран в отношении России на мировом продовольственном рынке, реактуализировало проблему обеспечения национальной продовольственной безопасности. В сложившейся обстановке хозяйствующие субъекты получили дополнительный импульс к наращиванию собственного производства продуктов питания и проведения комплексной оценки продовольственного обеспечения с целью выявления потенциальных возможностей и угроз.

В Доктрине продовольственной безопасности РФ понятие «продовольственная безопасность» интерпретируется как состояние экономики, при котором населению страны в целом и каждому гражданину в отдельности гарантируется обеспечение доступа к продуктам питания, питьевой воде и другим пищевым продуктам в качестве, ассортименте и объемах, необходимых и достаточных для физического и социального развития личности, обеспечения здоровья и расширенного воспроизводства населения¹.

Мониторинг мировой продовольственной безопасности проводит Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (англ. Food and Agricultural Organization of the United Nations), цель деятельности которой — снижение численности голодающего и недоедающего населения путем содействия развитию сельского хозяйства и обеспечения доступности продуктов питания.

На базе британской исследовательской компании «Economist Intelligence Unit» генерируется и анализируется наиболее полная информация по обеспечению продуктами питания население стран мира, в том числе по индексу продовольственной безопасности. Именно по этому коэффициенту определяется политика государств и эффективность работы отраслевых предприятий при объединении трех основных групп показателей — уровня доступности и потребления продуктов питания, их наличия и достаточности, уровня качества и безопасности продовольственных товаров. Балльной оценке по обозначенным критериям (от 0 до 100 баллов) подвергаются 109 стран мира. Согласно мировому рейтингу, в 2014 г. Российская Федерация по уровню продовольственной безопасности занимала 40-е место (62,7 балла), в 2016 г. — 43-е место (63,8 балла), находясь между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь².

Безусловно, эта проблема находится под пристальным вниманием руководителей всех уровней власти России. Не случайно главными задачами по обеспечению продовольствием (независимо от изменения внешних и внутренних условий), в соответствии с Доктриной продовольственной безопасности РФ, являются: во-первых, своевременное прогнозирование, выявление и предотвращение внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности, минимизация их негативных последствий за счет постоянной готовности системы обеспечения граждан пищевыми продуктами, формирование стратегических запасов пищевых продуктов; во-вторых, устойчивое развитие отечественного производства продовольствия и сырья, достаточных для обеспечения продовольственной независимости страны; в-третьих, достижение и поддержание физической и экономической доступности для каждого гражданина страны безопасных пищевых продуктов в объемах и ассортименте, которые соответствуют установленным рациональным нормам потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни; в-четвертых, обеспечение безопасности пищевых продуктов³.

В РФ для оценки состояния продовольственной безопасности применяется следующая система показателей (рис. 1).

В подобных условиях становится очевидным, что задачи по обеспечению физического и экономического доступа, а также безопасности пищевых продуктов прописаны в конце списка, а критериями их определения фактически выступают коэффициенты самообеспеченности продукцией собственного производства. Такое ранжирование задач и критериев оценки состояния в этой области, включенных в Доктрину продовольственной безопасности России, свидетельствует о приоритетности наращивания производства продовольствия над обеспечением его доступности. Первоочередными на этом фоне становятся исследования не только объемов производства, но и параметров обеспечения физической и экономической возможности приобретения населением продуктов питания в Республике Мордовия.

Следует указать, что развитие сельского хозяйства как главного гаранта продовольственной безопасности является одной из приоритетных задач государственных органов власти республики. В 2013 г. в структуре валового регионального продукта (ВРП) Мордовии доля сельхозпродукции составила около 10,3 %; в 2012 г. в абсолютном выражении данный показатель достигал 45,5 млрд руб., увеличившись на 7,4 % к 2013 г. (4-е место в ПФО по темпу роста).

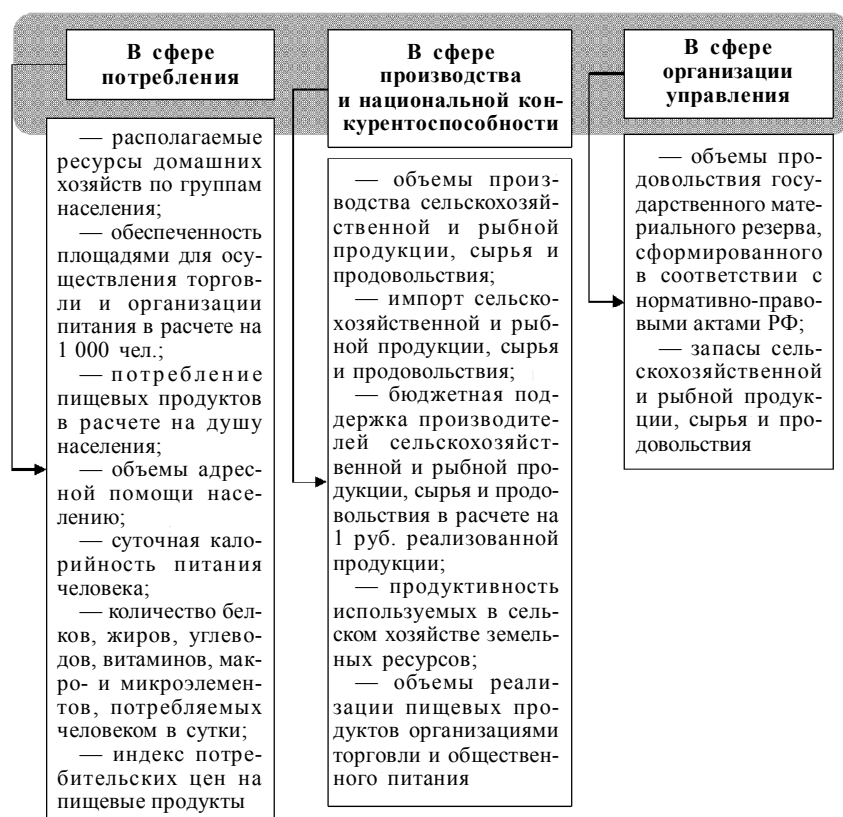

Рис. 1. Система показателей продовольственной безопасности

По данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия, показатели производства основных групп продуктов питания на душу населения в регионе превышают их средние значения по России, за исключением овощей. Большая часть основных продуктов питания (например, яйцо, мясо птицы, молоко и молочные продукты), представленная в линейке продаж магазинов, — местного производства (рис. 2).

Если обратить внимание на покупательную способность жителей республики, то окажется, что по обороту розничной торговли на душу населения Республика Мордовия в 2014 г. занимала 14-е место среди регионов ПФО. В абсолютном выражении данный показатель составил 89 988,9 руб. (например, в Татарстане — 203 913,0 руб.)⁴.

При сопоставлении рациональных норм потребления пищевых продуктов, предложенных Министерством здравоохранения и социального развития РФ, с фактическим потреблением продуктов питания населением Республики Мордовия отмечалась невыдержанность указанных нормативов в регионе по таким продовольственным позициям, как хлебные продукты, молоко и молочные продукты, картофель, овощи и бахчевые (табл. 1).

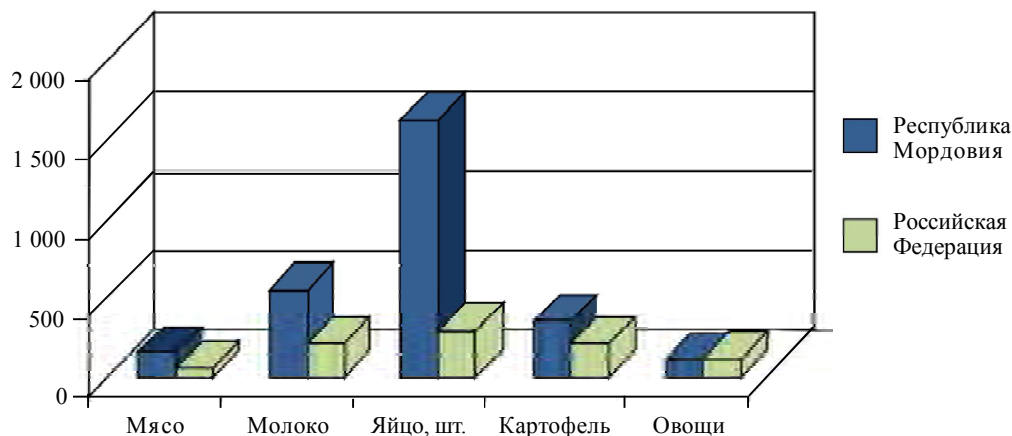

Рис. 2. Объемы производства основных видов сельскохозяйственной продукции на душу населения в 2013 г., кг / год

Таблица 1

Фактические и рекомендуемые объемы потребления продуктов питания населением Республики Мордовия в 2014 г. (на 1 члена домохозяйства, кг / год)

Продукты питания	Потребление продуктов питания населением (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств)	Рекомендуемые объемы потребления пищевых продуктов
Хлеб и хлебные продукты	93	95 — 105
Картофель	48	95 — 100
Овощи и бахчевые	78	120 — 140
Мясо и мясопродукты	75	70 — 75
Яйца, шт.	169	260
Рыба и рыбопродукты	22	18 — 22
Сахар и кондитерские изделия	33	24 — 28
Растительное масло и другие жиры	10	10 — 12
Молоко и молочные продукты	259	320 — 340

Составлена по: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2015. С. 138 ; Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания // Рос. газ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2010/10/15/pitanie-doc.html> (дата обращения: 12.02.2016).

Кроме того, структура питания населения республики характеризуется малым уровнем потребления овощей, молока и молочных продуктов и преимущественно углеводным составом за счет преобладания в рационе сахара и кондитерских изделий. Фактическое потребление сладостей жителями Мордовии превышает рекомендованное Министерством здравоохранения и социального развития РФ нижнее пороговое значение нормы на 37,5 %. Несоответствие реального потребления пищевых продуктов рациональному в большей степени обуславливается тем,

что 17,3 % населения республики получают денежные доходы в размере ниже прожиточного минимума⁵ (при пороговом значении 7,0 — 10,0 %), из которых около 30,0 — 33,0 % они тратят на продовольственную корзину (табл. 2).

Таблица 2

Структура потребительских расходов населения Республики Мордовия в 2010 — 2014 гг.
(на 1 члена домохозяйства, % / месяц)

Статья потребительских расходов	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Покупка продуктов для домашнего питания	32,8	31,9	33,1	31,2	31,8
Питание вне дома	2,6	7,1	4,9	2,7	0,8
Покупка алкогольных напитков	1,5	1,5	1,4	1,7	1,6
Покупка непродовольственных товаров	43,5	38,4	37,5	41,7	42,9
Оплата услуг	19,6	21,1	23,1	22,7	22,9

Составлена по: Мордовия. С. 146.

Относительным показателем продовольственного обеспечения, выражающим уровень развития товаропроизводящей инфраструктуры, является коэффициент физической доступности продовольствия, при котором во всех населенных пунктах субъекта РФ обеспечивается возможность приобретения населением пищевых продуктов или организации питания в объемах и ассортименте, не меньше рациональных установленных норм их потребления. Для этого необходимо провести расчет данного индикатора за последние пять лет (2010 — 2014 гг.) по основным видам продуктов, реализуемых в Республике Мордовия (рис. 3 — 11).

Получается, что практически по всем видам товаров анализируемый коэффициент не достигает 100 % и в целом имеет тенденцию к снижению. Причинами подобных негативных явлений, на наш взгляд, являются недостаточное

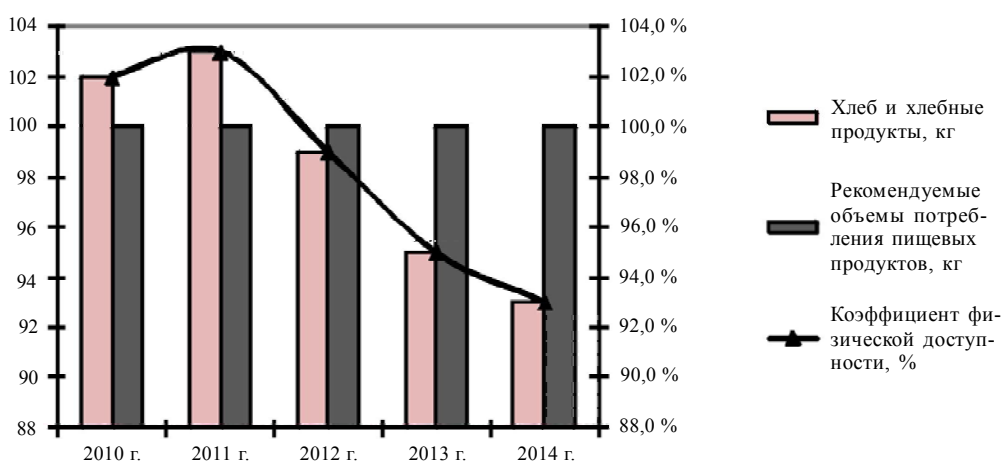

Рис. 3. Динамика индикатора физической доступности хлеба и хлебных продуктов населению

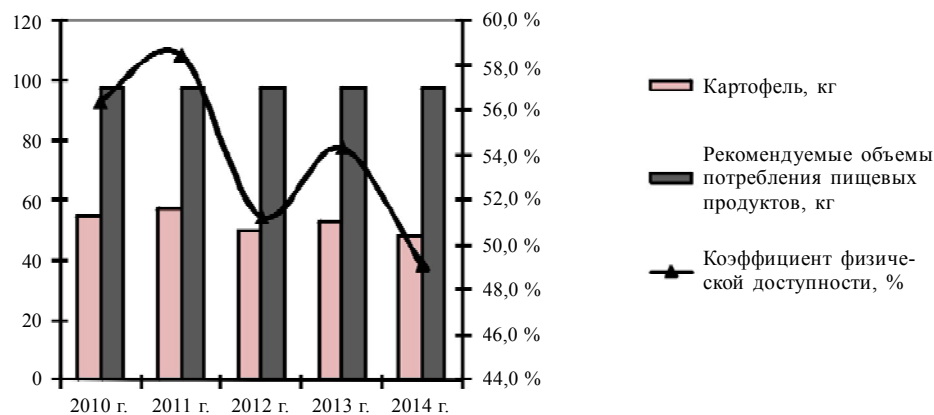

Рис. 4. Динамика индикатора физической доступности картофеля населению

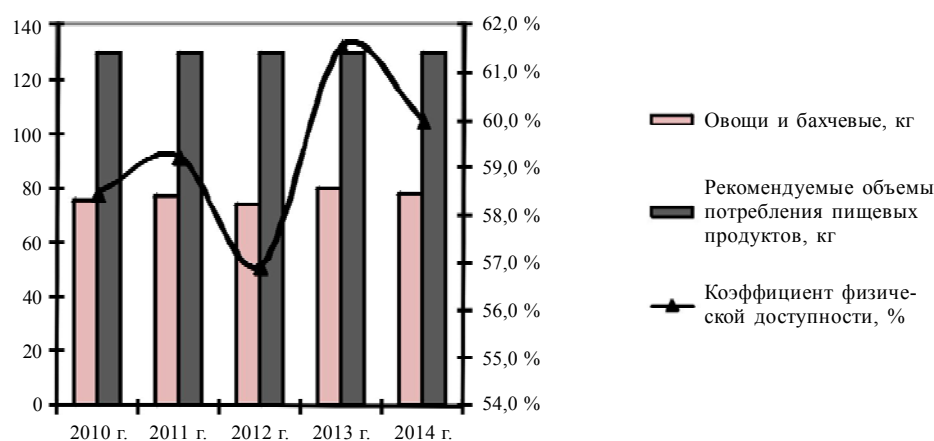

Рис. 5. Динамика индикатора физической доступности овощей и бахчевых населению

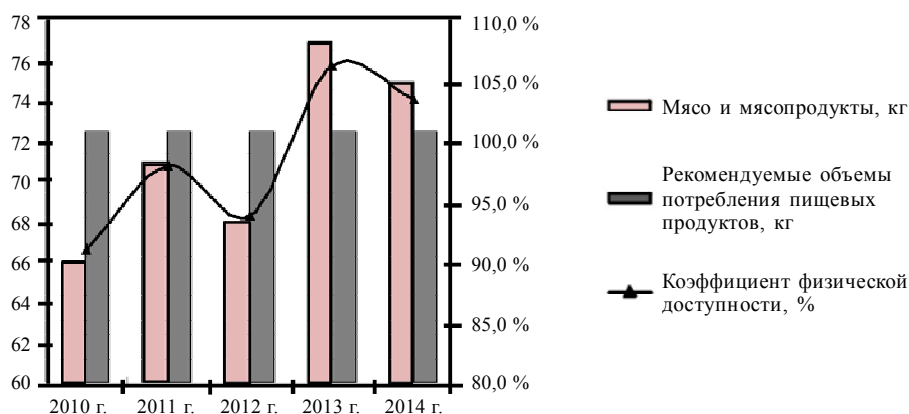

Рис. 6. Динамика индикатора физической доступности мяса и мясoproductов населению

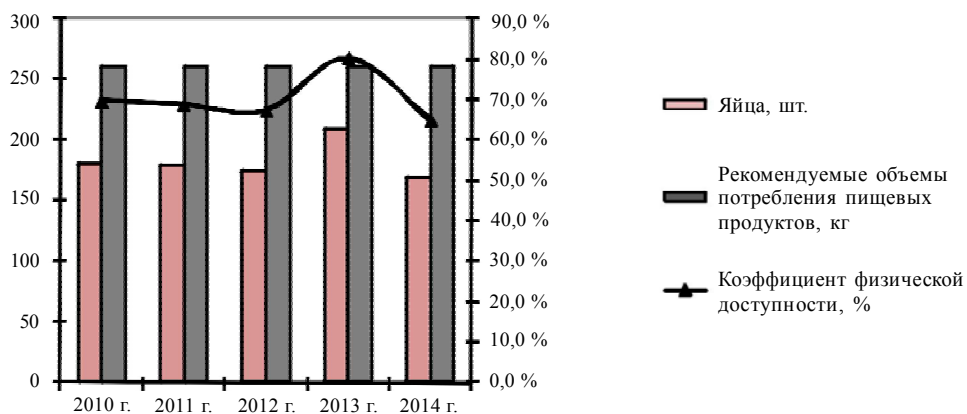

Рис. 7. Динамика индикатора физической доступности яиц населению

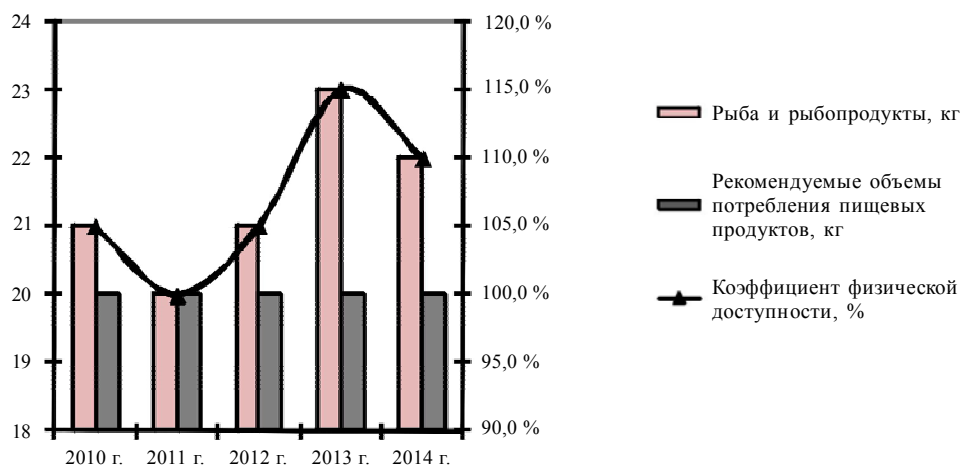

Рис. 8. Динамика индикатора физической доступности рыбы и рыбопродуктов населению

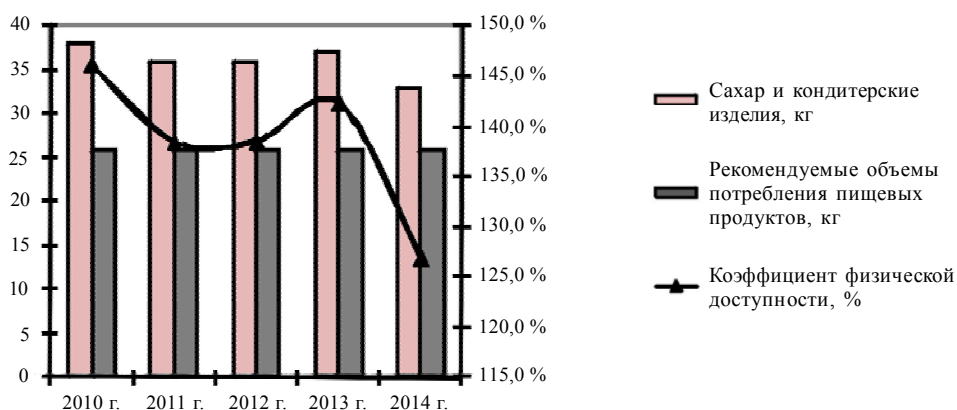

Рис. 9. Динамика индикатора физической доступности сахара и кондитерских изделий населению

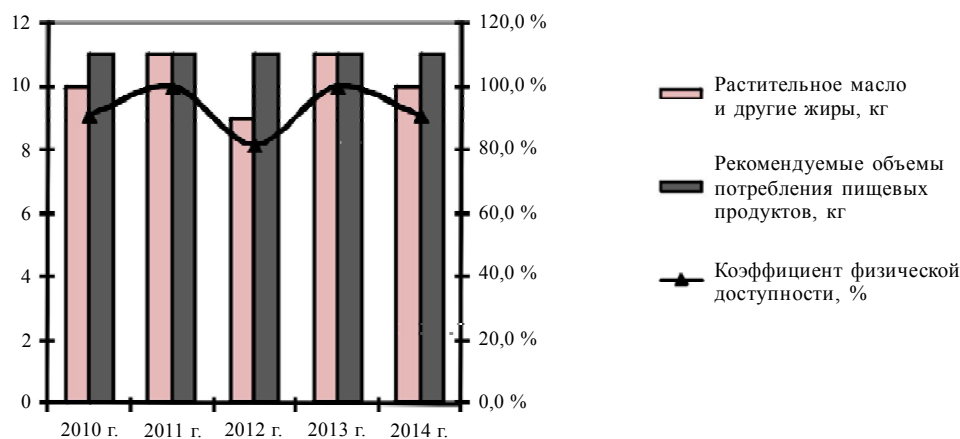

Рис. 10. Динамика индикатора физической доступности растительного масла и других жиров населению

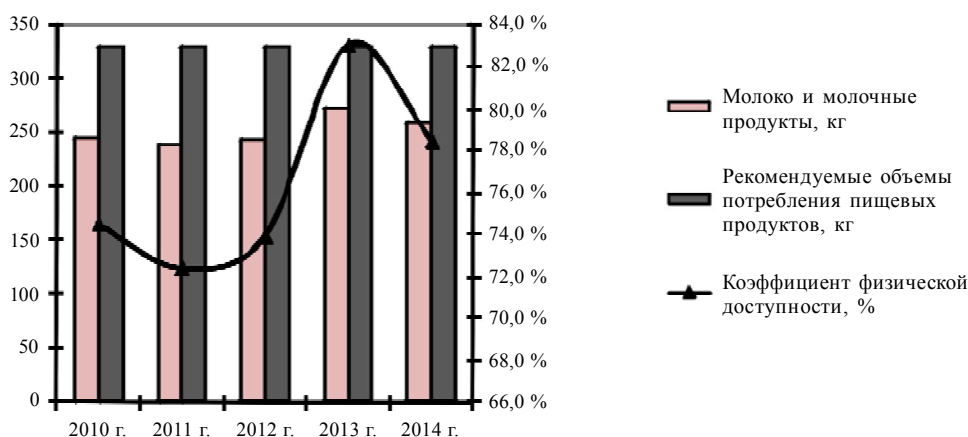

Рис. 11. Динамика индикатора физической доступности молока и молочных продуктов населению

развитие и неоднородность современной инфраструктуры регионального рынка продовольствия. Укрупнение торговых сетей в городах Мордовии происходит за счет появления представителей международных и федеральных ритейлеров, предлагающих широкий ассортимент продуктов питания и использующих механизмы гибкой ценовой политики. Население сельской местности снабжают товарами индивидуальные предприниматели, а основные продукты питания (например, мясо, молоко, яйца и др.) оно производит в личных подсобных хозяйствах.

Проведем оценку экономической доступности продовольствия населению Республики Мордовия, используя общепринятый показатель, демонстрирующий степень возможности приобретения пищевых продуктов по сложившимся ценам,

в объемах и ассортименте, не меньше установленных рациональных норм потребления, обеспеченную соответствующим уровнем дохода населения. Изменение этого коэффициента в 2010 — 2014 гг. представлено на диаграмме (рис. 12).

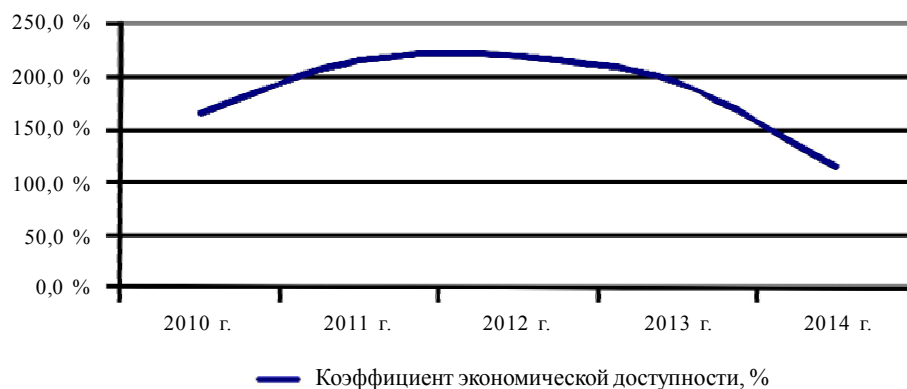

Рис. 12. Динамика показателя экономической доступности продуктов питания населению Республики Мордовия

Таким образом, в 2010 — 2012 гг. наблюдалось некоторое повышение данного коэффициента в республике, в 2014 г. — резкое снижение, что было связано с уменьшением уровня доходов населения. Более того, в настоящее время усугубляется существующая линия дифференциации населения по величине располагаемых доходов, отражающаяся и на структуре потребления в различных социальных группах⁶. Категории населения с более низким уровнем доходов в меньшем количестве используют в рационе мясо, фрукты, молочную продукцию и рыбу.

В целом показатели продовольственной безопасности в Республике Мордовия неоднозначны, поскольку коэффициенты обеспеченности продуктами питания не достигают оптимальных значений. При относительно низком уровне физической доступности и снижении индикатора экономической доступности нельзя утверждать о недоедании или голоде населения. Однако это требует постоянного мониторинга и критического подхода к оценке сложившейся ситуации в регионе. Поэтому в стабилизации продовольственной безопасности ключевым фактором является повышение уровня доходов населения, рост ВРП на душу населения за счет развития местного производства основных групп продовольственных товаров.

В связи с этим необходимо согласиться с мнением В. М. Володина и И. Г. Кильдюшкиной, которые предлагают провести комплекс мер по наращиванию объемов выпуска традиционных видов продукции пищевой и перерабатывающей отраслей при ориентации предприятий на создание нового поколения продуктов питания с повышенной пищевой и биологической ценностью на основе широкого применения новых биотехнологий⁷.

Результаты проведенного анализа обуславливают необходимость разработки прогнозного расчета показателей исследуемого объекта управления посредством

применения многофакторной модели зависимости индикаторов доступности наиболее важных продуктов питания в Республике Мордовия от размера среднедушевого дохода населения.

Проблема продовольственной безопасности требует адекватных научно обоснованных мер государственного регулирования с учетом существующего программно-целевого инструментария в области управления рынком продуктов питания. При решении проблем повышения их экономической доступности для всех групп населения предстоит усилить внимание на осуществление мер, включающих, прежде всего, обеспечение приоритетной поддержки наиболее нуждающихся слоев населения, формирование оптимального соотношения товаров в составе основных групп продовольствия как отечественного, так и зарубежного производства, стимулирование конкуренции в индустрии питания. В мероприятия государственной программы социальной поддержки населения необходимо ввести своевременную индексацию стоимости продовольственной корзины и прожиточного минимума.

Библиографические ссылки

¹ Утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/6752> (дата обращения: 15.11.2015).

² Рейтинг стран мира по уровню продовольственной безопасности в 2014 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gt.market.ru/news/2014/05/29/6788> (дата обращения: 07.02.2016); Индекс продовольственной безопасности стран мира : гуманитар. энцикл. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gt.market.ru/ratings/global-food-security-index/info> (дата обращения: 07.02.2016).

³ Утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации.

⁴ См.: Мордовия : стат. ежегодник. Саранск, 2014. С. 315.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ См.: **Щукин Г. М., Тингаев В. К., Агафонова И. А.** Дифференциация регионов Приволжского федерального округа по уровню экономического развития // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 2 (38). С. 117 — 132.

⁷ См.: **Володин В. М., Кильдюшкина И. Г.** Матрица современной региональной агропродовольственной политики // Там же. 2015. № 4 (36). С. 161 — 171.

Поступила 16.02.2016 г.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82(091)

Н. Л. Васильев
N. L. Vasilyev

Д. Ю. СТРУЙСКИЙ И ЦЕНЗОР П. И. ГАЕВСКИЙ

D. Yu. STRUYSKY AND CENSOR P. I. GAEVSKY

Ключевые слова: Д. Ю. Струйский (Трилунный), П. И. Гаевский, цензура, Ф. В. Булгарин, И. А. Крылов.

В статье вводятся в научный оборот новые архивные документы, касающиеся прохождения через цензуру произведений Д. Ю. Струйского (Трилунного), а также неизвестные письма и стихотворения поэта.

Key words: D. Yu. Struysky (Trilunny), P. I. Gaevsky, censorship, F. V. Bulgarin, I. A. Krylov. New archival documents, relating to censoring of works by D. Yu. Struysky (Trilunny), as well as unknown letters and poems of the poet are introduced in the article into the scientific circulation.

Биография, литературная и музыкальная карьера Д. Ю. Струйского (1806 — 1856), уроженца с. Рузаевка Пензенской губернии (ныне г. Рузаевка РМ), продолжают интересовать исследователей¹. Обнаруживаются все новые примечательные факты его творческой жизни, вовлеченности в московский и петербургский контексты, а иногда — и сенсационные находки того, что считалось утерянным, как, например, партитура первой оперы композитора «Параша Сибирячка», музыковедческое изучение которой стало реальностью в самое последнее время². Несомненно, нас ждет дальнейшее *открытие* Д. Ю. Струйского не просто как двоюродного брата более известного поэта А. И. Полежаева или в качестве внука поэта Н. Е. Струйского и «рокотовской» красавицы А. П. Струйской, а как личности большого масштаба, с учетом всех ее «измерений» — литературного, музыкально-критического и композиторского проявлений.

Задача данной статьи — ввести в научный оборот новые архивные материалы, касающиеся прохождения произведений Д. Ю. Струйского (Трилунного) через петербургскую цензуру. Речь идет о второй книге писателя — сборнике его лирических, драматических и прозаических произведений под несколько необычным названием, изменившемся по мере продвижения рукописи в печать³.

В составе это сборника выделяется ироническая пьеса в стихах «Старый друг лучше новых двух», созданная в духе моралистических комедий. Действующими лицами в ней являются Баклушин и Дежурный, беседующие в приемной *министра* Чванкина. Первый пришел в надежде повидать своего друга дет-

ских лет, который высоко поднялся по служебной лестнице. Однако встречает холодный прием сначала со стороны Дежурного, а потом и самого министра, не пожелавшего встретиться после двадцатилетней разлуки со старым приятелем.

«Стихотворения...» Трилунного были допущены цензурой в печать не сразу. В начале 1830 г. Петербургский цензурный комитет, рассмотрев представленную автором рукопись под названием «Незабудка», высказал следующее мнение о включенных туда произведениях: «О некоторых из их числа суждения могут быть разные, и как оправдание, так и осуждение их зависит от произвольного толкования читателя». Это касалось, в частности, стихотворений «Мелкошерстные мыши», «Хамство», «Предрассудки и просвещение», из которых к печати 5 февраля 1830 г. было разрешено лишь последнее⁴.

Одновременно цензурный комитет сделал и такое замечание, опираясь на мнение одного из цензоров, вероятно П. И. Гаевского: «...что же касается до стихотворения „**Старый друг лучше новых двух**“, то **его уже решительно не следует пропускать** (выделено нами. — *Н. В.*), потому что оно „заключает в себе сатиру на гордость министра и недоступность к оному“»⁵.

Д. Ю. Струйский был вынужден объясняться по данному поводу — и сделал это весьма убедительно, продемонстрировав полученное в Московском университете юридическое образование: «Не пропускается стихотворение „Старый друг лучше новых двух“, вероятно, потому, что в нем упомянуто о министре. Других причин быть не может; ибо, не имея в виду ничьей личности, я не сделал ни малейших намеков, местных обстоятельств и всего, что могло бы дать превратное понятие о каком-либо известном лице. Вельможа представлен у меня идеально: он позабыл своего старого друга — вот завязка пьесы. Действующие лица — провинциал Баклушкин и дежурный, имя же министра упоминается только в одном месте, и то мимоходом, без малейшего оскорбления для министров. Всем известно, что люди в знатности и богатстве иногда забывают старых друзей — сия истина напечатана была уже не один раз. Может ли она кого-либо оскорбить, если нет посторонних намеков на чью-нибудь личность? <...> В некоторых комедиях люди чиновные и богатые выведены на сцену с пороками их, но никто сим не оскорбляется. В разговоре шута с поэтом (о поэме «Картина». — *Н. В.*) замечено цензурою несколько стихов, именно там, где поэт негодует на тех молодых дворян, которые, пользуясь заслугами своих предков, не хотят служить своему отечеству и нередко, утопая в роскоши — следствие праздности, — смеются над полезными трудами поселян, считая их дикарями. Чтоб убедиться в нравственности сей мысли, я бы мог сослаться на указ Великого Петра касательно недорослей и на многие новейшие узаконения, но считаю сие излишним, ибо самая цель и совесть меня оправдывает»⁶.

Кто же из столичных цензоров наложил вето на некоторые произведения поэта? Благодаря архивным источникам, можно установить, что первоначально рукопись Д. Ю. Струйского, служившего в тот момент в Министерстве юстиции, попала на рассмотрение к П. И. Гаевскому (1797 — 1875), являвшемуся с 1826 г. штатным цензором Главного цензурного комитета (с одновременной службой в Министерстве народного просвещения), а с конца 1828 до 1843 г. — «сторонним», т. е. внештатным, цензором комитета. Он отличался крайней осторожностью и консервативностью на этом посту; его коллега цензор А. В. Никитенко (1804 —

1877) писал о нем: «...все чего-то боится, во всем сомневается, ничего не видит дальше своего директорского носа, который очень короток»⁷.

В какой-то момент Струйскому стало известно о реакции на его книгу со стороны Гаевского, после чего он решительно, что делает ему честь, обратился непосредственно к цензору:

«Милостивый Государь Павел Иванович!

Сегодня я был у Вас*, но за отсутствием вашим не мог лично поговорить о встреченных вами затруднениях к пропуску моего альманаха. Вы находите две статьи** немножко вольными. 1) Старый друг лучше новых двух и 2) Мелкошерстные мыши. В первой из двух нет сатиры на Министра, дело идет только о комической ошибке Баклушкина, который думал найти в знатном человеке своего прежнего Ваничку, и который находит Министра. Следственно, сие никак не относится к политическому управлению с Министерством, а что старых людей люди с знатностью забывают — сия истина давно опубликована не только в литературных произведениях, но даже и в газетах. Сверх того у меня нет никаких намеков на какое-либо Министерство, и слово Министр принято в общем его значении. — Насчет 2-й <статьи> там также ничего нет предосудительного, и если Вам не нравится стих:

Когда приказная мелкочиновна мышь
Под лапу попадет вельможей.

то замените следующим:

Под лапу попадет секретарей вельможи***.

Таким образом, все затруднения минуются, и Вы пропустите без излишней проволочки в общем собрании Ценз<урного> Комитета. Да будет моя рукопись последним рабом, отпущенным вами на волю. Четыре стиха *Участь раба***** вымараны, хотя в них ничего нет против совести, но они могут навыворот перетолкованы людьми неблагонамеренными. Все сие представляя благоусмотрения, я покорнейше прошу вас смилостивиться и не медлить понапрасну, я смело уверен, что цензурный комитет пропустит все и даже без предлагаемых мною перемен, но между тем много времени пройдет. То ли пишут в наших журналах! В одном Выжигине***** столько Вельмож выведено на сцену! Но все они с рук сходят, ибо наше правительство, вознаграждая знаменитых людей, не смотрит на богатство и знатность, когда дело идет о злоупотреблениях, и Коллежский Секретарь, и Министр в сем случае подлежат равной ответственности.

Примите уверение в моем почтении и преданности, с коими имею честь быть Вам, Милостивый Государь, покорнейшим слугою. Д. Струйский»⁸.

* Вероятно, в канцелярии Министерства просвещения.

** Имеются в виду конкретные произведения, включенные автором в сборник.

*** Преднамеренная или непреднамеренная дерзость Струйского, поскольку Гаевский являлся в известном смысле «секретарем» Министра просвещения. Однако ирония поэта вполне соответствует духу каламбурно-иронической словесной культуры первой трети XIX в.

**** Неизвестное стихотворение Струйского.

***** Имеется в виду авантюрно-плутовской роман Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (1829).

Интересно, что рассуждения Струйского по поводу его пьесы «Старый друг лучше новых двух» перекликались с мыслями Ф. В. Булгарина, изложенными в 1826 г. в докладной записке «О цензуре в России и о книгопечатании вообще», адресованной генерал-адъютанту А. Н. Потапову: «4) *Касательно личности*. У нас до сих пор защищали не лица, но пороки и дурные поступки. Запрещено строжайше, даже в переводах с иностранного, представлять камергеров, министров, генералов и особенно князей и графов иначе, как в самых блестящих красках и людьми самыми добродетельными. От этого вместо пользы проистекает вред... Добро не покажется добром, если не будет в противоположности со злом: картина без теней не привлечет внимания и похвал»⁹.

Письмо Струйского было переслано или оставлено Гаевскому в почтовом конверте с указанием адресата и запечатано сургучной печатью. В нем имеется приписка цензора, свидетельствующая о нежелании иметь дело с «проблемной» книгой или же о некотором компромиссе между служебным рвением и отношением к автору, с которым он мог быть знаком, учитывая, что Струйский обратился к нему напрямую: «Альманах сей читал я частным образом. 21 Янв<аря>. Я внес его по порядку в Комитет, желая, чтоб Цензура сей книги досталась не мне».

Струйский, судя по всему, вскоре получил официальный или, скорее, неофициальный ответ из Цензурного комитета, где сообщалось, что его рукопись будет направлена к другому цензору — скандальному журналисту, профессору Петербургского университета, востоковеду О. И. Сенковскому (1800 — 1858).

О дальнейших перипетиях прохождения рукописи книги через цензурные барьеры мы узнаем из другого письма Струйского к Гаевскому, еще более наступательного и остроумного по своему тону, но с подтекстом, что автор готов к некоторому компромиссу:

«Милостивый Государь Павел Иванович!

Сегодня я был у Г. Сенковского. Мой Альманах к нему не поступал и не поступает; ибо он отказывается от него по множеству занятий. Вчера в среду он получил три преогромных рукописи. Все мои просьбы оказались тщетными — моей же рукописи к нему вчера не поступило, следственно она назначена кому-либо другому. Я обращался к Вам с покорнейшею просьбою представить ее в следующий вторник в общее собрание, если Вы сами не рассудите пропустить. Также не забудьте изложить и мое оправдание — состоящее в том: 1) Министр, как политическое лицо, остается у меня неприкосновенным; дело идет о том, что знатный человек забыл своего старого друга; следственно в сей мысли нет ничего предосудительного. Намеков, примет никаких нет, статья сия не относится ни к одному из частных лиц; пусть Цензурный Комитет внимательно рассмотрит сие обстоятельство, и он убедится в моей благонамеренности. Насчет же мелкошерстных мышей не вижу ни малейшего затруднения, ссылаюсь на басни Крылова, одобренные цензурою:

У старших не найдешь себе управы там;
Где делятся они со старшим пополам*

или

* Ср. у И. А. Крылова: «...На младших не найдешь себе управы там, / Где делятся они со старшим пополам» («Крестьянин и Река», 1816).

А Мишенька и ухом не ведет и проч.* (Зрите басни Крылова.)

Также прошу Вас вымарать четыре стиха в моей рукописи Участь раба, ибо они могут задержать одобрение рукописи.

Сделайте одолжение, решите во вторник участь** сих двух спорных статей. Я сегодня видел Князя Платона Александровича***, и он советует также представить в общее собрание, дабы не продлить время и не сделать под конец того же. Вы от себя отстраните мнимую беду, а у меня есть еще надежда на Апелляцию в верховный Цензурный Совет, в случае несправедливости Вашего Комитета; чего я никак не ожидаю. Шекспир сказал: „Подозрение слишком тяжелые латы, они более душат, нежели защищают“.

Сия мысль должна быть, по моему мнению, эпитафией Цензурного Устава.

С должным почтением и преданностию имею честь быть Вам и всем Гг. Цензорам всепокорнейшим слугою. Д. Трилунный.

<P. S.>

Милостивый Государь!

Да будет сей вторник вечным памятником вашей справедливости: пропустите мой Альманах»¹⁰.

На этом письме поэта Гаевский пунктуально отметил: «К сведению. Книгу Струйского читает Щеглов»¹¹.

На тот момент сборник произведений поэта был передан для рассмотрения цензору Н. П. Щеглову (1793 — 1831), ученому-естественнику, сотруднику Петербургской академии наук, трагически умершему позже от холеры, который и допустил книгу в печать с некоторыми поправками и изъятиями из нее.

19 февраля 1830 г. Главное управление цензуры, рассмотрев объяснение автора, дало разрешение на печатание книги, за исключением одного места в статье «О крестьянах»¹². Содержание первого варианта «альманаха» Струйского не описано; судя по всему, после вмешательства цензуры автор решил отказаться от публикации в нем ряда произведений и изменить название издания. Последнее могло объясняться тем, что писателю стало известно о существовании одноименного альманаха, выпущенного к тому времени в Москве****. Не отличающееся оригинальностью жеманное заглавие «Незабудка»***** фигурировало в печати и позже, причем в артистической московской среде¹³.

По словам В. В. Стасова, цензурный комитет не решился пропустить следующие статьи Струйского: «О свободе», «О крестьянах», «О настоящем положении вещей в России», «О статуях в Летнем саду», «О раболепстве перед знатыми», «О музее Байрона в сравнении с демоном Апокалипсиса», «О Сибири наряду с адом»¹⁴ — из чего можно заключить, что их автор планировал опубликовать в сборнике своих произведений и публицистику.

* Цитата из басни И. А. Крылова «Медведь у Пчел» (1816).

** Изящный каламбур, основанный на обыгрывании названия упомянутого перед этим стихотворения.

*** П. А. Ширинский-Шихматов (1790 — 1853), поэт архаической ориентации, в то время — директор канцелярии Министерства народного просвещения, с 1850 г. — министр просвещения.

**** Незабудка : Детский альманах на 1829 год с 8 картинками. Издатель Г. К-в. М., тип. С. Селивановского, 1828. 123 с.

***** Незабудка : Московский альманах, соч. Фл...Спин... и С. виньетом и нотами. М., в тип. Лазаревых, 1834. 1 литогр. карт., 2 л. нот. 228 с.

К П. И. Гаевскому попадали и другие сочинения Струйского, о чем свидетельствуют архивные материалы «Сборника оригинальных и переводных прозаических и стихотворных произведений разных авторов, в том числе <...> Д. Ю. Струйского <...> предназначенные к публикации в „Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду““, „Отечественных записках“ и др.»¹⁵.

Среди них имеются и ранее не известные сочинения Струйского, например остроумный шуточный «Проект» выпуска «конфетных билетов» с текстами коротких назидательных стихотворений:

1.
Что человек? — челнок в морях,
Небесный Дух в земных цепях.
2.
Что Вечность? — Идеал венца.
Где нет начала и конца.
3.
Что Смерть? Предвечного палач,
Земная грань земных задач*.
4.
Что Время? — Атаман веков,
Сей вор — хитрее всех воров.
5.
Что Слава? — запоздалый гром,
Скелет, украшенный венцом**.
6.
Что Совесть? — мерило Души,
Незванный гость в ночной тиши.
7.
Сомненье? — не по силам щит,
Не охраняя, бременит.
8.
Любовь? — сплошные существа,
Два как один, один как два.
9.
Что лесть? — Не явственный аккорд***,
Под ангельской личиной черт.
10.
Что Сила? — Слабых бой сплеча!
Железный силлогизм меча¹⁶.

* Это двустишие в рукописи вычеркнуто. Вероятно, рукой того же цензора, побоявшегося столь вольной интерпретации бытийно-теологической проблематики.

** В архаическом значении «венок».

*** Слово имело в прошлом, кроме музыкального, и другой смысл – «соглашение, договор; коммерческая сделка».

Не исключено, что это перепев аналогичных «риторических фигур» университетского учителя Струйского — поэта, декана словесного отделения Московского университета профессора А. Ф. Мерзлякова. Ср. в его стихотворении «Труд», дважды опубликованном в 1825 г.¹⁷:

Что радость? — робкая забота наслажденья!
 Что скорбь? — с надеждою воюющий недуг!
 Что страсти? — разума и воли треволненья,
 Меж горним и земным работающий дух!¹⁸

Ю. М. Лотман в своем комментарии к данному тексту указывает на координацию стихотворений А. Ф. Мерзлякова «Труд» и А. И. Полежаева «Гений» (1826), редактировавшегося Мерзляковым для публичного выступления поэта-студента, с целью снизить общественную остроту полежаевского стихотворения в условиях последекабристской эпохи¹⁹.

В тех же цензорских бумагах находится стихотворение «Карты», тоже ранее не известное:

<p>Меня бесенок светский бесит! Когда рассудок страсти взвесит? Куда как люди хороши! Святыни чувств их обнищали, И скука карты им послала</p>	<p>Как бальзам черствой их души. Куда ни глянь — чертенок гибкой Уже прополз, и руку жмет, И с отвратительной улыбкой Мелок и Карты подает²⁰.</p>
--	--

На этих листах имеется виза П. И. Гаевского и чья-то карандашная трудно читаемая приписка: «Соблаговолите... Пересмешник... и т. д.». По всей видимости, данные произведения поэта не были отправлены в журналы, застряв в цензурных архивах.

Итак, можно сделать следующие выводы. Д. Ю. Струйский вел себя в общении с петербургскими цензорами весьма достойно и независимо, как человек, знающий тонкости цензурного права, но в то же время мыслящий не по «уставу», общающийся с цензорами как равный им по статусу гражданин своего Отечества и государственный служащий, юрист. Благодаря этому ему удалось отстоять свою комедию «Старый друг лучше новых двух», ставшую украшением прижизненного собрания его ранних произведений. Это дополняет наши представления о личности писателя, его литературном наследии, источниках его художественных впечатлений, среди которых обращают на себя внимание в данном случае сочинения У. Шекспира, И. А. Крылова, А. Ф. Мерзлякова, Ф. В. Булгарина.

Библиографические ссылки

¹ См., в частности: **Васильев Н. Л.** Д. Ю. Струйский (Трилуный) : биография, творчество, библиография. Саранск, 2010 ; **Его же.** К биографии поэта, критика, композитора Д. Ю. Струйского (Трилуного) // Гуманитар. науки и образование. 2011. № 3. С. 65 — 69 ; **Его же.** Творческие связи Д. Ю. Струйского и М. И. Глинки // Там же. 2014. № 1. С. 114 — 117 ; **Его же.** «Слово о полку Игореве» в поэтическом переложении Д. Ю. Струйского // Центр и периферия. 2014.

№ 4. С. 21 — 27 ; **Его же**. Творческие связи Д. Ю. Струйского с В. Ф. Одоевским // Там же. 2015. № 4. С. 68 — 74 ; **Его же**. Данте и Италия в творчестве Д. Ю. Струйского // Вестн. Мордов. ун-та. 2015. Т. 25. № 3. С. 48 — 56 ; **Его же**. Дружеские и творческие связи Д. Ю. Струйского с А. С. Даргомыжским // Центр и периферия. 2016. № 4. С. 20 — 25.

² См.: **Смагина Е. В.** Д. Ю. Струйский и его опера «Параша-сибирячка» // Музыкаведение. 2014. № 4. С. 27 — 35 ; **Ее же**. Русский оперный театр первой половины XIX века в историко-культурном контексте времени : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра искусствоведения. Ростов н/Д, 2016. С. 10 — 11, 16 — 17, 19 — 20, 22 — 23, 26 — 30, 32.

³ См.: Стихотворения Трилунного : Альманах на 1830 год : в 2 ч. СПб., 1830. Цензурное разрешение — 21 февраля 1830 г. (цензор Н. Щеглов).

⁴ См.: [**Стасов В. В.**] Цензура в царствование императора Николая I // Рус. старина. 1901. № 9. С. 647 — 648. Здесь же впервые опубликованы не пропущенные цензурой стихотворения Струйского «Мелкошерстные мыши» и «Хамство».

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Цит. по: **Охотин Н. Г.** Гаевский Павел Иванович // Русские писатели. 1800 — 1917 : биограф. слов.: в 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 511.

⁸ ОР РНБ. Ф. 831. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 1 — 1 об.

⁹ Цит. по: **Лемке М. К.** Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 381.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 831. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 3 — 4.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² См.: [**Стасов В. В.**] Указ. соч. С. 649.

¹³ См.: **Смирнов-Сокольский Н. П.** Русские альманахи и сборники XVIII — XIX вв. М., 1956. С. 59, 142.

¹⁴ См.: [**Стасов В. В.**] Указ. соч. С. 649.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 831. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 151 — 152.

¹⁶ Там же ; **Васильев Н. Л.** Д. Ю. Струйский (Трилунный) как один из первых пиарщиков лирической метафизики, или Шутливые опыты поэта в рекламном бизнесе // Феникс : науч. ежегодник каф. культурологии и этнокультуры. 2016. № 16. С. 108 — 111.

¹⁷ См.: Речь о могуществе веры <...> императорского Московского университета архимандрита Иннокентия. М., 1825. С. 52 — 59 ; Вестн. Европы. 1825. № 12. С. 241.

¹⁸ **Мерзляков А. Ф.** Стихотворения. Л., 1958. С. 264.

¹⁹ См.: **Лотман Ю. М.** Неизвестный текст стихотворения А. И. Полежаева «Гений» // Вопр. лит. 1957. № 2. С. 165 — 172 ; **Васильев Н. Л.** Летопись жизни и творчества А. И. Полежаева // Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения А. И. Полежаева (22 — 24 сент. 2004 г.). Саранск, 2005. С. 232 — 235.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 831. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 152.

Поступила 30.06.2016 г.

УДК 821.511.152-14

А. М. Каторова

A. M. Katorova

**«ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ» К. СМОРОДИНА:
ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПЕРЕЖИВАНИЙ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ
ЖИЗНЕННЫМИ ПЕРИПЕТИЯМИ**

**“THE SECOND BREATH” BY K. SMORODIN:
CONDITIONALITY OF EMOTIONAL EXPERIENCES
OF LYRIC HERO BY LIFE PERIPETIAS**

Ключевые слова: стихотворение, лирический герой, идейно-тематическое содержание, стиховая композиция, жанр, изобразительно-выразительные средства, метрика, ритмика и строфика.

В статье анализируются стихи К. Смородина, вошедшие в сборник «Второе дыхание», в аспекте отображения личных мироощущений автора, доминантных образов, раскрытия философских категорий жизни и смерти, прошлого и настоящего, обусловивших своеобразие творческой манеры поэта.

Key words: poem, lyric hero, ideological and thematic content, verse composition, genre, expressive means, metrics, rhythmic and stanzaic prosody.

The poems of K. Smorodin, included in the collection “The Second Breath”, are analyzed in the article in the aspect of displaying the author’s personal worldviews, the dominant images, as well as of disclosing the philosophical categories of life and death, past and present, which determined the originality of the creative manner of the poet.

Литературная жизнь Мордовии в 2016 г. ознаменована выходом в свет поэтического сборника «Второе дыхание»¹ К. Смородина, одного из наиболее ярких и даровитых современных поэтов. Новая книга стихов, шестая* по счету, своеобразна по своей структуре и тематике, включает в себя избранные стихи из «прошлой жизни» (1978 — 2013 гг.) и лирику последних лет (2014 — 2016 гг.), которые объединены не только раскрытием темы жизни и смерти, вечного и преходящего, прошлого и настоящего, но и элегическим пафосом. Процентное соотношение в сборнике ранее опубликованных стихов с вновь созданными составляет приблизительно 62 к 38.

Подчеркнем, что поэтическое творчество К. Смородина не обойдено вниманием исследователей. В числе наиболее значимых публикаций отметим статьи С. П. Гудковой², В. В. Кустова³, С. Н. Стёпина⁴, главу в коллективной монографии философов А. А. Гагаева и П. А. Гагаева⁵. Так, С. Гудкова на основе анализа книги «Сумрак сосен, свет берез...» раскрывает особенности лирического цикла как крупной жанровой формы; С. Стёпин, обращаясь к сборникам «Золотые шары»

* Предыдущие издания: **Смородин К. В.** Воскресший день : стихотворения. Саранск, 1988 ; **Его же.** Золотые шары : стихотворения. Саранск, 1990 ; **Его же.** Непостоянное пространство : стихи. М., 1994 ; **Его же.** Сумрак сосен, свет берез... : стихи. Саранск, 2000 ; **Его же.** Послания к Анне : стихи. Саранск, 2013.

и «Воскресший день», рассматривает способы художественного воссоздания концепции судьбы; В. Кустов анализирует философскую лирику и характеризует лирического героя, разбирая стихи из сборника «Послания к Анне»; братья Гагаевы выявляют философские основания (космо-психо-логос) творчества Константина и Анны Смородиных.

Целью нашей статьи, в отличие от перечисленных, является изучение специфики книги «Второе дыхание» в аспекте отображения жизненных перипетий автора, обусловивших элегический характер переживаний лирического героя. Дополнительным аргументом в пользу решения обозначенной задачи могут служить суждения К. Смородина, выраженные в завершающей сборник лирической миниатюре, отображающие в метафорической форме его представления о поэзии:

Стихи — это формулы моего состояния,
состояния души, состояния ума,
это интуитивная тропа в подсознание,
расстояния на которой условны весьма.

Стихи — это горьких дум и страданий
переработанная руда,
это блестящие, сметенные с крыши мироздания,
золотые снежинки, долетевшие сюда... [Смородин, с. 233].

На «разгадывание» указанных «формул» и будет ориентировано наше исследование.

Отметим, что анализируемый сборник состоит из двух частей: «Стихи из прошлой жизни» и «Второе дыхание», каждую из которых предваряет отдельное стихотворение, задающее общий эмоциональный тон и определяющее ведущий лейтмотив. Первое «Одежда нищая бетонных городов...» относится к жанру элегии. В соответствии с законами жанра стих наполнен грустными философскими размышлениями, передающими неприятие лирическим героем оторванности современного человека от природы и утраты им свободы. Элегический пафос создается главным образом при помощи метафорических эпитетов (одежда *нищая* бетонных городов; мы, *бетонные, стеклянные; седые* заросли строений *безобразных; заземленное* пространство; *бессмысленных* и *жутких* созиданий) и метафор (*вопит* пространство; мы, *любую форму обретающие* сразу; среди *объевшихся народом городов; под катком отцовским распластаться; вырваться* из тьмы). Автор утверждает, что люди, поселившиеся в мало пригодных для жизни домах из бетона и стекла, ограничившие свое жизненное пространство и лишившиеся свободы, не могут быть счастливыми, поскольку это противоречит человеческому естеству. К тому же надежда лирического героя на выход из сложившейся ситуации весьма призрачная: «быть может, сможем вырваться из тьмы / бессмысленных и жутких созиданий» [Там же, с. 5]. Философский подтекст процитированного финала элегии с учетом времени ее написания (1988 г.) очень широкий, и он связан, на наш взгляд, с негативной оценкой сформировавшихся на тот момент социокультурных, экономических и политических условий жизни в стране накануне распада СССР.

Характерная особенность «Стихов из прошлой жизни», составленных из произведений, написанных с 1978 по 1986 г., проявляется в преобладании в них осенне-

зимних пейзажей и соответствующих им настроений уныния, грусти, печали, раскрытии мотива смерти и изображении возникающего на мгновение иллюзорного образа женщины. Примером первого указанного признака может служить лирическая миниатюра «Холодно мерцает...»:

Холодно мерцает ваза в темноте, алые тюльпаны в ней уже не те,	в ней на черных стеблях черные цветы, в ободке серебряном стеклянной пустоты... [Там же, с. 21].
---	---

Преобладание темных красок, подчеркнутое метафорой (*холодно мерцает ваза* в темноте), рефреном (*черные*) и метафорическим эпитетом (*стеклянной пустоты*), способствует передаче безрадостных ощущений и внутренней дисгармонии.

Мотив смерти явно выражен в стихотворениях «Поле голое...» [Там же, с. 8] и «Время было за полночь...» [Там же, с. 27]. Своеобразие его раскрытия заключается в представлении картин, возникающих в сознании лирического героя. В первом произведении они навеяны висящей на ковре шашкой казака, которая после участия в боях на поле, «черным от врагов», «и во сне дрожит», во втором — вглядыванием в окно зимней полуночной звездной ночью, способствующей возникновению теней тех, «кого на свете нет».

Необычен и образ возникающей в представлении лирического героя женщины (подчеркнем, что автору на момент создания нижеприведенного стихотворения исполнилось всего 19 лет):

Огни, как яблоки осенние на облетевших деревьях. Огни далекие, вечерние, в почти забытых городах.	Как вы горите, как трепещете! И как мне хочется найти печальный свет усталой женщины, мелькнувший на моем пути [Там же, с. 26].
--	--

Подобные мысли и чувства в гораздо большей степени характерны для умудренных жизненным опытом людей, нежели для молодого человека.

В разделе «Крымский цикл» особый интерес вызывает стихотворение «Он жил, по совету Бродского, на окраине, у теплого моря...» [Там же, с. 45]. В нем отражено психологическое состояние лирического героя, оказавшегося после развала СССР («империя рухнула») в чужой стране, в городе, где «дома стали похожи на голгофы», а сам он «пропитан болью», поскольку «лучшие бухты в городе облюбовали чужие яхты», «новые кочевники просят на постой и облюбовывают свежих рабов рубиновыми глазами». Воссозданные чувства понятны каждому, кому дорога судьба родины, когда по воле сначала одного руководителя (Н. С. Хрущева), затем другого (Б. Н. Ельцина) Крым — исторически территория России — стал частью Украины. Спустя четыре года после написания данного стихотворения, к общей радости большинства россиян, справедливость восторжествовала, и Крым снова вернулся на свою историческую родину. Отметим, что приведенное произведение — не единственное, которое связано с украинской темой. В этом же сборнике представлены стихи «Этот белый, почти что сизый...» и «Украина ще не вмерла». Обозначенная проблема в поэзии К. Смородина не случайна, так как на Украине (г. Днепродзержинск) с 1962 по 1966 г. он провел свои первые детские годы, родом с Украины (г. Черкассы) и его жена Анна.

Из последующих выделим наполненное безрадостными эмоциями и автобиографичное по своей сути произведение «Мать моя с татарским лицом...» [Там же, с. 56]. В нем поэт пытается разобраться в своих корнях и понять, откуда у него тяга к «степным табунам» и боязнь повторения судьбы предков, когда два сердца соединились без любви: «Меня зачавшие без любви, / вы вонзили в сердце мое / синью запаханные ковыли, / памятью выстуженное жильё» [Там же]. Художественной трансляции размышлений лирического героя и его элегического настроения способствуют оригинальные авторские метафоры («сечка лупила вовсю по стеклу», «вонзили в сердце мое синью запаханные ковыли, памятью выстуженное жильё»). Указанное стихотворение служит своего рода переходом к циклу «Повторение пройденного», состоящего из четырех произведений: «География детства...», «Дом — лучшая тригонометрическая фигура...», «Погляди в перспективу окна...», «На детство опираюсь — там светло...» [Там же, с. 57 — 59]. Их основной лейтмотив можно выразить словами самого автора: «На тысячу веков мы опираемся сквозь детства полосу...». Следует сказать о том, что детские годы в сознании лирического героя не всегда окрашены в светлые тона. Огорчение связано с непониманием самым близким человеком — матерью — его романтической природы и увлечения сочинительством («Погляди в перспективу окна...»).

Время написания отмеченных и следом идущих стихотворений — эпоха перестройки, когда многие россияне оказались растерянными перед новыми жизненными реалиями, характеризующимися в первую очередь потерей нравственных ориентиров и ценностей. Именно об этом произведение «Перестройка, перестройка!..», состоящее из трех строф (7-стишия и двух катренов) — одно из немногих в творчестве поэта, в котором использовано «чужое слово» (термин М. М. Бахтина). Реминисценция (М. Лермонтов «Выхожу один я на дорогу...») и аллюзии (А. Пушкин «Бесы»: «Закружились бесы разны, Будто листья в ноябре...»; С. Есенин «Не жалею, не зову, не плачу...»: «Словно я весенней гулкой ранью / Прокоскал на розовом коне») помогают автору ярче показать негативное отношение к изображаемым событиям:

Перестройка, перестройка!..
Здесь гулянка, там попойка.
Эх, промчалась птица-тройка,
Колокольчик не звенит.
Хочешь выйти на дорогу,
ждешь: пустыня внемлет Богу
и звезда с звездой говорит?

А на деле-то — чумазые,
бороденки в серебре,
налетели бесы разные,
словно листья в октябре.

Не ускачешь и на розовом,
белом в яблоках коне.
И боярыня Морозова
с двоеперстием в огне!.. [Там же, с. 64].

Описанные события обуславливают и настроение лирического героя, эмоционально выраженное в стихотворении «Мое время — зима». Время метафорически представлено автором «невнятным, как сон», которое, с одной стороны, «зовет на трон», с другой — «ведет на плаху» [Там же, с. 74].

Элегическое расположение духа, связанное с состоянием неопределенности, характерно и для стихотворения «Триптих»:

Эх, ничего-то не понял я вновь счастье ли, горе, надежда, любовь
в этой земной круговерти: нас ограждают от смерти? [Там же, с. 75].

В перестроечное время в мировосприятии К. Смородина происходят перемены, обусловленные его приходом к религии, оказавшие значительное влияние на его поэтическое творчество. Появляются новые мотивы, связанные с христианской тематикой. Именно такого рода стихи завершают анализируемый раздел. Поэт активно осваивает жанр молитвы, главным образом разновидности покаянной и просительной. Примером могут служить «Господи, прости мои ошибки» [Там же, с. 83], «Молитва за поэтов» [Там же, с. 84], «Стихи из „Великопостного дневника“» [Там же, с. 85 — 86], в которых утверждаются высокие нравственные ценности.

Большая по объему часть сборника составлена из 55 стихов, ранее опубликованных в книге «Послания к Анне», анализу которых посвящены статьи В. Кустова⁶, поэтому мы их подробно рассматривать не будем. Отметим лишь, что в плане выражения эмоций они самые яркие и насыщенные. Это своего рода «обнаженный нерв» их создателя, крик его души. Лирический герой никак не может смириться с потерей жены Анны, которая была для него «бальзамом на язвы», «матерью», «другом, любовницей и музой в одном лице», «королевой, смыслом, югом», «соловьиной песней в березовой роще» [Там же, с. 94], «легким дуновением юности, нежным запахом радости и вкусом счастья» [Там же, с. 98], «источником света» [Там же, с. 132]. О своей душевной боли и страданиях он говорит так:

На тебя я, Боже, уповаю, Подходил не раз уже я к краю
и прошу одно, не дай пропасть! и, признаюсь, был готов упасть [Там же, с. 126].

Известно, что лучшее лекарство от горестей и скорбей — это время, которое притупляет остроту переживаний. Стихотворением «Время» и открывается вторая часть книги. Философское по своей сути, оно весьма оригинально с точки зрения содержания и формы. Для выражения своего представления о времени поэт прибегает к традициям китайской поэзии, образам и художественным приемам, используя, в частности, верлибр, необычные сравнения («дни наши — бабочки в тумане») и метафоры («мелькнет день-бабочка и гаснет в молоке тумана»). Человек не может постоянно жить своим прошлым, «на смену темной печали приходит светлая грусть» [Там же, с. 136]. Так происходит и с нашим лирическим героем, у которого через три года после смерти жены открывается «второе дыхание»: «Как будто жизнь остановилась / и заново пошла...» [Там же, с. 137]. Выжить ему помогла вера:

... и если б колокола и тихие храмы.
в душе не звучали, Спасал небесный Отец
и жизнь бы, наверно, ушла, незримым участием.
как кровь через раны. И стала жизнь, наконец,
Спасали колокола ко мне возвращаться [Там же, с. 144].

Стихи второй части сборника преимущественно духовного содержания: «Молитва», «Мы — русские и с нами Бог!», «Не слишком ли я с Богом фамильярен?», «Разбойник», «Мирно трудится душа...», «Пасха на Афоне» и др. В них представлена рефлексия (критический самоанализ, самопознание) как основа духовного

совершенствования лирического героя. По уровню художественности особо отличается стихотворение «Уходят те, кто нас любил...» [Там же, с. 213], построенное по типу градации. От строфы к строфе становятся глубже переживания лирического героя, которого сначала постигает уныние, затем интенсивнее (до дрожи в коленях) ощущается тяжесть бремени грехов, впоследствии покидают силы — нельзя сделать даже шаг вперед. Спасение видится в воспоминании о тех, «кто нас любил», в особенности же в обращении к Богу, который, несмотря на свою суровость, «поддержать тебя готов, послав тебе любовь...».

Из последних произведений, посвященных Анне, следует отметить «Тишина. Тишина» [Там же, с. 179], в котором при помощи ярких сравнений передаются любовь и безмерное уважение к рано ушедшей из жизни жене:

Ты была, как звезда в глубине синевы,	ты была свежим ветром в полуденный зной,
ты была, как рассвет на вершине холма,	ты была огоньком в беспробудной ночи,
ты была, как тюльпан посреди травы,	ты была тихой песней, самой родной,
ты была, как открытые сердцу слова,	а теперь тебя нет...

Тишина [Там же].

Если даже возникнет желание сказать лучше, вряд ли у кого-то получится. И подбор изобразительно-выразительных средств языка, и стихотворный размер (силлабо-тонический анапест) как бы слиты воедино, определяют благозвучность и создают неповторимый образ той, которая была смыслом жизни лирического героя, в данном случае — самого автора.

В аспекте успешной трансляции душевного состояния поэта, испытавшего жизненную трагедию, связанную с потерей близкого человека, нельзя не отметить стихотворение «Что мне Цветаева и Мандельштам...?» [Там же, с. 231 — 232]. По накалу страстей с ним вряд ли может сравниться какое-либо другое произведение. Лирического героя разрывают противоречия, он не может никак решить, что ему делать дальше: как прежде «произрастать словом, пропитанным болью» или отречься от творчества, поскольку у него «сломались два белых крыла, ветер по ним не струится»? Однако финал стиха оптимистичный, поэт приходит к выводу, что ему — посланнику Божьему — следует «петь»...

Несомненно, в анализируемом сборнике есть стихи, не до конца доработанные с точки зрения техники, есть и верлибры, к которым у читателя двойное отношение, местами встречается не всегда художественно обоснованное использование просторечной лексики, однако это не снижает в целом высокого художественного уровня лирики К. Смородина.

Таким образом, название сборника вполне оправдано, анализ стихов позволяет утверждать, что «второе дыхание» у автора действительно открылось, «жизнь пошла заново», значит, мы вправе ожидать от него новых творческих свершений, которые будут обусловлены, смеем надеяться, более радостными жизненными фактами и событиями.

Библиографические ссылки

¹ См.: Смородин К. В. Второе дыхание : стихи. Саранск, 2016. Далее ссылки в тексте: [Смородин, с.].

² См.: Гудкова С. П. Развитие крупных жанровых форм в поэтическом творчестве К. Смородина и А. Терентьева // Бочкаревские чтения : в 4 т. Самара, 2006. Т. 1. С. 237 — 247.

³ См.: Кустов В. В. Лирический герой К. Смородина как отражение духовных исканий автора : (На примере анализа «Посланий к Анне») // Центр и периферия. 2015. № 3. С. 40 — 42 ; **Его же.** Философская лирика Константина Смородина // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 160 — 164.

⁴ См.: Стёпин С. Н. Концепция судьбы в лирике Константина Смородина // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 2 (26). С. 160 — 164.

⁵ См.: Гагаев А. А., Гагаев П. А. КПЛ К. Смородина и А. Смородиной. Философия искусства (литература). Основания творчества // Литературный процесс: история и современность. Саранск, 2008. С. 8 — 52. (Тр. / НИИГН ; т. 8 (125)).

⁶ См.: Кустов В. В. Указ. соч.

Поступила 07.12.2016 г.

УДК 821.511.152-14

О. И. Бирюкова

O. I. Biryukova

ТВОРЧЕСТВО А. И К. СМОРОДИНЫХ КАК ХУДОЖЕСТВЕННО- ВЫРАЖЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА

WORKS OF A. SMORODIN AND K. SMORODIN AS AN ART-EXPRESSED PHILOSOPHICAL SYSTEM

Ключевые слова: философия жизни, художественное пространство, система, субъективное, выбор.

В статье исследованы принципиальные позиции «философии жизни» Анны и Константина Смородиных, которая характеризуется как мыслительная попытка проникнуть в круг жизни и познать ее через себя.

Key words: philosophy of life, artistic space, system, subjective, choice.

The article is devoted to the study of principal positions of the “philosophy of life” of Anna Smorodina and Konstantin Smorodin that is characterized as a mental attempt to penetrate the circle of life and to experience it by oneself.

В современном литературоведении, несмотря на имеющиеся публикации о творчестве Анны и Константина Смородиных¹, пока не отрефлексированы концептуальные основания для объединения произведений писателей в одно целое, не решена проблема авторской индивидуальности и авторской аксиологии. В большинстве работ наличествуют скорее раздумья, нежели ответ на вопрос об особенностях художественного мира Смородиных. Публикации, как правило, акцентируют внимание на одном аспекте творчества, не указывая на то, что творчество писателей, оставаясь в границах художественной словесности, представляет собой особый тип междисциплинарного синтеза, в котором эстетические,

собственно литературные задачи решаются в пространстве философии, литературы, религии, социальной этики и дидактики. До сих пор нет работ, в которых нравственно-философские искания писателей и их героев были бы представлены как последовательное движение в рамках единого метатекста.

Ввиду проблематичности определения места А. и К. Смородиных в рамках современного литературного процесса Мордовии, на первый план выдвигаем вопрос о творческой индивидуальности и основах авторского мировидения, «философии жизни», что предполагает изучение авторской системы ценностей. «Философия жизни» в контексте заявленной в статье темы понимается не просто как направление философской мысли, но и как художественная рефлексия на мировоззренческие темы (вопросы бытия, связи человека и мира, принципов познания, отношений исторического и бытийного времен, веры истинной и ложной и т. п.). Это особый способ художественного осмысления писателем действительности, который своей гибкостью и одновременно системностью наиболее адекватен самому предмету рассмотрения — жизни.

Понятие «жизнь» имеет сложную структуру: кроме наличного эмпирического уровня, в ней представлен уровень сверхэмпирический, по выражению И. В. Киреевского, уровень «высшей жизненности». Такое понимание выражает «обратную аксиологическую перспективу: высшей ценностью обладает не наличный „близлежащий“ уровень жизни, но сверхчувственный, трансцендентный, который наделен приоритетным, привилегированным положением. Можно констатировать, что это отражает аксиологический строй ценностной системы христианского вероучения, и усвоение этой аксиологии находит свое отражение как на уровне бессознательного, так и на уровне философской рефлексии»². Подчеркнем еще раз, что объем понятия «жизнь» оказывается не только чрезвычайно широким, семантически насыщенным, но и охватывающим различные онтологические пласты реальности: природный — человеческий — религиозный. Подобный вектор исследования жизни как многоуровневой реальности представлен в творчестве А. и К. Смородиных.

Долгое время Смородины работали под псевдонимом известного мыслителя XIX в., «неисправимого славянофила» Юрия Самарина, последовательно развивавшего мысль о трех особенностях национальной жизни, которые, в свою очередь, нашли художественную реализацию и в творчестве А. и К. Смородиных. Это, во-первых, убежденность в великом православном начале как неотъемлемой составляющей истории русского народа и стремление указать значимость этой составляющей; во-вторых, необходимость сохранения в творческом сознании народного духа и его живой цельности; в-третьих, вера в особенный путь России, не повторяющий пути других государств. Под псевдонимом Юрий Самарин писатели опубликовали книгу повестей, объединенных в трилогию «Особенные люди» (2000) и сборник рассказов, статей, эссе «Заснеженная Палестина» (2002); отдельные произведения были опубликованы ими в журналах «Москва», «Наш современник», «Юность», «Роман-журнал. XXI век», «Странник», «Нева», «Вологодский лад», «Сура», газетах «Литературная Россия», «День литературы», «Завтра», «Десятина» и др.

В 2005 г. А. и К. Смородины вышли из-за ограждающего их личности псевдонима, но продолжили писать вместе, сохранив тайну сотворчества и создавая

художественно значимое. Свое творческое единение авторы объяснили следующим образом: «Прошло некоторое время, и мы ясно поняли: или расставаться, или объединять семью общим делом, творчеством. Так что поначалу это был просто вынужденный, а уже потом — осознанный, взаимообогащающий путь. Форма существования нашей конкретно творческой семьи. Ну, а в жизни семьи всегда есть сокровенность и тайна, которые нужно соблюдать, чтоб сохранить то, что есть»³. «Мужчина и женщина как бы две отдельные части, и только соединившись, они образуют единое целое — человека. То есть — только в объединении, родившись в новом качестве, в полноте возникает — человек. И в совместном творчестве, мне иногда кажется, возникает полнота»⁴. Плодом совместного творчества писателей стали книги «Особенные люди», «Русский костер» (2000), «Заснеженная Палестина» (2001), «В поисках славы» (2005), «Ракушка» (2007), «Хочется подумать...» (2008), «О живом и мертвом» (2009), «Полустанок на пути к столице» (2011) и другие издания, объединяющие рассказы, статьи, эссе разных лет.

«Философию жизни» писателей можно охарактеризовать как мыслительную попытку проникнуть в круг жизни и познать ее через себя, что, в свою очередь, позволяет говорить об автобиографическом характере прозы Смородиных. При этом важно учитывать, что автобиографизм проявляется не в совпадении с фактами их биографии, а через сходство переживаний, отношений, понимания реальных обстоятельств. Отсюда исповедальность прозы как одна из особенностей художественного мышления писателей. Искания авторов и их героев представлены в контексте таких понятий, как «я — в — мире», «поиск смысла (правды) жизни», «правила игры», «выбор», от которых зависят изменения в судьбе, осознание жизненной цели, своего предназначения, определение нравственной позиции человека («Русский костер» (2008), «Ключи от рая» (2008), «Ракушка» (2010)). Литературная деятельность стала для Смородиных «территорией сомнений», поиском, а не истиной, экспериментальным пространством, в котором на материале различных событий, путем столкновений позиций, сознаний, точек зрения, они раскладывают на голоса свои сомнения, проверяя на прочность «правила игры» как свои собственные, так и своих оппонентов. В качестве героев, воплощающих авторский идеал, выступают мечтатель, человек искусства, священник, ребенок, женщина и т. д. — герои, способные видеть мир абсолютно прекрасным, обладающие внутренней свободой. Им противопоставлены персонажи, чей кругозор ограничен социальной системой ценностей, не позволяющей им воспринимать красоту бытия.

Так, герои повести «Жизнь „в кайф“» Брикман-скульптор и фотокорреспондент Дима, едущие в провинциальный Эск, — счастливые люди, обладатели «легкого взгляда» на жизнь. Когда-то, в советское время, Брикман установил в Эске памятник Пугачеву, а сегодня, в «новое время», везет туда свою Свободу, напоминающую «то ли звезду, то ли ежа, растопырившего иглы-лучи»⁵. Обосновавшись в Германии, легко пересекая любые границы (географические, культурные, идеологические), герой легко адаптируется, везде он «как дома» именно потому, что «дома»-то у него никогда не было. В контексте творчества Смородиных Дом можно определить как мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим. Дом приобретает философскую значимость и драматический контекст, т. е. «бытийность». Это бытийное отношение ко времени, прошедшему и

будущему, противостоит процессу разрушения Дома, утраты им своих органических свойств. Онтологическая, этическая ориентация личности раскрывается через отношение к традиционному дому-гнезду и связанным с ним ценностям (например, тот же Дима — в 25 лет впервые очутился в русской провинции, тогда как на Кипре и в Турции был не раз).

Как герои рассказа «Жизнь в „кайф“» многие смородинские герои переживают духовное «бездомье», которое связано с темой вымирания, уничтожения духовно-нравственных ценностей. Фотокорреспондент Дима, посетивший город Эск с целью запечатлеть установку нового памятника «Свободе» вместо вождя пролетариата Ленина, проходит серьезное душевное (духовное) испытание. Герой повести с сожалением смотрит на толпу зевак, собравшихся в городском сквере, осуждает их за провинциальность, убожество и захолустную жизнь. Однако все та же провинция доказывает герою, что рождение в «привилегированном месте» ничего не объясняет человеку о самом себе. Провинциальный городок не отпускает Диму (в нем он будет ограблен, избит хулиганами, городок одарит его теплом, заботой, помощью). Герой перестанет быть «блудным сыном» в этом мире лишь после того, как найдет не просто путь к своему, родному дому, а путь к себе, осознанию своей жизненной позиции, сможет «увидеть, проникнуть, понять, запечатлеть, владеть, сродниться...»⁶. Реализация темы «я — в — мире» в произведении «Жизнь „в кайф“» направлена на существенные перемены с героем, одна из которых — нарастающая «откуда-то взявшаяся родственность» с простыми людьми, позволившая персонажу узнать, что толпа может стать не просто народом, а олицетворением богомольной России.

Отметим, что произведения А. и К. Смородиных имеют глубокий духовный контекст, который не всегда легко уловить. Героиня рассказа «Мария, заведующая третьим подсвечником» прислуживает в церкви — поправляет свечи. Службу она несет исправно, добросовестно, с пристрастием, себя держит в строгости. По мере развития сюжета читатель замечает, что не для Бога она приходит в церковь, а из симпатии к батюшке («...чтоб было, соответственно — и подсвечнику, и коврику, и батюшке, главное»⁷). Симпатия и формализм составляют основу веры Марии. Поэтому она не понимает и не принимает замечаний матушки («Молитесь! Не в свечах дело!»), потому и придирчива к толщине свечей, а не к законам и пониманию веры. В рассказе отсутствует авторский сарказм по отношению к героине. Писателям важно привести Марию к истинной вере через показ постижения Бога другими персонажами рассказа. В связи с этим Смородины традиционно используют прием антитезы, позволяющий передать душевные муки героини при принятии непростого решения после увиденного (эпизод, когда рыдает и кричит матушка в день Пощеницы) и обрести то, что ранее было недоступно, непонятно, скрыто, но находилось рядом.

Продолжением обозначенной выше тематики является повесть А. и К. Смородиных «Особенные люди», в которой ставятся следующие вопросы для размышления: «Что есть человек, творящий тексты? Что движет его творениями? Какое место он занимает в этом мире? Сопричастен ли Богу?» Авторы полагают, что творчество имеет смысл только тогда, когда оно находится в единстве с Богом и ближними. Поэтому основным конфликтом повести считаем конфликт человека, ищущего свободу творчества, с неспособностью понять свое предназначение в

жизни, неумением использовать свой дар, увлекающегося своеволием, не слышащего и не помнящего традиций.

Молодой художник Паша стремится постичь правду, но это трудно и не всегда получается. К тому же его окружение («особенные люди» — контактеры) не может понять стремления героя к внутреннему обновлению. Точка зрения авторов, передаваемая через рассуждения главного героя, понятна: я творю — значит, я существую. Однако возникает ряд вопросов: «Всегда ли благо то, что я творю, для чего я творю? Как отличить истинное творчество от ложного? Может ли творческий человек возмнить себя богоподобным?» А. и К. Смородины в своем произведении отвечают на эти вопросы так: «Молитва — вот творчество для всех, причем, и в нравственном, и энергетическом аспекте. Человек вкладывает свою положительную энергию настолько, насколько способен, и чем больше вложил, тем больше, выше его слияние с расой Творцов, а следовательно — с Абсолютом...»⁸. Таким образом, творчество, по мнению писателей, можно рассматривать как момент откровения, момент истины, которую человек может рационально осмыслить, но не всегда почувствовать.

Проведя Пашку через ряд испытаний, А. и К. Смородины вновь ставят героя перед ситуаций выбора, заставляя оглянуться и определить свое место в этом мире. Они приводят читателя в восстанавливаемый храм, стены которого расписывает Павел, при этом обращая внимание на следующие строки: «что возможно — восстанавливает, остальное пишет *заново*» (выделено нами. — О. Б.). Данная мысль дает право герою приобщиться к творцу, в своих картинах сотворить собственную молитву или «потерять контакт», стать творцом на заказ.

Иная трактовка темы обретения веры представлена в рассказах «Новый Вий», «Билет в бессмертие», «Последний человек». А. и К. Смородины видят оправданное присутствие идей христианства в литературе не в прямом «цитировании молитв», а через сопоставление характеров, разных линий поведения, которые могут иллюстрировать принципы данной религии. Вопросы христианской нравственности, поиска человеком Бога исследуются авторами в рамках православного мировоззрения. У каждого героя вышеобозначенных произведений свой путь к Христу, обретению веры.

Интерес для исследования представляет и обращение А. и К. Смородиных к жанру притчи (по своей сути философской). Это объясняется, прежде всего, тем, что содержание произведений приобретает глубокое значение и достигает уровня философского жанра, так как «поиск истины» — это, безусловно, объект такого рода текстов. Обратимся к сборнику «Ракушка» (2007), в котором представлен цикл рассказов-притч под названием «Русский костер», среди которых «Под Иваном-воином», «Золотой для адвоката», «Туесок», «Отчий город», «Русский костер», «Остров» и «Тайна». В основе сюжета притч — исключительный случай, раскрывающийся сквозь призму восприятия героя, который, испытав потрясение, переоценивает события и совершает важное для него действие, определяющее его нравственный выбор. При этом глубина психологизма в указанных произведениях обусловлена остротой социальной проблематики, стремлением познать и раскрыть общечеловеческую значимость частной судьбы или события.

Цикл рассказов-притч открывает произведение «Под Иваном-воином». Это небольшое по объему произведение о неординарном случае, приключившемся с

успешным, современным человеком, случайно оказавшемся в старом московском дворике. Увидев церковь на Якиманке в Москве, которую в народе называют Иваном-воином, Андрей переживает сильное душевное потрясение. Он — человек, оглушенный временем, впряженный в череду социальных реформ, твердо стоящий на ногах, «право подписи имеющий на бумагах финансовых, горами двигающих»⁹, видит другую жизнь. Вслед за автором читатель наблюдает не просто за осознанием персонажа своей быстро мелькающей жизни, часто не приносящей именно морального удовлетворения, а за перерождением души героя, которая устремляется в церковь, твердя «Имя-Обетование: „Спасе мой!“»¹⁰.

Н. М. Шанский, исследуя этимологическую сторону притчи, справедливо отмечает: «Притча произошла от общеславянского *притька* — „нежданный случай, происшествие“»¹¹. Следовательно, в произведении А. и К. Смородиных произошло изменение смыслового содержания термина, которое первоначально означало «особенный случай», затем — «рассказ о нем», что доказывается событийной стороной рассказа, случаем из жизни героя. Писателей мало интересует случай как таковой, для них важен процесс сильных духовных переживаний героя, процесс переосмысления прожитого им. Возвращается «пустой» человек к своим истокам, к святыне — храму Ивана-воина, поняв, что он — по отчеству Иванович, имеет «право быть здесь, наследственное, неотнимаемое»¹².

Безусловно, современная притча значительно видоизменилась и в содержательном, и в формальном отношении по сравнению с первоначальным библейским вариантом, но не изменилось ее предназначение — сообщать о важном и сокровенном. Мнение о том, что в притче своеобразно отражается суть современности, находит подтверждение в часто цитируемом тезисе немецкого писателя и культуролога Э. Калера: «Прогрессирующее усложнение мира вывело наше мировоззрение из области конкретной деятельности и перенесло в сферу абстрактной образности так, что в области художественной литературы мы снова пришли к той древней ее разновидности, к тому жанру, который близок древним притчам; в них снова ощущается поиск истины»¹³. В таком контексте абстрактная форма притчи оказывается не только ее жанровым признаком, но и выступает в качестве деструктивного фактора и симптома кризиса современного общества.

Актуален сегодня рассказ-притча «Золотой для адвоката», повествующий о встрече бывших одноклассников, многого «добившихся» в этой жизни: «Витек очкастый — воротила финансовый, Виктор Иванович; Жорик-Ушан — полгорода крылом серым покрыл, рынки держит и точки контролирует; Леша-Говорун — адвокат солидный, да еще Лялечка с ними, девочка бывшая, подруга юности, у ней теперь под началом другие девочки...»¹⁴. А. и К. Смородины подробно изучают психологию этих людей, живущих одним днем и мечтами о богатстве, намекая на то, что вряд ли их герои знают, что такое настоящая дружба, любовь, семья, взаимопомощь и милосердие. Именно среди таких своих «друзей» адвокат Леша вдруг понимает: «Нет, в друзьях он своих уверен — здесь, в этой толчее, крутне, в хитросплетениях коммерческих он им нужен, он — свой, и потому не бросят его... А вот если там, на том поле безвидном?...»¹⁵ Ответ на поставленный вопрос герой ищет во второй части произведения, которая представляет собой сон Алексея. Вставной рассказ помогает понять, уяснить сложившуюся

основную идейную направленность произведения, придать рассказу ретроспективность, объемность и глубину нравственного смысла.

Условность содержания второй части произведения подчеркнута отсутствием личных имен персонажей. Теперь они — Расслабленный, Разбойник, Мытарь и Блудница. Полученные имена-прозвища отражают подлинную суть человеческой натуры, ее настоящее. И это понимает адвокат, который смотрит на своих одноклассников другими глазами: «...свободы-то у него не осталось, запродавал он свою свободу, размыкал, и сожрали ее Блудница, Мытарь и Разбойник»¹⁶. Для А. и К. Смородиных очень важно показать внутреннее состояние адвоката, его размышления, переживания, поиски истины. Отсюда обилие риторических вопросов, на которые герой ищет ответы. В отличие от своих «друзей» Алексей не разменял до конца свою жизнь на денежные банкноты, искусственных женщин, лицемерие, трусость и ложь.

Встреча с ангелом приготовила ему новое испытание — на человеческую прочность. В кулачке ангел сжимал «золотой, сверкающий, особенный, необычный, драгоценней драгоценного»¹⁷ предмет. Адвокат предположил, что это золотая монета, и очень боялся, что его однокашники отнимут ее, но вместо денег ангел дал Алексею зерно, которое тот посадил в землю. Зерно — это символ воскресения адвоката, спасение его души.

Два варианта жизненной правды представлены и в притче «Туесок». Главная героиня — Катерина, искусствовед, утонченная натура. Отдельными, очень точными мазками А. и К. Смородины создают не просто внешний образ героини, а ее характер («нюансы ловит, эмоции», «умеет нищенку-жизнь в наряды романтические обрядить да скуку подсластить», «ничем ни обремененная, разговоры умные разговаривает», «в руке — туесок плетенный... дабы образ завершить — барышня-крестьянка», «стихи ей писали, цветы дарили, портреты рисовали. И именно в этой форме любовь ее рафинированной натуре соответствует» и т. д.). Перед читателем наглядно представлена эгоистичная позиция героини. Парадоксально, но для нее гармонически устроенный мир не интересен, она живет в мире, придуманном ею, где только она является его центром.

Во время прогулки по лесу Катерина встречает своего соседа по даче деда Гришу. Он тоже одинок, но его одиночество иное, настоящее, жизненное. Сравнение содержимого двух туесков, принадлежащих героям рассказа, позволяет определить жизненную правду каждого из них. Если у Катерины в туеске лежат «колокольчик махонький, листок со стихами да цветок экзотический — орхидея... Все это любви свидетельства драгоценные»¹⁸, то у деда — «камни — словно капли живые»¹⁹. Через анализ двух миров, представленных А. и К. Смородиными в антиномичных отношениях (мир цивилизации (богемный) и мир природный (естественный)), демонстрируется изменение внутреннего мира Катерины, которая открывает для себя важную истину: только отдавая себя другим, болея за других, жалея и сосядая, можно прожить полноценную жизнь. Не камни были в туеске деда, а его слезы, пролитые за таких людей, как Катерина.

Итак, А. и К. Смородины подвергают критике социальный уклад жизни, общественные штампы, нравственные устои, но всегда остаются психологами. Они обсуждают не частные проблемы современной жизни, а вечные: поиска смысла жизни, своего пути, любви, человеческого достоинства, греха и добра в челове-

ке, веротерпимости, спасения в православной традиции и др. Их творчество вводит читателя в мир мятущейся человеческой души, которая хочет и найти себя, и слиться с Абсолютом, и быть счастливой в своем доме и Отечестве. Художественное творчество писателей — это своеобразный способ воспитания, просветления и нравственного пробуждения нации. Творческое поведение А. и К. Смородиных моделирует переход в мир традиции, к сакральным пределам Руси-праведницы. Поэтому можно определить их творчество как литературу нравственно-философского миромоделирования, интеллектуального переживания-познания личностью окружающей действительности.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Мельникова М.** «Рано итожить прожитое»: (О журн. «Странник» и его пл. ред. К. Смородине) // Изв. Мордовии. 2001. 11 сент.; **Ее же.** «Ключи от рая» в «Ракушке». Анну и Константина Смородиных называют современными классиками // Там же. 2007. 6 июля. С. 7; **Кокшенева К.** Русская критика. М., 2007; **Гагаев А. А., Гагаев П. А.** КПЛ К. Смородина и А. Смородиной. Философия искусства (литература). Основания творчества // Литературный процесс: история и современность. Саранск, 2008. С. 8 — 52. (Тр. / НИИГН; т. 8 (125)); **Уторова Е.** Особенности религиозного идеала А. и К. Смородиных: (На примере рассказа-притчи «Остров») // Этнокультурное и этнографическое образование: проблемы и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (9 — 12 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 377 — 379; **Жиндеева Е., Исаева Е.** Жанр притчи в исполнении Анны и Константина Смородиных в контексте развития религиозной прозы России начала XXI века // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2011. Т. 13. № 2 (4). С. 940 — 941; **Мельникова М.** Константин Смородин — вечный «Странник» в пути // Изв. Мордовии. 2011. 8 сент.; **Кокшенева К.** Анна // Странник. 2013. № 1. С. 204 — 206; **Левакин Н.** Тема «людской» памяти в рассказе А. и К. Смородиных «Зяьтки» // Гуманитарные науки и стратегии образования: пути интеграции: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2013. С. 6 — 9; **Стёпин С. Н.** Концепция судьбы в лирике К. Смородина // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 2 (26). С. 143 — 149; **Кустов В. В.** Лирический герой К. Смородина как отражение духовных исканий автора: (На примере анализа «Посланий к Анне»). Центр и периферия. 2015. № 3. С. 40 — 42; **Его же.** Философская лирика Константина Смородина // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 3 (39). С. 160 — 164.

² Цит. по: **Белая И. А.** «Жизнестроительство» как коммуникативная практика (на примере экзистенциальной философии Л. Н. Толстого) // Вестн. НГТУ им. Р. Е. Алексеева. 2013. № 3. С. 5 — 12.

³ Писатели Анна и Константин Смородины: все наши произведения отражают современную боль // Всемирный русский собор [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vrns.ru/culture/52/775> (дата обращения: 25.06.2016).

⁴ Там же.

⁵ **Смородины А. и К.** Жизнь «в кайф» // Смородины А. и К. В поисках славы. Саранск, 2005. С. 136.

⁶ Там же. С. 210.

⁷ **Смородины А. и К.** Полустанок на пути к столице: повести и рассказы. Саранск, 2011. С. 287.

⁸ **Смородины А. и К.** Особенности люди // Смородины А. и К. Ракушка: роман, повести, рассказы. Саранск, 2007. С. 115 — 116.

⁹ **Смородины А. и К.** Под Иваном-воином // Там же. С. 41.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Краткий этимологический словарь. М., 1975. С. 234.

¹² **Смородины А. и К.** Под Иваном-воином. С. 40.

¹³ Цит. по: **Кемеров В.** Введение в социальную философию. М., 1996. С. 84.

¹⁴ Смородины А. и К. Золотой для адвоката // Смородины А. и К. Ракушка. С. 44.

¹⁵ Там же. С. 46 — 47.

¹⁶ Там же. С. 47.

¹⁷ Там же. С. 47 — 48.

¹⁸ Смородины А. и К. Туесок // Там же. С. 52.

¹⁹ Там же.

Поступила 08.07.2016 г.

УДК 398.8:7.038.53:78

Е. М. Гусарова

E. M. Gusarova

ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

FOLK SONGS IN THE CONTEXT OF MODERN MUSICAL ART

Ключевые слова: песенный фольклор, народная песня, фольклоризм, музыкальное искусство, аутентичные ансамбли и солисты, профессиональное творчество.

В статье раскрывается роль песенного фольклора, стимулирующего развитие музыкального искусства; выявляются актуальные тенденции турбулентного культурного пространства на современном этапе: видоизменение процесса творения новых образцов народных песен, переход аутентичного песенного фольклора как «соавтора» композиторского творчества к вторичным формам (фольклоризму), существование народной песни в сочинениях аутентичных, самодельных и профессиональных исполнителей.

Key words: song folklore, folk song, folklorism, musical art, authentic ensembles and soloists, professional creativity.

The role of song folklore, which stimulates the development of musical art, is disclosed in the article; such actual tendencies of the turbulent cultural space at the present stage as the modification of the process of creating new samples of folk songs, the transition of authentic song folklore as a “co-author” of compositional creativity to secondary forms (folklorism), the existence of folk songs in the works of authentic, amateur and professional performers are revealed.

Время неизбежно меняет не только социокультурную среду, но и сознание людей. У человека появляются новые эстетические потребности, которые трансформируют художественное мышление народа, а вместе с ним и фольклор. Являясь основой культуры и искусства, без которой невозможно формирование национального самосознания и совершенствование профессионального творчества, песенный фольклор стимулирует развитие современного музыкального искусства, чем заслуживает пристальное внимание научного сообщества.

Песенный фольклор выступает вневременным явлением народной художественной культуры, интегрирующим в себе прошлое — многовековой духовный и

практический опыт народа, его мировоззрение, систему ценностей, нормы, образцы жизнедеятельности и современные формы исполнительства. Именно фольклор наряду с другими проявлениями национально-культурного наследия наполнился тем актуальным содержанием, которое незамедлительно оказалось востребованным всем комплексом модифицировавшихся условий существования организованных форм современной культурной парадигмы. Мощным катализатором движения искусства является появление новых музыкальных форм и жанров, отвечающих художественно-эстетическим потребностям общества, объясняется с точки зрения необходимости соответствия требованиям, предъявляемым искусству каждой новой эпохой, в результате динамичных представлений о ценностях в целом, и музыке в частности.

В XXI в. «побочный эффект» подобных трансформаций выражается в коммерциализации и желании исполнителей сделать продукт продаваемым, а также в ухудшении качественных характеристик выносимого на сцену произведения. Это обуславливает необходимость изучения научным сообществом проблем, связанных с сохранением песенного фольклора в условиях кардинальных преобразований в актуальные для нового времени формы.

По многочисленным работам современных исследователей различных отраслей науки и их предшественников¹, посвященным развитию традиционной культуры народов, можно проследить две основные разновекторные тенденции, непосредственно затрагивающие музыкальное искусство и фольклор.

Одна тенденция, вызванная процессами глобализации, характеризуется образованием широкого универсального слоя наднациональной культуры, отождествляющего ценности, нормы и символы, близкие значительной части человечества. В его основе лежат общие, мощные по своей сути интеграционные факторы, вбирающие в себя как положительные, так и отрицательные аспекты данного феномена.

С одной стороны, они способствуют сближению и взаимному обогащению народов, расширению их культурных контактов, в том числе через колоссальные по своим масштабам естественные движения населения транзитно-дрейфового характера, связанные с ярко выраженными территориально-материковыми переселениями и его миграционной активностью. С другой стороны, существует опасность утраты народами своей культурной идентичности, возможной по причине быстрых изменений социокультурной среды, которые человек не успевает осознавать. В этом случае кризис, или эрозия идентичности, вламывающейся в вековые уклады национальных культур, зачастую приводит к межнациональной и межрелигиозной напряженности, выливающейся в конфликты с вытекающими отсюда человеческими жертвами, принимая массовый характер и рождая «потерянные поколения».

Культурный упадок, региональное информационно-культурное обособление, а также разрушение базовых ценностей и веками проверенных поведенческих «матриц» как основы культуры и единства нации, ведут к снижению интеллектуально-культурного уровня общества, когда нация уже смотрит на мир сквозь «очки» чужого кинематографа, чуждых телепрограмм, усваивает чужие ценности и стереотипы поведения. Однако позитивность кризисных последствий от потери культурной идентичности может заключаться в облегчении процессов интегрирования новых культурных форм и ценностей, расширяя тем самым адаптационные возможности человека.

Другая тенденция связана с процессами локализации и регионализации национально-этнического возрождения культур и народов — в осознании своего самобытного культурно-исторического пути, чувстве укорененности на своем социокультурном пространстве, в потребности соотнесения судьбы со своей землей, страной, религией, ее прошлым, настоящим и будущим.

На наш взгляд, в объединении этих совершенно противоположных траекторий кроется секрет полезного взаимодействия для современного искусства. Эта задача сложная, но решаемая. Например, благодаря фольклорным фестивалям каждый регион, представляющий свою культуру, имеет возможность показать ее самобытность, подчеркивая единение народов и целостность этнокультурного и языкового многообразия России как многонациональной общности. Они направлены не только на сохранение локальных островков фольклора и его пропаганду, но и на расширение социокультурных границ, которые обогащают мир искусства, автоматически снимая все противоречия.

С интегративными функциями социокультурных и образовательных учреждений, связанными с выявлением, сохранением и передачей новым поколениям старинных образцов народного творчества, знаний и опыта народных мастеров, а также с подготовкой специалистов в области народной художественной культуры, по нашему мнению, успешно справляется Институт национальной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева.

Возвращаясь непосредственно к песне, зададимся вопросом: «Происходит ли рождение новых образцов песенного фольклора в современном мире?»

Механизм творения народных песен претерпевает существенные модификации, исключительно важные для современной фольклорной практики: принципы классического фольклора суживают границы действия, а применение устного (бесписьменного) метода хранения и передачи музыкальной информации в народной среде и адаптации аутентичного фольклора в письменной (нотной) традиции уже не являются повсеместным явлением, поскольку часть песен распространяется посредством письменных образцов или фонозаписей.

Тенденции увеличения художественной функции фольклора, как следствие ликвидации его прикладного характера, приводят к значительному сокращению фольклорных произведений бытовой принадлежности и выводят народную песню на сцену. По фактам исчезновения некоторых функциональных жанров песенного фольклора из исполнительства можно судить в целом о ситуации в музыкальном искусстве. Одни песни, благодаря своим высоким художественным качествам, продолжают воспроизводиться в сценической интерпретации, другие, содержание и предназначение которых противоречит современному мировоззрению людей, — остаются в фольклорных архивах и сознании отдельных пожилых исполнителей.

Кроме того, значительно уменьшается объем сочинений новых народных песен в результате разрушения стереотипов фольклорной традиции и отсутствия тех «идеальных» условий, в которых происходили зарождение фольклорных произведений и их рекультурация на новой этноинструментальной синкретической основе древнего искусства и академической исполнительской культуры в инструментальной музыке. Особенно ярко это проявляется в более архаичных пластах фольклора, изначально заложенных в его сущности: *традициях* (принцип постоянства среды или ограниченности внешних воздействий, где будет сохраняться

традиция), *вариативности* (множественность проявлений, в том числе скрытых) и *изустности* (естественная специализация носителей фольклорной традиции, механизм участия народных музыкантов в творческой самодеятельности как постоянно действующий тренд к ее переходу в иное качество, передача образцов музыкального искусства и мастерства из уст в уста).

Казалось бы, всякий застой принято трактовать как отсутствие развития, однако в фольклоризме замыкание культурной среды оказывается едва ли не лучшим способом сохранения и развития традиционного музыкального искусства в его аутентичном качестве.

Очевидным в современных условиях становится стремление создателей новых песен к подчеркиванию музыкальной выразительности, мелодичности и авторской оригинальности. Анонимность остается чертой произведений накопленного фольклорного наследия. Поэтому авторство приобретает особый, определяющий оттенок, поскольку для устно-поэтического музыкального творчества характерна бессознательность и обезличенность процесса. По мнению Б. Н. Путилова, духовное начало, присущее человеческой природе, обладает такой степенью самостоятельности и творческой энергией, способной помимо воли людей, как бы вне их сознания, творить, навязывая им результаты этого творчества².

Песенный фольклор можно представить своеобразным самостоятельным миром, в котором рождаются новые образцы народного музыкально-поэтического материала, отвечающие на «вызовы» окружающей среды, ее социокультурные и общественно-политические настроения³. Независимость его развития на протяжении многих десятилетий от идеологического клише различных политических режимов поспособствовала появлению новых интересных образцов. В частности, при развитии одного из жанров народного песнетворчества — частушки, истоками которой послужили игровые и плясовые припевки, «сборные» хороводные песни, скоморошьи прибаутки, свадебные «дразнилки» и городские песни.

Безусловно, народная культура нашего времени отличается от классических фольклорных форм⁴, которые, утрачивая свое универсальное положение, начинают приобретать новые сценические очертания. Во-первых, они преобразуются в современные вторичные формы народной культуры. Во-вторых, обретают роль историко-культурного наследия, обладающего особыми качественными характеристиками — национальный колорит, богатое фольклорное содержание произведений различных этносов и преемственность исполнительских традиций. В-третьих, становятся проводниками духовно-нравственного и эстетического воспитания детей и молодежи, поднимающими музыкальное искусство на новые высоты, обеспечивая тем самым связь поколений и приобщение их к мировому культурному наследию и духовным ценностям.

Отсюда возникает закономерный вопрос: «Что из себя представляют вторичные формы фольклора (фольклоризм) — это вторая жизнь фольклора или его разрушение?» При этом следует иметь в виду, что смена исторических этапов, общественно-политических формаций никогда не сопровождалась решительной сменой песенного фольклора, который как бы запаздывал, надолго сохраняя в новых условиях старые формы, выражая тем самым устойчивость традиций. Фольклоризм, наоборот, отлично воспроизводил картину изменений в социокультурной среде, всецело и глубоко раскрывая исторические условия развития песенного фольклора.

Другими словами, в песенном фольклоре прослеживаются две существенные тенденции: отмирание старых форм и самовозрождение путем создания новых. Если фольклор находится в динамике, то это означает, что он живет. Поэтому можно с уверенностью констатировать: фольклоризм является не только залогом развития, но и процессом, когда аутентичный фольклор обретает новое обличье, понятное современнику.

Фольклорный материал традиционно служил и служит распространенным источником формирования концертного репертуара самодеятельных и профессиональных исполнителей, поскольку он удобен для воплощения, яркое зрелище, и в этом смысле является выигрышным для любого творческого коллектива. Это стало возможным благодаря нотной фиксации и фонозаписям образцов фольклорных сочинений.

По мнению многих ученых, любая фиксация фольклорного произведения лишает его вариативности и импровизационности, нарушает его основной принцип — устность, что неизбежно ограничивает его развитие. Однако сегодня это скорее необходимость, выражающаяся в важности транслирования письменных и звуковых источников с целью сохранения и практической передачи уникальных устно-поэтических материалов последующим поколениям. В условиях бурного развития средств массовой коммуникации и единого медийного пространства процесс совершенствования песенного фольклора с помощью его технической фиксации весьма продуктивен. Более того, это является удобным механизмом возрождения, иного (креативного) освоения и популяризации народной песни, возвращающим ее в жизнь миллионов людей. Как считают М. С. Жиров и О. И. Алексеева, с изменением панорамы бытования русской народной песни меняется ее социально-культурный контекст, механизмы включения в жизнедеятельность общества⁵.

Безусловно, трансляторами песенного фольклора в любых его проявлениях являются исполнители. Современных исполнителей можно классифицировать таким образом:

1. Аутентичные ансамбли и солисты, исполняющие подлинный фольклор непосредственно в среде его бытования.

В Мордовии к этому типу относятся следующие: эрзя-мордовский фольклорно-этнографический ансамбль «Эрзянка» (создан в 1954 г. в с. Чиндянове (Кенде веле) Дубенского района), шокша-мордовский певческий ансамбль «Норовава» (с. Нароватово Теньгушевского района), традиционный ансамбль мокша-мордовской музыки «Левож» (организован в начале 1960-х гг. в с. Левжа Рузаевского района).

Перечисленные коллективы по праву можно считать создателями, хранителями и носителями традиционной песни в самом широком контексте. В репертуар их мастеров входят разножанровые песни конкретного «локуса» (хутора, деревни, села, станицы)⁶. Новые народные песенные варианты зарождаются на основе коллективного устно-поэтического творчества, где каждый музыкант — созидательная личность, обладающая высоким профессиональным статусом в плане исполнительского мастерства, знания традиции. Большая часть исполнителей имеет личные фонозаписи, что улучшает качественные стороны фольклорного искусства с позиций предоставления возможности быть услышанным.

Однако на фоне демократизации искусства, культуры и средств массовой информации расширился и разнообразился спектр доступности населения к раз-

личным формам и жанрам музыкального искусства. Ради зрелищности и новизны аутентичные ансамбли выводят на большую сцену, демонстрируя их как достопримечательность, что не только нарушает условия фольклорной среды, но и ведет к уничтожению «островков» аутентичного фольклора. Это требует жесткого соблюдения принципов замыкания круга их автономного развития, без привлечения к активной концертно-исполнительской деятельности на больших площадках и профессиональных сценах.

2. Вторичные исполнители, не спонтанно воспринимающие с детства традиционные фольклорные произведения, а путем выучивания и подражания аутентичным коллективам. В эту же категорию можно включить и самодеятельные коллективы, заинтересованные в художественной самореализации и общественном признании своей деятельности, которые часто выступают в концертах, возглавляются известными самоучками или профессиональными хормейстерами. Они возникают чаще всего при сельских и районных домах культуры, в учебных заведениях, реже в государственных концертных организациях и театрах.

На территории Мордовии по указанному направлению развиваются следующие: Старотеризморгский женский народный хор (создан в 1957 г. в Старошайговском районе), женский ансамбль эрзя-мордовской народной песни «Ламзурь» (инициатором его образования в 1994 г. выступила ассоциация эрзянских женщин «Эрзява»), фольклорный ансамбль Мордовской государственной филармонии «Келу» — «Березка» (сформирован в 1979 г. на базе одноименного женского фольклорного хора Мордовского республиканского Дома народного творчества, существующего с 1963 г.) и мужской фольклорный ансамбль «Торама» (организован в 1990 г.).

Степень близости их аутентичным традициям различна: от следования стилю местной певческой традиции и освоения репертуара села или группы сел (фольклорный ансамбль «Ламзурь») до использования наиболее утвердившихся в массовом музыкальном сознании отдельных компонентов этнической традиции (ансамбль Института национальной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева).

3. Профессиональные коллективы и солисты, основу репертуара которых составляют аранжированные и обработанные композиторами произведения песенного фольклора.

В число самых ярких коллективов Мордовии, отнесенных к подобному классу ранжирования, вошли такие: Государственный ансамбль песни и танца Республики Мордовия «Умарица» — «Яблонька» (основан в 1939 г.), Государственный театр песни «Росичи» (образован в 1994 г.) и Ансамбль казачьей песни и пляски «Разгуляй» им. С. В. Балабана (создан в 2003 г. при Мордовской государственной филармонии).

В истории мордовской культуры известны имена крупных деятелей вокального искусства (М. Н. Антонова, Д. И. Еремеев, Р. М. Беспалова и И. М. Яушев), которые внесли значительный вклад в формирование музыкального профессионализма, талантливо показав мастерство владения сценической интерпретации народной песни. Среди современных солистов, исполняющих обработки и авторские сочинения, можно выделить А. Н. Куликову, Н. В. Маркову и Н. В. Спиркину.

Ярким свидетельством сильного воздействия профессионального творчества на песенный фольклор и необычайного пробуждения исполнителей к аутентичному песенному фольклору является вновь поднимающаяся волна композиторского

интереса к народной музыке, продиктованного логикой развития в XXI в. академической музыкальной культуры. Широкий диапазон композиторских подходов к фольклору указывает на глубину и плодотворность взаимодействия, взаимопроникновения и взаимодополнения этих видов музыкального творчества, которые позволяют уяснить многие аспекты современной музыкальной культуры, в том числе сущностные характеристики фольклора как культурного явления и феномена.

С новой силой зазвучала знаменитая глинкинская фраза о народе, творящем музыку, и аранжирующих ее композиторах. Многие из них не стеснялись брать народную музыку в «соавторы», включая в личные произведения обширные фрагменты фольклорного творчества. В отдельных случаях композиторская деятельность представлялась едва ли ни чем-то вторичным по отношению к самотворящей деятельности народа. Песенный фольклор занял фундаментальные позиции в музыкальном искусстве, закрепившись в репертуарной политике композиторов, самодеятельных и профессиональных исполнителей. Благодаря этому заявили о себе новые формы песенного фольклора — фольклоризм, колоритно проявившийся в сценическом искусстве.

Относительно чистого (аутентичного) фольклора бытует мнение, что невозможно возродить к жизни то, что безвозвратно утеряно, как невозможно повернуть время вспять. Жизнеспособность песенной традиции А. А. Григорьев видит в ее способности к саморазвитию, потенциальной готовности к восприятию и переосмыслению уже существующего, накопленного. Согласно тезису критика, «старое не умирает, оно живет и продолжается в новом»⁷. С этим трудно не согласиться, поскольку сохранение песенного фольклора в контексте современности возможно на основе бытования традиционных форм за счет сохранения аутентичных исполнителей и замыкания культурной среды, а также развития вторичных форм, которые дают возможность аутентичному фольклору переродиться и жить в новом облики, чтобы быть понятным современникам.

К сожалению, в настоящее время песенный фольклор, перерастая в профессиональный тип творчества, нередко начинает ориентироваться на товарно-денежные отношения. Искусство, вовлеченное в коммерцию инструментами профессионализации, от которых оно не выигрывает, вынуждено приспособливаться, используя их в качестве рычагов собственного развития. В отличие от истинного искусства, которое всегда стремится возвыситься над меркантильностью, настоящий фольклор пребывает вне этих рамок, и если внутри него пробуждаются коммерческие силы, то это гипотетически предвещает о тревожной симптоматике его перерождения. В результате усиленного втягивания его в сферу государственных интересов он вытесняется за пределы естественных форм культурного процесса, меняя качество на уровне смыслового содержания и функционирования.

Тонкая и заинтересованная культурная дипломатия, основанная на знании законов деятельности песенного фольклора и возможностей его адаптации к стремительным преобразованиям, характерным для нашей эпохи, позволит сохранить его не в виде реликтового страта, а в форме живого пласта культуры, органично вписанного в концепт развития современного музыкального искусства. Ориентация социально-культурной политики в регионах на гибкое сочетание в ней общенациональных и локальных интересов окажет положительное влияние на возрождение песенного фольклора и его популяризации с позиций идейно-нравствен-

ной и эстетической составляющей культурно-образовательной стратегии развития России.

В заключение отметим, что важным в условиях общественно-политической дезинтеграции представляется сохранение национально-культурного своеобразия этносов, не противоречащее идее создания целостного культурного пространства, когда освоение региональной художественной культуры осуществляется в контексте лучших общероссийских традиций. Прекрасным примером могут служить грандиозные мероприятия, проведенные в Мордовии за последние десятилетия. В их числе международные фестивали национальных культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-угрия!» (2007) и «Шумбрат!» (2008), собравшие на гостеприимной мордовской земле тысячи поклонников культуры финно-угорского мира. Подобные мероприятия позволяют молодому поколению почувствовать себя причастным к происходящему, осознать самобытность родной культуры, сформировать новые взгляды на праздники, традиции, обряды, ритуалы и быт своего народа. Необходимо, чтобы в развитии подобных направлений и впредь преобладали истинно гуманистические идеи, а псевдонациональное не выдавалось за народное, национальное не смешивалось с национализмом, чтобы интерес к фольклорным формам культуры не перерос в идеализацию архаичных традиций и обычаев.

Библиографические ссылки

¹ См.: **Земцовский И. И.** О творческой природе фольклора // Стилиевые тенденции советской музыки 1960 — 1970 годов. М., 1979. С. 137 — 147; **Григорьев А. А.** Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны // Эстетика и критика. М., 1980; **Асафьев Б. В.** О народной музыке. Л., 1987; **Алексеева О. И.** Русская народная песня как этнокультурный концепт : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. Белгород, 2006; **Жиров М. С., Алексеева О. И.** Русская народная песня: история и современность. Белгород, 2007; **Татаринцева Е. А.** Восстановление празднично-обрядовой культуры в современных условиях // Аналитика культурологии : электрон. науч. изд. 2012. 3 (24) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/882-15-2.html> (дата обращения: 20.01.2016); **Гаврина Л. Н.** Фольклор в контексте современного народно-песенного творчества // Аутентичный фольклор: проблемы сохранения, изучения, восприятия : материалы VII Междунар. науч. конф. Минск, 2013. С. 1 — 3; **Олейников Г.** Фольклор в контексте развития национальной музыкальной культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://oleinikov.net/articles/dip/Фольклор-в-контексте-развития-национальной-музыкальной-культуры?pg=1> (дата обращения: 17.01.2016).

² **Жиров М. С., Алексеева О. И.** Современный ренессанс русской народной песни: культурологический анализ // Науч. результат : сетевой науч.-практ. журн. 2014. № 1 (1) [Электронный ресурс]. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/12615/1/Zhirov_Sovremennye_14.pdf (дата обращения: 12.01.2016).

³ См.: **Саранкин П.** Морденс: новые звуки древней земли // Центр и периферия. 2008. № 1. С. 44 — 47.

⁴ См.: **Зубов И. В.** «Где бросит земли горсточку — быть там градочку»: к истории одной песни // Там же. 2009. № 4. С. 28 — 31.

⁵ **Жиров М. С., Алексеева О. И.** Современный ренессанс русской народной песни... С. 58.

⁶ Там же. С. 58 — 59.

⁷ **Григорьев А. А.** Указ. соч. С. 34.

Поступила 23.05.2016 г.

УДК 316.776:005.21

С. А. Ржанова, К. В. Дементьева
S. A. Rzhanova, K. V. Dementieva

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

INFORMATIONAL AND COMMUNICATIVE BASIS OF SELF-REGULATION OF PUBLIC OPINION IN REGIONAL SOCIETY

Ключевые слова: массмедийная продукция, феномен массовой коммуникации, регион, межкультурная коммуникация, оценка информации, мнение.

В статье рассматриваются мультимедийные средства массовой коммуникации Республики Мордовия; исследуются такие каналы выражения общественного мнения, как национальная периодика, медиаслужбы популярных в республике радиостанций, региональное телевидение; выявляются креативно-информационные признаки региональной журналистики.

Key words: mass media production, the phenomenon of mass communication, region, intercultural communication, information evaluation, opinion.

The article deals with multimedia of the Republic of Mordovia; such channels of public opinion expression as national periodicals, media services of popular radio stations, regional television are studied; the creative and information features of regional journalism are identified.

Повседневная жизнь человека в информационном обществе зависит от той массмедийной продукции, которую помещают газеты, журналы, Интернет, показывает телевидение. Поэтому мы воспринимаем картину мира, осмысливаем человеческую природу через средства массовой коммуникации.

Феномен массовой коммуникации включает в себя три функции: «фиксирование плодов развития культуры внутри самой себя; формирование культурной среды при помощи собственного развития; транслирование культурной информации»¹.

Как каждый индивид не может социализироваться без окружающего его общества, так и любое этническое общество не может развиваться без воздействия культурных достижений других наций. Человеческое общество перенимает для себя багаж знаний других культур и отдает взамен свой потенциал построения культуры. Это развитие затрагивает все стороны человеческой жизнедеятельности. К тому же произошедшие реформы в политике и экономике подтолкнули к массовой смене жительства, что привело к диффузообразному процессу внутри этого общества. В итоге данных преобразований общество закрывает глаза на разницу менталитетов. Эти изменения говорят о процессе межкультурной коммуникации. Богатство знаний предыдущих веков доказывает, что лучшим способом получения высокой интеграции считается сохранение самобытности при обмене опытом с другими культурами.

Мировой опыт показывает, что наиболее успешной стратегией достижения высокой межкультурной компетентности является интеграция — сохранение собственной культурной идентичности при овладении культурой других народов. Наиболее полную информацию о социально-информационной базе культуры могут дать сведения о том, как развивается система массовой информации в регионе.

Ряд современных исследований в области региональных СМИ обращен к изучению электронных СМИ. Однако исторически первым средством массовой коммуникации была печатная пресса, которая долгое время являлась лидером по популярности и масштабам распространения. Именно региональные печатные издания, которые выходят большими тиражами, используют свои преимущества перед другими СМИ. Так, ученые К. Л. Бове и У. Ф. Арнс делают упор на то, что именно газеты являются «активным средством информации, совмещают широкий охват аудитории с высоким избирательным вниманием и способствуют усилению положительных впечатлений от происходящих преобразований»², т. е. формируют осознанное отношение к происходящим изменениям в различных социальных группах.

В настоящее время на территории Республики Мордовия выходят как государственные, так и негосударственные СМИ. Разумеется, государственные лучше финансируются, этот факт остается неизменным еще со времен Советского Союза. Однако и коммерческие издания могут получать финансовую поддержку, выполняя различные социальные заказы. Сейчас в регионе насчитывается около 12 изданий, одними из учредителей которых являются государственные органы.

Мордовия характеризуется как один из самых наполненных печатными изданиями регионов страны. По уровню почтовой подписки на человека и по общему числу экземпляров региональных газет на одного жителя республика находится на лидирующих позициях в России. 350 тыс. экземпляров (из них 67 тыс. — районные) — таков еженедельный журнальный и газетный тираж РМ. По-прежнему основным критерием оценки издания является периодичность его выхода. По официальным данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, на территории Республики Мордовия по состоянию на 1 февраля 2016 г. зарегистрировано 103 средства массовой информации. Из них периодических печатных изданий — 78 (62 газеты, 16 журналов), телепрограмм — 7, радиопрограмм и радиостанций — 14, информационных агентств — 4. Таким образом, в общем числе массмедиа в регионе преобладают печатные издания — газеты, в том числе 22 районные.

Сейчас региональная печать пользуется спросом у своей аудитории. Несмотря на многообразие каналов выражения общественного мнения, газеты выполняют функцию организатора в направлении расширения его границ, тиражирования, трансляции.

Газеты могут отбирать, группировать информацию, способствовать популярности или непопулярности отдельных людей и точек зрения, обострять или притуплять нравственную чувствительность общества. Профессор МГУ им. Н. П. Огарева П. Ф. Потапов в одном из своих исследований отметил, что информационная модель действительности, создаваемая региональной прессой, зависит, в первую очередь, от публицистического мироощущения и мирозерцания этнической

картины мира, которая отличается необычайной экономической, социальной, культурной и демографической пестротой³.

В Мордовии проживают 95 национальностей, при этом она является одним из спокойных полиэтнических регионов Поволжья. Вне всяких сомнений, большую роль в обеспечении дружественной атмосферы и хороших соседских отношений в республике и с другими субъектами Российской Федерации сыграли массмедиа. Культурные связи — составляющая неизменной и основополагающей основы между народами и государствами, ибо благодаря им проявляются, удерживаются и накапливаются ценности, протекает процесс взаимного обмена опытом различных культур⁴.

В настоящее время значительно возрос авторитет Мордовии в финно-угорском мире. Республика бережно хранит традиции и духовные ценности, сохраняет и развивает культуру, способствует привлечению к ней общественного внимания.

Между регионами проживания финно-угорских народов происходит постоянное расширение контактов по всей России. Основное значение этих встреч в том, что на них определены основные формы участия национальной интеллигенции в пробуждении активности национального самосознания⁵. Происходит формирование нового единого информационно-культурного пространства, о чем свидетельствуют материалы всероссийских и международных форумов, конгрессов финно-угорских народов, симпозиумов и конференций.

Важной составляющей культурного сотрудничества стало знакомство общественности с финно-угорскими традициями. Фольклорные и литературные фестивали явились яркими событиями во взаимоотношениях между финно-угорскими странами и регионами. Создание различных объединений, например, таких, как Фонд развития культур финно-угорских народов, способствовало возрождению и объединению финно-угорского мира. Региональные издания объективно отобразили работу всех этих организаций. Съезд финно-угорский журналистов наглядно показал возрастание роли журналистов в регулировании межэтнических отношений.

В журналистике каждого этноса начинаются поиски обновленной национальной идеи, дальнейшего развития нации. Проведенный анализ показал, что у СМИ сохраняется повышенное внимание к финно-угорским народам и их участию в общественно-политической жизни страны. Публикации, представленные в финно-угорских газетах, отображают деятельность государства, правительства, общественных организаций и объединений по сохранению национальной культуры и языка. В медиатекстах показывается сплочение и укрепление общества. Журналистские материалы направлены на формирование у читателя образа республики и обрисовывают основные межнациональные проблемы, требующие решения.

Финно-угорским изданиям свойственна собственная жанрово-стилистическая модель, которая не встречается в других общественно-политических изданиях. В них практически нет материалов, касающихся экономических проблем, криминала и элементов «желтой» прессы, сатирических жанров. Важно подчеркнуть, что современные СМИ выполняют не только информативную роль, но и передают традиции финно-угорских народов, способствуя, таким образом, их объединению.

СМИ выступают организатором сотрудничества общественных сил для создания информационных потоков, что является необходимым элементом обще-

ственного саморегулирования. Происходит активный поиск действий для этнокультурного сближения финно-угорских народов.

Для нормального функционирования каждая этническая общность должна обладать такими качествами, как взаимопомощь, сплоченность, поддержка и взаимовыгодное сотрудничество. Как любой другой вид общения, межкультурная коммуникация на всех уровнях имеет свои цели, реализация которых обуславливает эффективность коммуникации.

Мордовия многоязычна. Долгое совместное проживание разных народов способствовало сближению и ассимиляции культур, но в то же время содействовало стремлению сохранить свою особенную культурную самобытность.

Так, в каждом номере «Финно-угорской газеты» размещаются материалы о финно-угорских этносах, национальных языках и традициях. Возрождение культуры нации занимает важное место в проблематике таких газетных тем, как восстановление, дальнейшее развитие и изучение национальной культуры края. Главные темы — преимущественно новостные, которые несут образовательную, культурную и воспитательную функции. С расширением в газете числа рубрик «Культура народов», «Молодежь и время», «Мир без экстремизма» и «Диалог культур» разнообразнее стал проблемно-жанровый облик издания. Помимо популяризации в медиатекстах определяется лицо конкретного типа культуры.

В «Финно-угорской газете» публикуются позитивные этнические материалы, которые просвещают читателя. В них показывается необходимость дружественного отношения к другим людям, не похожим на нас. Эмоционально окрашенное сообщение всегда предпочтительнее, чем нейтральное, и лучше запоминается читателем. Эмоциональность журналистского текста — весьма важная составляющая.

Также следует отметить газету «Эрзянь правда». Материалы этого издания можно условно разделить на три группы: 1) события этнокультурной жизни, 2) мордовская культура и рассказы об известных людях, 3) материалы острой проблематики.

В некотором смысле вся деятельность подобных изданий — противостояние «этнической ассимиляции». Это не случайно, ведь СМИ напрямую влияют на создание картины мира у общества. Они определяют наше отношение ко многим событиям, происходящим вокруг нас, и моделируют нашу реакцию.

Исследование национальной прессы показывает, что каждая седьмая-восьмая публикация в национальных, и русскоязычных изданиях посвящена национальной проблематике. Если сравнивать с публикациями прошлых лет, то количество интолерантных материалов значительно снизилось. Основные ценности всех одиннадцати финно-угорских народов — семья, знание, труд, пища и этика.

Изучив современное состояние и положение национальной периодики, мы пришли к выводу, что анализ медиакommunikаций в республике следует проводить с учетом всех особенностей ее национальной, геополитической и социальной специфики. Региональная периодическая пресса обладает определенной автономией, поэтому и может рассматриваться как отдельная система. Двуязычный характер финно-угорской прессы объясняет формирование новой структурной модели региональной журналистики, которая выполняет консолидирующую роль.

В сетке вещания телеканала «ТелеСеть Мордовии» программа «Од пинге» («Новое время») имеет завидное постоянство и зрительский интерес. На эрзянском и мокшанском языках рассказывается о событиях в республике, жизни мордовского

народа. Эфир этой программы сопровождается переводом на русский язык. Ориентация на конкретную аудиторию, своего зрителя является типоформирующим фактором.

В настоящее время все виды прессы, как печатные, так и электронные СМИ, несут ответственность за популяризацию уникальных языковых групп, за поиск, формирование тем и задач, которые потом заинтересуют и затронут читателей.

Изменения в современном российском обществе обуславливают повышенное внимание к основным его социальным институтам, одним из важных среди которых является медиасистема, поскольку именно через нее осуществляется массированное воздействие на формирование общественного мнения. Главным инструментом, позволяющим медиасистеме формировать свою аудиторию и влиять на ее сознание, является информация.

За последние десятилетия открылось большое количество радиостанций, располагающих музыкальными и информационными контентом, способными удовлетворить любой вкус. Стремительное формирование системы СМИ привело к преобразованию радиостанций в абсолютно универсальные субстанции, обладающие высоким уровнем технологического оснащения и содержащие разнообразные тематические характеристики⁶.

Новостные сообщения и новостные потоки — один из основных инструментов СМИ в силу их высокой технологичности и по причине их понятности и доступности максимально большому человеческому сообществу (а требование максимальной масштабности и всеохватности восприятия, как уже было указано, является одним из основных). Новости являются основным инструментом, связывающим разнообразные локальные коммуникационные системы в единую мировую систему массовых коммуникаций.

Стремительное формирование всевозможных медиаслужб изменили обыденную деятельность остальных видов информационных служб, отличающихся традиционными устоями работы. Непосредственно это сказалось и на региональных коммерческих радиостанциях. Благодаря столь сильному влиянию, образовались новые платформы для различной деятельности: обеспечение взаимопроникновения и объединения стандартных медиа для создания и реализации программных продуктов, инспирирование аудитории для увеличения благонадежности слушателей и рекламирования бренда.

Рынки, находящиеся в регионах, буквально копируют структуру рынка Москвы. Популярны форматы столицы («Европа плюс», «Русское радио» и т. д.) ведут своеобразную «войну» за аудиторию.

Технология производства новости в немалой степени зависит от идеологического пространства, в котором ей предстоит функционировать, и характеристик аудитории. Например, на «МС-радио Саранск» новости выходят ежедневно по будням с 7 до 19 ч в режиме онлайн. До 10 ч помимо часовых новостей выходят еще получасовые. Радиоканал МС ориентируется на городского радиослушателя, поэтому местные новости (городские) являются основополагающими и первоочередными в освещении.

Радиостанция «Милицейская Волна» воздействует на различные целевые группы: от домохозяек и студентов до автомобилистов и бизнесменов. Люди обращаются к эфиру указанной радиостанции для того, чтобы узнать оперативную информацию, например «свежие» новости, погоду, состояние дорог.

В настоящее время одним из способов идеологического производства новостей является процедура выбора темы новостей. Она требует, чтобы факт был вырван из реального контекста его происхождения таким образом, чтобы его можно было поместить в новый, символический контекст — тему новостей.

Суждение, не основанное на информации, может привести к непредсказуемым последствиям, вплоть до полного отторжения или противоположной ожидаемой реакции. Поэтому поиск, структурирование и правильная оценка информации является ключевым этапом построения любого журналистского материала.

Новость на «МС-радио Саранск» является основополагающим жанром в информационной политике местного канала. В основном она строится по следующим критериям: Что произошло? Где это произошло? Когда это произошло? Кто стал участником этого события? Как это происходило? Почему это произошло? Что означает данное событие?

Среди главных требований, предъявляемых к информационному продукту, — оперативность, краткость, компактность и точность.

Для программирования на уровне региона выделяются свои вещательные приоритеты, среди которых можно назвать такие, как постоянная потребность в наличии свежих и достоверных новостных сведений; предпочтения аудитории в местных новостных выпусках. Новости региона всегда будут вызывать заинтересованность в своем округе, причем намного больше, чем всероссийские новостные выпуски.

Форматная деятельность рассчитывается на точно выверенных данных хронометража. Нельзя ломать редакционную политику таких форматов. К сожалению, этот факт не всегда учитывается у региональных радиовещателей. Длительность новостных выпусков доходит до 5 мин. с всевозможными репортажами, интервью или же онлайн-включениями. В большинстве случаев это осуществляется в неподходящих для активного вещания форматах. В регионах не встретить радиостанций с форматами Relax или Jazz, которые не относятся к сетевым и не имеют широкого спроса среди регионального населения. Доходный потенциал форматов в провинциальных городах так же трудно просчитать.

Программированные нестандартные информационные продукты не пользуются значительным спросом. Причинами остаются минимальные уровни развития регионального рекламодателя и отсутствие способности к составлению грамотной рекламы, а также реализации экзотических и нишевых форматов радиостанций. В большинстве случаев, привнося в свой радиобизнес нестандартные нишевые форматы, владельцы радиостанции не учитывают потребности аудитории данного региона.

Массмедиа реорганизуют повседневный образ жизни. Сейчас приоритет в восприятии времени отдается настоящему, а точнее сиюминутному. Телевидение обозначило начало развития информационного общества, которое подразумевает единство культуры и технологий. Телевидению было отведена ведущая роль в глобализации, тот технологический прорыв, который оно принесло в мир, определил и продолжает определять векторы культурного развития во всем мире.

Начинается доминирование информационной культуры, а вместе с ней развитие аудиовизуальных средств. Это выводит коммуникативный процесс на новый уровень.

В новом тысячелетии, отвечая потребностям аудитории, возрастающему количеству средств массовой информации среди различных направлений развития телевизионной коммуникации на первое место выходит повышение оперативности в доставке информации. С. Муратов назвал современное телевидение «миром уничтоженных расстояний»⁷. Мы добавим к этому определению свою образную дефиницию — информационное телевидение — мир стертых временных границ, где актуально только слово «сегодня».

Как средство массовой информации телевидение имеет свои определяющие особенности — временные и пространственные. Временные заключаются в длительности телевидения, его дискретности (прерывности), в различном сочетании реального и условного времен. Пространственные — в их вездесущности, т. е. в практической возможности доставки аудиовизуальной информации, одновременно расчлененной на множество групп массовой аудитории, что подчеркивает особенную интимность телевидения. Кроме этого ТВ имеет и другие особенности: полифункциональность, однонаправленность, возможность выбора телепрограмм для просмотра, персонализация информации, доступность визуального восприятия.

Телевидение вызывает у зрителя сопричастность к тем событиям, информацию о которых оно наглядно передает в режиме реального времени. ТВ практически круглосуточно находится в распоряжении зрителя, не требует усилий и имеет большую силу эмоционального воздействия. Следует учесть и то, что телевидение расширяет охватываемое пространство, проникая в каждое жилище, содержит, в определенной степени, возможность учитывать индивидуальные запросы зрителей и даже зачатки интерактивного общения. Звуковой эффект, наглядное изображение, динамика, цвет — универсальные электронные возможности, обеспечивающие высокую степень воздействия на зрителя.

Российской журналистике и ее телевизионной разновидности претит роль бесстрастного фиксатора событий. Роль зрителя тоже не пассивна: он анализирует события, итожит прожитый день или неделю. Для этого от обоих участников теледиалога требуется не просто их совместное пребывание в одном и том же геополитическом и языковом пространстве, но часто и их интеллектуально-эмоциональное совпадение.

Так, еще в 60-х гг. XX в. особой популярностью пользовалась «Телевизионная приемная» саранской студии телевидения. «Первый разговор, состоявшийся в „Телевизионной приемной“», посвящался вопросам бытового обслуживания населения. Причем тележурналисты не собирались ограничиться постановкой отдельных вопросов. Их интересовала вся сфера бытовых услуг — как система. Поэтому на первую встречу был приглашен министр бытового обслуживания населения МАССР Н. И. Ховряков. Зритель узнал, чем занимается министерство, познакомился с перспективами развития бытовой индустрии.

Встречи вызвали широкий поток писем в редакцию студии. Телезрители высказали много замечаний, внесли ценные предложения по улучшению дел на том или ином участке. Эти предложения и замечания рассматривались в соответствующих министерствах и ведомствах, по ним принимались конкретные меры»⁸.

Диалоговая форма телекоммуникации сохраняется на региональном телевидении в рамках нового формата сугубо информационного вещания.

Реакцией на изменение запросов потребителя стала «мультимедиаизация» — превращение традиционных СМИ в мультимедиа. Телевизионная журналистика обретает черты конвергентности, интерактивности и мультимедийности. Региональные ГТРК конвергентны по своей природе. Они транслируют свой контент на двух платформах — телевидение и радио. Хотя конвергентность предполагает значительно большее количество каналов доставки информации адресату, но приобретать дополнительные функции — не одно и то же, что осваивать совершенно новый способ организации производства.

Важным креативно-информационным признаком региональной тележурналистики является категория «личность». Он заключается в «персонализации информации» (каждая тема в новостных редакциях закреплена за определенным автором) и «персонализации материала» (творческий прием передачи информации через пример конкретного человека, группы людей, тривиальную ситуацию).

Новые способы коммуникации и интерактивное вещание видоизменяют информационный продукт не только на уровне содержания, но и на уровне его выражения. Получается, что переход к конвергентности в глобальном смысле этого слова и мультимедиаизация для региональной государственной журналистики — процессы естественные в развитии и наиболее безболезненные в сравнении с другими медиа (редакции газеты, например, гораздо сложнее осваивать телевизионные жанры, хотя бы исходя из материально-технического обеспечения).

Работа с мультимедийной информацией предоставляет онлайн-информационным ресурсам преимущество, так как в Интернете потребитель получает информацию, самостоятельно отбирая, что читать, слушать или смотреть, тем самым экономя свое время. Совершенные мультимедийные средства массовой коммуникации формируются только при условии, если аудитория может получать иной информационный продукт, а не простой повтор того, что он мог бы прочитать в прессе или посмотреть по ТВ.

СМИ являются сильным механизмом для передачи массовой культуры и влияния на идеологию. Согласно данным социологического опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2009 г., россияне в большинстве случаев считают массмедиа многообразными и умеющими угодить даже людям с самыми взыскательными запросами (53 %). Такого мнения придерживаются в первую очередь 18 — 24-летние и высокообразованные респонденты (63 % и 58 % соответственно).

В настоящее время массовая культура становится основным (или одним из основных) поставщиком и создателем модных и поведенческих образцов, моральных норм, ценностей. Для большинства людей, преимущественно для молодого поколения, она является определяющим фактором формирования вкусов, предпочтений и стиля жизни в целом. Если в период зарождения массовая культура была бунтом против общности, своеобразным вызовом правящим кругам, то теперь она сама стала «правлящим кругом».

Массовая культура подразумевает главенство стереотипов и упрощенных схем, которые рассчитаны на «средний» вкус широкого круга потребителя. Ее опорой являются типичные психологические реакции, наиболее распространенные идеи, мифы так называемого коллективного сознания. Часто она манипулирует мнением масс, запуская в них те же самые мифы, предубеждения и т. д.

Главный метод изображения в массовой культуре — «иллюзионизм», т. е. намеренное создание примитивной картины мира, которая соответствует представлению обывателей. В итоге получается стандартизированное псевдоискусство.

Наиболее важная типологическая черта средств массовой информации как части массовой культуры — это видоизменение или отрицание духовных ценностей. Образцами современного так называемого искусства стали рекламные ролики, поп-хиты, низкопробные фильмы и пр.

Во мнениях относительно СМИ доминирующим является то, согласно которому они предоставляют обществу важную информацию и обязаны давать ему нравственное воспитание (48 %). Так считают, как правило, 45 — 59-летние респонденты и жители небольших городов (52 %).

В заключении отметим, что в настоящее время средства массовой информации есть в каждом доме, и они оказывают непосредственное воздействие на ежедневный ход жизни человека, делая его зависимым от информации. Вовлечение аудитории в проблему, демонстрация ее важности и актуальности осуществляются при помощи употребления информации, основанной на фактическом материале. Смысл вопроса или проблемы выявляется на основе преподнесения ярких, неповторимых фактов, образов, примеров, наилучшим образом вводящих читателя, зрителя или слушателя в суть проблемы. СМИ не просто транслируют и получают информацию, но и являются тем самым руслом, в котором модифицируются культурные преимущества и определяются новые ценности и смыслы.

Библиографические ссылки

¹ Ржанова С. А. Язык как средство публичного общения : Из опыта регион. СМИ. Саранск, 2011. С. 47.

² Бове К. Л., Аренс У. Ф. Современная реклама. Тольятти, 1995. С. 412.

³ См.: Потанов П. Ф. Участие региональной прессы в формировании социокультурных и духовных факторов развития поволжских народов // Журналист. проспект. Саранск, 2007. № 1. С. 47.

⁴ См.: Тангалычев К. А. Единение с большой буквы // Центр и периферия. 2012. № 3. С. 4 — 11.

⁵ См.: Каторова А. М. Литература и театр. Постфестивальные размышления о взаимосвязанном развитии двух видов искусства // Там же. 2013. № 1. С. 76 — 79 ; Лузгин А. С. Дни Республики Мордовия в регионах России // Там же. 2014. № 3. С. 56 — 64.

⁶ См.: Чаткина М. Г. Коммуникативные стратегии как основополагающий принцип взаимодействия СМИ и аудитории : (На примере работы целевых радиостанций «Авторadio» и «Дорожное радио») // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 1 (37). С. 157 — 162.

⁷ Мурагов С. А. ТВ — эволюция нетерпимости : (История и конфликты этич. представлений). М., 2000. С. 87.

⁸ Десяев С. Н. Микрофон и слово: социальный контекст телевизионной передачи // Динамика состояния социума : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (17 — 18 марта 1999 г.). Саранск, 1999. С. 67 — 69.

Поступила 13.07.2016 г.

УДК 81'366.587=511.151

С. С. Сибатрова

S. S. Sibatrova

**ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУССКИХ
ЗАИМСТВОВАННЫХ ГЛАГОЛОВ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
ВЫРАЖЕНИЕ ВИДОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ**

**GRAMMATICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN
BORROWED VERBS IN THE MARI LANGUAGE:
EXPRESSION OF ASPECTUAL MEANINGS**

Ключевые слова: марийский язык, глагол, видовые суффиксы, составные глаголы, русские заимствования.

В статье рассматривается адаптация глаголов-русизмов к способам и средствам передачи видовых значений марийского языка; приводятся и анализируются марийские видовые суффиксы и вспомогательные глаголы, употребляющиеся с глаголами русского происхождения.

Key words: the Mari language, verb, aspectual suffixes, compound verbs, Russian borrowings. The article deals with the adaptation of Russian verbs to the ways and means of expressing aspectual meanings of the Mari language; Mari aspectual suffixes and auxiliary verbs used with Russian verbs are given and analyzed.

В современном марийском языке среди глаголов, как и среди единиц других лексико-грамматических классов, довольно многочисленную группу составляют заимствования из русского языка. В луговом наречии и лугово-восточной литературной норме они осваиваются прежде всего в виде *агитироватлаш* «агитировать», *жаритлаш* «жарить», в горном наречии и литературной норме — *агитируяш* «агитировать» и *жарааш* «жарить», в северо-западном наречии — *венцаййаши*, *менцаййаши* «венчать», *бжарйаши* «жарить» и *возитлаш* «возить», в восточном наречии — (аналитически) *агитировать ышташ* «агитировать», *жарить ышташ* «жарить».

Войдя в систему марийских глаголов, русизмы становятся ее полноценными единицами, так или иначе приспособляются ко всем ее грамматическим особенностям. Цель данной статьи — раскрыть их адаптацию к способам и формам передачи видовых значений марийского языка, а именно распространение марийских видовых средств (суффиксов и вспомогательных глаголов) на русские заимствования. Для этого в работе представлены ряды марийских видовых суффиксов и вспомогательных глаголов, практически употребляющихся с глаголами русского происхождения, а также сами глаголы-русизмы. При этом приведены результаты количественных подсчетов как видовых средств, так и глаголов-русизмов, что позволяет делать выводы более наглядными и конкретными. Работа написана на основе материалов современных орфографических словарей обеих литературных норм — горномарийской¹ и лугово-восточной², а также «Словаря марийского языка»³; при необходимости (в особенности во второй части статьи о составных глаголах) были привлечены данные богатой лексической картотеки

МарНИИЯЛИ. В названных источниках выявлены и подвергнуты дальнейшей систематизации и анализу глаголы-русизмы, выступающие с марийскими видовыми показателями.

Глагольная категория вида обобщенно указывает, как протекает во времени или как распределяется во времени действие⁴. Она обозначает ограниченное или неограниченное предельное целостное или нецелостное действие⁵, а также действие многократное или однократное, длительное или моментальное и др. Видовые значения у глаголов в финно-угорских языках являются одними из их основных грамматических свойств. Они передавались уже в финно-угорскую и даже уральскую эпоху, причем при помощи суффиксов. Так, опираясь на анализ суффиксов с видовым значением, «возводимых финно-угристами к периоду существования финно-угорского языка-основы», Б. А. Серебренников выдвинул тезис о том, что «в финно-угорском языке-основе скорее всего существовали многочисленные видовые классы, обозначающие различные оттенки однократности и многократности»⁶. По мнению К. Е. Майтинской, в финно-угорском праязыке предположительно имелись отглагольные суффиксы, которые обозначали, с одной стороны, «мгновенное (моментальное)», «начинательное (инхоативное)» действие, а также «уменьшенность» действия и, с другой стороны, длительное (дуративное), многократное (фреквентативное) действие, хотя «весьма вероятно», что тогда «обобщенной категории вида не было»⁷. П. Хайду допускает наличие «фреквентативных, континуативных, дуративных, инхоативно-ингрессивных, каузативных и рефлексивных» глагольных суффиксов уже в прауральском языке⁸.

Согласно Б. А. Серебренникову, грамматического вида нет и в современном марийском языке, а имеются только видовые классы, о чем свидетельствует то, что «вспомогательные глаголы, придающие основному глаголу значение совершенного вида, могут присоединяться далеко не ко всем глаголам. Точно так же крайне непродуктивные суффиксы с видовым значением распространяются лишь на весьма ограниченное количество глагольных основ»⁹. Глубоко изучив 21 наиболее часто употребляемый класс составных глаголов, Н. И. Исанбаев также пришел к заключению, что «ни один из рассмотренных вспомогательных глаголов не обладает достаточно широким, обобщенным характером употребления» и что «составные глаголы... нельзя считать формой грамматической категории вида»¹⁰. Он полностью придерживался точки зрения Б. А. Серебренникова о видовых классах. В отношении суффиксальных форм термин «видовые классы» поддерживал и М. П. Чхаидзе¹¹.

Как известно, видовых суффиксов у марийских глаголов достаточно много. По результатам специальных исследований И. С. Галкина, из выявленных им (в целом залоговых и видовых) значений у суффиксов внутриглагольного словообразования «наиболее распространенными... являются видовые», и прежде всего многократно-длительные: из 24 отглагольных суффиксов «13 выступают с видовым значением, а остальные 11 — с залоговым»¹². В монографии по морфологии марийского языка им представлено 14 более употребительных внутриглагольных суффиксов, из них в качестве суффиксов, образующих «глаголы с видовым значением (многократности, однократности, кратковременности, длительности и т. д.)», выделено 8 единиц: *-ыл*, *-эд* (орф. *-ед*), *-ыж*, *-тал*, *-кал/-гал*, *-эшт* (орф. *-ешт*), *-эдыл* (орф. *-едыл*), *-кед*¹³. В «Исторической грамматике марийско-

го языка» по поводу семантики внутриглагольных суффиксов И. С. Галкиным отмечено, что из 17 таких морфем «12 выражают то многократное, то длительное действие»: *-й, -киш, -ыж, -аҥ* — «длительность действия», *-ед, -ыл, -ешт/-ышт, -едыл, -тал, -л, -ылт, -едал* — «многократность действия»; как обозначающие однократность действия названы суффиксы *-л, -ал, -алт*¹⁴. Анализируя суффиксальные видовые классы, З. В. Учаев в своем учебном пособии по морфологии марийского языка в ряду однократных и моментальных суффиксов рассмотрел морфемы *-ал, -алт, -ылд/-лд, -ыл, -л*; (сложные) *-ылал, -ылалт, -ылдал*, в ряду многократных — *-ыл, -кал, -ед, -ышт/-эшт, -кед, -ылт, -тал, -л, -ал*; (сложные) *-едыл, -кедыл, -калыл, -калышт, -алкал*; при этом особо выделил длительный суффикс *-ыж*¹⁵. А. А. Саватковой в монографии по горному наречию к суффиксам, служащим для образования однократных и многократных глаголов, отнесены следующие: *-ыл/-ыл, -алт/ылт, -ешт, -ал/-ыл* и *-ыл/-ыл, -ед, -едыл, -ешт/-ышт, -едал, -ылт/-ылт, -кал/-кал, -ылдал/-ылдал*¹⁶. Ряд марийских примеров с суффиксом *-ыл/-ыл*, образующим «многократные глаголы прерывающегося, беспорядочно совершающегося действия», ею дополнен тремя отдельно представленными формами «от заимствованных русских глаголов»: *клеяш* «клеить» — *клеыылэш* «поклеивать», *рисуяш* «рисовать» — *рисуыылаш* «порисовывать», *мешайэш* «мешать» — *мешайыылэш* «мешать»¹⁷.

Из значительного количества видовых суффиксов, имеющих в марийском языке, к глаголам русского происхождения присоединяются следующие: *-ал, -алт* (из вышеуказанных однократных суффиксов *-л, -ал, -алт, -ыл, -ылд/-лд*) и *-ыл, -кал, -едал* (из вышеперечисленных многократных суффиксов *-ыл, -ед, -кед, -ешт/-ышт, -тал, -кал/-гал, -л, -ылт, -едал, -едыл, -й, -киш, -ыж, -аҥ*). Нужно отметить, что все пять суффиксов по отношению к русским заимствованиям проявляют свое свойство присоединяться к основе глаголов II спряжения.

Суффикс л. *-ал*, г. *-ал/-ыл* — исконный¹⁸, служащий «для выражения быстроты действия», «выразитель однократности действия»¹⁹, передающий «однократное действие, совершающееся быстро» и «маломерное действие небольшой продолжительности»²⁰, образующий «однократно-моментальные глаголы»²¹. В орфографических словарях лугово-восточной литературной нормы глаголы-русизмы с данным суффиксом не зафиксированы, в горномарийских (в обоих или одном из них) — представлены 4 словоформы: *клеыылэш* «поклеить», *нарыйылэш* «принарядить, принарядиться», *тумаялаш* «подумать», *утюжалаш* «поутюжить». Кроме того, 4 единицы с пометой «однокр.» (из горного же наречия) обнаружены в «Словаре марийского языка»: *махаялаш* «помахать», *хвалялаш* «похвалить, похвалиться», *хваташ* «схватить, подхватить», *хрестылэш* «перекреститься, перекрестить».

Исторически сложный исконный²² видовой суффикс л. *-алт*, г. *-алт/-ылт* служит «для выражения однократного, быстро совершающегося действия или маломерного действия»²³, обладает «однократно-моментальным значением»²⁴. В глаголах русского происхождения он, подобно предыдущему суффиксу, встречается весьма ограниченно. Так, в орфографических словарях представлены следующие словоформы: л. *висалташ*, г. *висылтэш* «взвесить, измерить»; г. *паралташ* «попарить», *решылтэш* «порешать», *чинялтэш* «починить». Глаголы с видовым суффиксом *-алт* относятся ко II спряжению, в отличие от глаголов-омонимов

I спряжения, представляющих собой формы возвратного (страдательного) залога, например: л. *висалташ*, г. *висăлтăш* «взвешиваться, измеряться», г. *паралташ* «париться», *решăлтăш* «решаться», *чинялтăш* «чиниться».

Множественный суффикс л. *-ыл*, г. *-ыл/-ăл* по происхождению также исконный²⁵. Как отметил В. М. Васильев, он «придает глаголу самый обычный вид повторения действия или состояния»²⁶. И. С. Галкин описал значение суффикса следующим образом: «выражает действие, совершающееся многократно, время от времени прерывающееся, но долго, без ограничения во времени, беспорядочно продолжающееся. Перерыв между отдельными актами такого действия может быть достаточно долгим»²⁷. Согласно материалам орфографических словарей, к глаголам-русизмам данный суффикс присоединяется больше всего в горном наречии (обнаружено 14 единиц): *арендуйылаш* «арендовать», *жалвайылаш* «жаловаться», *капайылаш* «копать», *качăйăлăш* «качать», *лицăлăш* «лечить», *мотайылаш* «мешкать, медлить, мешать», *плетăлăш* «плести», *решăлăш* «решать», *рисуйылаш* «рисовать», *ровотайылаш* «работать», *стройылаш* «строить», *суйылаш* «судить», *торгейăлăш* «торговать», *убирайăлăш* «убирать, убираться». В луговомарийских источниках таких единиц выявлено значительно меньше: *звонитлылаш* «звонить, позванивать», *лапайылаш* «пачкать, марать», *наказатлылаш* «наказывать», *торгайылаш* «торговать». Отметим, что в монографии по морфологии марийского языка обращается внимание на присоединение суффикса *-ыл* «к некоторым русским заимствованиям, оформленным суффиксом *-л*», при этом в качестве примеров приводятся глаголы *гладитлылаш* «поглаживать» и *клеитлылаш* «расклеивать»²⁸. Помимо этого, в «Словаре марийского языка» с пометой «многокр.» содержатся следующие словоформы: л. *гладитлылаш* «гладить, поглаживать» и г. *косирăйăлăш* «наряжаться, щеголять», *ламайылаш* «качаться, колыхаться», *путайылаш* «пытаться, стараться», *хрестăлăш* «креститься, крестить»; также обнаружена глагольная форма г. *ламайылаш* «пачкать, марать» в картотеке МарНИИЯЛИ.

«Малопродуктивный» суффикс л. *-кал*, г. *-кал/-кăл* восходит к тюркскому (чувашскому) источнику²⁹. По определению В. М. Васильева, он (как и в соединении с *алт*, т. е. в виде *алкал*) обозначает «обычную многократность»³⁰. Согласно Б. А. Серебренникову, глаголы с данным суффиксом выражают «многократное действие, чаще всего не сосредоточенное в одном месте, разбросанное или совершаемое в разные периоды времени... Иногда суффикс *-кал* (*-гал*) выражает действие незначительной интенсивности»³¹. По мнению И. С. Галкина, действие, передаваемое таким глаголом, «происходит отдельными мелкими актами и в совокупности этих актов не ограничено временем, т. е. длительно-многократное»³². В луговомарийских орфографических словарях зафиксированы следующие глаголы-русизмы с суффиксом *-кал*: *вискалаш* «взвешивать, измерять», *мешайкалаш* «мешать», *путайкалаш* «путать», *торгайкалаш* «торговать»; в горномарийских — *висăкăлăш* «взвешивать, измерять», *мотайыкалаш* «мешкать, медлить, мешать», *рисуйыкалаш* «рисовать», *ровотайыкалаш* «работать», *стройыкалаш* «строить», *торгейăкăлăш* «торговать». Кроме того, в «Словаре марийского языка» имеется глагол г. *тумайыкалаш* «подумывать, раздумывать, размышлять», а в монографии А. А. Саватковой — г. *гуляйкалаш* «погуливать».

Как видно, в горном наречии многократные суффиксы *-ыл/-ыл* и *-кал/-кал* нередко употребляются с одними и теми же глагольными основами, например: *мотайылаш* и *мотайыкалаш*, *рисуйылаш* и *рисуйыкалаш*, *ровотайылаш* и *ровотайыкалаш*, *стройылаш* и *стройыкалаш*, *торгейылэш* и *торгейыкалэш*. Такое обстоятельство, несомненно, связано с особенностями значений суффиксов. Как отмечено в работах по морфологии марийского языка³³ и горному наречию³⁴, суффикс *-кал/-кал* в горном наречии, помимо значения многократности, может выражать уничижение, пренебрежительную, неодобрительную оценку какого-либо действия, обозначает, что действие проявляется не в полной мере или качество действия не совсем надлежащее, например: *мыраш* «петь» — *мырыкалаш* «попевать, петь (посредственно, так себе, кое-как)», *ыштэш* «делать» — *ыштыкалэш* «поделывать, делать (посредственно, так себе, кое-как)». В данном случае глаголы-русизмы с суффиксом *-кал/-кал* нередко сочетают в себе (хотя и в разной мере в каждом из слов) значения многократности действия и его уничижительной оценки, т. е. выступают как многократно-уничижительные формы.

В горномарийском слове русского происхождения *соредэлэш* «ссориться» (< *сораш* «спорить с кем-л.»), ср. л. *вурседалаш*, г. *вырседэлэш* «ругаться, браниться» (< л. *вурсаш*, г. *вырсаш* «ругать, бранить кого-л.»), выступает непродуктивный сложный суффикс *-едэл*. Он по своему происхождению собственно марийский³⁵. На взгляд В. М. Васильева, «выражает обычную многократность, а в некоторых случаях взаимность действия»³⁶. По мнению И. С. Галкина, «образует взаимно-многократные глаголы», причем действие глагола с суффиксом *-едэл* «неограничено во времени, совершается отдельными взаимными актами»³⁷.

Таким образом, глаголы-русизмы в марийском языке, как и другие генетические группы глаголов, для передачи различных видовых характеристик действия могут присоединять к себе марийские суффиксы. Однако круг этих суффиксов весьма узкий. Из более чем 10 видовых суффиксов (с учетом более поздних сложных даже свыше 20), установленных специалистами, в русских глагольных заимствованиях встречаются только 5 единиц. На основе подсчета данных вышеуказанных источников установлено следующее количество видовых форм глаголов русского происхождения: с суффиксом *-ал* — 0 единиц в луговомарийских источниках и 8 единиц в горномарийских (или с указанием на горное наречие), с суффиксом *-алт* — соответственно 1 и 4 единицы, с суффиксом *-ыл* — 6 и 19, с суффиксом *-кал* — 4 и 8, с суффиксом *-едэл* — 1 единица в горном наречии. Эти цифры не исчерпывают весь ряд однократных и многократных форм русизмов с названными показателями. Однако они, на наш взгляд, в общих чертах все же отражают картину функционирования видовых суффиксов в глаголах рассматриваемой группы.

Отметим, что в горном наречии видовые суффиксы к русским заимствованиям присоединяются чаще. Причины такого явления необходимо выявлять в ходе специального исследования горномарийских видовых классов на более широком материале, причем как суффиксов, так и вспомогательных глаголов с их взаимосвязями и соотношениями.

Что касается конкретного состава видовых суффиксов, выступающих в сфере глаголов-русизмов, то он в целом объясним. Состав суффиксов обусловлен степенью их продуктивности в языке и особенностями спряжения формообразующих основ, к которым они обычно присоединяются. Так, согласно результатам иссле-

дования И. С. Галкина и материалам современных орфографических словарей, суффиксы *-ал*, *-алт*, *-ыл*, *-кал* как показатели кратности действия (речь не идет о непродуктивном *-едӓл*, обнаруженном в единственном русизме) употребляются весьма часто. Присоединяются они, всегда или в большинстве случаев, к глаголам II спряжения³⁸; именно такими и являются русские заимствования. Для более конкретного представления продуктивности суффиксов можно привести, например, количественные данные подсчетов по орфографическому словарю³⁹, в котором содержится более 60 глагольных форм с суффиксом *-ал*, более 100 — с *-алт*, более 200 — с *-ыл*, более 100 — с суффиксом *-кал*.

Относительно небольшое количество самих форм глаголов-русизмов с названными суффиксами (11 единиц в лугомарийских источниках, 40 — в горномарийских (зафиксированных)), по-видимому, связано с ослаблением позиций видовых суффиксов в целом, о чем писал Б. А. Серебренников: «Несомненно рецессивными в марийском языке являются древние видовые классы, характеризующиеся суффиксами однократности и многократности. Они явно утрачиваются»⁴⁰. Это явление, по его мнению, «сопровождается усилением новых видовых классов» — составных глаголов⁴¹. Последние, безусловно, представляют собой серьезную альтернативу видовым суффиксам и в отношении глаголов-русизмов.

В современном марийском языке для выражения видовых характеристик действия наряду с синтетическим (суффиксальным) способом используется аналитический (синтаксический) типа *лудын лекташ* «прочитать» (букв.: «читая выйти»), *терген шогаш* «проверить» (букв.: «проверяя стоять»). При аналитическом способе действие и особенности его протекания раскрываются с помощью составных глаголов («спаренных глаголов»⁴² разных типов), которые образуются «путем сочетания деепричастия на *-ын*, *-эн* (орф. *-ен*)... со спрягаемыми формами вспомогательных глаголов»⁴³, что отмечено Н. И. Исанбаевым и М. П. Чхаидзе⁴⁴ и раньше. Вспомогательные глаголы (лингвистами они называются по-разному: конкретизаторы, модификаторы, служебные глаголы; информация об использовании данных терминов представлена в исследованиях Н. И. Исанбаева и М. П. Чхаидзе⁴⁵) при этом полностью или частично «утрачивают свое лексическое значение», однако придают сопровождаемым глаголам в деепричастной форме, кроме грамматических значений лица, числа, времени и наклонения, те или иные видовые свойства⁴⁶. На данную функционально-грамматическую особенность вспомогательных глаголов указано и в работах Н. И. Исанбаева, Б. А. Серебренникова, М. П. Чхаидзе и З. В. Учаева⁴⁷. Б. А. Серебренников утверждал, что развитие составных глаголов в марийском языке происходило «при интенсивном участии тюркских катализаторов»⁴⁸. Его мнения придерживались Н. И. Исанбаев и М. П. Чхаидзе.

По общей грамматической семантике видовые классы, представленные составными глаголами, Н. И. Исанбаевым, З. В. Учаевым, Б. А. Серебренниковым и Е. Н. Мустаевым⁴⁹ объединяются в две основные группы: выражающие законченное действие и выражающие длительное (незаконченное, продолжительное) действие с различными смысловыми оттенками. В первую группу, составляющую преобладающее большинство, входят составные глаголы со следующими вспомогательными глаголами (их около 30 единиц): *колташ* «послать», *каяш* «идти, уйти», *лекташ* «выйти», *лукташ* «вывести, вытащить», *шинчаш* (*-ам*) «сесть», *шындаш* «посадить», *шогалаш* «встать», *шогалташ* «поставить», *пышташ* «по-

ложить, класть», *шуаш* (-ам) «дойти, достигнуть», *шукташ* «довести», *пыташ* «кончиться», *пытараш* «кончить», *ситараш* «обеспечить, сделать достаточным», *эрташ* «проходить, пройти», *пуаш* «давать, дать», *налаш* «брать, взять», *кышкаш* «кидать», *кудалташ* «кинуть», *шуаш* (-эм) «бросить», *опташ* «класть, накладывать», *кодаш* (-ам) «остаться, оставаться», *кодаш* (-ем) «оставить, оставлять», *темаш* (-ам) «наполниться, насытиться», *темаш* (-ем) «наполнить, насытить», *кошарташ* «закончить, завершить», *ончаш* «смотреть», *ончыкташ* «показать», *возаш* (-ам) «ложиться, лечь». Ко второй, относительно немногочисленной, группе относятся составные глаголы со следующими вспомогательными глаголами (их 8 единиц): *шогаш* «стоять», *толаш* «прийти (сюда)», *мияш* «прийти (туда)», *кияш* «лежать», *кошташ* «ходить, ездить», *шинчаш* (-ем) «сидеть», *эртараш* «проводить, провести (время)», *толашааш* «пытаться». Необходимо отметить, что Б. А. Серебренников в качестве видового класса длительного действия признавал (причем с оговорками) только составные глаголы с *шогаш* «стоять», сочетания же с *кияш* «лежать», *кошташ* «ходить, ездить» рассматривал как «спорадически встречающиеся обороты» и воздерживался от выделения их в видовые классы⁵⁰. (М. П. Чхаидзе «модификаторы в спаренных глаголах» в зависимости от их указания на «наличие или отсутствие результата действия» разделял на «целестремленные» и «нецелестремленные», соответственно ставил «вопрос о двух видах — целестремленном и нецелестремленном»⁵¹). Вспомогательные глаголы первой группы служат для передачи законченности, моментальности, однократности, быстроты или динамичности совершения, интенсивности протекания действия, быстрого и внезапного изменения состояния, развития или доведения действия до известного предела и т. д. с присущей им семантической спецификой. Вспомогательные глаголы второй группы обозначают достаточную продолжительность, длительность, многократность действия и т. д. также с дополнительными смысловыми оттенками.

Подобный аналитический способ передачи видовых значений охватывает и глаголы русского происхождения. В условиях ограниченного функционирования однократных и многократных суффиксов видовые особенности действия в русизмах нередко выражаются при помощи вспомогательных глаголов. Обращая внимание на несовпадения видов в марийском и русском языках, М. П. Чхаидзе в своей работе писал: «Марийский язык различие видов, имеющееся в глаголах русского языка, не удерживает, а переосмысливает русские видовые формы глаголов на свой, марийский лад. Заимствованные из русского языка глаголы, как и коренные марийские, проявляют полное безразличие к выражению совершенного и несовершенного вида»⁵². Далее исследователь проиллюстрировал на примерах факты употребления глаголов-русизмов несовершенного вида (в языке-источнике) не только в значении несовершенного, но и совершенного вида. Интересны наблюдения и высказывания М. П. Чхаидзе и о «спаренном употреблении» заимствований (типа *растаскиватлен пытараш* «расташить»): «эти глаголы освоены марийским языком и употребляются совершенно на тех же правах, что и коренные марийские глаголы... Они полностью вовлечены в систему целестремленного и нецелестремленного видов марийского языка»⁵³.

В материалах луговомарийской части лексической картотеки МарНИИЯЛИ наличествуют примеры составных глаголов с русизмами в основной части, ха-

рактерные как для первой группы («законченного действия»), так и для второй («длительного действия»). В обнаруженных предложениях (они извлечены главным образом из текстов художественной литературы, а также из периодической печати) русские заимствования в деепричастной форме сочетаются со следующими вспомогательными глаголами, обозначающими совершенность, законченность действия (выявлено 5 единиц):

— *пытараи* «кончить»: *бинтоватлен пытараи* «(сплошь) забинтовать, закончить бинтовать», *буритлен пытараи* «пробурить, закончить бурить», *декламироватлен пытараи* «продекламировать», *калиброватлен пытараи* «прокалибровать, откалибровать, закончить калибровать», *клеимитлен пытараи* «заклеймить, закончить клеймить», *печатлен пытараи* «напечатать, распечатать, закончить печатать», *сдатлен пытараи* «сдать», *скирдоватлен пытараи* «заскирдовать, закончить скирдовать», *чертитлен пытараи* «начертить, расчертить, закончить чертить», *штукатуритлен пытараи* «отштукатурить, оштукатурить, закончить штукатурить»;

— *шындаи* «посадить»: *гладитлен шындаи* «погладить, выгладить, отгладить», *жаритлен шындаи* «пожарить, зажарить», *копитлен шындаи* «закоптить, прокоптить», *печатлен шындаи* «напечатать», *утюжитлен шындаи* «вытюжить, отутюжить»;

— *шуктаи* «довести»: *грузитлен шуктаи* «загрузить, нагрузить, погрузить, догрузить», *отбыватлен шуктаи* «отбыть (срок чего-л.)», *сдатлен шуктаи* «сдать», *служитлен шуктаи* «отслужить, дослужить»;

— *налаи* «брать, взять»: *сниматлен налаи* «снять, заснять, отснять», *фотографироватлен налаи* «сфотографировать», *трудитлен налаи* «заработать, наработать (себе трудом)»;

— *пуаи* «дать»: *бритлен пуаи* «побрить (кого-л.)», *печатлен пуаи* «напечатать (кому-л.)», *лослобитлен пуаи* «благословить (кого-л.)».

Вспомогательные глаголы данной группы являются переходными, сочетаются в абсолютном большинстве случаев с переходными же глаголами, и составные глаголы в целом сохраняют эту грамматическую особенность, например: *онымым скирдоватлен пытараи* «заскирдовать солому», *чодырам клеймитлен пытараи* «заклеймить лес», *тавым печатлен шындаи* «закрыть (букв.: запечатать) колодец», *колым копитлен шындаи* «закоптить рыбу», *вагон-шамычым грузитлен шуктаи* «загрузить вагоны» и т. д.

Составные глаголы со значением длительного (продолжительного) действия, образованные от глаголов-русизмов, наблюдаются в меньшем количестве. Необходимо указать, что таких составных глаголов в языке вообще немного и употребляются они сравнительно редко, чем глаголы первой группы⁵⁴. При глаголах русского происхождения встречаются следующие вспомогательные глаголы (выявлены 4 единицы):

— *шогаи* «стоять»: *выписатлен шогаи* «выписывать», *зависитлен шогаи* «зависеть, быть зависимым», *ориентироватлен шогаи* «ориентировать», *поддерживатлен шогаи* «поддерживать»;

— *коштаи* «ходить, ездить»: *калымитлен коштаи* «калымить», *разбиратлен коштаи* «разбирать», *славитлен коштаи* «славить (религ.)», *хулиганитлен коштаи* «хулиганить»;

— *толаш* «прийти (сюда)»: *решатлен толаш* «решать»;
— *эрташ* «проводить, провести (время)»: *служитлен эрташ* «прослужить, отслужить».

Они, являясь большей частью непереходными (за исключением *эрташ*), могут сочетаться как с переходными, так и с непереходными глаголами, а составной глагол в целом принимает свойство первого компонента, например: *ўдыр-влакым разбиратлен кошташ* «перебирать (букв.: разбирать) девушек» — *уремыште хулиганитлен кошташ* «хулиганить на улице»; *газетым выписатлен шогаш* «выписывать газету» — *пўртўс деч зависитлен шогаш* «зависеть от природы» и т. д. Именно вторая группа глаголов свидетельствует, что в переходности и непереходности составных глаголов решающую роль играет особенность первого компонента.

Итак, глаголы-русизмы, как и другие группы глаголов по происхождению, способны сочетаться с вспомогательными глаголами видовых значений и образовывать составные глаголы. Однако (согласно материалам использованных источников) ряд вспомогательных глаголов при них, как и суффиксов, значительно меньше, чем при остальных марийских глаголах. Это касается в первую очередь составных глаголов законченного действия. К сожалению, сложно судить о причинах больших различий в количестве и составе вспомогательных глаголов, употребляемых с русизмами, с одной стороны, и с остальными марийскими словами — с другой. Возможно, в какой-то степени они связаны с тем, что, как пишет Б. А. Серебренников, «определенные глаголы могут сочетаться только с некоторыми глаголами»⁵⁵. Вероятно, что они обусловлены и существованием в языке других описательных средств выражения видовых значений — лексических.

Рассматривая вопрос о формах видовых значений в глаголах-русизмах, нельзя оставить без внимания то, что особенности протекания действия у марийских глаголов, в том числе у заимствованных из русского языка, могут передаваться и лексическими средствами — отдельными словами, послеложными конструкциями, словосочетаниями обстоятельственного характера. От суффиксов и вспомогательных глаголов такие средства отличаются своей однозначностью, они максимально конкретно отражают такие видовые характеристики действия, как кратность, протяженность во времени и т. д. В качестве иллюстрации приведем ряд таких словосочетаний с глаголом в инфинитивной форме, которые являются частью предложений, взятых из картотеки МарНИИЯЛИ: *ала-мыняр гана атаковатлаш* «атаковать несколько раз», *шuko гана выступатлаш* «выступать много раз», *кок-кум гана звонитлаш* «звонить два-три раза», *жапын-жапын (газетлаш) печатлаш* «время от времени печатать (в газетах)», *чўчкыдын танцеватлаш* «танцевать часто», *чарныде бомбитлаш* «бомбить беспрестанно», *(задачым) кўчык жапыште решатлаш* «решить (задачу) за короткое время», *изиш веселитлаш* «веселиться немного», *изиш(ак) успокоитлаш* «успокоить немного», а также *кажне кечын заниматлаш* «заниматься каждый день», *кажне эрдене утюжитлаш* «гладить каждое утро», *кум ий муштроватлаш* «муштровать в течение трех лет», *коло вич ий служитлаш* «служить двадцать пять лет», *тылзе наре служитлаш* «служить около месяца», *элнен кайымешке танцеватлаш* «танцевать до изнеможения» и др.

Таким образом, в русских заимствованиях находят непосредственное отражение несколько способов выражения видовых значений, сосуществующих в

марийском языке. Глаголы-русизмы, утрачивая при заимствовании характерные семантические свойства совершенного и несовершенного видов языка-источника, всецело подчиняются марийским правилам передачи видовых значений. При этом они приобретают марийские особенности как в плане содержания, так и в плане способов и средств обозначения. Характер действия в глаголах русского происхождения, как и в остальных марийских глаголах, может передаваться синтетически (марийскими суффиксами), аналитически (марийскими вспомогательными глаголами) и лексически (отдельными словами и словосочетаниями). Однако здесь наблюдаются заметные ограничения в средствах выражения видовых значений и в количественном составе русизмов.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: Саваткова А. А. Мары орфографический словарь. Йошкар-Ола, 1978 ; Васикова Л. П. Кырык марла орфографи лымдер. Йошкар-Ола, 1994.
- ² См.: Марий орфографий мутер. Йошкар-Ола, 1992 ; 2011.
- ³ См.: Словарь марийского языка : в 10 т. Йошкар-Ола, 1990 — 2005.
- ⁴ См.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 83.
- ⁵ См.: Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов [и др.]. М., 1989. С. 265.
- ⁶ Серебренников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960. С. 31.
- ⁷ Майтинская К. Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания : Вопр. происхождения и развития фин.-угор. яз. М., 1974. С. 359 — 361.
- ⁸ См.: Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 252.
- ⁹ Серебренников Б. А. Указ. соч. С. 30.
- ¹⁰ Исанбаев Н. И. Составные глаголы в современном марийском языке // Тр. МарНИИ. Йошкар-Ола, 1960. Вып. 13. С. 62.
- ¹¹ См.: Чхандзе М. П. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола, 1960. С. 61 — 62, 68.
- ¹² Галкин И. С. Залог в марийском языке. Йошкар-Ола, 1958. С. 9.
- ¹³ См.: Современный марийский язык : Морфология. Йошкар-Ола, 1961. С. 220 — 221.
- ¹⁴ См.: Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка : Морфология. Йошкар-Ола, 1966. С. 149 — 150.
- ¹⁵ См.: Учаев З. В. Марий йылме : факультативный занятийым эртарыме учебный пособий. Йошкар-Ола, 1985. С. 58 — 62.
- ¹⁶ См.: Саваткова А. А. Горное наречие марийского языка. Savariae, 2002. С. 211 — 215.
- ¹⁷ Там же. С. 213.
- ¹⁸ См.: Галкин И. С. Историческая грамматика... С. 122 — 126.
- ¹⁹ Васильев В. М. Некоторые вопросы марийского языкознания : сб. ст. Козьмодемьянск, 1948. С. 77.
- ²⁰ Серебренников Б. А. Указ. соч. С. 180 — 181.
- ²¹ Галкин И. С. Историческая грамматика... С. 122 — 123.
- ²² Там же. С. 126 — 129.
- ²³ Серебренников Б. А. Указ. соч. С. 182.
- ²⁴ Галкин И. С. Историческая грамматика... С. 127.
- ²⁵ Там же. С. 90 — 92.
- ²⁶ Васильев В. М. Указ. соч. С. 96.
- ²⁷ Галкин И. С. Историческая грамматика... С. 91.
- ²⁸ См.: Современный марийский язык. С. 223.
- ²⁹ См.: Галкин И. С. Историческая грамматика... С. 104 — 106.
- ³⁰ Васильев В. М. Указ. соч. С. 98.

- ³¹ **Серебрянников Б. А.** Указ. соч. С. 186 — 187.
- ³² **Галкин И. С.** Историческая грамматика... С. 104.
- ³³ См.: Современный марийский язык. С. 218 — 219.
- ³⁴ См.: **Саваткова А. А.** Указ. соч. С. 210, 214 — 215.
- ³⁵ См.: **Галкин И. С.** Историческая грамматика... С. 99 — 100.
- ³⁶ **Васильев В. М.** Указ. соч. С. 101.
- ³⁷ **Галкин И. С.** Историческая грамматика... С. 99 — 100.
- ³⁸ Там же. С. 90, 126, 90 — 91, 104.
- ³⁹ См.: Марий орфографий мутер. 2011.
- ⁴⁰ **Серебрянников Б. А.** Указ. соч. С. 205.
- ⁴¹ Там же. С. 206.
- ⁴² См.: **Чхаидзе М. П.** Указ. соч.
- ⁴³ **Исанбаев Н. И.** Вспомогательные глаголы // Современный марийский язык : Морфология. С. 202.
- ⁴⁴ См.: **Исанбаев Н. И.** Составные глаголы... С. 15 ; **Чхаидзе М. П.** Указ. соч. С. 10.
- ⁴⁵ Там же. С. 16 ; Там же. С. 20 — 21.
- ⁴⁶ См.: **Исанбаев Н. И.** Вспомогательные глаголы. С. 202 — 203.
- ⁴⁷ См.: **Исанбаев Н. И.** Составные глаголы... С. 15, 19 — 20 ; **Серебрянников Б. А.** Указ. соч. С. 190 ; **Чхаидзе М. П.** Указ. соч. С. 18 — 22 ; **Учаев З. В.** Указ. соч. С. 63.
- ⁴⁸ **Серебрянников Б. А.** Указ. соч. С. 188 — 189, 206.
- ⁴⁹ См.: **Исанбаев Н. И.** Составные глаголы... С. 24 ; **Учаев З. В.** Указ. соч. С. 63 ; **Серебрянников Б. А.** Указ. соч. С. 180 ; **Мустаев Е. Н.** Сопоставительное языкознание : Рус. и мар. яз. : учеб. пособие. Йошкар-Ола, 2013. С. 220.
- ⁵⁰ См.: **Серебрянников Б. А.** Указ. соч. С. 200 — 201.
- ⁵¹ См.: **Чхаидзе М. П.** Указ. соч. С. 31 — 59.
- ⁵² Там же. С. 70.
- ⁵³ Там же. С. 71 — 72.
- ⁵⁴ См.: **Серебрянников Б. А.** Указ. соч. С. 180.
- ⁵⁵ Там же. С. 190.

Поступила 31.05.2016 г.

НАШИ ПРОЕКТЫ

МИФОЛОГИЯ МОРДВЫ*

Энциклопедия

С

САЛАЕВА Мария Николаевна (7.2.1960, с. Чиндяново ныне Дубёнского р-на РМ), фольклорист, педагог. Канд. филол. наук (1992). Мордовка (эрзя). Окончила Мордов. гос. ун-т (1983), аспирантуру НИИЯЛИЭ (1986). В 1990 — преподаватель кафедры мордов. яз. и лит-ры МРИПКРО. В 1991 — 2015 — ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры лит-ры (с 2010 — кафедра лит-ры и методики обучения лит-ре) МГПИ им. М. Е. Евсевьева. Участвовала в фольк. экспедициях по изучению культуры мокши и эрзи Мордовии и Самарской обл. Подготовл. С. науч. и уч.-метод. работы (уч. пособия «Фольклоронь практика» — «Фольклорная практика», 2004; «Мокшэрзянь литературась ды фольклорось» — «Мордовская литература и фольклор», 2007 и др.) посвящены различным вопросам фин.-угор. фольклористики и мордов. лит-ры. С. внесла вклад в создание эмпирич. базы для изучения локальных мифол. воззрений мокши и эрзи. Это прежде всего работы «Дубёнка ёнксонь койтне ды

моротне» («Песни и обычаи Дубёнского района», 2006; в соавт.), «Обряды и фольклор мордвы-мокши: теория и практика проблемы (по фольклорно-этнографическим материалам Zubovo-Polyanskogo района Республики Мордовия, 2012; в соавт.), где представлены календарно-обрядовая поэзия, семейные обряды и обычаи, эпич. и лирич. песни, др. жанры нар. поэзии. Результатом теоретич. и практич. работы С. стало уч. пособие «Тиринь раськень фольклор» («Фольклор родного народа», 2011), куда вошли лекц. материалы, способствующие глубокому изучению нац. духовной культуры мордвы, её обрядов и обычаев.

Соч.: Образ Литовы в мордовском устно-поэтическом творчестве и литературе // Актуальные вопросы литературоведения и методики преподавания литературы. Вып. 3 : в 2 ч. Саранск, 2000. Ч. 2 ; Образы птиц в мордовских народных песнях // Гуманитарные исследования: теория и реальность. Саранск, 2005 ; Художественные и эстетические функции природы в мордовских народных песнях // Филологическое образование в формировании этнического самосознания и общероссийского гражданского сознания. М., 2007 ; Чудесные герои в русских и мордовских волшебных сказках //

* Начало в № 2, 2011 — 3, 2012; 1, 2, 2013; 1 — 3, 2015; 1 — 3, 2016.

Межкультурные связи в системе литературного образования. Саранск, 2008 ; Роштовань кудонь койтнень ютавтомань малавиксчист ды явовомаст эрзянь, мокшонь ды мариецэнь раськетнень ютксо // 45-е Евсевьевские чтения : (К 145-летию М. Е. Евсевьева и 155-летию А. Ф. Юртова), 19 — 20 мая 2009 г. : в 4 ч. Саранск, 2010. Ч. 2 ; Синтез православия и язычества в мордовских заговорах // Социально-гуманитарное знание и общественное развитие. Саранск, 2010 ; Пространство и время в семейно-родовых обрядах и песнях мордвы // Вестн. Челябинского гос. пед. ун-та. 2013. № 5 (в соавт.).

И. В. Зубов.

САМАНЬКА (С а ш а й к а, С а ш е н ь к а, С а м а н), персонаж цикла ист. песен о походе *Ивана Грозного* на Казань. Песня о С. представлена в печатных и рукописных источниках в четырёх вариантах. Упоминается в работах и материалах П. И. Мельникова, В. Ф. Миллера, иеромонаха Макария, А. Титова, А. А. Шахматова. Привед. Мельниковым первая запись песни, к-рая была найдена в архиве иеромонаха Макария, позволяет, по мнению М. Ф. Ефимовой, датировать этот вариант 1848. Локализация вариантов текста связана с мордвой, проживавшей в Нижегородской губ.

Гл. мотив произв. — взятие города-крепости с помощью подсказки девушки (в др. вариантах — мужика, солдата), предложившей взорвать его стены бочками с порохом, на к-рые были установлены свечи. Практически во всех версиях говорится о необходимости перед взрывом совершить *моление*. Связь дохрист. рудиментов с развитием сюжета прослеживается в материалах В. Н. Майнова, записавшего прозаич. вариант этой песни у мордвы-мокши с. Мамолаево

Краснослободского у. Пензенской губ. (ныне Ковылкинский р-н РМ). Согласно тексту девушка Саман держит в руках свечу «Солтан-штатол», а в ответ на упрёки царя говорит: «...ты не молился моему богу, ты не поклонился Богу земли» (J. de la Société Finno-Ougrienne, Helsingissä, 1889, vol. 5, p. 46). Комментируя эту запись, сдел. на рус. яз., учёный отметил, что под «Богом земли» он склонен понимать *Масторпаза*. Опосредов. обращение в молитве к высшим силам, зафиксиров. в различных вариантах, соотв. традиц. представлениям мордвы о начале важного дела, в к-ром считалось необходимым заручиться поддержкой *богов*.

Ист. песня о С. вошла в эпос «Масторава». В завершении сюжета здесь говорится о подготовке и проведении специального моления после возвращения девушки домой.

Зрительный образ С. создан худ. Н. С. Макушкиным.

Тексты: Мордовские народные песни / сост. П. С. Кириллов. М., 1957 ; УПТМН. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; УПТМН. Т. 1, кн. 2 : Исторические песни XVI — XVIII веков. Саранск, 1977 ; Масторава : мордов. нар. эпос. Саранск, 2009 ; 2012 ; Масторава : мордовский народный эпос. Саранск, 2011 ; Масторава : эрзя-мокшонь раськень эпос. Саранск, 2011.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964 ; Ефимова М. Ф. Мордовские исторические песни. Саранск, 1980 ; Масторава. Саранск, 1994 ; 2001 ; 2003 ; Шаронов А. М. Масторава. Саранск, 2010 ; Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5.

М. Н. Салаева.

САМОРО́ДОВ Кирилл Тимофеевич (15.4.1910, с. Нов. Толковка ныне Ковылкинского р-на РМ — 7.12.1991, г. Саранск), собиратель и исследователь мордов. фольклора, литературовед, библиограф, переводчик. Д-р филол. наук (1988). Засл. работник культуры МАССР (1985). Лауреат Гос. пр. МАССР (1989). Чл. СП России (1964). Мордвин (мокша). Окончил Мамолаевскую ШКМ (1929), Саранский пед. техникум (1931), МИФЛИ (1939), аспирантуру НИИЯЛИ (1950). В 1932 — 34 — столяр, экспедитор фабрики-кухни № 63 (г. Москва); 1939 — 40 — старший преподаватель рус. лит-ры Темниковского учительского ин-та; 1941 — 43 — директор Старобадиковской средней шк. Ширингушского р-на; 1951 — 54 — ред. Мордов. гос. изд-ва; 1967 — 69 — доцент кафедры мордов. яз. и лит-ры Мордов. гос. ун-та; в 1940 — 41, 1943 — 50, 1954 — 67 — младший, старший науч. сотр. сектора мордов. лит-ры и фольклора, в 1970 — 78 — зав. сектором мордов. фольклора НИИЯЛИЭ. Совершил более 30 фольк. экспедиций в мокш. и эрз. селения Мордовии и др. регионов России, в т. ч. в эрз. село Шоржа Гехаркуникской обл. Армении. Собрал ок. 28 тыс. пословиц и поговорок и более 3 тыс. загадок. Первым в мордов. науке осуществил систематику паремиологич. жанров, построил классификац. систему, к-рую наз. сводом.

В 1959 вышел первый том сб. «Мордовские пословицы и загадки» (сост. — С.). В предисловии к нему учёный дал определение пословицы, поговорки и присловья как словесных худож. произв., являющихся краткими мудрыми высказываниями, созд. народом в результате многовекового коллективного творчества; ввёл в науч. оборот понятие «паремика» и сформу-

лировал определение предмета паремиологии. Кроме того, рассмотрел мифологию загадок и пословиц, выделив загадки и пословицы о человеке, видах его деятельности, космосе, космич. явлениях и т. д. и констатировав божеств. обусловленность всего существующего, подчиняющегося законам, установл. *Нишкепазом, Шкаем* и др. *богами*. Послесловие, также напис. С., представляет собой теоретич. исследование обознач. жанров фольклора.

В 1964 С. издал библиографию мордов. лит-ры и критики за период 1860 — 1963, куда включил изв. работы по фольклору, этнографии и лит-ре Мордовии.

Значителен вклад С. в создание сер. УПТМН (1963 — 87). Он является сост. т. 4, ч. 1 («Пословицы, присловья и поговорки», 1967), т. 4, ч. 2 («Мордовские загадки», 1968), т. 6, ч. 2 («Мокшанская свадебная поэзия», 1975), т. 7, ч. 3 («Календарно-обрядовые песни и заговоры», 1981; совм. с В. Л. Имайкиной) и науч. ред. т. 1, ч. 2 («Исторические песни XVI — XVIII веков», 1977), т. 2 («Лирические песни», 1965), т. 3, ч. 1 («Мокшанские сказки», 1966), т. 5 («Частушки», 1969), т. 7, ч. 1 («Эрзянские причитания-плачи», 1972), т. 7, ч. 2 («Мокшанские причитания», 1979). Работая над томом «Пословицы, присловья и поговорки», учёный дополнил своё представление о нар. афористич. творчестве тремя видами пословиц в зависимости от источника возникновения: авторские, созд. кем-л. как выводы из непосредств. наблюдений за жизнью; выделившиеся из фольк. произв.; выделившиеся из лит. произв. и прошедшие процесс фольклоризации. В томе, посвящ. свадебной поэзии, С. дал полное описание с комментариями мокш. свадьбы, ранее не исследов. области культуры. Это был плод его

многолетней собирательской работы. Учёный представил четыре варианта *свадьбы*: с. Мамолаево Ковылкинского р-на, с. Булдыгино — Zubово-Полянского, с. Алексово — Инсарского и с. Кишалы Атюрьевского р-на Мордовии. Ему удалось с относительно возможной полнотой записать мокшамордов. традиц. свадьбу из уст жителей одного села или определённого куста (мамолаевский аймак, булдыгинский аймак) селений и тем самым восстановить её примерно в том виде, в каком она проводилась в кон. 19 — нач. 20 в. Помимо обширного описания ритуала С. раскрыл специфику свадебного обряда и связ. с ним поэтич. произв. мордвы-мокши.

В монографии «Мордовская обрядовая поэзия» (1980) С. исследовал вопросы собирания и изучения, а также происхождение и формы бытования мокш. и эрз. обрядовой поэзии; *календарно-обрядовую поэзию* как наиболее древнюю, развитую и широко распростран. часть нар. творчества с делением на циклы, жанры и виды; *семейно-обрядовую поэзию* во всём её разнообразии. В отд. разделе учёный осветил межнац. связи в мокш. и эрз. обрядовом фольклоре. На основе этой кн. в 1987 в Моск. ун-те защитил докторскую диссертацию.

В связи с изучением обрядовой поэзии С. изложил свои воззрения на мордов. мифологию. Во главе мироздания, по его мнению, стоит Бог солнца — Шкай, или Шкабаваз (м.), Чипаз (э.). Земле покровительствует Мод-ава (см. *Масторава, Мод-ава*), воде — Ведява, лесу — Вирява, огню — Тол-ава, грому — Атям (см. *Атям, Атям-шкай*; м.), *Пурьгинепаз* (э.), жилищу — Юрхтава (м.; см. *Юртава, Юрхтава*), *Кудава* (э.), бане — Банява, овину — Авнява, или Кшникатка (см. *Авнява*),

кладбищу — Калмава, или Калмонь кирди (см. *Калмава*) и т. д. Эти существа человекообразные (см. *Антропоморфизм*), они вступают в брак с земными женщинами (см. *Семейно-брачные мифы*), имеют потомство и живут, как люди, семьёй.

Большое значение мордва придавала *культу предков*. С. отметил, что этот культ не нуждался в посредниках (жрецах) между живущими и умершими. Под предками вслед за И. Н. *Смирновым* он понимал первых хранителей интересов своего потомства (рода) в мире сверхъестеств. (мифич.) существ, к-рые могут управлять жизнью природы и общества.

Учёный обратил внимание на роль *магии* в жизнедеятельности мордвы. Мокшане и эрзяне выполняли определённые действия, произнося *заклинание* или *заговор*, в целях расположения к себе божеств и обеспечения с их помощью тех или иных результатов в производств. и обществ. практике своего рода (племени). Чтобы получить благоволение высших сил, мордва совершала *жертвоприношение*. Т. о., по мнению С., возникли различные религ.-магич. церемонии (*моление* и др.). Говоря о календарных и некалендарных молениях, он отмечал, что в их ритуальной основе лежат первобытные магич. действия, языч. верования и словесные формулы в виде молитвы, песнопения и др. Одни из них были направлены на предохранение от нечистой силы (профилактич. магия), др. — на получение человеком определённой пользы или обеспечение к.-л. ценностей (продуцирующая магия).

С. сформулировал свою точку зрения на происхождение и природу обряда у мордвы (см. *Обряд и миф*). Исследов. учёным мифология обряда укладывается в классич. рамки понимания её онтологии.

С. затронул также вопрос о «двоеверии», возникшем у мордвы после принятия христианства, когда она стала почитать и правосл. святых (*Николай Чудотворец*, Василий Великий, Флор и Лавр), и своих языч. богов, совершая в их честь моления. При этом Ведява, напр., согласно С., отождествлялась мордвой с христ. *Богородицей*, Пурьгинепаз — с *Ильёй-пророком*. Всё это, по мнению учёного, обусловило появление новых христ. традиций и праздников (см. *Праздник и миф*).

Во взглядах на космогонич. мифы, представл. П. И. *Мельниковым*, В. Н. *Майновым* и Смирновым, он принял точку зрения последнего, подвергнув сомнению фольклорность образов Верховного бога «Чампаза», матери-богини *Анге Патяй*, а также иерархию эрз. пантеона, по структуре напоминающего гр. С. заключил, что Мельников поставил мордов. божества и духов-покровителей в определённые родств. отношения между собой, подобно развитой гр. мифологии; в результате получился мордов. Олимп в виде рода, происходящего от богини Анге Патяй. Эта система, по мнению С., «...не совсем соответствует подлинной мордовской мифологии» (Самородов К. Т., *Мордовская обрядовая поэзия*, Саранск, 1980, с. 8). Прежде всего, сомнительно имя гл. богини — Анге Патяй, якобы означающее «мать-богиня». С. утверждал также, что в фольклоре неизв. четыре сына и четыре дочери Анге Патяй. В то же время учёный считал, что «Очерки мордвы» Мельникова содержат ценные сведения о верованиях и божествах древней мордвы, и выход этой работы оказал большое влияние на формирование взглядов последующих собирателей и исследователей мордов. фольклора

(К. Митропольский, А. *Примеров*, М. Иллюстров, А. *Маскаев* и др.).

Кроме того, С. является сост. сб-ков мокш. и эрз. сказок, свода «Эпос мордовского народа» (не опублик.), а также одним из науч. ред. эпоса «Мастор-ава». С. первым из фольклористов написал очерк истории фольклористики Мордовии и дал её периодизацию. Он поддерживал творч. и дружеские отношения с выдающимися фольклористами своего времени — В. П. Аникиным, В. М. Гацаком, В. Я. Евсеевым, Б. П. Кирданом, А. Е. Китиковым, Н. И. Кравцовым, Е. М. Мелетинским, А. К. Микушевым, Э. В. Померанцевой, Ф. М. Селивановым, В. К. Соколовой; акад. П. Аристэ, проф. П. Домокошем, поэтом А. Т. Твардовским, учёными из Германии, Финляндии, Югославии. Неопублик. материалы и фольк. записи С. хранятся в НА НИИГН.

Тексты: Мокшень народной ёфкст / кочказень С. Саранск, 1952; Мокшень пословицат (валмуворкст) : систематическый свод / кочказень и системас путозень С. 1940 — 1952 кк. Саранск, 1953; Эрзянь валмеревкст / пурныцась ды составительсь С. Саранск, 1955; Эрзя-мокшонь морот, сказт ды балладат / сост.: П. С. Кириллов, Л. С. Кавтаськин, С. Саранск, 1958; Мордовские пословицы и загадки. Т. 1 : Пословицы, присловья и поговорки / предисл., запись большинства текстов и их систематизация, пер. на рус. яз., послесл. и прим. С. Саранск, 1959; Эрзянь ёвкст / составительсь С. Саранск, 1963; Мокшень ёфкст / составительсь С. Саранск, 1964; Мордовская литература и критика (1860 — 1963) : библиография. Саранск, 1964; Мордовские загадки / сост. С. Саранск, 1964; 2-е изд., доп. [сост. и пер. С.]. 1969; Мордовские пословицы и присловья / сост. и пер. С. Саранск, 1968; Мордовские народные сказки / сост.: А. И. Маскаев, С. Саранск, 1970; Мордовские народные сказки / сост. С. Саранск, 1971; 1978; Мордовские загадки / собрал и обработал С. Саранск, 1983; Мор-

довские народные сказки / собрал и обработал С. Саранск, 1985 ; 2-е изд., доп. и перераб. 2006 ; Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / вступ. ст., систематич. обраб. текстов и пер. на рус. яз. С. Саранск, 1986 ; Мордовские загадки / сост., запись большинства текстов и их пер. на рус. яз., систематич. обраб., предисл. и послесл. С. 2-е изд. Саранск, 1987 ; Маторова : мордов. нар. эпос. Саранск, 2009 ; 2012 ; Маторова : мордовский народный эпос. Саранск, 2011 ; Маторова : эрзя-мокшень раскъень эпос. Саранск, 2011 ; Волшебные сказки мордвы / собрал и обработал С. Саранск, 2015 ; Заветные сказки мордвы / собрал и обработал С. Саранск, 2015.

Соч.: Мордовское паремическое творчество ; Речение как нежанровый вид паремики и его разновидности // УПТМН. Т. 4, ч. 1 : Пословицы, присловья и поговорки. Саранск, 1967 ; Предисловие ; Послесловие // УПТМН. Т. 4, ч. 2 : Мордовские загадки. Саранск, 1968 ; Мордовское народное устно-поэтическое творчество : очерки. Саранск, 1975 ; Основные принципы изучения и издания мордовского народного эпоса // Фольклористика Российской Федерации. М., 1975 ; Предисловие // УПТМН. Т. 6, ч. 2 : Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1975 ; Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Календарно-обрядовые песни // УПТМН. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981.

Лит.: Кирилл Тимофеевич Самородов : К 80-летию со дня рождения : указ. лит-ры / сост.: В. П. Беляков, Н. И. Бояркин. Саранск, 1990 ; Центр мордовской науки и культуры : (Институту — 65 лет). Саранск, 1998 ; Центр гуманитарных наук: история и современность / сост.: Е. В. Глазкова, А. В. Чернов. Саранск, 2008 ; **Шаронов А. М.** Кирилл Тимофеевич Самородов (1910 — 1991) // Вестн. НИИ гуманитар. наук при Пр-ве РМ. [Саранск], 2010. № 3 ; **Бояркина Л. Б.** Мордовская музыкальная энциклопедия. Саранск, 2011 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. : в 2 ч. Саранск, 2013. Ч. 2.

И. И. Шеянова.

СВАДЕБНЫЕ ПЁСНИ (м., э. **Свадьбань морот**), произв. устно-поэтич. нар. творчества, приуроч. к комплексу свадебных действий (см. *Свадьба*). Отражают синкретизм свадебной обрядности, в основе к-рого лежат мифол., филос. и эстетич. концепции народа, социально-экон., правовые и моральные (см. *Мораль* и *миф*) нормы жизни общества. В зависимости от функций и формы исполнения существуют различные варианты классификации С. п. Выделяются две их группы — обрядовые и необрядовые, исполняемые одиночно или интонируемые совм.

К обрядовым С. п. относятся: 1) *причитания невесты*, в к-рых отражено прощание с родителями, родным домом, оплакивание *девичество*, обращение к мифол. покровителям (*Верепаз, Шкай; Юртава, Юрхтава; Ведява* и др.) с просьбами о помощи в будущей семейной жизни. Близкими к этим причитаниям по смыслу являются причитания матери, сестёр невесты, жён братьев и подруг, т. е. всех женщин рода; 2) песни *свахи*, состоящие в осн. из благопожеланий — пазморот (м., э.; э. паз «бог»), адресов. молодым, и корильных шуточных импровизаций по поводу гостей — родственников невесты. В целом песни свахи долгое время сохраняют значит. число архаич. черт в семейно-обрядовой культуре. Напутствия, используемые в песнях свахи, содержат формулы поведения и действий, соотв. мифол. представлениям народа, и сопровождают участников свадьбы с момента *сватовства* и печения ритуальных свадебных пирогов до кульминации — обряда укладывания молодых.

Среди обрядовых С. п. выделяют также: 1) величальные благопожелания (м. шнама морот, шнамс «восхва-

лять», э. пазчангот, чансть «счастье, добро»), или пазморот (назв., утвердившееся в науч. лит-ре как обозначение величаний в форме благопожеланий). Характерная черта этих песен — обращение к мифол. покровителям с просьбами о сохранении и приумножении благ. Данная особенность присуща всему свадебному обрядовому песенному циклу, в к-ром с помощью различных приёмов — просьб или побудительных действий, исполнители стремились обеспечить здоровое и многочисл. потомство, материальный достаток будущей семьи, заручившись поддержкой высших сил. Мотивы плодородия, представляющие осн. часть благопожеланий, особенно ярко разработаны в текстах, адресов. невесте, характеризующейся как девушка идеальной красоты; 2) корильные величания (м. паряфнемат, паряфтомат, э. парявтнемат, парявтомат; м. паряфтомс, э. парявтомс «хлестать»), в к-рых гипертрофируются отриц. черты величаемых свадебных чинов. Во мн. эрз. селениях (напр. Заволжья) корильные величания пели только замужние женщины, а величальные благопожелания — девушки; искл. составляли благопожелания, приуроч. к печению гл. свадебного пирога (см. *Курник*), их исполняли пожилые женщины, участвовавшие в его приготовлении; 3) плясовые песни (м. кштима морот, э. киштема морот; м. кштима, э. киштема «пляска»).

Необрядовые С. п. включают: 1) долгие песни (м., э. кувака морот); 2) аналог частушек (м., э. сиде морот). Их исполняли в осн. гости со стороны *жениха* и невесты в различные моменты свадебной драматургии, что подчёркивает «сквозной» характер конкретного действия, являющегося частью свадьбы.

В целом С. п. приобретают значение своеобразных эпизодов, дополня-

ющих картину происходящего либо служащих маркерами определённого этапа свадьбы.

Тексты: **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба. М., 1931 ; 1959 ; 1990 ; Саранск, 2012 ; Эрзянь фольклор / сост. Л. С. Кавтаськин. Саранск, 1939 ; Мокшень фольклор / сост: Д. Кеняев, Т. Тальшкина. Саранск, 1940 ; Мордовские народные песни / сост. Л. С. Кавтаськин, Г. И. Сураев-Королёв. М., 1957 ; УПТМН. Т. 6, ч. 1 : Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972 ; УПТМН. Т. 6, ч. 2 : Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1975 ; Памятники мордовского народного музыкального искусства — Мокшэрзянь народной музыкальной искусствань памятникне — Мокшэрзянь народной музыкальной искусствань памятникне : в 3 т. / сост. Н. И. Бояркин. Саранск, 1981. Т. 1 ; 1988. Т. 3 ; Proben der mordwinischen Volksliteratur / gesamm. von H. Paasonen. Helsingissä, 1891. H. 1 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1939. Bd. 2 ; 1947. Bd. 4.

Лит.: **Евсевьев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Сибиряк И. С.** Урьвакстома койть ды морот : (Эрзянь фольклор). Саранск, 1936 ; **Борисов А. Г.** Мордовская свадебная лирика : автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. филол. наук. М., 1965 ; **Его же.** Предисловие // УПТМН. Т. 6, ч. 1 ; **Самородов К. Т.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; **Бояркин Н. И.** Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1987 ; **Девяткина Т. П.** Мокшанские свадебные обряды и песни. Саранск, 1992 ; **Её же.** Свадебные обряды и песни мордвы (мокши и эрзи) : Восточнофинно-угор. контекст. Саранск, 1995 ; **Рогачёв В. И.** Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004 ; **Бояркина Л. Б.** Хоровая культура Мордовии: фольклор, традиции, современность : энц. справ. Саранск, 2006.

И. В. Зубов.

СВА́ДЬБА, совокупность традиц. действий, соедин. с различными фольк. элементами (песни, музыка, танцы),

сопровождающая заключение брака и являющаяся неписаным юр. актом возникновения новой семьи. Это ритуальное и худож. целое — результат длительного ист. развития и сложного сочетания имеющих общую тематику экон., правовых, религ. и поэтич. составляющих. Старинный мордов. свадебный ритуал развёртывался как драм. представление с определёнными актами, сценами, действующими лицами и т. д. и сопровождался со стороны невесты и её родственников горькими слезами, воплями и проклятиями, а со стороны рода или семьи жениха — безудержным весельем.

Начало собиранию и изучению мордов. свадебных обрядов положено во 2-й пол. 18 в. И. И. Лепёхиным, П. С. Палласом и И. Г. Георги — участниками организаций. Петербургской АН экспедиций, имевших целью сбор сведений о народах, проживавших в Рос. гос-ве. В своих работах исследователи обратили внимание на отд. элементы мордов. С. Кроме того, появились очерки и статьи, содержащие разнообразный фактич. материал о свадебных обрядах мордвы (М. Попов, К. Фукс, Г. Мартынов, С. Крантовский, А. Терновский, В. Ауновский, В. Новочадов, К. Митропольский, В. Иссинский и др.). В 19 в. П. И. Мельников впервые подробно рассмотрел и разграничил мокш. и эрз. С. Н. П. Орлов дал общее описание мордов. С. Во 2-й пол. 19 в. увидели свет обзорные работы регион. характера (И. И. Дубасов и др.). Значит. вклад в исследование мордов. С. внесли В. Н. Майнов (указал на разнообразие локальных вариантов мордов. свадебной обрядности, дал терминологию мокш. и эрз. свадебных обрядов) и М. Е. Евсевьев (собрал и подробно описал свадебные обряды мордвы, впервые обратил внимание на мифол. основу мор-

дов. С.). Наряду с фиксированием свадебных обрядов мордвы исследователи записывали и публиковали свадебный фольклор. Отд. тексты *свадебных песен* представлены в работах Попова, Ауновского, Н. Барсова и др. В 80 — 90-х гг. 19 в. свадебный фольклор вошёл в сб-ки устного нар. творчества мордвы, подгот. А. Ф. Юртовым, Евсевьевым и Х. Паасоненом. Среди исследований мордов. С. 1-й пол. 20 в. выделяются работы К. Мильковича, А. А. Шахматова, М. Т. Маркелова, Н. Масленникова, И. С. Сибиряка и др. Важную роль в собирании и издании материалов по мордов. С. сыграл НИИЯЛИЭ (с 2001 — НИИГН). В результате фольк. экспедиций, провед. сотрудниками ин-та (Л. С. Кавтаськин, Д. Кеняев, Т. Талышкина, К. Т. Самородов, Н. И. Бояркин, Т. П. Девяткина и др.), был собран богатый материал. Он лёг в основу неск. сб-ков, содержащих образцы мордов. свадебной обрядности («Мокшень фольклор», 1939; «Эрзянь фольклор», 1940; «Мордовские народные песни», 1957). Позднее эти материалы вошли в сер. УПТМН (1972, 1975), а также в антологию «Памятники мордовского народного музыкального искусства» (1981 — 88). Во 2-й пол. 20 в. к исследованию мордов. свадебной обрядности обратились регион. этнографы (Г. А. Корнишина, В. И. Рогачёв, Л. И. Никонова, М. М. Акашкин, Л. Н. Щанкина и др.) и искусствоведы (В. С. Брыжинский, А. Г. Бурнаев).

Мордов. С. отличается сложностью и разнообразием локальных вариантов. Однако в своей основе она одинакова у различных групп мордвы.

Важная особенность мордов. С. помимо вполне реального хоз. расчёта и заботы об устройстве удачного брака — совершение ряда действий магич. характера. Они делятся на проду-

цирующие и профилактич. Первые включают ритуалы, обеспечивающие богатство и плодovitость вступающих в брак (печенье пирогов, подстилание под ноги ковра, меха или вывернутой наизнанку шубы, осыпание молодых зерном или хмелем и др.), а также знаменующие разрыв невесты с родным домом и семьёй и приобщение её к дому и семье жениха (прикосновение к *печи* перед отъездом в дом жениха, обращение к покровителям *дома*, двора в различные моменты С.). К этой группе относятся также посвященные (символич. прощание с девичьим наконником в момент приезда свадебного поезда, заплетание косы на две, переодевание невесты в хлев или амбаре в жен. костюм и надевание головного убора «панга» после *венчания* и др.) и умиловительные действия, совершаемые невестой с целью расположения к себе духов-предков и определённых божеств, чтобы они уважали и любили нового члена семьи. Профилактич. магич. действия направлены на защиту (закрывание окон, дверей и трубы в момент моления в доме жениха перед отправлением в дом невесты на *сватовство*, окружение невесты подругами и укрывание её большим платком в чулане в момент сватовства и др.) и обман (неупоминание имён жениха и невесты в течение всей С., выход со двора через задние двери, одевание в наряд невесты др. девушки во время отъезда свадебного поезда и др.) злых духов (см. *Духи*) или колдунов (см. *Колдун*).

Традиц. мордов. С. делится на три этапа: предсвадебный (м. свадьбань аноклама, э. свадьбань анокстамо), свадебный (м. свадьбань ши, э. свадьбань чи) и послесвадебный («отгостки»; м. свадьбада мелень пинге, меки потафтома илатне; э. свадьбадо мей-

ле шка, мекев потамо илатне). Каждый этап предусматривает определённый обрядовый комплекс, к-рый носит общемордов. характер, но варьируется у мокшан и эрзян.

Наиболее напряж., насыщ. действиями и продолжит. является предсвадебный этап. У мордвы-мокши он включал сватовство (ладяма), осмотр дома жениха (вастонь варжама), «невестину баню» (стирень баня), «вождение невесты» (рвьяннь якаптома) и приглашение на С. (тердема), в отд. локальных вариантах — укладку сундука; у мордвы-эрзи — сватовство (ладямо), приготовление даров (казнень анокстамо), «баню девичества» (тейтерьксчинь баня), укладку сундука (парень вачкамо; иногда осуществлялась в свадебный период), «невестину кашу» (кашадо ярсамо), прощание с улицей (ульцян ильтема), печенье пирогов (прякань панема чи), в отд. локальных вариантах — смотрины дома жениха и перенесение в него зеркала невесты (цёрань кудонь ваном дь зеркала нь виема).

В мордов. семье, выбрав сыну невесту, родители приглашали к себе родственников и обсуждали с ними все соотв. обстоятельства. Получив одобрение, они молились *богам*, чтобы те оказали им поддержку в задум. деле. Затем к родителям невесты посылали *крёстных родителей* жениха или его тётку и дядю для предварит. переговоров. Этих посыльных наз. ингольде якай (м.), икеле якиця (э.) (букв.: вперёд ходящий). Они приносили в дом выбранной невесты каравай хлеба и делали предложение, сидя под матицей, где, по мнению мордвы, было место пребывания хранительницы дома *Юр-тавы*, *Юрхтавы*. Родители невесты обычно сразу не давали окончат. ответ и тоже обсуждали этот вопрос с родственниками. Если он решался по-

ложит., то отец жениха с близкими родственниками приносил в дом невесты хлеб-соль, к-рый обменивали на её хлеб-соль. Во время данного посещения договаривались о расходах на С., кол-ве приданого, подарках родственникам жениха со стороны невесты и т. п. В ряде мест после запоя существовал обычай ходить к жениху смотреть дом. Такой осмотр носил шуточный характер и обычно сводился к застолю. После этого родственники невесты приглашали родственников жениха на окончат. пропой, когда те должны были одарить её, т. е. поставить на ней свою «метку». С этого момента невеста и её родители не имели права расстроить С. После окончат. пропой невеста начинала готовить подарки родственникам жениха (в этом ей помогали подруги) и обучаться свадебным причитаниям (см. *Причитания*). Они начинались после назначения дня С., их длительность зависела от времени между сватовством и собственно С. и варьировалась от пяти-семи до пятнадцати дней. Период между сватовством и собственно С. был довольно продолжительным. В 18 в. он длился ок. года, к кон. 19 — нач. 20 в. сократился до двух недель.

Значит. событием предсвадебного этапа являлась «баня девичества». Обрядовое мытьё невесты в бане сопровождалось определёнными ритуальными и игровыми действиями, молением и причитаниями её и крёстной. В это время не исполнялись песни, хотя в целом предсвадебный этап был насыщен ими. Следующий важный эпизод — укладка сундука, к-рая осуществлялась с соблюдением различных магич. ритуалов (см. *Парь*). Накануне свадьбы родственницы невесты собирались в её доме и совершали обряд «*Девичья каша*». В отд. местностях

кашу заменяла селянка, в нек-рых мокш. селениях — жареная свинина с капустой. В это время в доме жениха пекли пироги (от пяти до девяти). Гл. пирог (м. лукш, э. лувонь кши; см. *Курник*) предназначался отцу невесты. Второй по важности пирог — «входной» (м. сувамань пряка, э. совамо пряка) облегчал *поезжанам* вход в дом невесты. Пирог «ава лофца» (м.), «ава ловсо» (э.) (букв.: материнское молоко) готовили для матери невесты за воспитание дочери. В ряде селений Саранского у. Пензенской губ. бытовали особые пироги (см. «*Девичья грудь*»). В отд. местностях печение пирогов завершалось специальным обрядом (см. *Мытьё пивной бочки*).

Свадебный этап длился обычно два-четыре дня. У мокшан он включал: сбор свадебного поезда и приезд за невестой (рвьянянкса молема), благословение невесты (рвьян्यानь бславама), венчание (венцяма), разделение и расплетание косы (шьярень явфтома), собственно С. в доме жениха и невесты (свадьбась цёрать и стирть ширеса), «укладывание молодых» (удома сувафтома), наречение невесты (лемдема), вывод невесты к *колодцу* (эши лангс лихтема), «поднимание невесткой родных жениха» (куцьфнема), проводы «горных» (родственников невесты; архциень прважама); у эрзян — встречу поезжан (кудань вастома), уход невесты от поезжан в дом соседей или родственников (одирвань туема кекшема кудос), раздачу даров (казнень явшема), «расставание с *девичеством*» (тейтерьксчи марто явома), одевание невесты под венец (одирвань оршамо), благословение (баславамо), венчание (венець алов молема) и приезд свадебного поезда в дом жениха (цёрань кудос само), «укладывание молодых» (удомо провожамо).

В первый день С. для поездки за невестой у жениха собирался свадебный поезд (от трёх до девятнадцати чел.). Возглавляла его *свах*. Вторым по значению лицом был *дружка*. За ним следовал старший поезжанин, распорядившийся расходами жениха. Родители жениха, благословив сына, провожали поезжан с *иконой*, караваем хлеба, солью и зажжёнными свечами (см. *Свеча*).

Когда поезжане прибывали к дому невесты, перед ними запирали *ворота*. Согласно данному обычаю все родственники девушки должны были получить свою долю от её «купли-продажи». В этот момент впервые начинали петь корильные песни, обращ. к родным жениха, к нему самому и к поезжанам. Невеста в это время пряталась в доме своего дяди по отцу или др. родственника (м. ащема куд, э. аштема кудо), откуда её забирала свеха. В нач. 20 в. в нек-рых местах, напр. в с. Ст. Байтермиш Клявлинского р-на Самарской обл., жених не приезжал в дом невесты. Они встречались на венчании.

После благословения невесты родителями свадебный поезд вместе с ней и сопровождающими её братьями (м. арьхцихть, э. урьвалют) и их жёнами (м. арьхцяват, э. урьвала ават) направлялся в церковь, где его ожидали жених с друзьями. По пути останавливались у *кладбища*, чтобы помянуть умерших родственников (см. *Культ предков*). Данный обычай был особенно распространён у мокши. После венчания повозка с молодыми и остальные ехали в дом жениха галопом. По нар. поверью это делалось для того, чтобы обмануть нечистую силу. В доме родителей мужа молодых встречали хлебом-солью, обсыпали хмелем, желая им счастья и много детей. Здесь же присутствовал «Медведь» (см. *Медведь*). В этой роли обычно выступала

женщина в шапке и шубе, вывернутой наизнанку. М. Е. *Евсевьев* считал, что медведь являлся оберегом для невесты. По мнению А. И. *Маскаева*, он имитировал деторождение. После благословения участники С. входили в дом, где, совершив традиц. моление, начинали пировать. Молодожёнам давали одну ложку на двоих и солёную горбушку хлеба. На колени им сажали ребёнка, к-рый являлся своего рода благословением на успешное деторождение. Важный эпизод мордов. С. — «укладывание молодых». Первую брачную ночь было принято проводить в амбаре. Обряд варьировал по времени исполнения: в одних селениях молодых укладывали (запирали) в амбаре во время свадебного пира, в др. — вечером, после него. По информации Евсевьева, в Саранском у. Пензенской губ., где жених во время С. прятался у соседей, данный обряд не совершали, а в Симбирском у. той же губернии жених после венчания, не заходя домой, сразу шёл в амбар, где ждал невесту.

Во второй день С. проводили обряды приобщения молодой к роду мужа. Один из них — *имянаречение невесты*, корни к-рого уходят в далёкое прошлое. Новое имя женщины служило знаком принадлежности к семье мужа и указывало на её положение в ней. У эрзи данный обряд исчез к кон. 19 в., а у мокши его отд. элементы сохранялись и в 20 в.

Важные эпизоды свадебного этапа — «представление» молодой предкам мужа и божествам-покровителям. Первым она приносила в дар одежду или холст (потом их отдавали нищим), а также лепёшки. Покровителю двора оставляла на «чистом месте» *кольцо*. Во второй или третий день С. молодой «показывали» *воду* (м. ведь лангс лихтема, э. ведь лангс ливтема), т. е. вели

её к колодцу, *реке* или роднику, чтобы «представить» *Ведяве*, к-рой она дарила кольцо или *полотенце*. Ещё один эпизод второго этапа мордов. С., обычно не выделяемый учёными, — «моление лепёшек» (м. цюкоронь озондома, э. сюкоронь ознома), посвящ. божееству дома *Кудава*. Он совершался в третий или четвёртый день С. Молодая вынимала из своего сундука полотенце (скатерть), расстилала его на столе и раскладывала на нём лепёшки, принес. её родственницами. После моления она вешала это полотенце (скатерть) на гвоздь в дар хранительнице дома. Лепёшки делили между присутствующими, после чего им давали по караваю хлеба и они расходились по домам. Этот обряд был распространён у эрзи.

К послесвадебному этапу относятся обряды «*баня молодухи*» и *временное возвращение невесты*. Последний означал окончание свадебных торжеств.

В кон. 19 — нач. 20 в. С. у мордвы проходила в осн. по сватовству. Однако бытовали и браки «уходом», или «самокрутки», когда юноша и девушка договаривались о женитьбе без ведома родителей и, тайно обвенчавшись, просили у них прощения. Такие С. устраивали из-за бедности жениха или несогласия родителей на брак. Вплоть до нач. 20 в. у мордвы встречались случаи насильств. похищения и принуждения девушки вступить в брак с похитителем (см. *Кража*).

В 20 в. у мокши и эрзи получил распространение сокращ. вариант традиц. мордов. С., где сохранялись отд. этапы, эпизоды и обрядовые элементы. Однако мн. из них приобрели новое содержание и чаще всего выполняли новые функции. Так, нек-рые обряды, имевшие магич. значение (обсыпание молодых хмелем, первый выход моло-

дой за водой и др.), со временем стали носить развлекательный, игровой характер. Свадебный комплекс характеризовался определёнными местными особенностями и варьировался в зависимости от использования в нём традиц. и новых элементов.

Свадебные мотивы нашли отражение в мордов. изобразит. (Ф. В. Сычков, Г. А. Медведев, А. П. и В. П. Шадрины, В. А. Попков, В. Ф. Козлова-Степанова и др.) и декоративно-прикладном (Е. И. Родионова, А. Ф. Никонов и др.) иск-ве. Отд. эпизоды мордов. С. воспроизведены на рисунках И. С. Ефимова, А. И. Коровина и С. В. Нестеровой. Различные интерпретации мордов. С. представлены в поэме «Сия-жар» В. К. Радаева, повести «Половт» («Набат») М. А. Брыжинского, инсценировке «Кафонц кудат» («Два свата») П. И. Левчаева, эпосе «Масторава» и др. Реконструкция мордов. свадебных игр («Кража клубков», «Свадебное приданое», «Девичья баня») осуществлена В. Брыжинским. В нач. 2000-х гг. на сцене Гос. муз. театра им. И. М. Яушева поставлен балет «Игра в свадьбу» (либретто Бурнаева и И. В. Алексеевой), в основу к-рого положены мордов. свадебные обряды.

Тексты: Образцы мордовской народной словесности. Вып. 1 : Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии. Казань, 1882 ; Образцы мордовской народной словесности. Вып. 1 : Мокшанские песни. Казань, 1896 ; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; **Евсеев М. Е.** Мордовская свадьба. М., 1931 ; 1959 ; 1990 ; Саранск, 2012 ; Мордовские народные песни / сост. Л. С. Кавтаськин. Саранск, 1955 ; УПТМН. Т. 6, ч. 1 : Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972 ; УПТМН. Т. 6, ч. 2 : Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1975 ; Памятники мордовского народного музыкального искусства — Мокшэрзянь народной

музыкальной искусствань памятникне — Мокшэрзянь народной музыкальной искусствань памятникне : в 3 т. / сост. Н. И. Бояркин. Саранск, 1981. Т. 1 ; 1988. Т. 3 ; Proben der mordwinischen Volksliteratur / gesamm. von H. Paasonen. Helsingissä, 1891. Н. 1 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1939. Bd. 2 ; 1947. Bd. 4 ; Helsinki, 1980. Bd. 7.

Лит.: **Лепёхин И. И.** Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1771 ; **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768 — 1769 гг. СПб., 1773 ; **Георги И. Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей : в 4 ч. СПб., 1799 ; **Попов М.** Селиксенские мордвы // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Саранск, 2004. (Тр. / НИИГН ; т. 4 (121)) ; **Фукс К. Ф.** Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 году // Там же ; **Мельников П. И.** Эрзянская свадьба // Симб. губерн. ведомости. 1851. № 25 ; **Его же.** Мокшанская свадьба // Там же. № 26 ; **Орлов Н. П.** Памятники мордовской старины // Журн. МВД. СПб., 1851. Ч. 33 ; **Его же.** Мордва-мокша // Пенз. губерн. ведомости. 1876. № 106 — 108, 110, 112 ; **Мартьянов Г.** Мордва в Нижегородском уезде // Нижегород. губерн. ведомости. 1865. № 14 ; **Крантовский С.** Свадьба у мордвы Бугульминского уезда Самарской губернии // Симб. губерн. ведомости. 1866. № 26 ; **Терновский А.** Свадьбы «самоходки» и моляны в мордовском селе Катъмисе Городищенского уезда // Пенз. губерн. ведомости. 1867. № 33 ; **Ауновский В. А.** Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 год. Симбирск, 1869 ; **Новочадов В.** Мордва // Тамбов. епарх. ведомости. 1876. № 12 ; **Митропольский К.** Мордва : Религиозные воззрения, их нравы и обычаи // Тамбов. епарх. ведомости. 1876. № 12, 13 ; **Рагозин В. И.** Волга : в 3 т. СПб., 1881. Т. 3 ; **Дубасов И. И.** Очерки из истории Тамбовского края. М., 1883. Вып. 1 ; **Майнов В. Н.**

Очерк юридического быта мордвы. [2-е изд.]. Саранск, 2007 ; **Иссинский В.** Браки-«самокрутки» среди мордвы // Пенз. епарх. ведомости. 1889. № 12 ; **Евсеев М. Е.** Мордовская свадьба // Живая старина. СПб., 1892. Кн. 2 ; 1893. Кн. 3 ; **Его же.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Смирнов И. Н.** Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; **Барсов Н.** Бытовые и исторические песни мордвы-мокши (по центральному говору) // Сб. Пенз. губерн. стат. к-та. Пенза, 1905. Вып. 6 ; **Милькович К.** Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбов. епарх. ведомости. 1905. № 18 ; **Маркелов М.** Саратовская мордва : этногр. материалы // Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1 ; **Масленников Н.** Свадьба села Атяшева // Изв. ОАИЭ. Казань, 1928. Т. 34, вып. 1 ; **Сибиряк И. С.** Урьвакстома койть ды морот : (Эрзянь фольклор). Саранск, 1936 ; **Кавтаськин Л. С.** Предисловие // Мордовские народные песни ; **Борисов А. Г.** Мордовская свадьба как историко-этнографический источник // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965 ; **Его же.** Предисловие // УПТМН. Т. 6, ч. 1 ; **Самородов К. Т.** Предисловие // УПТМН. Т. 6, ч. 2 ; **Его же.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; **Бояркин Н. И.** Мордовское народное музыкальное искусство. Саранск, 1983 ; **Федянович Т. П.** Свадебные обряды мордвы // Семейные обряды мордвы. Саранск, 1984. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 76) ; **Её же.** Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века — 1980-е годы). М., 1997 ; **Брыжинский В. С.** Народный театр мордвы. Саранск, 1985 ; **Его же.** Мордовская народная драма : История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003 ; **Его же.** Детские и молодёжные игры мордвы. Саранск, 2016 ; **Девяткина Т. П.** Мокшанские свадебные обряды и песни. Саранск, 1992 ; **Её же.** Свадебные обряды и песни мордвы (мокши и эрзи) : Восточно-финно-угор. контекст. Саранск, 1995 ; Мордва Заволжья. Саранск, 1994 ; **Акашкин М. М.** Свадебные обряды и песни татар мишарей и мордвы : (Сравнит. анализ) : автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. филол. наук. Ка-

заны, 2000 ; **Корнишина Г. А.** Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000 ; **Её же.** Традиционно-обрядовая культура мордвы. Саранск, 2005 ; 2007 ; Мордва : очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004 ; 2012 ; **Бурнаев А. Г.** Генезис балетного искусства Мордовии. Саранск, 2004 ; **Рогачёв В. И.** Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004 ; **Волкова М. С., Щанкина Л. Н.** Семейные обычаи и обряды // Мордва юга Сибири. Саранск, 2007 ; **Шерстобитова Ж. В., Щанкина Л. Н.** Традиционные обряды и обычаи мордвы, проживающей в Республике Мордовия // Совр. гуманитар. исследования. [М.] 2007. № 6 (19) ; Семейные обряды // Никонова Л. И., Щанкина Л. Н., Гармаева Т. В. Мордва Циркумбайкальского региона и Республики Хакасия. Саранск, 2010 ; Семейные обычаи и обряды // Мордва Дальнего Востока / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2010 ; **Акимова З. И., Щанкина Л. Н., Князькова Л. П.** Обряды и праздники мордвы // Народы Мордовии : ист.-этногр. иссл. Саранск, 2012 ; Обряды жизненного цикла // Мордва Урала и Зауралья / Л. И. Никонова [и др.]. Саранск, 2012 ; Обряды и фольклор мордвы-мокши: теория и практика проблемы (по фольклорно-этнографическим материалам Зубово-Полянского района Республики Мордовия) / В. И. Рогачёв [и др.]. Саранск, 2012 ; **Никонова Л. И., Щанкина Л. Н.** «Выкупали меня шумно, даже дверь с петель сняли» : Семейные обряды мордвы Том. и Новосибир. обл. // Центр и периферия. [Саранск]. 2013. № 1.

И. И. Шеянова.

«СВА́ДЬБА ПО УМЕ́РШЕМУ» (м. **Кулофонь свадьба**, э. **Кулозень свадьба**), архаич. форма похоронного обряда, совершавшегося в случае смерти не вышедшей замуж девушки (реже — не женившегося юноши). Изв. мн. народам, в т. ч. мордве. Такие похороны включали в себя театрализов. ритуал или нек-рые элементы *свадьбы*,

символизирующие проводы умершей девушки (юноши) в *загробный мир* в статусе обвенчанной (обвенчанного). Обычай проведения «С. по у.» как уже редкого и локального явления традиц. обрядовой культуры мордвы впервые зафиксировал Л. С. *Кавтаськин* в 1931 в эрз. селе Фёдоровка Стерлибашского р-на Башкирской АССР (ныне Фёдоровский р-н Республики Башкортостан). Согласно описанию Кавтаськина обряд состоял в следующем: за день до похорон умершей девушки, её родственники подбирали из молодых людей брачного возраста пару на роль символич. жениха и невесты. В день похорон последние в свадебном наряде шли с похоронной процессией на *кладбище*, но за его ограду не заходили. Мать покойницы при этом оставалась дома. После погребения похоронную процессию возглавляли символич. жених и невеста, а её участники с весёлыми песнями и плясками изображали свадебное шествие, к-рое у дома умершей, также со свадебной песней, встречала мать покойной девушки. Ей с радостью сообщали, за кого и в какое селение выдана её дочь и что жених из богатой семьи. С этого момента инсцениров. свадьба обрывалась, а в доме начинались традиц. поминки (см. *Поминальные обряды*), в к-рых, переодевшись в обычную одежду, могли участвовать и молодые люди, изображавшие жениха и невесту. О том, что некогда данный обряд имел широкое распространение, свидетельствует ряд др. фактов его остаточного бытования в мордов. среде. К ним относятся, напр., запис. Кавтаськиным в 1969 воспоминания информантов из эрз. села Вышелей Городищенского р-на Пензенской обл., заставших похороны девушек брачного возраста с соблюдением отд. элементов свадебной церемонии. Умершую, в

частности, клали в *гроб* в наряде невесты и несли на кладбище её незамужние подруги, к-рые при этом исполняли не похоронные, а свадебные причитания, связ. с расставанием девушки-невесты с родительским домом и *девичеством* (см. *Причитания*). Рядом шли, приподняв руки, два юноши: они имитировали несение гроба. Их наз., как и свадебных персонажей, «урьвалют». После погребения вокруг *могилы* своей подруги-невесты девушки водили хоровод и исполняли весенне-хороводную песню. В нек-рых местах на похороны девушки, как на свадьбу, её родственницы приносили *кашу*. Иногда в доме умершей развешивали всю её одежду, к-рую после похорон раздавали подругам, а девочкам, как и во время свадьбы, дарили ленты.

Локально бытовавший до сер. 20 в. в нар. культуре, в т. ч. мордвы, обряд «С. по у.», несомненно, является яркой иллюстрацией архаич. религ.-мифол. воззрений на смерть (см. *Кулома*), покойника и похороны (см. *Похоронные обряды*) как на переход человек. души (см. *Душа*) в социально обустроенное по образцу земной жизни сакральное инобытие. Судя по описанию обряда, его относительно поздние участники прежде всего заботились о благополучной и полноценной жизни умершей (умершего) на том свете. Она, по представлениям человека традиц. общества, как и на земле, была возможна только в благословенном родителями и освящ. свадебной церемонией браке. Именно «с этой целью родители устраивали умершим детям (чаще — дочери) символическое бракосочетание, после которого считалось, что их судьба полностью решена» (Брыжинский В. С., Мордовская народная драма, Саранск, 2003, с. 29). Можно, однако, предположить, что такие похоро-

ны, сакрализованные инсцениров. брачной церемонией, восходят к более древней форме — некогда совершавшимся погребениям умершего жениха с живой (ритуально убитой) невестой или умершей невесты с живым (ритуально убитым) женихом. На это, в частности, указывает характерный эпизод с несением воображаемого (в древности, видимо, реального, с реальным и ритуально убитым женихом или невестой покойного или покойницы) гроба в зафиксиров. у вышелейской мордвы обряде «С. по у.». Более древние истоки, вероятно, имеет и сам обряд *венчания*. В первобытном обществе он осмысливался в качестве обряда инициации, прежде всего невесты, к-рая как женщина должна была принадлежать всему роду. Символич. актом такого закрепления женщины за общиной являлось осуществление её членами права первой брачной ночи с невестой. По мнению нек-рых учёных, изв. во мн. нац. традициях обряд посмертного венчания является пережиточной формой такого акта. «„Свадьба покойников“, — писал Е. Г. Кагаров, — не что иное, как закрепление умершего сородича за данной социальной группой при помощи фиктивного бракосочетания с одним из её членов» (Сов. этнография, 1936, № 1, с. 108). Важным мотивом более позднего этапа развития обряда «С. по у.», видимо, было осмысление его и в качестве охранительно-магич. акта, имеющего целью посредством венчания покойника предотвратить его переход как умершего до брака (а значит, «нечистого» и потенциально опасного для живых) в разряд демонологич. существ, в частности в призрака (см. *Чопача*, *Шопача*). Правда, из описания различных вариантов «С. по у.» ничто конкретно не указывает на это. В то же время изв., что к катего-

рии потенциально демонологич. существ мордва, как и мн. др. народы, относила покойников-детей, т. е. как и в случае с покойниками брачного возраста, умерших не в срок и потому опасных для живых.

Мордов. фольклористы и искусствоведы (Кавтаськин, В. С. *Брыжинский* и др.) справедливо относят «С. по у.» к наиболее театрализов. образцам архаич. обрядовой культуры мордвы, в к-рых благодаря яркой эстетически запоминающейся форме нар. драмы сохранились дохрист. религ.-мифол. воззрения народа на загробную жизнь человека как на продолжение его земного бытия.

Лит.: НА НИИГН. Ф. Л-52. Л. 281 — 302 ; **Кагаров Е. Г.** Венчание покойников у немцев Поволжья // Сов. этнография. 1936. № 1 ; **Кавтаськин Л. С.** Мордовские обряды и причитания при похоронах девушки // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972 ; **Его же.** Пережитки обрядов, причитаний и песен, связанных с древним мордовским обычаем имитации свадьбы при похоронах умершей девушки // Фольклор и этнография : Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974 ; **Корнишина Г. А.** Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000 ; **Брыжинский В. С.** Мордовская народная драма : История. Проблемы реконструкции. Драматургия. Режиссура. Театр песни. Саранск, 2003.

С. Г. Девяткин.

СВАТОВСТВО́ (м. **Ладяма**, э. **Ладямо**), комплекс традиц. действий, наполн. магич. смыслом и суевериями и имеющих целью обеспечить удачный брак (см. *Свадьба*). Создание семьи — особое событие, к-рое, по представлениям мордвы, как и др. важные начинания в жизни, должно получить бла-

гословение *богов*, а также охраняться самими людьми от возможного вреда. Поэтому перед С. устраивали семейное моление (см. *Моление*) с целью заручиться поддержкой высших сил в задум. деле. Сведения о таких молениях носят фрагментарный характер. Изв., что в 1-й пол. 19 в., перед тем как отправиться сватать *невесту*, отец *жениха* совершал *жертвоприношение* божествам — покровителям *дома*, двора и предкам (см. *Культ предков*), произнося соотв. молитву-просьбу. К нач. 20 в. это моление трансформировалось, стало проводиться реже и уже после обсуждения с родственниками всех обстоятельств С.

У мордвы С. состоит из трёх частей: у мокши — предварит. сговора (кизефтема), окончат. сговора (прокс симома) и назначения дня свадьбы (пазялонь путома); у эрзи — помолвки (вал лангс путома), собственно С. и запоя (чиямо (той)). М. Е. *Евсеев* отмечал, что у мордвы С. сопровождалось большим кол-вом апотропеич. действий, связ. с суеверными представлениями. Так, в эрз. селе Ст. Байтермиш Бугурусланского у. Самарской губ., прежде чем идти в дом невесты, икельце яки (букв.: вперёд ходящий) обматывал себя белыми нитками или лентой, что означало верный, «чистый» путь. Иногда в лапоть под пятку клали монету как залог удачного С.

После предварит. обсуждения кандидатуры невесты, в один из «лёгких» дней (*воскресенье*, вторник, четверг) в дом жениха приходили его родственники, где перед отправлением к избр. девушке родители юноши устраивали домашнее моление. Для этого перед иконами (см. *Икона*) зажигали свечи, на стол клали каравай хлеба и соль. Кроме того, следили за тем, чтобы никто не входил и не выходил из дома, а

окна (см. *Окно*), труба и *печь* были закрыты, иначе, по представлениям мордвы, в дом могла проникнуть нечистая сила и расстроить начатое дело. Участники моления просили: «Вере Шкипаз-бадюшка! / Кудонь кирди... / Покштят-бабат диринень! / Арседе тенек паро, / Лездедо миненек...» (УПТМН, т. 6, ч. 1, с. 168) — «Все-вышний Бог-бадюшка! / Хранитель дома... / Умершие предки любимые! / Пожелайте нам добра, / Пособите нам...». По окончании моления хлеб и соль клали в кошель и в сумерках, чтобы как можно меньше людей виделось или попало навстречу, выбранный человек (м. ингольде якай, э. икеле якиця) шёл в дом невесты. Там он клал на накрытый стол «хлеб здоровья» (м. кши-сал, э. шумбра кши), а сам садился под матицу, где, по мнению мордвы, находилось место пребывания хранительницы дома — *Юртавы, Юрхтавы*. После предварит. сговора, получив положит. ответ, в доме жениха вновь устраивали семейное моление, во время к-рого просили высшие силы о счастье и многодетности будущей семьи. Затем шли в дом невесты сватать (обычно сватами были самые близкие родственники жениха: отец, мать, братья, сёстры, зятья, снохи, *крёстные родители*). Собственно С. также проходило под матицей. Для обеспечения благополучия будущей семьи родственники невесты тоже проводили моление, чтобы получить благословение божеств. Отец невесты, напр., после рукобитья вырезал из каравая хлеба т. н. божий кусок (см. *Мясо молельное*) и клал его под порог для божеств — покровителей дома, прося их о помощи в начатом деле, а в день свадьбы приглашал на пиршество.

В. Н. *Майнов*, рассматривая свадьбу мордвы-мокши, отмечал, со ссыл-

кой на архим. *Макария*, что в период С. родственники жениха и невесты проводили совм. моление, к-рое наз. «молян ервэнян симама» (моление пропоя невесты). При этом они просили, чтобы «...Юртазырава, Кудазырава и умершие предки благословили вступающих в брак...» (Майнов В. Н., Очерк юридического быта мордвы, Саранск, 2007, с. 84). Учёный подчёркивал и особое отношение мордвы к С., успех к-рого, как и жизнь молодых, мог зависеть от различных обстоятельств. В частности, если отец и мать жениха, отправляясь в дом избр. их сыном девушки, встречали кого-л., кто сказал им: «знаю, зачем вы идёте» или «вы идёте сына сватать», то возвращались домой и выбирали др. день для С., т. к. этот человек, по их мнению, послан и действует по поручению *Шайтана*. Отмечая, что во мн. местах у мордвы предварит. сговор стал совмещаться с самим С., Майнов, как и др. исследователи мордов. свадьбы, сделал вывод, что С. считается состоявшимся только после пропоя «проксиммэ» (окончат. пропой), или рукобитья. С этого момента невеста уже не ходила на девичьи посиделки, а молодой человек, за к-рого она была просватана, мог приходить к ней в статусе жениха. Немаловажной особенностью «проксиммэ» у мордвы, по наблюдениям Майнова, был показ своего согласия родителями невесты на сговоре при встрече сватов в её доме. Так, зная об их приходе, родители девушки или выгоняли им навстречу из ворот лошадь, в чём исследователь усматривал связь с жертвоприношением *Чипазу* и *Шкаю*, или просто встречали их с поклонами и хлебом-солью. Кроме того, по сведениям И. В. *Прозина*, на пропое обязат. подавали солёных лещей и *блины*, т. к. рыба считалась символом плодородия,

а блины — прообразом солнца, к-рое «...заменило самого Бога-солнце, занимающегося, по мордовским воззрениям, устройением брачных союзов между смертными» (цит. по: Майнов В. Н., Указ. соч., с. 86).

Сходство мнений учёных относительно завершающего эпизода С. — рукобитья, основывается на большом кол-ве таких фактов, встречающихся в источниках. Рукобитье сопровождалось обязат. касанием одной рукой материцы — свящ. места в доме мордвы, поэтому расторгнуть заключ. договор о свадьбе не решались, опасаясь гнева богов. В нек-рых местностях оно совершалось в варежках или рукавицах. Евсевьев, напр., отмечал, что «кедень чавомасо» (рукобитье в рукавицах), означавшее успешное завершение переговоров между сватами, символизировало обеспечение достатка будущей семьи. После рукобитья отец невесты собирал своих родственников, мать зажигала свечи перед иконами, всех приглашала за стол и начинали молиться, прося счастья будущим молодожёнам.

Несмотря на относительно пассивную роль в С., они тем не менее были вовлечены в сопровождающие его магич. действия апотропеич. характера. К. Т. *Самородов*, в частности, писал о том, что невесту до определённого момента подруги огораживали платком от посторонних глаз, а жениха и невесту могли в процессе С. обматывать бреднем, тем самым пытаясь запутать колдунов (см. *Колдун*), стремящихся расстроить свадьбу или «испортить» (см. *Порча*) вступающих в брак.

Фрагментарно в мордов. С. закрепились отголоски инициации (см. *Инициация и миф*), регламентировавшихся устоявшимся мировоззрением. Когда сваты покидали дом невесты, им обязат. давали хлеб и соль, а принес. ими

«хлеб здоровья» оставляли на столе как знак породнения. В нек-рых местах его разрезали пополам и одну часть сваты уносили с собой, что означало состоявшееся С. и сосватанная наполовину «отрезана» от дома и семьи. При этом считалось, что, если сваты забудут взять половину хлеба, удачи не будет.

Проекцией земных обычаев является эрз. миф о С. *Пурьгинепаз* к *Везорго*, дочери Верховного бога *Нишкепаза*. В мифе есть такие элементы, как сговор между свахой Норовавой (см. *Норовава*, *Паксява*) и Нишкепазом, одаривание подарками Везорго своего будущего мужа. С. получило отражение в мордов. фольклоре (сказка «Мазый Дамай» — «Красавец Дамай»), а также в лит-ре (повесть «Ворота времени» В. И. Мишаниной).

Тексты: Мордовские народные сказки / лит. обраб. С. В. Аникина. СПб., 1909; **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба. М., 1931; 1959; 1990; Саранск, 2012; УПТМН. Т. 6, ч. 1: Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972; УПТМН. Т. 6, ч. 2: Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1975; УПТМН. Т. 12: Народные приметы мордвы. Саранск, 2003; *Mordwinische Volksdichtung*. Helsinki, 1977. Bd. 5.

Лит.: **Мельников П. И. (Андрей Печерский)**. Очерки мордвы. Саранск, 1981; **Майнов В. Н.** Очерк юридического быта мордвы. [2-е изд.]. Саранск, 2007; **Смирнов И. Н.** Мордва: ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002; Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1; **Евсевьев М. Е.** Избр. тр.: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5; **Мишанина В. И.** Серебряная ракушка: сб. рассказов и повесть. Саранск, 1980; **Самородов К. Т.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980; **Девяткина Т. П.** Мокшанские свадебные обряды и песни. Саранск, 1992; **Её же.** Свадебные обряды и песни мордвы (мокши и эрзи): Восточно-финно-угор. контекст. Саранск, 1995; **Федянович Т. П.** Семейные обычаи и обряды

финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века — 1980-е годы). М., 1997 ; **Корнишина Г. А.** Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология в культурном сознании мордовского этноса. Саранск, 2002 ; **Её же.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; Мордва : очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004 ; 2012 ; **Рогачёв В. И.** Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004 ; **Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н.** Мордва и вера. Саранск, 2005 ; **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

М. Н. Салаева, И. В. Зубов.

СВА́ХА (м., э. **Кудава, Сваха**), одно из осн. действующих лиц на *свадьбе* мордвы, отстаивающее интересы рода *жениха* и создающее условия для благополучия новой семьи. Выделяется ряд устойчивых характеристик, отражающих почитание и уважение С. мордвой. Так, в величаниях её наз. «пчелиной маткой, полковником или даже исправником» (Евсевьев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1966, т. 5, с. 95). Традиционно в качестве С. выступала жена дяди или старшего брата либо крёстная мать (см. *Крёстные родители*) жениха, обязат. замужняя. В её отсутствие выбирали к.-л. родственницу, но не девушку и не вдову. Подобные запреты-ограничения, вероятно, связаны с представлениями мордвы о полноценности семьи, обеспечивать к-рую участники свадьбы должны в каждой детали.

Появление в мордов. свадьбе данного персонажа исследователи трактуют по-разному. Так, М. Е. Евсевьев считал, что это произошло, «по-види-

мому, под влиянием русских» (Там же, с. 318). Данный факт частично подтверждают иссл. К. Фукса и И. Дубасова, писавших об упрощ. свадебном обряде у мордвы, в к-ром присутствие С. было миним., а её роль сводилась к проведению символич. бракосочетания жениха и *невесты*. И. Н. Смирнов, К. Т. Самородов, Н. И. Бояркин, В. И. Рогачёв и др. учёные, наоборот, подчёркивали значимость С. во время всей свадьбы, зависимость успешной организации каждого её этапа от знаний и умений данного персонажа, рассматривали С. как осн. носительницу сакральных текстов, отмечая, что её почитание за указ. качества порой превосходило родительское. Всё это говорит об относительной самостоятельности существования данного персонажа, действия к-рого наполнены магич. смыслом в рамках этнич. мировидения.

Функции С. отчасти проецируются в сознании мордвы на мифол. героев. Так, *Ведява*, к-рая могла волшебным образом соединить людей, их судьбы, создав тем самым новую семью, в мифах-сказках мокшан Инсарского у. Пензенской губ. становится С. на свадьбе своего сына: «Ведява сидит на последней повозке (свадебного поезда. — И. З.) в снежно-белой одежде, головной убор её (панго) из пены, в руках выкуп за невесту. „Пойдём, моя невестка, не умирать и болеть, а одевать старых и малых!“» (Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 252). Такое видение образа С., вероятно, связано с её мифич. прототипом — Сюмерье.

В реальной жизни функции С. включали защитные действия (апотропеич. магия, сопровождающая, напр., печение пирогов в доме жениха, и связ. с этим тотемистич. представления — см. *Медведь*) и благопожелания

молодым, исполнение многочисл. песен-поучений и т. д. (см. *Свадебные песни*). Во время свадьбы С. руководила *поезжанами*, к-рые должны беспрекословно подчиняться ей, чтобы как можно лучше провести торжество и поддержать своими действиями доброе начинание. Именно С. подсказывала, что и когда нужно делать, к кому из божеств-покровителей обратиться с той или иной просьбой. Так, уже в самом начале свадьбы у мордвы-эрзи Куйбышевской обл. С. просила благословения Верховного бога для сохранения силы голоса: «Баславамак, Нишке паз! / Баславамак, Вере паз! / Курго потсо вайгельга, / Кель прясо валнэва! / Иляст монь маштокшно / Колмо чинень кувалма / Курго потсо вайгельнем! / Иляст монь ильведевть / Кель пирясо валнэм!» (Памятники мордовского народного музыкального искусства, Саранск, 1988, т. 3, с. 30) — «Благослови, Нишке паз! / Благослови Вере паз! / Во рту голосом, / На кончике языка словами! / Пусть не закончится / В течение трёх дней / Во рту мой голос! / Пусть у меня не собьются / На кончике языка слова!». Чаще всего С. обращалась с просьбами о благословении к покровителям пространства *дома* как места, где обитает семья, — *Кудаве; Юртаве, Юрхтаве*. Практически каждая молитва С. в доме жениха во время совм. застолья поезжан или перед их отправлением в дом невесты начиналась с обращения к этим божествам, к имени к-рых прибавлялись, видимо, заимствов. у рус. населения эпитеты «матушка», «кормилица».

В обращениях к поезжанам С. в нужный момент применяла вербальные формулы с использованием чисел для обозначения цели задуманного, напр. прибавления в семье, для чего традиционно употреблялись нечётные числа.

Перед отправлением за невестой, раздав участникам свадьбы необходимые поручения и рекомендации, С. произносила широко изв. в многочисл. вариантах молитву: «Юртавань кирди, матушкой, / Иля тандадт вайгельдем! / Аволь беряньс таргия... / <...> / Сизьгемень сисем монь кудама, / Кавсоньгеменцесь монсь улян, / Вейксэньгеменцесь монь полама, / Сядонь топавты монь тякам, / Сядонь саеме сыргатано!» — «Покровительница Юртава, матушка моя, / Не пугайся <моего> голоса! / Не для плохого подала... / <...> / Семьдесят семь у меня сватов, / Восьмидесятой сама буду, / Девяностым — мой муж, / Сотню венчают мои дети, / Сотую братья отправляемся!» (Там же, с. 159).

Когда в доме невесты появлялась С., начиналось шуточно-импровизиров. противостояние родов, перед их окончат. объединением. Для обозначения важности происходящего и серьёзности намерений свой приход С. сопровождала магич. аллегориями. Так, осн. свадебный пирог (см. *Курник*), принес. с собой, она сравнивала с Норовавой (см. *Норовава, Паксява*), тем самым иносказательно желая изобилия и благополучия в новой семье. Смысловая связь с божеством — покровителем урожая поддерживалась С. и после первого совм. застолья в доме невесты, когда она благодарила за гостеприимство и угощение не только хозяйку дома, но и Нороваву, желая приумножения богатства в доме невесты.

Вместе с *дружкой* и родителями жениха и невесты С. заботилась о том, чтобы колдуны (см. *Колдун*) не «испортили» (см. *Порча*) молодых. В этногр. лит-ре зафиксированы, напр., случаи умышл. увода С. молодожёнов от гостей после *венчания* в к.-л. укромное место, чтобы уберечь от сглаза. С этой

же целью С. с дружкой обходили свадебный поезд перед отправлением в церковь.

С. участвовала и в традиц. знакомстве молодой с водным источником (см. *Колодец, Река*). По сведениям В. Н. Майнова, у мордвы-мокши во время этого ритуала С. должна была поливать дорогу *пуре* в знак будущего достатка и многодетности, передаваемой через *воду* и иные жидкости. Во мн. местностях, согласно материалам Евсевьева, Смирнова, Самородова и др. учёных, С. вместе с гостями обрызгивала / обливала невесту и присутствующих водой из источника / реки, а в нек-рых случаях и внутр. часть дома после возвращения с церемонии. Молитв. просьбами С. сопровождала первое ритуально-обрядовое «укладывание молодых» в амбаре. Обращаясь к «хранительнице двора Юрхтаве» и «смотрительнице амбара Утомаве», она просила: «Примите нашу сноху, / Полюбите молодуху. / Берегите её от всего дурного, / Чтобы жила она во здравии, / Счастливой была бы, / Всем бы понравилась, — / Больше всех нашему сыну» (УПТМН, т. 6, ч. 2, с. 123).

В 20 в. в традиц. свадьбу проникло большое кол-во заимствов. поэтич. приёмов описания её участников, в т. ч. С. Её стали представлять в сатирич. свете, даже наделять уничижительными эпитетами. Однако по-прежнему С. остаётся осн. персонажем мордов. свадьбы, участвуя в обходе свадебного поезда (вместо дружки) и во всех её игровых эпизодах. При этом традиц. обрядовые функции в действиях С. практически не просматриваются.

Тексты: Евсевьев М. Е. Мордовская свадьба. М., 1931 ; 1959 ; 1990 ; Саранск, 2012 ; УПТМН. Т. 6, ч. 1 : Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972 ; УПТМН. Т. 6, ч. 2 : Мокшанская свадебная поэзия.

Саранск, 1975 ; Памятники мордовского народного музыкального искусства — Мокшэрзянь народной музыкальной искусствань памятникне — Мокшэрзянь народной музыкальной искусствань памятникне : в 3 т. / сост. Н. И. Бояркин. Саранск, 1981. Т. 1 ; 1988. Т. 3.

Лит.: Фукс К. Ф. Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 г. // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Саранск, 2004. (Тр. / НИИГН ; т. 4 (121)) ; Орлов Д. Н. Село Напольное (этнографический очерк) // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Симбирск, 1866. Вып. 2 ; Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981 ; Дубасов И. Исторические известия о мордве, населяющей Тамбовскую губернию // Древняя и новая Россия. Пб., 1881. № 3 ; Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. [2-е изд.]. Саранск, 2007 ; Смирнов И. Н. Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; Милькович К. Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбов. епарх. ведомости. 1905. № 18 ; Евсевьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980 ; Девяткина Т. П. Мокшанские свадебные обряды и песни. Саранск, 1992 ; Рогачёв В. И. Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004 ; Мокшин Н. Ф., Мокшина Е. Н. Мордва и вера. Саранск, 2005 ; Корнишина Г. А. Традиционно-обрядовая культура мордвы. Саранск, 2007 ; Mainof W. Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Société Finno-Ougrienne. Helsingissä, 1889. Vol. 5 ; Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

И. В. Зубов.

СВЕЧА́ (м., э. Штатол), атрибут ритуально-обрядовых действий, основ. на очистит. силе огня и направл. на обеспечение благополучия в жизни. В старину С. изготавливали из чистого воска, что, по представлениям мордвы, де-

лало их сакральными, т. к. воск — продукт жизнедеятельности обоже- ствляемых мокшей и эрзей пчёл (см. *Мекшава, Мешава, Нешкеава, Нешкопереава*). На это указывает, напр., мокш. загадка о С.: «Сия паця либорди, / Мешаваня аварди» — «Серебряное крыло порхает, / Пчелиная матка плачет-оха-ет» (УПТМН, т. 4, ч. 2, с. 132). Сакральность восковых С., горящих в самом центре мира на ветвях *Великого дерева* во время пира богов (см. «*Пир богов*»), получила отражение в мифол. песнях, напр.: «В большом поле вершина бугра, / На вершине бугра ложбина, / В яме этой ложбины-то яблоня. / Корни яблони-дерева во всю ширину земли, / Ветки её во всё небо, / По концам листов свечи горят» (цит. по: Смирнов И. Н., Мордва, Саранск, 2002, с. 204).

Штатол (родовая восковая С. — по определению М. Е. *Евсевьева*) являлся гл. объектом поклонения в одном из наиболее древних обрядов мордвы — *братчина*. Здесь С. имела характер свящ. и предписывала строгие запреты на внеритуальное применение и показ посторонним (не членам рода). На это обратил внимание Евсевьев, давший подробное описание братчины, проводившейся в с. Волгапино Краснослободского у. Пензенской губ. (ныне Ковылкинский р-н РМ): «...и подумать нельзя было о том...», фотография штатолы была сделана «тайно... и не без некоторого волнения и беспокойства» (Избр. тр., Саранск, 1965, т. 5, с. 344, 345). Кроме того, Евсевьев указал на наличие в прошлом двух С., одна из к-рых могла использоваться в различных молениях (см. *Моление*), и собств. родовой, предназнач. искл. для братчин. При этом молитв. обращение в ходе последних от имени женщин адресовывалось не самой С., а воску, из к-рого она изготавливалась, его наз.

кормильцем, просили дать здоровье, хорошую жизнь, урожай и приплод скота, защитить от огня и всякого несчастья, и именно ему женщины братчины поочередно приносили дары. Характер просьбы говорит о том, что она могла быть адресована *богам* и предкам (см. *Культ предков*) — подателям благ, и обращалась к ним, как правило, женщина. Так, в с. Вертелим Инсарского у. Пензенской губ. (ныне Старошайговский р-н РМ) в ходе весеннего моления на пчельнике хозяйка просила Бога даровать много чистого воска «ради... умерших родителей, чтоб... за упокой их было чем помянуть... чтоб... теплилась перед Богом своя свеча» (Савкин В., На мордовском пчельнике, Изв. ОАИЭ, 1904, т. 20, вып. 4 — 5, с. 195). В этом просматривается связь воска с жен. природой. Не случайно в структуре инициации смерть / возрождение (см. *Инициация и миф*) в архаич. сюжете эрз. сказки «Дуболго Пичай» кажущаяся смерть девушки представляет собой залитие её воском, а оживление — его растопление.

В д. Мордов. Вечкенино Наровчатского у. Пензенской губ. (ныне село в Ковылкинском р-не РМ) проводилась жен. братчина, более древняя по характеру молений и структуре ритуала. Он был основан на особом воздействии женщины на плодородие земли и производительной силе *коны*, при помощи к-рого перевозили штатол братчины. Каждая из двух половин селения имела свою С. «в виде усечённой сахарной головы» (Евсевьев М. Е., Указ. соч., с. 360), она весила 2,5 — 3,0 килограмма.

В нек-рых братчинах к церк. С., применяемой вместо старинной, самодельной, относились с таким же благоговением, как к последней.

В свадебной обрядности мордва использовала очистит. силу С. Так, в

старину в процессе приготовления свадебного пирога внутри кадки, перед тем как класть в неё необходимые ингредиенты, обводили лучиной, к-рую позднее заменили зажжённой С. С принятием православия мн. ритуалы мордва стала проводить с применением С. и *иконы*: моление о помощи в *сватовстве*, благословение *жениха* при отправлении свадебного поезда к *невесте*, очищение её свадебного сундука (см. *Парь*) от нечистой силы и др. В 20 в. в с. Пуркаево (быв. Налитово) Дубёнского р-на Мордовии на дно пустого сундука клали курник, а по четырём углам ставили С. и трижды поднимали и опускали крышку сундука, следя, чтобы С. не погасли, и только после этого укладывали в него приданое (ПМА: Белова, Каргина).

И. Н. *Смирнов* отметил факт ритуального использования С. в *поминальных обрядах*. Так, мордва Пензенской губ. ставила её на груди куклы, изображающей покойника и одетой в его одежду.

Одним из архаич. элементов помин. обрядов мордвы является зажигание «С. предков» (м., э. атянь штатол), символизирующей единение рода. Данный ритуал зафиксировал Евсевьев в д. Кардафлей Городищенского у. Пензенской губ. Он проводился на Страстной неделе в субботу в доме, где хранилась эта С. и куда приглашали весь род. Зажжённый атянь штатол ставили перед божницей и совершали моление «матушке-Пасхе» и предкам, прося у них благословения, защиты и плодородия. Вечером на закате атянь штатол наряду с «постелью» и «шапкой» предков выносили за гумно, символически отделяя умерших от сообщества живых. После этого С. уносил к себе в дом член рода, на к-ром лежала обязанность проведения данного ритуала в следующем году.

С 1999 в с. Чукалы Большеигнатовского р-на РМ проводится всеэрг. моление «Раськень озкс», важным элементом к-рого является зажжение свещ. С. (Пазонь штатол). Она изготавливается по традиции из чистого воска, пожертвов. на эти цели эрзянами-пчеловодами. Её высота — более 1,5 м, диаметр — ок. 0,5 м. Наружную поверхность С. украшают геометрич. узоры в стиле трёхгранно-выемчатой резьбы, выполн. мастерами из с. Подлесная Тавла Кочкуровского р-на РМ. Пазонь штатол является мощным этноконсолидирующим символом.

С. как манифестация природной стихии огня используется в *гадании* для установления связи между социальным и природным мирами, миром живых и *загробным миром*.

В изобразит. иск-ве С. представлена на картине «Кереметь» Н. В. *Рябова*. Автор отошёл от традиц. изображения керемети (см. *Кереметь*, *Керемет*) как пространств. объекта, как преим. места моления, сместив акцент на временной аспект. Центром композиции и связующим звеном модусов времени выступает штатол, словно расколотивший землю и выросший из её глубин. Горящая родовая С. и делит, и соединяет две половины полотна, связывая прошлое и настоящее и даря надежду на будущее как синтез языч. и правосл. составляющих культуры мордов. этноса.

Тексты: ПМА: Белова Мария Ивановна, 1927 г. р. с. Пуркаево Дубёнского р-на РМ. Запись 2000 ; Каргина Нина Васильевна, 1949 г. р. с. Пуркаево Дубёнского р-на РМ. Запись 2016 ; УПТМН. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967 ; УПТМН. Т. 4, ч. 2 : Мордовские загадки. Саранск, 1968.

Лит.: *Смирнов И. Н.* Мордва : ист.-этногр. очерк. [2-е изд.]. Саранск, 2002 ; *Савкин В.* На мордовском пчельнике // Изв. ОАИЭ. Казань, 1904. Т. 20, вып. 4 — 5 ; *Ев-*

севьев М. Е. Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5 ; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы : [энциклопедия]. Саранск, 1998 ; 2006 ; **Святогорова В. С.** Раськень Озкс (всеэрзянское моление) как опыт моделирования пространства и времени // *Образы и символы власти в русском искусстве: история и современность*. Киров, 2008 ; **Её же.** Национальный праздник как фактор формирования этнической идентичности (на примере Республики Мордовия) // *Этносоциум и межнац. культура*. 2010. № 1 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Мокшин Н. Ф., Сушкова Ю. Н.** Мордва и мир : тезаурус по традиц. материальной и правовой культуре мордов. народа. Саранск, 2011 ; **Harva U.** Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952.

В. С. Святогорова.

СЕДОВА Лидия Васильевна (26.2. 1948, с., ныне г. Поворино Поворинского р-на Воронежской обл.), фольклорист. Канд. филол. наук (1978), доцент (1992). По окончании Мордов. гос. ун-та (1971) работала старшим библиотекарем Респ. дет. б-ки (г. Саранск). В том же году поступила в аспирантуру НИИЯЛИЭ. В 1977 — 78 — младший, старший науч. сотр. сектора мордов. лит-ры; в 1978 — 84 — старший науч. сотр. сектора мордов. фольклора и иск-в НИИЯЛИЭ. В 1984 — 87 — преподаватель кафедры сов. лит-ры Мордов. ун-та. В 1987 — 2004 — старший преподаватель, доцент, зав. кафедрой филологии (1990 — 2002) МРИПКРО.

Осн. проблематика науч. исследований С. — легенды (см. *Легенда*) и предания (см. *Предание*) мордвы. Уже во время обучения в аспирантуре совершала науч. командировки в г. Тарту Эстонии (лит. музей им. Ф. Р. Крейцвальда), г. Москву (Ин-т мировой лит-ры им. А. М. Горького, Ин-т этнографии

АН СССР), Йошкар-Олу (НИИЯЛИ при Совете министров Мар. АССР), Саратов, Пензу и Наровчат Пензенской обл. (краеведч. музей) с целью извлечения материалов по мордов. фольклору. Как собиратель устного нар. творчества участвовала в экспедициях НИИЯЛИЭ, в ходе к-рых были получены ценные сведения о заговорах (см. *Заговор*), обрядах, в т. ч. свадебных традициях на терр. Мордовии и за её пределами. На основе экспедиц. материалов, собр. в Теньгушевском р-не МАССР в 1979 и 1981, подготовила рукопись (не опубли.), где отмечаются специфич. особенности обрядов свадебного цикла мордвы-шокши, а также отд. черты сохранившихся у неё мифопоэтич. воззрений на природу.

С. впервые в фольклористике Мордовии обратила внимание на одну из основ легенд мордов. народа — мифол. рассказы, были и былички (см. *Быличка*), на к-рых, по её мнению, может развёртываться сюжет легенды. Улавливая переходный характер мифол. представлений, трансформирующихся в новые жанровые образцы устно-поэтич. творчества, С. выстраивала теоретич. базу своих иссл. в русле сложившегося в 20 в. видения жанровых границ различных произв., к-рое формировалось в работах Л. С. *Кавтаськина*, А. И. *Маскаева*, К. Т. *Самородова*.

С. является сост. и автором вступ. ст. ряда сб-ков мордов. фольклора, где уделяется внимание мифол. аспектам прозаич. творчества мордвы. Значителен вклад С. в подготовку одного из томов сер. УПТМН (1983), посвящ. устной несказочной прозе мордвы. В нём представлены тексты, связ. с мифол. воззрениями мордов. народа на божества природных стихий, а также божества — покровителей *дома*, *хоз-ва* и др. В НА НИИГН хранится «Указатель

сюжетов и мотивов легенд, преданий и быличек» (ф. Л-759), сост. С. по междунар. классификации жанров несказочной прозы.

Соч.: НА НИИГН. Ф. Л-759, Л-764 ; Некоторые вопросы изучения мордовских преданий и легенд // Вопросы мордовского фольклора. Саранск, 1977. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 56) ; Велев ёвкс мельга // Эрзянь правда. 1982. 28 янв. ; Предания мордвы (указатель сюжетов и мотивов) // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1985 ; Мордовские былички о языческих покровителях леса и воды // Фольклор народов РСФСР : Эпич. жанры, их межэтнич. связи и нац. своеобразие. Уфа, 1986 ; Устная несказочная проза // Мордовское устное народное творчество : уч. пособие. Саранск, 1987 ; Первый просветитель мордовского народа // Евсевьев М. Е. Мордовская свадьба. Саранск, 2012.

Тексты: Легенды и предания мордвы / сост. и авт. предисл. Саранск, 1982 ; УПТМН. Т. 10 : Легенды, предания, былички / сост., подстроч. пер., предисл., коммент. и указатели. Саранск, 1983 ; Земля была б без них мертва... : предания и устные рассказы / сост., пер. на рус. яз., предисл. и прим. Саранск, 1991 ; Пингде пингес кандозь вал / анокстызе. Саранск, 1992 ; Из глубины веков : легенды, предания, былички и устные рассказы мордов. края / сост. Саранск, 2011 ; Занимательная фольклористика / авт.-сост. Саранск, 2015.

Лит.: Тада Таки. «Не мог сдержатъ в себе почитание...» [О книге Л. Седовой «Легенды и предания мордвы»] // Сов. Мордовия. 1992. 14 марта ; Центр гуманитарных наук: история и современность / сост.: Е. В. Глазкова, А. В. Чернов. Саранск, 2008 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. : в 2 ч. Саранск, 2013. Ч. 2 ; Седова Лидия Васильевна // Занимательная фольклористика.

И. В. Зубов.

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ МИФЫ, произв. устно-поэтич. нар. творчества, в большинстве своём трансформировавшиеся в песни-мифы, объедин. сю-

жетом о создании семьи между богами, божеством и человеком и передающие суть понимания небесной иерархии, отношений с людьми, развитость представлений о бесконечности жизни, её сходстве на земле и на небе. С.-б. м. группируются вокруг следующих персонажей, вступающих в брак или являющихся участниками мифич. события: 1) богами — Шкай, Шкабаваз, Верепаз, Нишкепаз, Везорго, Кастарго, Пурьгинепаз, Ёндолпаз, Масторпаз, Масторава (см. Масторава, Модава), Ведява, Норовава (см. Норовава, Паксява); 2) людьми — Азравка, Васальге, Куля, Левонтей, Литова, Луша, Насилка, Сиямка, Стирява, Сырьжа.

Сюжеты о женитьбе и добывании жён божествами распространены в мордов. мифологии. В них традиционно заложена идея продолжения рода, семьи как одной из гл. ценностей. Вместе с тем в песни-мифы проникает устойчивый персонаж — человек, выступающий в качестве пары для божества, что говорит о переходном состоянии мифов, где и сами божества становятся человекоподобными (см. *Антропоморфизм*). Характерным признаком этих произв. является контаминация мотивов: добывания жены / невестки, что наиболее часто встречается в эрз. текстах; врем. возвращения жены / снохи в родной дом на землю; наказания невестки, что свидетельствует об архаичности данных сюжетов, претерпевших различные изменения в процессе бытования. Несмотря на то, что в произв. указывается, кто именно становится мужем девушки, осн. персонажем остаётся её свёкор — Верепаз, Нишкепаз, Шкай, Шкабаваз, поскольку семейная жизнь описывается как строгая подчинённость правилам, установл. Верховным богом. В этом видятся па-

раллели с земными воззрениями на жизнь в замужестве.

Одна из самых изв. песен данного цикла — о Литове. Гл. её мотив — добывание девушки в качестве жены божества (Пурьгинепаз или Ёндола). Инициатором и исполнителем этого обычно выступает сам Нишкепаз, в нек-рых случаях — Пурьгинепаз, предстающий человеком во всём чёрном из неведомой страны, к-рому с радостью отдают её в жёны. В песнях Литова несмотря на свои положит. качества (добрая, рукодельница и др.) — нелюбимая родителями дочь и её не сватают односельчане, поскольку она предназначена небожителю. Мифол. сюжет, связывающий идею творения всего сущего (см. *Космогонические мифы*) с идеей продолжения рода, в песнях о Литове содержит и описание её возвращения в родительский дом (одной или вместе с мужем), после чего она окончательно остаётся на небе. Дома родители чаще всего не узнают дочь или видят лишь отпечаток её руки (головы) либо подарки, оставл. ею в доказательство пребывания у них. При этом даже недолгая задержка на земле сопровождается неприятием такого поведения божеств. родственниками Литовы, к-рое выражается в появлении туч, грохоте грома, сверкании молнии и т. п.

У мордвы-эрзи есть сюжеты песен о женитьбе Пурьгинепаз на Везорго и о сватовстве Маторпаза к Ведяве, где жених выбирает невесту среди подобных себе божеств, проявляя вместе с тем человеч. чувства (это характерно для лиро-эпич. песен мордвы) или его поведение повторяет человеческое. Так, в песне-мифе, запис. в с. Нов. Байтермиш Бугурусланского у. Самарской губ., Пурьгинепаз предстаёт расстроенным тем, что он не женат: «Вачколесь кавто кедензэ, / недякшнось ке-

мень суронзо. / <...> / — Уш масторлангсо ней арась / кияк пайстомо монь коряс. / Эрьвейкень ули полазо, / уш пингень печти ялгазо. / Вай, масторонть лангс эзь чачо / монь коряс тейтерь тякине. / Уш менель алов эзь касо / монь коряс бояр-авине» (Mordwinische Volksdichtung, Bd. 5, S. 86, 88) — «Сжал две руки, / сцепил свои десять пальцев. / <...> / — Уж на земле нет сейчас / бездольней меня. / У каждого есть жена, / уж подруга жизни. / Ой, на земле не родилась / по мне девушка. / Уж под небом не выросла / по мне боярушка». Кроме того, в первом сюжете есть образ *свахи*, в качестве к-рой выступает Норовава. Как и у людей, она помогает добиться благосклонности отца невесты — Нишкепаза, проецируя элементы *свадьбы* мордвы на жизнь божеств-покровителей. В песне о сватовстве Маторпаза к Ведяве, запис. у эрзян Бугульминского у. Симбирской губ., гл. герои, предварительно договорившись о браке, выпивают *пуре*, после чего ссорятся и расстаются. Здесь налицо недопустимая ранее сатира, прониз. ассоциативным земным поведением божеств.

В песнях-мифах о мокш. девушках Васальге и Насилке проводится мысль, что будущая сноха божества может быть обещана в обмен на его помощь. Это сближает данные произв. с более поздней сказочной прозой мордвы, где распростран. у мн. народов сюжет об обещ. сыне перерастает в сказку. Васальге и Насилка рождаются не сразу, этому способствует провидение: Васальге появляется на свет после многочисл. молитв её родителей Богу, а в песне о Насилке жена просит мужа купить ей белый калач и солёную рыбу, съев к-рые она носит необыкнов. ребёнка три года и рождает его три недели. В обеих песнях говорится о том, что

появившиеся на свет дети плачут и родители обещают отдать их любому, кто сможет успокоить их. Сразу после этого в дом приходит в необычном образе Шкай / Шкабаваз и успокаивает детей, а когда они вырастают, берёт их в снохи, чем в песне обозначается предначертанность их судьбы.

В большинстве песен или их прозаич. вариантах фигурируют волшебные предметы: люлька / зыбка (серебряная или золотая) либо качели, с помощью к-рых девушки оказываются на небе, в новой семье. Наличие такого проводника, а также новый статус, приобретаемый девушками на небе, являются отсылкой к инициации (см. *Инициация и миф*), отчасти характерной и для мордов. свадьбы. В нек-рых случаях земная невеста исчезает после внезапно появившегося ветра, урагана, что, по мнению фольклористов А. И. Маскаева и Л. С. Кавтаськина, объединяет мифы с изв. у мордвы фактами похищения невест.

Среди многообразия песен о сватовстве и женитьбе божеств на людях есть и имеющие искл. развитие сюжета. Одна из них, запис. в с. Нов. Байтермиш Бугурусланского у. Самарской губ., — о земном юноше Левонте, к-рый три года ищет себе невесту среди односельчанок. Не найдя такую, он обращается с молитвой-жалобой к Верепазу и в ответ встречается с его младшей дочерью Везорго, к-рая становится его женой. Песня-миф повествует о необычном событии — божество, соглашаясь стать женой юноши, приходит в его дом, что нарушает традиц. пространств. соотношение в таких произв. Не характерное для них явление и выведенный гл. героем человек, что воспринимается как попытка возвысить его роль во взаимоотношениях с высшими силами.

Др. несвойств. этому циклу песня зафиксирована у мордвы-эрзи Саратовской губ. Согласно текстам гл. героиня Куля — не чудеснорожд. ребёнок, а долго болеющая девушка, к-рая просит родителей нарядить её и выходит к *воротам*. Здесь Верепаз опускает серебряную зыбку и забирает её на небо. Став снохой Верепазы и живя в его доме, Куля всё время плачет о своём сундуке с приданым. За это свекровь связывает её и бросает с неба на землю, в результате девушка погибает. В данной песне необычна главенствующая роль свекрови — жены Верховного бога, а также жестокая расправа с Кулей как ответная реакция на её незримую связь с землёй.

В целом С.-б. м. свойственно сближение мифич. и реального пространств, событий и ценностей, что ставит их в один ряд с произв. эпич. масштаба.

С.-б. м. стали объектом проф. интереса художников (И. С. Ефимов, Н. С. Макушкин), писателей (П. С. Кириллов, А. В. Рогожин, Ф. С. Атянин, В. А. Юрчёнков и др.) и композиторов (Л. П. Кирюков) Мордовии, воссоздавших в своих произв. их гл. героев, а также отд. сюжеты и мотивы.

Тексты: Образцы мордовской народной словесности. Вып. 1 : Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии. Казань, 1882 ; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; **Евсеев М. Е.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1963. Т. 2 ; УПТМН. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963 ; УПТМН. Т. 9 : Мордовские народные песни Заволжья и Сибири. Саранск, 1982 ; УПТМН. Т. 11 : Народные песни мордвы Пензенской области. Саранск, 1987 ; Масторава : мордов. нар. эпос. Саранск, 2009 ; 2012 ; Масторава : мордовский народный эпос. Саранск, 2011 ; Масторава : эрзя-мокшонь раськень эпос. Саранск, 2011 ; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki ; Turku, 1938. Bd. 1 ; 1947. Bd. 4 ; Helsinki, 1977. Bd. 5.

Лит.: Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981; Саратовский этнографический сборник. Саратов, 1922. Вып. 1; Рогожин А. Литва: стихи поэма. Саранск, 1939; Кириллов П. С. Литва. Саранск, 1957; Атянин Ф. С. Серебряное озеро: рассказы, сказы, сказки, легенды, повести. Саранск, 1970; 1986; Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964; Самородов К. Т. Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980; Масторава. Саранск, 1994; 2001; 2003; Шаронов А. М. Масторава. Саранск, 2010; Егуже. Мордовский героический эпос: сюжеты и герои. Саранск, 2001; Юрчёнков В. А. Сказки Вирявы. Саранск, 2012.

И. В. Зубов.

СЕМЕЙНО-ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ произв. устно-поэтич. нар. творчества, сопровождающие обряды, приуроч. к трём осн. моментам человек. жизни: рождению (родильно-крестильные обряды), заключению брака (свадебные) и смерти (похоронно-помин.). Одни произв. имеют обрядовое происхождение (причитания свадебные, рекрутские и похоронные, величальные песни, приговоры, присловья и диалоги), др. — не-обрядовое (разного рода песни, частушки, загадки, пословицы) и характеризуются более широкой сферой бытования. С.-о. п. условно делится на родильные песни и прозаич. благопожелания; свадебные песни и причитания; похоронные и помин. причитания (плачи).

Появившись в эпоху первобытного общества, С.-о. п. вобрала в себя древнейшие представления о возникновении жизни, взаимосвязях человека с обществом и природой. В форме ритуальных прошений и оберега от злых духов она выполняла магич. функцию умиловствления мифич. покровителей. Во всех её жанрах отразились древнейшие взгляды людей на природу и желание

магически воздействовать на неё, их вера в различные мифич. существа (божества) ради благополучия в обществ. и семейной жизни, особенно для получения ежегодного богатого урожая, приплода скота и сохранения здоровья.

Начало собиранию и изучению мордов. обрядовой поэзии положено в 19 в. в работах М. Попова, П. И. Мельникова, А. Леонтьева, А. Терновского, М. Е. Евсевьева и др., давших описание нек-рых семейных обрядов и зафиксировавших отд. образцы семейно-обрядовых песен. Позднее об обрядах и обрядовых песнях мордвы писали К. Милькович, Н. Масленников и др. С кон. 19 в. стали выходить сб-ки, включающие обрядовую поэзию. Их подготовкой занимались А. Ф. Юртов, Евсевьев, Х. Паасонен, А. Шахматов и др. Важная роль в собирании и исследовании С.-о. п. принадлежит НИИЯЛИЭ (с 2001 — НИИГН). Эта работа началась в 1930-х гг. (И. С. Сибиряк, Д. Кеняев, Т. Талышкина, Л. С. Кавтаськин и др.). В 1970-х гг. фольклористами ин-та были подготовлены четыре тома сер. УПТМН, посвящ. мордов. свадебной поэзии (1972, А. Г. Борисов; 1975, К. Т. Самородов) и причитаниям (1972, Кавтаськин; 1979, М. Г. Имяреков, Самородов). Во 2-й пол. 20 в. к исследованию мордов. С.-о. п. обратились И. А. Касьянова, М. И. Чувашев, Т. П. Девяткина, Н. Г. Юрчёнкова, Г. А. Корнишина, Н. Ф. Беляева, В. И. Рогачёв и др.

В системе семейной обрядности мордвы рождение ребёнка является одним из важнейших событий. Комплекс разнообразных действий, связ. с этим процессом (см. *Родильные обряды*), включает специальные ритуалы, в осн. магич. характера, к-рые вводят новорождённого в семейно-родств. коллектив, делают его полноправным членом этого сообщества, сопровождая

песенно-молитв. формулами (родильные песни у мордвы не зафиксированы исследователями). Покровителем и пом. при родах и после них считалось божество бани *Банява*, к к-рому *повивальная бабка* обращалась за содействием: «Баня-авушка, матушка... горячим паром обдай... дымом своим окутай, зольной пылью покрой. ...Дай родильнице здоровья, силы, чтобы вынянчила, выкормила ребёнка» (цит. по: Беляева Н. Ф., Традиционное воспитание детей у мордвы, Саранск, 2001, с. 44). В молитвах просили помощи и у божеств *воды*, к-рые, по поверьям мордвы, могут дарить детей, смягчить боль у роженицы и защитить новорождённого. Так, мордва д. Козловка Бугурусланского у. Самарской губ. обращалась к ним со следующей молитвой: «Вельдйя-баба с шёлковыми волосами, Вельдйя-атя с серебряной бородой, Ведь-масторава, простите ребёнка (плод тела) Матри, пусть он появится на свет... пощадите её, помогите ей!» (цит. по: Harva U., Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen, Helsinki, 1952, S. 245 — 246). Магич. формулы-«обереги» (различного рода приговоры и заговоры; см. *Заговор*) сопровождали младенца с первых дней жизни, напр.: «Пусть тело ребёнка будет могучим, а сердце мужественным и твёрдым, как камни, из которых сложена печь» (Mainof W., Les restes de la mythologie Mordvine, J. de la Société Finno-Ougrienne, Helsingissä, 1889, vol. 5, p. 55). Перед выходом с ребёнком из бани во время моления в честь Банявы повивальная бабка благодарила её за содействие в родах: «...Хозяйка бани, спасибо тебе за то, что вымыла-вытерла, сберегла. <...> Прости, что мы тебя „изгадили“» (НА НИИГН, ф. Л-56, л. 300). Когда совершался обряд выкупа ребёнка (э. эйкакш идема), проводившийся после третьей бани, повивальная бабка, держа в од-

ной руке новорождённого, в др. — хлеб, спрашивала молодую мать: «Что тебе нужно: хлеб или ребёнка?». Мать отвечала: «Ребёнка». Тогда бабушка со словами: «Вот твоя ноша» отдавала его (цит. по: Корнишина Г. А., Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования, Саранск, 2000, с. 107). Если роды проходили дома, то сразу после благополучного рождения ребёнка устраивали моление над хлебом, в ходе к-рого обращались к Нороваве (см. *Норовава*, *Паксява*) с просьбой беречь младенца, дать ему счастья и здоровья или к покровителю *дома* (см. *Кудава*) и предкам (см. *Культ предков*), напр.: «Куд азорава, матушка! Предки! Примите новорождённого под своё покровительство, берегите его от болезней, тяжести и бед. Дайте ему здоровья и счастья» (НА НИИГН, ф. Л-56, л. 298 — 299). Во время обряда первого укладывания в колыбель (см. *Детские обряды и мифология*) родственники и соседи роженицы произносили пожелания долголетия, имевшие смысл *заклинания*. Обряд знакомства с новорождённым (см. *Детские обряды и мифология*) сопровождался специальным молением, где повивальная бабка обращалась к *Иисусу Христу* и «кормильцу Пасу», прося у них счастья для новорождённого. После угощения присутствующих кум или кума поднимали вверх пирог с начинкой или горшок *каши* и, обращаясь к новорождённому, желали ему вырасти таким же большим, на какую высоту были подняты пирог или каша. С разрушением родильной обрядности мн. песни, приуроч. в прошлом к конкретным ритуальным действиям, стали интонироваться в качестве колыбельных и дет. потешек.

Наибольшим богатством и разнообразием у мордвы отличается *свадьба*, ярко и полно отражающая целост-

ное восприятие окружающей действительности, отголоски суеверий, культовых мотивов, синкретизм языч. обрядности и песен, размышления о человеке, семье, детях, преемственности поколений и смысле жизни. Мордов. свадьба включает в себя почти всю жанровую палитру нац. фольклора: молитвы, заклинания, *причитания*, величальные, корильные, эротич. и лирич. песни (см. *Свадебные песни*), а также паремич. жанры — загадки, пословицы, поговорки, прибаутки; песенные и танц. мелодии и пляски (см. *Музыка и миф*), сопровождающие все её этапы. Свадебные обряды и связ. с ними песни, *причитания* в архаич. форме воспроизводят различные формы брака. При этом как в самих обрядах, так и в связ. с ними песнях и плачах выступают характерные для мордов. *демонологии* образы (Ведява, *Вириява*, *Варда* и др.), предстающие антропоморфными существами (см. *Антропоморфизм*). Наиболее почитаемыми на свадьбе мордвы являются *Нишкепаз*, *Норовава*, *Юртава* (*Юрхтава*), *Кудазорава*, *Кардаз сярко* (см. *Калдазава*, *Кардазава*) и *Ведява*.

Осн. жанром *похоронных* и *поминальных обрядов* являются *причитания*. Похоронные *причитания* делятся на три цикла. К первому относятся вступит. плачи, исполняемые обычно в день смерти, после обрядования покойника, когда он ещё не лежит в *гробу*. Второй цикл приурочен к обрядам, связ. с *гробом* (внесение в дом, перекладывание умершего в *гроб*, вынос *гроба* с телом из дома и несение на *кладбище*). Данные *причитания* исполнялись обычно на второй день после смерти (в богатых семьях — на третий). Они являются наиболее напряж. моментом ритуала прощания. Третий цикл включает *причитания* на *кладбище*, сопровождающие обряды с момен-

та опускания *гроба* в *могилу*. Мордов. похоронные *причитания* содержат разнообразные средства традиц. поэтики фольклора (эпитеты, сравнения, метафоры, символы, гиперболы и др.). Употребление того или иного худож. средства и поэтич. приёма зависит от момента обрядового действия и настроения вопленицы. В *причитаниях* обращались к предкам и языч. божествам-покровителям (*Кудава*; *Юртава*, *Юрхтава*; *Калмазыренть покшозо* и др.), напр.: «Держательница дома кудава, / Смотрительница дома любимая, / Ты открой свою дверь пошире, / Подними повыше косяки. / Не одна я зайду, / Не одна я пройду, / Сначала я проведу / Военных-пленных, / Затем я приведу / Семь человек родни, / За ними позову отца родного» (УПТМН, т. 7, ч. 2, с. 59).

Помин. *причитания* исполняются при посещении *могилы* умершего в ритуальные и родительские дни (см. *День поминания умерших*) либо в случае потребности выразить сердечное отношение к нему, а также душевные муки, напр.: «Милый мой, кормилец мой... / <...> / Вот уже девять дней / Как ты мёртвый... / Этот срок нам показался / Долгим, как девять лет» (Там же, с. 289) или «Родное дитячко моё, Фёдор!.. / <...> / Четыре месяца не высыхали, / Сыночек горячие слёзы мои, / Четыре месяца не успокаивалось, / Сыночек, моё сердце» (Там же, т. 7, ч. 1, с. 171). Раньше к каждому поминкам мордва готовила брагу (см. *Брага*, *Поза*). Перед началом процесса обязательно *причитали*. Много *причитали* и в день *поминок* (когда вечером выходили «встречать» покойника). Заместителя умершего (см. *Вастозай*, *Эземо-зай*) по окончании *поминок* провожали с громким плачем и словами: «Теперь более уже к нам не ходи, твой пир уже прошёл. Ступай, живи в своём месте! Когда ещё будет у нас праздник, тогда

милости просим к нам в гости на время праздника. Ну, прощай!» (Арх. РГО, ф. 28, л. 10).

К нач. 21 в. С.-о. п. мордвы претерпела существ. трансформацию в сторону упрощения и сокращения и практически утратила магич. составляющую.

Тексты: Образцы мордовской народной словесности. Вып. 1: Песни на эрзянском и некоторые на мокшанском наречии. Казань, 1882; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба. М., 1931; 1959; 1990; Саранск, 2012; Эрзянь фольклор / сост. Л. С. Кавтаськин. Саранск, 1939; Мокшень фольклор / сост. Д. Кеняев, Т. Талышкина. Саранск, 1940; Мордовские народные песни / сост. Л. С. Кавтаськин. Саранск, 1955; Мордовские народные песни / сост. Г. И. Сураев-Королёв, Л. С. Кавтаськин. Саранск, 1957; УПТМН. Т. 6, ч. 1: Эрзянская свадебная поэзия. Саранск, 1972; УПТМН. Т. 7, ч. 1: Эрзянские причитания-плачи. Саранск, 1972; УПТМН. Т. 6, ч. 2: Мокшанская свадебная поэзия. Саранск, 1975; УПТМН. Т. 7, ч. 2: Мокшанские причитания. Саранск, 1979; Памятники мордовского народного музыкального искусства — Мокшэрзянь народной музыкальной искусствань памятникне — Мокшэрзянь народной музыкальной искусствань памятникне: в 3 т. / сост. Н. И. Бояркин. Саранск, 1981. Т. 1; 1988. Т. 3; Proben der mordwinischen Volksliteratur / gesamm. von H. Paasonen. Helsingissä, 1891. Н. 1; Mordwinische Volksdichtung. Helsinki; Turku, 1939. Bd. 2; 1947. Bd. 4; Helsinki, 1977. Bd. 6; 1980. Bd. 7; 1981. Bd. 8.

Лит.: **Попов М.** Селиксенские мордвы (Рассказ путешественника) // Этнокультурные процессы в мордовской диаспоре. Саранск, 2004. (Тр. / НИИГН; т. 4 (121)); **Мельников П. И.** Эрзянская свадьба // Симб. губерн. ведомости. 1851. № 25; **Его же.** Мокшанская свадьба // Там же. № 26; **Леонтьев А.** Село Оркино Саратовского уезда // Саратов. губерн. ведомости. 1864. № 27, 29,

30, 33, 41, 43, 45, 47, 55, 57, 59, 61, 63; **Терновский А.** Свадьбы «самоходки» и моляны в мордовском селе Катъмисе Городищенского уезда // Пенз. губерн. ведомости. 1867. № 33; **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба // Живая старина. СПб., 1892. Кн. 2; 1893. Кн. 3; **Его же.** Избр. тр.: в 5 т. Саранск, 1966. Т. 5; **Милюкович К.** Быт и верования мордвы в конце XVIII столетия // Тамбов. епарх. ведомости. 1905. № 18; **Маслеников Н.** Свадьба села Атяшева // Изв. ОАИЭ. Казань, 1928. Т. 34, вып. 1; **Сибиряк И. С.** Урвакстома койть ды морот: (Эрзянь фольклор). Саранск, 1936; **Кавтаськин Л. С.** Предисловие // Мордовские народные песни. 1955; **Его же.** Предисловие // УПТМН. Т. 7, ч. 1; **Борисов А. Г.** Предисловие // УПТМН. Т. 6, ч. 1; **Самородов К. Т.** Предисловие // УПТМН. Т. 6, ч. 2; **Его же.** Мордовская обрядовая поэзия. Саранск, 1980; **Самородов К. Т., Имяреков М. Г.** Предисловие // УПТМН. Т. 7, ч. 2; **Касьянова И. А., Чувашев М. И.** Мордовские (эрзянские) причитания. М., 1979; **Федянович Т. П.** Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребёнка (конец XIX — 70-е гг. XX в.) // Сов. этнография. 1979. № 2; **Юрчёнкова Н. Г.** Плачи восточных финно-угорских народов (сравнительно-типологическое изучение): автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. филол. наук. Минск, 1990; **Девяткина Т. П.** Мокшанские свадебные обряды и песни. Саранск, 1992; **Её же.** Свадебные обряды и песни мордвы (мокши и эрзи): Восточнофинно-угор. контекст. Саранск, 1995; **Корнишина Г. А.** Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000; **Её же.** Традиционно-обрядовая культура мордвы. Саранск, 2005; 2007; **Беляева Н. Ф.** Традиционное воспитание детей у мордвы. Саранск, 2001; **Её же.** Традиционные институты социализации детей и подростков у мордвы. Саранск, 2002; Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордов. народа. Саранск, 2004; 2012; **Рогачёв В. И.** Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор. Саранск, 2004; Обряды и фольклор мордвы-мокши: теория и практика проблемы (по фольклорно-этнографи-

ческим материалам Zubovo-Полянского района Республики Мордовия) / [В. И. Рогачёв и др.]. Саранск, 2012.

И. И. Шеянова.

СЕМИОЛОГИЯ И МИФ. Доминантой осн. интерпретаций мифа в структуре культурной семиотики являются мифол. символика и её анализ. Происхождение символа тесно связано с исторически первым способом духовного освоения мира — мифом. Мифол. сознание мордвы закреплялось в таких базовых символах, как, напр., *Великое дерево*, образно объединяющее три сферы мироздания — *небо, землю и подземный мир* (см. *Загробный мир*); Мировое яйцо, снесённое *Великой птицей* и обозначающее происхождение жизни и Космоса.

С точки зрения семиотики миф представляет собой нулевую ступень семиозиса, на к-рой, согласно Ф. де Соссюру, такие оппозиции, как диахрония и синхрония, выступают в виде тождеств. Язык мифа является и его речью, поскольку он реализуется в мифол. представлении о ритуале или в мифол. тексте; в то же время индивидуальное использование мифа делает его мифологичным только благодаря этой знаковой системе. В мифе нет противопоставления диахронии и синхронии, он панхроничен: его события происходили где-то давным-давно, но они регулярно повторяются здесь и сейчас. Наконец, элементы мифол. парадигмы реализуются в синтагме не в свободной (в отличие от языка), а в жёстко определённой последовательности. Так, инициация: отлучка-испытание (иногда связ. с искушением, когда испытуемый оказывается на грани жизни и смерти либо умирает) — преобразование (воссоздание или воскресе-

ние иницианта в новом качестве) возможна только в данной последовательности. В мордов. мифологии это прослеживается, напр., в причитаниях (см. *Причитания невесты*, где она характеризует своё состояние как символич. смерть (уход из родной семьи), а приход в семью мужа означает последующее рождение. В обряде *имянаречения невесты* также фигурируют знаки смерти (мнимая смерть и воскресение в новом качестве; см. *Инициация и миф*).

По мнению мн. исследователей мифа, символичность является одним из важных его свойств. Так, А. Ф. Лосев утверждал, что всякий миф есть символ уже потому, что он мыслит себе общую идею в виде живого существа, а живое существо всегда бесконечно по своим возможностям. Учёный считал, что всякий миф есть символ, однако не всякий символ есть миф. Худож. образы в значит. мере символичны, но мифами они являются сравнительно редко. Ф. В. Шеллинг писал, что «символизм есть принцип конструирования мифологии вообще» (Шеллинг Ф. В., *Философия искусства*, М., 1966, с. 110). По мнению В. В. Иванова, миф и символ неразделимы, «из символа вырастает искони существовавший в возможности миф, это образное раскрытие имманентной истины духовного самоутверждения народного и вселенского» (Иванов В. В., *По звёздам*, М., 1909, с. 38). В. Вундт рассматривал миф и символ как образования, стоящие на противоположных концах религ. развития: первый — в начале, второй — в конце. Сам миф не имеет символич. значения, но пока природный миф жив, явления воспринимаются так, как он изображает их.

Повод для возникновения мифов дают символы. Неоднократно повтор.

миф становится носителем собств. истины, недоступной рациональному объяснению. Факты, ощущения, надежды, желания, страх или к.-л. иная информация первонач. возникает в мозгу человека как образ и передать его непосредственно др. человеку точно в таком же виде не представляется возможным. Поэтому информация трансформируется в символы, к-рые потребитель сообщения может понять.

Особенность мифа как способа понимания действительности состоит в том, что недостаточность практич. овладения миром компенсируется посредством смыслового породнения с ним. Принципы мироощущения и миропонимания, реализуемые в мифе, основываются на неспособности человека выделить себя из окружающей среды, а также на своеобразной нерасчленённости мышления. Субъект и объект, происхождение и сущность, вещь и слово неотчётливо разграничиваются в мифол. сознании. Мифол. символизм соединяет реальный и ментальный планы. Образы мифа наполняются субстанциональностью, понимаются как действительно существующие. При этом неверно было бы интерпретировать миф как фантастич. вымысел. Миф не разъединяет естественное и сверхъестественное, всё его содержание мыслится как подлинность. Миф — это сакральный рассказ, правдивость к-рого не может быть подвергнута сомнению. Темой этого рассказа становится т. н. мифич. время, т. е. особая эпоха первотворения, предшествующая началу эмпирич. времени и даже противопоставл. ему. Однако это противопоставление не окончательно, поскольку мифич. время является сферой действия первопричин всего последующего (см. *Время мифическое*). В силу этого миф парадигматичен (от гр. *paradeigma* —

пример, образец), он служит своеобразной моделью для жизни. Все чело-веч. действия и проявления — рождение, брак, смерть, основание города, стр-во дома и храма, обработка земли и приём пищи — обладают значением и ценностью не сами по себе, а как повторение мифол., идеального образца. Средством воспроизведения прадей-ствия служит ритуал, обряд (см. *Обряд и миф*). Последний реализует миф, символически повторяя, а следовательно, и реактуализируя его. Миф, в свою очередь, кодифицирует обряд. Структура мифол. символизма направлена на то, чтобы погрузить каждое частное явление в стихию первоначал и дать через него целостный образ мира. Когда произошло разрушение синкретич. единства мифа, мифол. символизм унаследовали религия (см. *Религия и миф*), иск-во (см. *Изобразительное искусство и миф*) и обществ. сознание (см. *История и миф*). При этом история не может коренным образом изменить структуру древнего символизма. Откровения православия, напр., не разрушают дохрист. значение символов, а лишь добавляют им новые смыслы. По определению Лосева, символ — это миф, «снятый» (в гегелевском смысле) развитием культуры, он перешагивает границы ист. эпох и сохраняет память о своих предшествующих смыслах. Т. о., мифол. символы становятся своего рода конденсаторами опыта человечества. В этом смысле миф является не забытым эпизодом предыстории культуры, а её вечной, вневрем., живой сущностью.

Для того чтобы установить связь между мифом и символом в семиотике, необходимо выявить границу между двумя др. её базовыми понятиями — «знак» и «символ». Так, Ю. М. Лотман трактовал символ не только как знак

нек-рого искусств. языка (напр., химич. или матем. символы), но и как выражение глубинного сакрального смысла (*крест, круг, пентаграмма* и др. символы). Последние обладают большой культурно-смысловой ёмкостью, они восходят к дописьм. эпохе и представляют собой архаич. тексты, служащие основой любой культуры. Т. о., символ, согласно Лотману, это социально-культурный знак, представляющий собой идею, к-рая постигается интуитивно и не может быть выражена адекватно-вербальным способом. Иногда символ трактуется просто как знак, но это не всегда верно. Под знаком подразумевается предмет или слово, служащие для обозначения др. предмета, а под символом — знак, за к-рым скрывается к.-л. смысл, сложный образ, мотив, идея, сюжет, жизн. ситуация. Иными словами, символ — это значение, к-рым наполняется знак. Так, в мордов. мифологии *Вирява* является обобщением (символом) *леса, Ведява — воды*, водных источников. При этом конкретные предметы, не теряя своей конкретности, могут становиться знаками др. предметов и символически замещать их. У мордвы, напр., мифол. образ божества грома *Пурьгинепаз* представлен в виде человека в чёрном с горящими, как огонь, глазами и вооруж. камнями. Он символизирует опасные стихии — гром и молнию. По мнению Н. Г. Юрчёнковой, «соединение в данном символе внутреннего и внешнего... понимается через содержание, которое скрывается за воображаемым персонафицированным образом. Наличие определённых атрибутов у этого божества... подчёркивает соответствие символа идее, вложенной в него» (Юрчёнкова Н. Г., Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации, Саранск, 2009, с. 72).

В мордов. культуре также есть предметы, выполняющие важную символич. роль, напр. нац. костюм молодой женщины или девушки, к-рый интерпретируется как символ Мирового дерева. Традиц. комплекс костюма условно можно разделить на три зоны, каждая из к-рых, по представлениям мордвы, обладает глубокой семантич. значимостью: верх — головной убор, соединяет женщину с космич. силами и здесь преобладают знаки тотемных животных, солярная и лунарная символика; середина — грудь, изобилует *вышивкой* и украшениями, где доминируют знаки и обереги тотемы, а также символы плодородия, призыв. защищать и помогать в деторождении; низ — ниж. часть костюма, с границей и в то же время соединяющим звеном между средним и ниж. пространствами — поясом, наполнена знаками стихий земли и воды, растительными элементами.

С точки зрения парадигматич. отношений символы объединяются в определённые классы, системы, напр. науч., мифол., филос., худож. символы и т. д. Мифол. символы имеют наиболее древнюю историю и принадлежат к числу осн. факторов и стимулов духовной жизни. Многозначные символы иногда содержат в себе взаимоотвергающие понятия, напр. добро и зло, жизнь и смерть. Так, согласно нар. представлениям мордвы, змея выступает символом зла (см. *Добро и зло*), в частности мифол. *Великий змей* ассоциируется с нечистой силой. В то же время мордва почитала ужа, а женщины носили браслеты, похожие на змеиные головки, к-рые служили не только украшением, но и оберегом от всего недоброго. Кроме того, *Вирява* и др. божества, олицетворяющие в осн. природные стихии, могут символизировать и добро, и зло (см. *Метаморфозы*).

Каждое новое поколение не изобретает новые мифол. символы, они передаются человеку как важная часть подлежащей усвоению духовной культуры. Мифол. символы фиксируют то, что есть в мифологии, и в то же время закрепляют собой то, на что она ориентирована. По своей природе они воплощают и отражают продукты чело- веч. фантазии, утвердившиеся в мифологии, и являются своеобразным языком, с помощью к-рого духовный мир вступает в диалог с личностью и доносит до неё свои ценности.

Лит.: **Иванов В. В.** По звёздам : статьи и афоризмы. Опыты филос., эстетич., критич. М., 1909 ; **Вундт В.** Фантазия как основа искусства. СПб. ; М., 1914 ; **Шеллинг Ф. В.** Философия искусства. М., 1966 ; **Лосев А. Ф.** Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976 ; **Соссюр Ф. де.** Труды по языкознанию. М., 1977 ; **Лотман Ю. М.** О семиотическом механизме культуры // Избр. ст. : в 3 т. Таллин, 1992. Т. 3 ; **Рогачёв В. И.** Семейные знаки народов Поволжья (на примере знаков собственности эрзи и мокши). Саранск, 2003 ; **Его же.** Семантика знаков декоративно-прикладного искусства (на примере орнамента эрзи и мокши) : уч. пособие. Саранск, 2005 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009 ; **Рябов Н. В.** Этносимволические формы мордовской культуры: генезис и эволюция. М., 2010 ; **Митина В. В.** Знаки и символы в этнокультуре мордвы. Саранск, 2011.

И. И. Шеянова.

СЕРЕБРЮ́ (м., э. **Сия**), металл, символизирующий непорочность, мудрость, благородство, знание, духовные добродетели и обладающий мистич. свойствами. Серебряный — цвет умеренности, знания, а также старости. Мягкое и податливое при обработке С.

традиционно считается жен. металлом. Покровителем С. является луна, к-рая в мифологии выступает пристанищем мёртвых. Её серебристое сияние питает потусторонние существа. С. же обладает способностью вернуть злые силы в преисподнюю. С. — один из древнейших материалов, используемых человечеством для изготовления ювелир. украшений и отд. предметов обихода. С этим металлом связано большое кол-во мифов и легенд. По поверьям, соприкасаясь с энергетикой человека, С. очищает её, поглощая внеш. негатив, а также способствует духовному развитию. Считается, что серебряные изделия чернеют на человеке, если его энергетика ослабла под влиянием отриц. энергетич. воздействия или по причине телесного истощения, болезни. Приписываемая С. способность поглощать негативную энергию, очевидно, связана с его антисептич. свойствами, к-рые изв. издревле и легко объясняют чудотворную силу этого металла. Ему приписывают и защитные свойства. Мордва считает, что С. предохраняет от чар колдунов (см. *Колдун*), злых духов (см. *Духи*) и сглаза, поэтому серебряные изделия служат естеств. талисманом. Так, одним из элементов нац. жен. костюма мордвы являются набедренные и нашейные украшения, состоящие из серебряных монет, к-рые во время движения звенят и тем самым, по нар. поверьям, отпугивают нечистую силу.

В мифол. и эпич. песнях мордвы С. является символом божественного. Так, богиня *Анге Патяй* прядёт на серебряном гребне пряжу; богоизбр. *Литова* вышивает серебряной иглой, а *Нишкепаз* забирает девушку в серебряной зыбке (люльке) на серебряной цепочке в небесную семью; у любимой птицы Нишкепаза — *лебедя* серебряный клюв. На божеств. происхождение

Тюшти указывают золотое солнце на лбу, серебряная луна на голове и светящиеся звёзды в волосах.

С. ассоциируется также с достатком, напр.: в доме богача «...на краю стола серебряная чаша, / В ней напиток густой, медовый. / В чашу ковшик опущен серебряный» (УПТМН, т. 1, с. 41).

Серебряные изделия, монеты и др. предметы, указывающие на богатство, фигурируют в убранстве и обрядах мордов. *свадьбы*. Так, перед прибытием свадебного поезда за *невестой*, крёстная мать (см. *Крёстные родители*), одевая её, в *причитаниях* говорила, что уши невесты украсят серебряными серьгами, а рубаху наденут вышитую по подолу и по краям С.; при укладке сундука невесты (см. *Парь*) в каждый его угол и на каравай хлеба клали серебряную монету со словами: «Чтобы бог велел жить при свете серебра, в богатстве» (УПТМН, т. 6, ч. 2, с. 191); серебряными монетами одаривали молодую и будущие сватья; по прибытии из церкви после *венчания* пели песню, где упоминается «серебряный» столб во дворе, на к-ром «красивый венец, / поверх светится серебром, / остальная часть — золотом» (Там же, с. 337), здесь венец олицетворяет молодую жену.

С С. в мордов. свадебной обрядности ассоциируются «чистота» и красота жизни в *девичестве*. Так, во время обряда оплакивания девичества невеста рассказывала матери, что ехала со своим девичеством между «серебряными» столбами, мимо «серебряной» горы, под к-рой течёт «серебряный» родник, а в нём «серебряный» ковш, останавливалась возле «серебряного» колодца и умывалась из «серебряного» ковша. В то же время безрадостную и тяжёлую жизнь в замужестве невеста рисовала как обратную дорогу по грязи, по болоту, по осоке, по камышам, ми-

мо «глиняной» горы с «глиняным» родником и «ольховым» ковшом, между «ольховыми» столбами. Сравнивая свадебный поезд с ногайцами и башкирами, невеста упоминала в *причитаниях* ногайскую женщину, к-рая взмахом правой руки с серебряным кольцом строит серебряный мост и С. подкупает подруг, чтобы добраться до неё. Здесь отражаются представления мордвы о волшебных свойствах этого металла и магич. силе предметов из него.

Как символ очищения, силы и здоровья С. выступает во мн. мордов. *заговорах лечебных*. Так, в заговоре от глазных болезней (напр., бельмо на глазу) для исцеления ворожея использует серебряную монету, к-рой обводит глаза. В самих заговорных формулах в качестве целителей фигурируют: старшая дочь Верховного бога Нишкепаза — *Кастарго*, во дворе у к-рой стоит «серебряный» столб; белый коршун с «серебряными» перьями; «серебряный» старик или бабушка (см. *Сиянь атя*). В заговорах от ожога, а также связ. с использованием *воды* мордва традиционно обращалась к божествам, олицетворяющим соотв. стихии: «серебробородый бог огня», «сереброкосая богиня воды» (УПТМН, т. 7, ч. 3, с. 233, 241, 243), «серебрянобородый Ведь атя» (НА НИИГН, ф. Л-52, л. 17). В текстах мордов. заговоров в качестве исцеляющих субстанций упоминаются также серебряное море; кони, уздечки, кольца на столбах; иглы (см. *Игла*) и др.

В загадках мордвы с С. и предметами из него ассоциируются луна и др. небесные светила, в частности звёзды. Первая предстаёт в виде «серебряных» серпа, подковы, тарелки и пирога; вторые — серёг, денег и просто С. Нар. воображение рисует луну также в образах животных: «серебряных» насадки и коня (сивая лошадь, сивый жеребец).

С. используется для изготовления зеркал (см. *Зеркало*). Поэтому считается, что в них проявляются магич. (спиритич.) свойства этого металла. По представлениям мордвы, зеркало приобретает способность показывать прошлое и будущее, устанавливая контакт с душами умерших.

В христианстве С. символизирует божеств. мудрость. Именно оно, как правило, применяется для изготовления крестов, икон, церк. утвари. У мордвы есть загадки о колоколе, где он изображается в виде серебряного коня, а его звон характеризуется как «серебряный голос», «С.» (УПТМН, т. 4, ч. 2, с. 147, 211). По нар. поверью, звон серебряных колоколов отгоняет демонов.

Тексты: Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910; УПТМН. Т. 1 : Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963; УПТМН. Т. 4, ч. 2 : Мордовские загадки. Саранск, 1968; УПТМН. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; **Никонова Л. И.** Тайны мордовского целительства : Очерки нар. медицины мордвы. Саранск, 1995; *Mordwinische Volksdichtung*. Helsinki; Turku, 1938. Bd. 1.

Лит.: **Мельников П. И. (Андрей Печерский)**. Очерки мордвы. Саранск, 1981; **Девяткина Т. П.** Мифология мордвы : [энциклопедия]. Саранск, 1998; 2006; **Мокшин Н. Ф.** Мифология мордвы : этногр. справ. Саранск, 2004; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

И. И. Шеянова.

СИЯНЬ АТЯ (м., э. сия «серебро», атя «старик»; букв.: серебряный старик), персонаж *заговоров лечебных*, являющийся средством магич. избавления от *болезни*. Встречается в заговорных формулах, применяемых при глазных болезнях, кровотечении и ожогах. Иногда

предстаёт в виде бабушки (женщины, девушки). Назв. полностью соотв. окружающей обстановке и внеш. виду С. а.: дом, печь с шестком; волосы, борода; одежда, обувь (шапка, кушак, лапти, башмаки), а также любые используемые им предметы (лопата, мочало, мотыга) являются «серебряными». Вероятно, употребление в вербальной формуле *серебра* связано с особыми характеристиками данного металла и нек-рым влиянием правосл. культуры (чистый; неоскверн.). Иносказательная отсылка к С. а., к-рый должен «отрубить», «смыть», «стереть», «очистить», «разбросать» и т. д. болезнь, имеет традиц. основу. Мордов. знахари (см. *Знахарь*) широко применяют такие действия в процессе лечения как способ создания непреодолимого препятствия для развития болезни.

С. а. аналогичен образам «железного» (см. *Кининь атя*), «медного» (см. *Медной атя*, *Медной атя*) старика и под.

Тексты: УПТМН. Т. 7, ч. 3 : Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск, 1981; *Mordwinische Volksdichtung*. Helsinki; Turku, 1941. Bd. 3; 1947. Bd. 4.

М. Н. Салаева.

СКАЗКА И МИФ. Сказки мордов. народа обнаруживают отчётливую связь с первобытными мифами, ритуалами и обычаями. Мотивы, характерные для тотемистич. мифов мордвы, отразились в сказках о *животных* (процесс приручения, появление тех или иных качеств, физиологич. особенности нек-рых животных). Так, в сказке «Коза и козлята» говорится о том, как коза, ранее жившая в лесу, навсегда оставляет его и переходит жить в деревню, а в сказке «Кода пинесь эстейнза ялга мусь» («Как собака друга себе

нашла») — почему собака осталась жить с человеком. В сказке «Якай-покай нумолнясь» («Ходит-бродит зайчик») объясняется, почему у *зайца* короткий хвост.

По мере забвения тотемистич. верований сказки о животных обогащались бытовыми мотивами. При этом происходила десакрализация тотемных персонажей с сохранением их зооморфности. Так, мифы мордвы отражают поклонение *медведю*, к-рый считался прародителем и покровителем мордов. народа, самым сильным среди зверей. В сказках «Лиса-повитуха», «Лиса и медведь» он предстаёт добродушным, доверчивым, неповоротливым животным, к-рое может обмануть *лиса*, обидеть *волк* и др. более слабые животные.

Мифы и тесно связ. с ними ритуалы посвячительного и инициального типа, потеряв сначала тесную связь между собой и, как следствие, определяющие черты мифа — сакральность, безусловную веру рассказчика и слушателя, но сохранив свои мотивы, сюжеты и героев, трансформировались в волшебную сказку. Ист. корни волшебных сказок уходят в первобытную мифологию. Мн. их мотивы связаны с магией, а также с тотемизмом. В волшебных сказках мордвы есть образы детей, чудесно рожд. от *коровы*, *медведя* или *высиж.* бездетными старухами из птичьих яиц; магич. силу имеют слова и предметы; много различных превращений, т. к. в мифол. сознании не было строгой границы между человеком и природой. У мордвы, как и у др. народов, долго сохранялись пережитки, связ. с тотемистич. воззрениями, напр. вера в *оборотничество*. Идею возможности превращения человека в тотемное животное постепенно заменили представления о его врем. смерти. В минуты опасности или в др.

подобных случаях герой волшебной сказки на нек-рое время попадает в иное царство, т. е. получает облик животного. Между тем такое перевоплощение есть не что иное, как отправление в потусторонний мир. После того как опасность минует, человек приобретает прежний облик.

На основе таких представлений возник сказочный мотив чудесного бегства с превращениями. Герой, спасаясь от преследования, может превратиться последовательно в животных, а также в различные предметы. Его противники, в свою очередь, тоже перевоплощаются в соотв. образы для продолжения погони. В мордов. сказке «Сураля», напр., спасаясь от преследования, герои (Пандай и девушка) становятся сначала животными, затем объектами природы и различными предметами. Женившись на дочери брата Бабы-яги, герой и его суженая уходят от погони, превращаясь в корову и пастуха, церковь и попа, озеро и рыбу и т. д. («Ведява»).

Особенностью мордов. волшебной сказки является наличие в ней мифол. образов, к-рые до определённого времени были божествами и в их честь устраивали моления (см. *Моление*). В процессе принятия мордвой христианства в восприятии языч. божеств произошли существ. изменения. Вера в них постепенно ослабевала, и прежде почитаемые божества становились нечистой силой. Так, *Вириява*, ранее выступавшая как покровительница *леса*, теперь представлялась в сказках одной из его обитательниц, кровожадной людоедкой: она питается молоком, грибами, ягодами, пьёт вино и не брезгует человеч. мясом. В сказке «Портной, нечистый, медведь и Вириява», напр., напившись пива и вдоволь наплясавшись под балалайку портного, Вириява говорит: «Ух! Как устала, даже есть захотелось!

Портной, я тебя съем» (цит. по: Евсеев М. Е., Избр. тр., Саранск, 1964, т. 3, с. 311). В то же время в сказках сохранилась часть функций, характеристик Вирявы как божества, покровительствующего *растениям* и животным, обитающим в лесу. Так, в сказке «Вирьбаба» («Лесная старуха») она хочет съесть охотника, позволившего себе убивать зверей и птиц в её лесу. Однако из содержания сказок понятно, что человек уже не преклоняется перед ней, а борется и побеждает её. Так, портной обманывает Виряву, к-рая хочет его съесть, и зажимает её руки в расщепл. бревне. В разных вариантах сказки могуществ. когда-то божество просит отпустить его, обещая выкуп, или убегает, отрывая себе руки.

Отд. поступками Вирява напоминает Бабу-ягу. В сказках с сюжетом о мачехе и падчерице она, как и Яга, намеревается съесть детей-сирот, но благодаря их хорошему поведению оставляет в живых, а родных детей мачехи съедает. В сказке «Портной, медведь и нечистый» она приезжает к дому портного в ступе: «В самую полночь едет, шумит Вирь-Ава: кочергой путь расчищает, пестом ступу погоняет, помелом след замечает, сковородником в сковороду бьёт, будто в колокольчик звонит» (Мордовские народные сказки, СПб., 1909, с. 35). Однако в др. сказках более характерным для Вирявы является передвижение пешком или бегом, сопровождаемое шумом ветра, треском сучьев.

В сказках отразилась важная черта мифол. мировоззрения мордвы — *антропоморфизм*. Подобно др. мордов. мифол. божествам-покровителям Вирява имеет детей. В сказке «Медведь, нечистый и Вирява» она обращается к портному с просьбой освободить её ради малых деток, к-рых надо кормить. В др.

вариантах этой сказки Вирява выдаёт замуж за портного свою дочь.

По мере ослабления веры в *Ведяву* — покровительницу водной стихии, это божество также стало восприниматься как чудесный персонаж мордов. сказок. Образ Ведявы вообрал в себя отд. черты мифол. существ, близких к ней по функциям, в частности Бабы-яги и водяного из слав. мифологии. Ведява бегаёт по земле; «перегрызает» лес, горы, дерево; преследует свою жертву. При этом в сказках, где она является действующим лицом, в качестве заградительного предмета не выступает *река*, т. к. *вода* для Ведявы не препятствие. В сказках отразились мифол. воззрения мордов. народа на необходимость *жертвоприношения* Ведяве, в т. ч. человек., с целью получения её благосклонности. Напр., старик обещает отдать Ведяве сына («Ведява») или дочь («Сия пейне тейтерне» — «Девочка Серебряный зубок»), о существовании к-рых он не знает. В мордов. нар. сказках в отличие от легенд (см. *Легенда*), преданий (см. *Предание*) и быличек (см. *Быличка*) не уделяется особое внимание описанию внеш. облика Ведявы. Очевидно, это объясняется тем, что в сказках данный образ состоит из множества напластований, а также утрачена вера в Ведяву как божество. В отд. сказках наряду с Ведявой фигурирует *Ведятя*. Так, в сказке «Сия пейне тейтерне» они изображаются в виде старухи и старика со страшными зубами и глазами с ковшик. По функциям Ведява и Ведятя в сказках, как и в др. фольк. источниках, не различаются и часто напоминают образы водяного или морского царя в рус. сказках («Сураля», «Дячка Най-Най»). Такую общность черт исследователи (А. И. Маскаев и др.) объясняют преим. одинаковыми функ-

циями данных персонажей, а не заимствованием.

Др. популярный образ мордов. сказок — *Пурьгинепаз*. В сказках, как и в мифологии, он способен к перевоплощению в зависимости от выполняемых функций: то он — красивый юноша, живущий в лесу; то «чёрный человек» с чёрными глазами, горящими как огонь, и голосом громче грома, живущий на небе и редко спускающийся на землю; то он ездит на тучах, то, подобно царю, живёт в красивом дворце, пьёт вино и пьянеет. В сказке «Литова» и в различных вариантах сказки «Сыржа» Пурьгинепаз выступает в роли воителя за мордов. устои. Наиболее полно образ Пурьгинепаз, живущего на земле, но сохраняющего присущие ему мифол. черты и силу, разработан в сказке «Мазый Дамай» («Красавец Дамай»). Здесь его наз. «Пурьгине инязоро» (Царь-бог грома). Подобно мифич. Пурьгинепазу он имеет чудесных коней; побеждает семиглавого змея *Карязя*, реализуя свою способность громовержца.

Волшебная сказка может быть сопоставлена не только с отд. мифол. персонажами и представлениями, но и с ритуалами. Ритуально-мифол. генезис имеют мотивы брака человека с чудесным тотемным животным — существом, временно находящимся в звериной оболочке. В сказке «Пяштень тараткя» («Ветка орешника»), напр., заколдов. юноша может окончательно сбросить медвежью шкуру при условии, если его полюбит девушка. В др. сказках чудесная жена приносит своему избраннику удачу, но покидает его вследствие нарушения запрета (табу). Так, в сказке «Ведява» три сестры, купаясь в озере, сбрасывают оперение уток и превращаются в красивых девушек. Одежду младшей сестры похищает юноша. Впоследствии она помогает ему выдер-

жать все испытания своего отца. Разлучает их невыполн. запрет: придя в отчий дом, юноша не может целовать младшую (старшую) сестру («Сураля»). В сказке «Рав-Жольдямо» отражается не только табу, но и обычай брать жену из др. рода, поэтому герой, потеряв жену в утином наряде, отправляется за ней в далёкую страну через леса и реки, на высокую гору.

Важную роль в архаич. обществе играли т. н. переходные обряды, к-рые связывали индивидуальную судьбу человека с его социальной группой. Гл. переходный обряд — инициация предполагает символич. врем. смерть и возрождение в новом качестве — зрелым человеком (см. *Инициация и миф*). Обрядовая символика врем. смерти в сказках часто выражается в мотиве испытаний и последующей награды. В сказках «Алёшка и Ванюшка», «Сыре скал» («Старая корова»), «Солдат Ваня», напр., герои проходят серьёзные испытания, умирают, а потом с помощью мёртвой и живой воды воскресают в новом качестве.

Непременное условие формирования жанра волшебной сказки, основанного на вымысле, — отрыв сказки от архаич. мифологии и древних ритуалов. Достоверный мифол. рассказ должен был превратиться в поэтич. фикцию. Это происходило постепенно, с уходом древних мифол. воззрений. Как отмечал Е. М. Мелетинский, «превращение собственно мифов в сказки сопровождалось ослаблением веры в истинность мифических событий и развитием сознательной выдумки, потерей этнографической конкретности, заменой мифических героев вымышленными персонажами и мифического времени сказочно-неопределённым, переносом внимания с космоса на социум» (Мелетинский Е. М., *Низкий герой волшебной сказки*, М., 1990, с. 57 — 58). Од-

нако требовался толчок, к-рый способствовал бы превращению мифа в волшебную сказку. Таким толчком стало крушение родового строя. Появились и жертвы этого процесса — социально обездоленные, невинно гонимые. Сказка взяла их под защиту и сделала своими героями. В мордов. сказках это младший брат-дурак («Колма братт» — «Три брата»), падчерица («Од ава» — «Мачеха», «Падчерица») и осиротевшие дети («Уроскетъ ды Яга-баба» — «Сиротки и Баба-яга»; «Сыре скал», «Вирьбаба»). Теперь волшебные силы стали помогать им и устанавливать уходящую из жизни справедливость.

В волшебной сказке есть особые персонажи — чудесные пом., к-рым фантастич. образом передаются сила и способности героя, так что, по мысли В. Я. Проппа, «герой и его помощник есть функционально одно лицо» (Пропп В. Я., Морфология сказки, М., 1994, с. 171). Такими персонажами в мордов. сказках являются: во-первых, представители животного мира — птица, единств. назначение к-рой заключается в том, чтобы доставить героя на ту сторону огненной горы и обратно домой («Прошась оязор» — «Царь Проша»; «Сураля»), конь с серебряно-золотой гривой, умеющий летать («Колма братт»); во-вторых, умершие родители, что связано с *культom предков*, — мать, оставляющая сиротам корову-помощницу («Сыре скал»), отец, дарящий младшему сыну чудесного жеребца («Колма братт»); в-третьих, олицетвор. чelовеч. и сверхъестеств. способности — охладитель горячих бань, звездочёт, пропускающий через себя еду, воду и т. п. («Ивашка Приметлев»; «Оязоронь цёра-богатырь» — «Царевич-богатырь»). Все они функционально едины: помогают герою выполнить трудную задачу.

Ритуально-мифол. противниками героя, к-рых он должен одолеть, в волшебной сказке являются тёмные силы. Они представлены персонажами, различными по происхождению. Их роль — испытание героя. Со злыми силами природы, в первую очередь с подземным царством, связан, напр., Кощей Бессмертный. В мордов. сказке он рисуется не чахлым стариком, а могуществ. духом («Иван Горохин»). В происхождении данного персонажа, душа к-рого находится вне тела, много неясного. В сказке Кощей всегда похищает женщину (царскую дочь). Это побудило В. П. Аникина к следующему заключению: «Несомненно, Кощей есть воплощение той социальной силы, которая нарушила древние порядки равноправия и отняла у женщины её прежнюю социальную власть» (Аникин В. П., Русская народная сказка, М., 1959, с. 145). Ещё одно истолкование данного персонажа предложил Мелетинский: Кощей возвращает чудесную деву домой и она становится его женой. По древнему брачному праву это недопустимо: невесту следовало брать из др. рода. Сказочный герой восстанавливает наруш. Кощеем право. Сказка осуждает *инцест*.

Др. образом, олицетворяющим злые силы в мордов. нар. сказках, является Баба-яга. Она наделена специфич. нац. особенностями, но с мордов. мифологией связана опосредованно, т. к. лишь вызывает ассоциации с образом Виравы. Баба-яга представлена чаще всего людоедкой или *ведьмой*. Яга-людоедка выполняет функцию лесного учителя. Не случайно она ест только детей («Уроскетъ» — «Сиротки»). В этом виден остаток древнейшего мотива инициации (проглатывание, сожжение, расчленение). В сказке «Ведява» Баба-яга сначала хочет съесть героя, но после доброго приветствия, произнес. им,

помогает спасающим его жизнь советом. Функционально близкими к Бабеяге в мордов. сказках являются *Бурьяга* и *Варда*.

Об отражении мифол. воззрений мордвы в лит. сказке см. в ст. «*Литература и миф*».

Тексты: Образцы мордовской народной словесности. Вып. 2 : Сказки и загадки на эрзянском наречии мордовского языка с русским переводом. Казань, 1883 ; Мордовские народные сказки / лит. обраб. С. В. Аникина. СПб., 1909 ; Мордовский этнографический сборник / сост. А. А. Шахматов. СПб., 1910 ; **Евсевьев М. Е.** Эрзянь ёвкст. М., 1928 ; **Его же.** Избр. тр. : в 5 т. Саранск, 1964. Т. 3 ; Эрзянь ёвкст / сб. пурнызе ды литературной обработканть теизе А. Маскаев. Саранск, 1940 ; Мордовские народные сказки / сост. А. И. Маскаев. Саранск, 1941 ; Мокшень народной ёвкст / кочказень К. Т. Самородов. Саранск, 1952 ; Мордовские сказки / в обраб. Э. В. Померанцевой. М., 1955 ; УПТМН. Т. 3, ч. 1 : Мокшанские сказки. Саранск, 1966 ; УПТМН. Т. 3, ч. 2 : Эрзянские сказки. Саранск, 1967 ; Мордовские народные сказки / сост.: А. И. Маскаев, К. Т. Самородов. Саранск, 1970 ; Мордовские народные сказки / сост. К. Т. Самородов. Саранск, 1971 ; УПТМН. Т. 8 : Детский фольклор. Саранск, 1978 ; Мордовские народные сказки / собрал и обработал К. Т. Самородов. Саранск, 1985 ; 2-е изд., доп. и перераб. 2006.

Лит.: **Аникин В. П.** Русская народная сказка. М., 1959 ; **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986 ; **Его же.** Морфология сказки. М., 1994 ; **Мелетинский Е. М.** Низкий герой волшебной сказки. М., 1990 ; **Маскаев А. И.** Мордовская народная сказка. Саранск, 1947 ; **Юрчёнкова Н. Г.** Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации. Саранск, 2009.

Н. Г. Юрчёнкова.*

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 14-11-13003).

СМИРНОВ Иван Николаевич (7.1. 1856, с. Арино ныне Моркинского р-на Республики Марий Эл — 15.5.1904, г. Казань), историк, этнограф, археолог. Д-р (1885), проф. (1884). Род. в семье священника. Окончил духовное уч-ще и семинарию (1874, г. Казань), Казанский ун-т (1878). Был зам. зав. кафедрой всеобщей истории этого ун-та. Читал курсы лекций по истории Греции, истории и пропедевтике (вводный курс общей истории). Автор ряда работ по истории юж. славян («Очерк истории Хорватского государства», 1879; «Отношения Венеции к городским общинам Далмации с 1385 до 1573 гг.», 1884; «Землевладение в Хорватии и Далмации в X — XI вв.», 1885) и археологии («Из прошлого и настоящего доисторической археологии в Европе: доисторическая археология в Скандинавии, Германии и Австро-Венгрии, Франции, Швейцарии, Италии и Англии», 1892; опубл. в т. 10 «Изв. ОАИЭ»).

В кон. 1880-х гг. под влиянием проф. Дерптского ун-та М. П. Веске, читавшего лекции в Казанском ун-те, С. обратился к изучению истории и культуры вост. фин.-угор. народов. Летом 1891 совершил эксп. в мокш. сёла Чембарского, Городищенского и Инсарского у. Пензенской губ. В 1892 исследовал мордов. могильник у с. Рыбкино Краснослободского у. той же губернии (ныне Ковылкинский р-н РМ). В 1895 провёл археол. раскопки вятских кладбищ 17 — 18 вв. В нач. 1890-х гг. приступил к сбору материала и написанию монографии «Восточные финны. Историко-этнографический очерк» (опубл. в «Изв. ОАИЭ»; удостоена Уваровской пр., 1896), положившей начало науч. комплексным иссл. по данной тематике. Работа состоит из двух томов: первый посвящён приволжской группе вост. финнов (части о марийцах

и мордве); во втором представлена прикамская (перм.) группа вост. финно-угров (удмурты и коми). Кн. получила известность и высокую оценку в России и за рубежом. В 1890 С. выступил на 8-м Всерос. археол. съезде с докладом о каннибализме у удмуртов. В «Записках» съезда была опубликована его ст. «Воспоминания об эпохе каннибализма в народной поэзии вотяков», после чего его пригласили в качестве офиц. эксперта обвинения на Мултанский процесс (1892 — 96). Занятую им в ходе судебного разбирательства позицию резко осудила демократич. общественность, организовавшая преследование учёного, что заставило С. постепенно отказаться от работы с фин.-угор. материалом. Иссл. С., касающиеся вост. фин.-угор. народов, структурно сходны: краткий очерк истории этноса; локализация места древнего обитания; характеристика условий, вызвавших те или иные передвижения; описание изв. археол. памятников. Особое внимание С. уделено процессам слав., затем рус. колонизации мордов. края. В специальные разделы выделены: характеристика «внешнего быта», включающая описание антропологии, условий быта, анализ ист. развития жилища, костюма, пищи, осн. занятий населения (земледелие, ремёсла, промыслы) и т. п.; развитие семейной и обществ. организации. Дан анализ явлений духовной жизни, в т. ч. верований. Обязат. элемент иссл. — обзор лит.-ры. Осн. работы С. переведены на франц. яз. С. — чл. *Общества археологии, истории и этнографии* (1885), Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те, Венгерского этногр. об-ва (г. Будапешт), Фин.-угор. об-ва. Награждён Большой золотой медалью *Русского географического общества*.

Предлагаемая С. мордов. теогония базируется на отождествлении *богов* и *духов*. Учёный выделял духов, к-рые «стоят в ближайших отношениях к отдельным элементам человеческого быта» (Смирнов И. Н., Мордва, Саранск, 2002, с. 184), напр., *Кудава*; *Юртава*, *Юрхтава* и т. п., и духов окружающей природы — *Ведява*, *Вирява* и т. п. По его мнению, теогония мордвы развивалась: первонач. явления представлялись связ. с богами отношениями рождения, генезиса (это время отразилось в назв. богинь матерями явлений), затем отношениями принадлежности, что сказало на теонимах (матери сменились хозяйками, владычицами).

С. отмечал антропоморфный характер мордов. божеств и распространял на них характеристику, данную им ранее удм. божествам: «Существа эти человекообразны, телесны, смертны, плодятся и множатся, как люди, вступают в браки с земными женщинами и отдают за людей своих дочерей. Сверхъестественными делают их некоторые тайные знания, которыми они обладают. Прежде всего, они обладают способностью принимать разные виды: по желанию они являются великанами или обыкновенными людьми, животными, рыбами, птицами...» (Там же, с. 186); «Боги царят над всем миром; в их руках свет, тепло, дождь, гром, молния, они могут дать и не дать урожай, приплод скота, детей» (Там же, с. 207).

Сущностью богов-духов С. связывал формы культа — благоволение богов к человеку обеспечивает принесение жертвы (см. *Жертвоприношение*), о необходимости к-рой они могут напомнить. Учёный писал: «Главным содержанием культа, существенным средством приобрести расположение богов является их кормление. Богам предлагались изысканнейшие из ку-

шаний, известных в то или другое время мордвину» (Там же, с. 208). При этом исследователь утверждал, что было время, когда пищей богов являлся человек: «Питание человеческим мясом в течение ряда веков продолжало быть привилегией богов, человеческие жертвы — последним средством привлечь к себе их благоволение» (Там же, с. 211). Жертвоприношение С. соотносил с молениями (см. *Моление*), сроки проведения к-рых диктовались циклом земледельч. работ. Кроме того, учёный выделял чрезвычайные моления по особым причинам и в случае бедствия, приписываемого гневу богов (*засуха, болезнь* и т. п.).

С. отрицал существование у мордвы *идолов*, хотя и приводил факты их наличия. При этом исследователь рассматривал идолов как проявление бытового фетишизма и связывал с встречающимся в ряде мест поклонением диким необделанным камням (см. *Камень*). Толчок к развитию фетишизма у мордвы, по мнению учёного, дало христианство, введя в культ изображение святых. В качестве мест молений богам у мордвы С. выделял горы (см. *Гора*), лесные поляны и овраги, в к-рых берут начало ручьи (см. *Овраг молельный*). Позднее, по его мнению, когда леса стали расчищаться под пашню, из их остатков, обрамлявших молельные поляны, возникли свещ. рощи — керемети (см. *Кереметь*, *Керемет*).

С. писал о компромиссе между традиц. язычеством у мордвы и церковью, духовенство к-рой «старалось истолковать согласно христианским преданиям самый факт молебных трапез...» (Там же, с. 232). При этом «христианство не изменило старых языческих воззрений. <...> О духовном служении божеству

при таких условиях до самого последнего времени не могло быть и речи» (Там же, с. 231 — 232).

Соч.: Черемисы : ист.-этногр. очерк. Казань, 1889. (Изв. ОАИЭ ; т. 7) ; Вотяки : ист.-этногр. очерк. Казань, 1890. (Изв. ОАИЭ ; т. 8, вып. 2) ; Пермь : ист.-этногр. очерк. Казань, 1890. (Изв. ОАИЭ ; т. 11, вып. 2) ; Программа для собирания сведений о быте мордвы // Изв. ОАИЭ. Казань, 1892. Т. 10, вып. 6 ; Мордва : ист.-этногр. очерк. Казань, 1895 ; Саранск, 2002 ; Les populations finnoises des bassins de la Volga et de la Kama : Etudes d'ethnographie historique. Paris, 1898.

Лит.: **Катанов Н.** О трудах И. Н. Смирнова по этнографии инородцев Восточной России // Учён. зап. Казан. ун-та. Казань, 1904. Кн. 9 ; Памяти профессора Ивана Николаевича Смирнова. Казань, 1904 ; **Айплатов Г. Н.** Иван Николаевич Смирнов // Марий Эл: время, события, люди : Календарь знаменательных и памятных дат на 1994 г. Йошкар-Ола, 1993 ; **Пахомов Ю. В.** Иван Николаевич Смирнов (1856 — 1904): историк, этнограф, общественный деятель : дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. М., 1994 ; **Мишанин Ю. А.** Этнокультура мордвы в журналистике России XIX — начала XX века. Саранск, 2001 ; **Юрчёнков В. А.** Иван Николаевич Смирнов и финно-угристика // Смирнов И. Н. Мордва. 2002 ; Этнография восточно-финских народов: история и современность : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения проф. И. Н. Смирнова. Ижевск, 2006 ; **Гибадулина Н. М.-Н.** Этнография финно-угорских народов Поволжья в исследованиях историка И. Н. Смирнова // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации. Ханты-Мансийск, 2009 ; **Её же.** И. Н. Смирнов — профессор Императорского Казанского университета : дис. на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Казань, 2011.

В. А. Юрчёнков.

Продолжение следует

СОКРАЩЕНИЯ*

- абс. — абсолютный
авг. — август
авт. — автор (в библиографии)
автореф. — автореферат (в библиографии)
агр. — аграрный
адм. — административный
акад. — академик (при имени)
алт. — алтайский
альм. — альманах (в библиографии)
АН — Академия наук
англ. — английский
анс. — ансамбль (муз.)
антропол. — антропологический
апр. — апрель
араб. — арабский
арм. — армянский
арх. — архив (в библиографии)
археол. — археологический
архим. — архимандрит (в библиографии)
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
астрон. — астрономический
АХ — Академия художеств
Б. — Большой (в топонимических названиях)
балт. — балтийский
библ. — библейский
библиогр. — библиографический
(в библиографии)
биогр. — биография; биографический
б-ка — библиотека
букв. — буквально
быв. — бывший
бюл. — бюллетень
в. — век
вв. — века
Вел. Отеч. война — Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.
вепс. — вепсский
Верх. — Верхний (в топонимических названиях)
верх. — верхний
Вестн. — Вестник (в библиографии)
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи
внеш. — внешний
вод. — водский
вок. — вокальный (муз.)
вол. — волость (в названии)
вост. — восточный
вступ. — вступительный
- в т. ч. — в том числе
ВХУТЕИН — Высший государственный художественно-технический институт (1926 — 30)
ВХУТЕМАС — Высшие государственные художественно-технические мастерские (1921 — 26)
вып. — выпуск
г. — год
г. — город (при названии)
газ. — газета (при названии)
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
гг. — годы
геогр. — географический
герм. — германский
ГК — городской комитет
гл. — главный
гл. обр. — главным образом
гол. — голландский
гос. — государственный
гос-во — государство
г. р. — год рождения
гр. — греческий
губ. — губерния (в названии)
д. — деревня (при названии)
дек. — декабрь, декабрьский
дерев. — деревянный
дет. — детский
дир. — директор
дис. на соиск. учён. степ. — диссертация на соискание учёной степени (в библиографии)
ДК — Дом культуры
док. — документальный
док-ты — документы
доп. — дополненный (в библиографии)
доп. — дополнительный
Др. — Древний (в названии)
др. — другой
д-р — доктор
драм. — драматический
др.-гр. — древнегреческий
др.-еврейск. — древнееврейский
др.-мордов. — древнемордовский
др.-рус. — древнерусский
др.-эпич. — древнеэпический
др.-эрз. — древнеэрзянский
д. чл. — действительный член
европ. — европейский

* В именах прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний, включая суффиксы «-анный», «-енный», «-еский».

- епарх. — епархиальный
 ж. — журнал (при названии)
 ж.-д. — железнодорожный
 жен. — женский
 жив. — живопись
 зав. — заведующий
 зам. — заместитель
 Зап. — Записки (в библиографии)
 зап. — западный
 заруб. — зарубежный
 засл. — заслуженный
 ижор. — ижорский
 избр. — избранный (в библиографии)
 Изв. — Известия (в библиографии)
 изв. — известный; известен
 изд. — издание
 изобразит. — изобразительный
 ИЛЯЗВ — Научно-исследовательский институт
 сравнительной истории литератур и
 языков Запада и Востока
 им. — имени
 имп. — император; императорский
 инструм. — инструментальный
 ин-т — институт
 иран. — иранский
 иск-во — искусство
 искл. — исключение; исключительный;
 исключительно
 иссл. — исследование; исследовательский
 ист. — исторический
 ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
 итал. — итальянский
 и т. д. — и так далее
 канд. — кандидат; кандидатский
 карел. — карельский
 кирг. — киргизский
 кл. — класс
 к.-л. — какой-либо
 км — километр
 кн. — книга; книжный
 кн. — князь; княгиня (при имени)
 кол-во — количество
 комм. — комментарий (в библиографии)
 кон. — конец (в датах)
 корр. — корреспондент
 крест. — крестьянский
 к-рый — который
 КСИА — «Краткие сообщения о докладах и поле-
 вых исследованиях Института археоло-
 гии АН СССР» (М., 1939 —)
 к-т — комитет
 кто-л. — кто-либо
 лат. — латинский язык
 ленингр. — ленинградский
 лингв. — лингвистический
 лит. — литературный
 лит-ведение — литературоведение
 лит-ра — литература
 М. — Малый (в топонимических названиях)
 М. — Москва (в библиографии)
 м — метр
 м. — мокшанское (слово)
 макс. — максимальный
 манс. — мансийский
 мар. — марийский
 МАССР — Мордовская Автономная Советская
 Социалистическая Республика
 матем. — математический
 МВД — министерство внутренних дел
 МГПИ — Мордовский государственный
 педагогический институт
 метод. — методический
 мин-во — министерство
 миним. — минимальный
 МИФЛИ — Московский институт философии,
 литературы и истории
 мифол. — мифологический
 мм — миллиметр
 мн. — многие
 мокш. — мокшанский
 Мордкиз — Мордовское книжное
 издательство
 мордов. — мордовский
 моск. — московский
 МРИПКРО — Мордовский республиканский
 институт повышения квалифика-
 ции работников образования
 МРМИИ — Мордовский республиканский му-
 зей изобразительных искусств
 МРОКМ — Мордовский республиканский объе-
 диненный краеведческий музей
 муз. — музыкальный
 муж. — мужской
 Н. — Нижний (в топонимических названиях)
 наз. — называет; называется; называемый
 назв. — название
 НА НИИГН — Научный архив НИИ гумани-
 тарных наук при Правительстве
 Республики Мордовия
 напр. — например
 нар. — народный
 нариц. — нарицательное (имя)
 наст. — настоящий
 науч. — научный
 нац. — национальный
 нач. — начало (в датах)
 нач. — начальный
 нек-рый — некоторый
 неск. — несколько
 НИИЯЛИ, НИИЯЛИЭ — Научно-исследовате-
 льский институт языка,
 литературы, истории и
 экономики при Совете
 министров МАССР

- н.-и. — научно-исследовательский
 ниж. — нижний
 Нов. — Новый (в топонимических названиях)
 нояб. — ноябрь
 н. э. — нашей эры
 ОАИЭ — Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 об-во — общество
 обл. — область, областной (в названии)
 обозр. — обозрение (в библиографии)
 обраб. — обработка (в библиографии)
 ОГПУ — Объединённое государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР (1922 — 34)
 ОК — областной комитет
 ок. — около
 окр. — округ; окружной
 окт. — октябрь; октябрьский
 опубл. — опубликован; опубликованный
 орг-ция — организация
 осн. — основной
 отв. — ответственный
 отд. — отдельный
 отд-ние — отделение (в библиографии)
 отеч. — отечественный
 отриц. — отрицательный, отрицательно
 офиц. — официальный
 п. — перевод
 п. — посёлок
 пед. — педагогический
 пенз. — пензенский (в библиографии)
 пер. — перевод (в библиографии)
 первонач. — первоначально; первоначальный
 перм. — пермский
 петерб. — петербургский
 ПМА — Полевой материал автора
 подгот. — подготовка (в библиографии)
 под рук. — под руководством
 пол. — половина (в датах)
 полит. — политический
 пом. — помощник
 послесл. — послесловие (в библиографии)
 поч. — почётный
 пр. — премия
 правосл. — православный
 пр-во — правительство
 пред. — председатель
 предисл. — предисловие
 предположит. — предположительный, предположительно
 през. — президент
 преим. — преимущественно
 прим. — примечание (в библиографии)
 произв. — произведение
 произ-во — производство
 просветит. — просветительский
 проф. — профессиональный
 проф. — профессор
 прп. — преподобный (при имени)
 псевд. — псевдоним
 психол. — психологический
 публиц. — публицистический
 р. — река (при названии)
 РАЕ — Российская академия естествознания
 разг. — разговорный
 РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (1924 — 30)
 РАО — Российская академия образования
 РГО — Русское географическое общество
 рев. — революция; революционный
 регион. — региональный
 ред. — редактор
 реж. — режиссёр; режиссёрский
 религ. — религиозный
 репр. — репринтный (в библиографии)
 респ. — республиканский
 рец. — рецензия (в библиографии)
 рим. — римский
 РК — районный комитет
 РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
 РМ — Республика Мордовия
 р-н — район (в названии)
 род. — родился
 рос. — российский
 РПЦ — Русская Православная Церковь
 рук. — руководитель
 рус. — русский
 РФ — Российская Федерация
 с. — село (при названии)
 с. — страница (в библиографии)
 самостоят. — самостоятельный
 сб. — сборник
 сб-ки — сборники
 св. — святой (при имени)
 свт. — святитель (при имени)
 сев. — северный
 секр. — секретарь
 сент. — сентябрь
 сер. — середина (в датах)
 сер. — серия
 СЖ — Союз журналистов
 сиб. — сибирский
 симб. — симбирский (в библиографии)
 СК — Союз композиторов
 скульп. — скульптор (при имени)
 слав. — славянский; славянские языки
 слов. — словарь (в библиографии)
 см — сантиметр
 см. — смотри
 соавт. — соавтор; соавторство

- сов. — советский
 совм. — совместный; совместно
 совр. — современный
 соотв. — соответствует; соответствующее;
 соответственно
 сост. — составитель; составление
 сотр. — сотрудник
 соч. — сочинение
 СП — Союз писателей
 СПб. — Санкт-Петербург (в библиографии)
 С.-Петерб. — Санкт-Петербургский
 спорт. — спортивный
 справ. — справочник (в библиографии)
 Ср. — Средний (в топонимических названиях)
 ср. — сравни
 ср.-век. — средневековый
 СССР — Союз Советских Социалистических
 Республик
 Ст. — Старый (в топонимических названиях)
 ст. — станция (при названии)
 ст. — статья
 стат. — статистический
 СТД — Союз театральных деятелей
 стихотв. — стихотворный
 стр-во — строительство
 СХ — Союз художников
 с. х. — сельское хозяйство
 с.-х. — сельскохозяйственный
 т. — текст
 т. — том (в библиографии)
 танц. — танцевальный
 тат. — татарский
 т. е. — то есть
 театр. — театральный
 терр. — территория; территориальный
 тетр. — тетрадь (в библиографии)
 техн. — технический
 т. к. — так как
 т. н. — так называемый
 т. о. — таким образом
 тр. — труды (в библиографии)
 традиц. — традиционный
 трансп. — транспортный
 тыс. — тысяча
 тыс. — тысячелетие
 тюрк. — тюркский; тюркские языки
 у. — уезд (в названии)
 уг. — уголовный
 удм. — удмуртский
 указ. — указатель (в библиографии)
 УНКВД — управление Народного комиссариата
 внутренних дел
 ун-т — университет
 УПТМН — «Устно-поэтическое творчество
 мордовского народа»
 уч. — учебный
 уч-ще — училище
 февр. — февраль
 филол. — филологический
 филос. — философский
 фин. — финский
 фин.-угор. — финно-угорский
 фольк. — фольклорный
 франц. — французский
 ф-т — факультет
 хант. — хантыйский
 хоз. — хозяйственный
 хоз-во — хозяйство
 христ. — христианский
 худ. — художник (при имени)
 худож. — художественный
 центр. — центральный
 церк. — церковный
 цит. — цитируется
 ч — час
 ч. — часть (в библиографии)
 чел. — человек
 четв. — четверть (при датах)
 чл. — член
 чл.-корр. — член-корреспондент
 что-л. — что-либо
 чуваш. — чувашский
 ШКМ — школа крестьянской молодёжи; школа
 колхозной молодёжи
 шк. — школа
 э. — эрзянское (слово)
 экон. — экономический
 эксп. — экспедиция
 энци. — энциклопедический (в библиографии)
 эрз. — эрзянский
 эст. — эстонский
 этим. — этимологический
 этногр. — этнографический
 ювелир. — ювелирный
 юж. — южный
 ЮНЕСКО — Организация Объединённых Наций
 по вопросам образования, науки и
 культуры
 юр. — юридический
 яз. — язык; языки
 янв. — январь
 Bd. — Band (в библиографии)
 H. — Heft (в библиографии)
 S. — Seite (в библиографии)
 Ibid. — Ibidem
 j. — journal (в библиографии)
 p. — page (в библиографии)
 vol. — volume (в библиографии)

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НИИГН В 2016 г.

В 2016 г. в институте работали 64 сотрудника, из которых 46 чел. — научные сотрудники, в том числе 8 докторов (17 %) и 24 кандидата (52 %) наук. Общая доля научных кадров, имеющих ученую степень, составляет 69 %.

В отчетном году институт вел фундаментальные и прикладные исследования по трем направлениям: социально-экономическое развитие республики, развитие культурных связей диаспоры, изучение исторического прошлого и настоящего региона.

В 2016 г. была завершена работа над исследовательским проектом «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края»; продолжалась работа над следующими проектами: «Энциклопедия „Мордва“», «Развитие внутреннего и въездного туризма в Республике Мордовия», «Словарь антонимов мокшанского языка», «Словарь антонимов эрзянского языка», «Культура Мордовии. XIX век». В текущем году начата работа над проектами «Свод мордовского фольклора» и «Мордовия в условиях реформ (1928 — 1941 гг.)» (серия «Мордовия. XX век»). Общий объем выполненной институтом в 2016 г. работы по исследовательским проектам составил 70 авт. л.

В 2016 г. вышли в свет 4 номера научного журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» и 4 номера научно-публицистического журнала «Центр и периферия».

В рамках серии «Мордва России» издана монография А. С. Щербакова «Мордва Башкирского Приуралья: историко-этнографические очерки», представляющая собой первый опыт комплексного историко-этнографического исследования мордовского населения Башкирского Приуралья. В ней рассматриваются история формирования данной группы, ее этнодемографическое развитие в XX в., межэтнические контакты, этноязыковые процессы, современное состояние этнической культуры и отдельные стороны этнического самосознания приуральской мордвы.

В рамках серии «Современные исследования» осуществлено издание следующих монографий: «Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 г.» С. В. Белоусова, в которой впервые в отечественной историографии на основе привлечения широкого круга источников представлена хронология событий, происходивших в Пензенской губернии в 1812 — 1815 гг., позволившая представить направления деятельности местных органов власти и охарактеризовать воздействие Отечественной войны 1812 г. на различные категории провинциального общества; «Причетные формы мордвы-эрзи Присурья» Л. Н. Шамовой, где предложена новая концепция, заключающаяся в выстраивании эволюционной цепи эрзянских причетных жанровых групп, что предполагает раскрытие генетических корней, опираясь на материалы родственных финно-угорских культур, и вы-

явление места эрзянской традиции в духовном наследии финно-угорских народов; «Аграрная модернизация во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг.: региональный дискурс» Е. Н. Бикейкина, в которой рассмотрены вопросы становления и эволюции аграрной модели, реализованной в СССР в указанный исторический период. На примере автономных республик Среднего Поволжья обоснована объективная направленность данной модели на модернизацию сельскохозяйственного производства. Проанализированы такие составляющие модернизационных инициатив, как экономико-управленческие реформы на селе, реализация «сверхпрограмм» и развитие аграрного производства, попытки решения кадровой проблемы, пути совершенствования форм организации труда и др. Выявлены экономические и социальные противоречия, сложившиеся под влиянием аграрных преобразований в середине 1960-х гг.

В рамках серии «Свод документов и материалов по истории и культуре мордовского края» в отчетном году увидели свет 3-й и 4-й тома книги «Великая Отечественная война: устная история». В сборнике представлены воспоминания участников и современников Великой Отечественной войны — уроженцев и жителей Мордовии. В него вошли изданные ранее материалы, а также неопубликованные свидетельства, хранящиеся в архивах и музеях Мордовии.

Кроме плановых издательских проектов в 2016 г. были осуществлены следующие:

— при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) была издана книга «Финно-угорские народы России», в которой осмысливается место и роль финно-угорских народов России в становлении и развитии российской цивилизации. Раскрываются вопросы генезиса финно-угорского мира и взаимодействия с Российским государством в разные исторические периоды, рассматриваются факторы, оказавшие влияние на формирование и совершенствование ценностных ориентаций этносов, проблемы сохранения национально-культурной самобытности, дается характеристика западного восприятия финно-угорских народов России;

— совместно с Мордовским книжным издательством подготовлены и изданы «Эрзянско-русский школьный словарь» и «Мокшанско-русский школьный словарь»;

— в сотрудничестве с Министерством по национальной политике Республики Мордовия была подготовлена и издана книга «Мордовия многонациональная»; содержащая разнообразные сведения о традициях, обычаях, культуре и жизненном укладе народов, проживающих в данном регионе.

Общий объем произведенной институтом в 2016 г. плановой и дополнительной издательской продукции составил 473,9 усл. печ. л.

В рамках реализации проектов научных мероприятий в июне и августе 2016 г. сотрудники отдела археологии приняли участие в археологических экспедициях в Атюрьевский район (окрестности с. Шалы), в июне-июле 2016 г. — в Пензенскую область Нижнеломовский район (окрестности д. Ражки).

Общий объем выполненных институтом работ по проектам научных мероприятий в 2016 г. составил 0,6 авт. л.

Подготовка высококвалифицированных кадров относится к числу приоритетных направлений деятельности НИИГН. В отчетном году в соответствии с лицензией на право ведения образовательной деятельности велось обучение по 5 направлениям

подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре: 38.06.01 — Экономика, 41.06.01 — Политические науки и регионоведение, 45.06.01 — Языкознание и литературоведение, 46.06.01 — Исторические науки и археология, 51.06.01 — Культурология. В рамках данных направлений аспиранты осуществляли подготовку диссертационных исследований по 9 специальностям научных работников: 07.00.02 — Отечественная история, 07.00.06 — Археология, 07.00.07 — Этнография, этнология и антропология, 10.01.02 — Литература народов Российской Федерации (финно-угорская), 10.01.09 — Фольклористика, 10.02.02 — Языки народов Российской Федерации (финно-угорские, самодийские), 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика), 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии, 24.00.01 — Теория и история культуры.

Численность аспирантов к концу 2016 г. составила 75 чел., в том числе 36 чел. — по очной форме обучения. 17 чел. проходят обучение по специальности «Отечественная история», 2 — «Археология», 8 — «Этнография, этнология и антропология», 3 — «Литература народов Российской Федерации (финно-угорская)», 5 — «Фольклористика», 2 — «Языки народов Российской Федерации (финно-угорские, самодийские)», 25 — «Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)», 4 — «Политические институты, процессы и технологии», 9 — «Теория и история культуры». К аспирантуре института прикреплены 5 соискателей ученой степени кандидата наук.

По результатам приемной кампании 2016 г. в аспирантуру института было принято 23 чел., в том числе 12 чел. — на очную форму обучения, 1 чел. зачислен в аспирантуру на основе договора, 1 чел. — в качестве экстерна для сдачи кандидатского экзамена и прохождения итоговой аттестации.

Ежегодно в институте работает аттестационная комиссия. По результатам ее работы 71 аспирант аттестован как полностью выполнивший индивидуальный план и переведен на следующий год обучения, 1 аспиранту предоставлен академический отпуск, 1 аспирант был отчислен из аспирантуры за невыполнение индивидуального плана и потерю связи с научным отделом института.

В 2016 г. завершили обучение 23 аспиранта, 9 из которых отчислены из аспирантуры как полностью выполнившие индивидуальный план, завершившие работу над диссертацией и представившие ее в научный отдел для получения соответствующего заключения. В отчетном году выпускниками аспирантуры защищено 2 кандидатские диссертации (по специальности 07.00.02 — Отечественная история и 24.00.01 — Теория и история культуры).

Сотрудники и аспиранты института приняли участие в более чем 20 научных мероприятиях, где выступили с докладами и сообщениями общим объемом около 55 авт. л.

В отчетном году в рамках основного конкурса РГНФ институт реализовал проект издания коллективной монографии «Финно-угорские народы России» (руководитель проекта — профессор В. А. Юрчёнков); в рамках целевого конкурса проектов междисциплинарных исследований «Россия в 1917 году» сотрудники института провели научные исследования по проекту «Крестьянство и казачество в России в годы революции 1917 г. и гражданской войны: регионально-национальный аспект» (руководитель проекта — профессор В. А. Юрчёнков).

За 2016 год сотрудниками и аспирантами института опубликовано более 115 авт. л. научных статей в международных, российских и региональных научных журналах и сборниках статей, в том числе в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации.

В отчетном году сотрудники института выполняли научно-экспертную работу в составе экспертных советов РГНФ и Научно-технического совета при Правительстве Республики Мордовия.

Общественно-научная деятельность института в 2016 г. была связана с участием его сотрудников в работе следующих общественных организаций: Совета исполкома Межрегионального общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа; Координационного совета Поволжского центра культур финно-угорских народов; Общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации»; Общественного совета при Министерстве культуры и туризма Республики Мордовия; Общественной палаты Республики Мордовия.

На базе института работают региональное отделение Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество» в Республике Мордовия и Мордовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России».

В рамках сотрудничества с Общественной палатой Республики Мордовия на базе института осуществлялся мониторинг состояния институтов гражданского общества в Мордовии, проводились слушания Комиссии по культуре, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений.

В отчетном году институт выступал в качестве ведущей научной организации на защите докторских и кандидатских диссертаций. Научными отделами института было подготовлено более 40 отзывов и рецензий на диссертационные исследования и другие научные, учебные и учебно-методические работы.

Отделом истории подготовлены следующие рецензии: на монографию «Служилые люди мордовского края в XVII в.» Т. Н. Кадовой, учебные пособия «Социально-политическое развитие России в середине и во второй половине XVIII века» (авт.-сост. Р. Н. Каукина), «История России в первой половине XIX столетия» Н. А. Милешиной, «Древнерусское государство в IX — XII веках» к курсу по выбору «Древнерусское государство в IX — XII вв.» (авт.-сост. М. С. Шарин), учебно-методический комплекс дисциплины «История России с древнейших времен до конца XVIII века» (сост. Т. Н. Кадова, М. В. Киселева), дополнительные профессиональные программы повышения квалификации «Методика организации и проведения занятий при подготовке к ОГЭ и ЕГЭ по обществознанию» и «Правовые основы управления системой образования в современных условиях» (авт. Ю. Е. Паулова), «Методика преподавания права в контексте ФГОС ОО» (авт. А. Ю. Куприянов, И. В. Кабанов), «Историческое образование школьников в условиях реализации ФГОС и историко-культурного стандарта» (авт.-сост. И. А. Зеткина, Н. А. Милешина, Т. Д. Надькин, М. Г. Якунчева), «Организация проектной и исследовательской деятельности школьников по истории» (сост. М. А. Капаев, М. Г. Якунчева), «Организация историко-краеведческой работы в школе» (сост. С. В. Першин), «Профилактика экстремизма и

ксенофобии в системе российского образования» (сост. А. В. Мартыненко), «Технология подготовки обучающихся общеобразовательных организаций к государственной итоговой аттестации по истории» (авт. И. А. Фирсова, Т. Н. Кадерова); дополнительную программу профессиональной переподготовки «Педагогическая деятельность в общем образовании (предмет история)» (сост. Н. А. Милешина).

Состоялось обсуждение и подготовлено заключение на диссертационное исследование В. Б. Ласточкина «Исторический опыт реформирования советской общеобразовательной школы в 1958 — 1964 гг. (на материалах Чувашской АССР)», представленное на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история.

Отделом этнографии и этнологии подготовлены отзыв на автореферат диссертации Л. А. Агаджанян «Армянская община в Самаре: история и этнокультурные аспекты развития (середина XIX — начало XXI века)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 — Этнография, этнология и антропология, отзыв на автореферат и рецензия на диссертацию Т. А. Салаевой «Семейно-родовая культура мордвы: традиции и инновации», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 — Этнография, этнология и антропология, рецензия на учебно-методический комплекс «Этноэтика и этноэстетика мордвы» Е. Н. Ломшиной и М. В. Логиновой.

Отделом региональных исследований и программ подготовлены рецензии на монографии «Ямская Слобода: прошлое и настоящее» Н. С. Крутова, «Демографическая ситуация Республики Мордовия на современном этапе» А. М. Чушкина, Н. Н. Логиновой, Т. П. Ребровой.

Проведены обсуждения и подготовлены заключения на диссертации, представленные на соискание ученой степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика): «Основные факторы и пути повышения производительности труда на промышленных предприятиях (на примере машиностроительных предприятий Республики Мордовия)» В. Н. Волчкова, «Государственное регулирование отраслей социальной сферы региона (на примере Республики Мордовия)» Н. В. Чубрикова, «Развитие технического потенциала предприятий АПК» Т. Е. Брусничкиной, «Управление продуктовыми подкомплексами в региональном АПК» И. Е. Калягиной, «Управление конкурентоспособностью предприятий строительства в региональном разрезе» А. А. Радайкина, «Развитие и формирование системы управления овощеводческим подкомплексом» Ф. В. Черашева и на диссертацию А. Е. Кузнецова «Электронное правительство в условиях системной модернизации современной России (на примере Республики Мордовия)», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии.

Подготовлен отзыв на автореферат диссертации С. А. Аникина «Ярмарочная торговля как сфера приложения купеческих капиталов (на примере Симбирской губернии второй половины XIX — начала XX века)», представленной на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история.

Отделом языкознания подготовлены рецензии на рабочие программы М. З. Лёвиной по дисциплине «Диалектология мокшанского языка»; Г. Ф. Беспаловой, Е. Ф. Клементьевой, В. П. Цыпкайкиной, Гребневой А. М. по дисциплинам «Мордовские (мокшанский/эрзянский) языки» (профиль «Зарубежная филология (венгерский, финский, английский языки и литературы)», «Стилистика мордовских языков» (профиль «Журналистика» (бакалавриат)) и «Современный эрзянский язык»; Г. Ф. Беспаловой по дисциплинам «Современный эрзянский язык», «Стилистика эрзянского языка», «Практикум по эрзянскому языку. Орфография (Ч. 1, 2)», «Перевод и реферирование эрзянского текста»; Е. Ф. Клементьевой и В. П. Цыпкайкиной «Эрзянь кель. Орфография. Пунктуация»; учебные пособия «Тяниень пингонь мокшень кяль. Фонетика» («Современный мокшанский язык. Фонетика») Г. С. Ивановой и «Структура сложного слова в эрзянском и финском языках» М. В. Мосина, Н. М. Мосиной.

Отделом литературы и фольклора подготовлены рецензии на учебные пособия «История мордовской литературы» С. Н. Маскаевой, «Мокшэрзянь литература: тонавтома книга» С. Н. Маскаевой, М. Н. Салаевой, Н. И. Швечковой, «Родной литература» Е. И. Азыркиной, О. И. Налдеевой.

Отделом теории и истории культуры проведены обсуждения и подготовлены заключения на диссертации, представленные на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история: «Деятельность губернских правлений во второй половине XIX — начале XX веков (на материалах Среднего Поволжья)» Н. В. Бойко, «Литературно-художественное творчество и книжное дело: история становления и развития в мордовском крае и мордовской автономии в XIX — первой трети XX в.» И. А. Кубанцевой; на диссертации, представленные на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история: «Среднее педагогическое образование в мордовском крае в 1870 — 1950 гг.: становление и развитие» А. А. Федотовой, «Русская православная церковь на территории Мордовии в XX — начале XXI века» А. В. Маланкина и «Дворянское хозяйство Среднего Поволжья во второй половине XIX — начале XX века» Р. В. Федосеева.

Подготовила *Г. А. Куршева.*

АСПИРАНТСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ — 2016

20 декабря 2016 г. в НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия состоялись Аспирантские научные чтения — 2016 на тему «Россия в 2014 — 2016 гг.: кризис или новые возможности».

Организатором круглого стола аспирантов специальностей 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика) и 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии выступил коллектив отдела региональных исследований и программ института. Заседание курировали главный научный сотрудник — заведующий отделом И. Г. Кильдюшкина (сопредседатель), ведущий научный сотрудник отдела Л. Н. Липатова (председатель) и заместитель директора — ученый секретарь института А. В. Чернов.

В ходе работы были рассмотрены основные геополитические концепции структурных кризисов мировой системы и актуальные проблемы современной экономики РФ, возникшие на фоне международных антироссийских санкций, в том числе: влияние политических решений органов государственной власти на развитие экономики России, внешние и внутренние угрозы экономической безопасности страны, изменения на российском и региональном продовольственных рынках и возможности импортозамещения в условиях экономического давления и конкурентной борьбы за рынки сбыта, трансформации на российском рынке труда и социально-трудовой сфере Республики Мордовия, региональные аспекты развития малого бизнеса, инновационного предпринимательства и уровня жизни населения в 2014 — 2016 гг., градостроительная политика Саранска в преддверии Чемпионата мира по футболу. Выступления участников сопровождались качественным презентационным видеорядом.

А. В. Булавин в своем докладе оценил роль и влияние структурных кризисов на мировую экономическую и политическую системы в концептуальных геополитических моделях XX — XXI вв. В выступлении отмечалось, что в последние десятилетия в мировой политике произошли фундаментальные сдвиги, которые вынуждают пересматривать прежние модели и сценарии мирового развития, актуализируя поиск оптимальных путей преодоления возникающих мировых структурных и системных кризисов, в том числе сквозь призму геополитики.

В XIX — XX вв. значительное развитие получили три основных методологических подхода к изучению комплексных проблем мировой политики: геополитический, цивилизационный и реалистический. Однако воздействие структурных кризисов на мировую систему долгое время оставалось без внимания. Распространенными стали модели «конца истории», различных концепций «однополярного мира» и «устойчивого развития», потенциал для стратегического прогнозирования которых в условиях глобального экономического кризиса оказался ничтожен. В результате крайняя методологическая и теоретико-понятийная ограниченность доминирующих на сегодня в геополитике исследовательских подходов к феномену глобального кризиса привела к востребованности различных «альтернативных» научных конструкций, в рамках которых глубже проработаны теоретические аспекты генезиса глобальных экономических и социально-политических кризисов. В связи с этим автор акцентировал внимание на идеях мир-системного анализа в интерпретации И. Валлерстайна и его последователей.

Л. Н. Липатова проанализировала положение в экономике России в 2014 — 2016 гг. и дала прогноз на 2017 г. В ходе выступления возникали вопросы, связанные с кризисной ситуацией, сложившейся в настоящее время в России, и возможностями дальнейшего развития государства в подобных условиях.

По данным официальной статистики, современную экономическую ситуацию в стране можно охарактеризовать как нестабильную. Многие макроэкономические показатели в последнее время заметно ухудшились. Росстат подтвердил оценку спада ВВП РФ за январь — сентябрь 2016 г. в 0,7 %; дефицит бюджета РФ за 11 месяцев составил 1,788 трлн руб., или 2,4 % ВВП. Снизился уровень жизни россиян. С июля 2014 г. цены в России выросли на 25,0 %, а средние денежные доходы на 1 члена семьи — менее чем на 1,0 %. В настоящее время они находятся в пределах 20 тыс. руб., как и 2 года назад.

Основными факторами-дестабилизаторами эксперты назвали резкое падение цен на сырье на мировых рынках, укрепление доллара вследствие ужесточения монетарной политики Федеральной резервной системы и введения экономических санкций в отношении России со стороны отдельных государств. Вместе с тем удалось подавить инфляцию, которая достигла своего исторического минимума за постсоветский период. По оценкам Росстата, инфляция в РФ за 2016 г. составила 5,4 %, в том числе в декабре — 0,4 % (в декабре 2015 г. — 0,8 %, а за 2016 г. — 12,9 %). Это большое достижение, создающее условия для усиления деловой активности. По оценке Министерства финансов РФ, инфляция в России в 2017 г. достигнет уровня 4,0 % при условии сохранения текущей тенденции месячной инфляции (0,3 — 0,4 %).

Были озвучены прогнозы и по другим макроэкономическим показателям. Например, глава крупной кредитной организации, в прошлом руководитель Министерства экономического развития Г. Греф считает, что в 2017 г. экономика России имеет шанс вырасти до 1,5 % ВВП. Национальное рейтинговое агентство опубликовало прогноз, в соответствии с которым ее экономические показатели в будущем году поднимутся на 1,0 %, реальные доходы населения — на 2,5 %, а инфляция составит 6,0 %. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ВВП России в 2017 г. увеличится на 0,8 %. Эксперты американского инвестиционного банка «Morgan Stanley» считают возможным рост российской экономики в будущем году в 1,2 %. По прогнозу Минэкономразвития, в 2017 г. рост ВВП страны составит 0,6 %, в 2018 г. — 1,7, в 2019 г. — 2,1 %.

Л. Н. Липатова подчеркнула, что оценки заметно разнятся и показывают лишь средние показатели со всеми присущими им недостатками.

Г. М. Щукин рассмотрел причины экономического кризиса в России и пути его преодоления. Хотя этот кризис связывают с падением цен на нефть и санкциями высокоразвитых стран, но, по мнению выступающего, его главная причина — снижение потенциала экономического роста, вызванного исчерпанием модели экстенсивного роста, основанной на вовлечении свободных ресурсов (мощностей и рабочей силы) и ошибками управления финансово-денежной системой. Ослабление инвестиционной активности и снижение темпов экономического роста наблюдаются с 2012 г. Падение цен на нефть и санкционное давление усугубили сложившуюся ситуацию. Если в 2011 г. индекс роста инвестиций в основной капитал составлял 10,8 %, то в 2012 г. — 6,8, в 2013 г. — 0,8, в 2014 г. — -2,7,

в 2015 г. — -8,4 %. Соответственно, годовые темпы прироста ВВП в 2011 г. составили 4,3 %, в 2012 г. — 3,5, в 2013 г. — 1,3, в 2014 г. — -0,7, в 2015 г. — -3,8 %. Применительно к России преодоление структурного кризиса состоит в необходимости уйти от рентной экономики, т. е. от модели, построенной на масштабном перераспределении доходов, поступление и рост которых не связаны с повышением производительности труда. Это не означает отказ от заметной роли сырьевых отраслей, поскольку последняя не тождественна рентной.

История последних 50 лет свидетельствует, что страна может быть высокоразвитой в технологическом, институциональном и экономическом отношениях при существенной доле в структуре ее экономики сырья и углеводородов. Однако проблема заключается не в сырье, а в неэффективности использования технологий, особенно в перерабатывающих отраслях. Решение этой задачи требует реализации сложного комплекса мер, не сводящихся к выводу рентных доходов (если они будут) из текущего бюджета. Поэтому главным инструментом регулирования экономического развития РФ является установление процентных ставок, обеспечивающих заданный уровень инфляции. Эта концепция основана на математических моделях рыночного равновесия, не соответствующих экономической реальности, но иллюстрирующих простые и убедительные суждения. В результате уровень инфляции в 2014 г. составил 11,4 %, в 2015 г. — 12,9 % против целевых 5,0 — 6,0 %.

В итоге автор отметил, что нужен переход к многоканальной системе рефинансирования коммерческих банков под спрос на кредиты со стороны производственных предприятий, предусматривающий контроль за целевым использованием предоставляемых кредитных ресурсов. При этом ставки рефинансирования по разным каналам должны отвечать уровню рентабельности соответствующих секторов экономики и свойственных им рисков. Например, рефинансирование коммерческих банков под кредиты предприятиям ВПК и на проектное финансирование под контролем правительства может осуществляться по нулевой ставке, на цели импортозамещения — 2,0 %, на жилищное строительство — 3,0 % и т. д. На цели поддержания ликвидности рефинансирование может предоставляться коммерческим банкам (как и в настоящее время) по ключевой ставке с условием, что они не будут использовать эти кредиты для спекуляций против рубля.

Н. Е. Сычугова дала оценку влиянию политических решений органов государственной власти на современное развитие экономики РФ, привела примеры политических решений, оказавших существенное воздействие на социально-экономическое положение России. В их числе имеется три основных блока санкций, введенных в отношении РФ с 2014 г.: запрет экспорта ряда товаров (высокотехнологичные товары, товары ВПК и др.); запрет на приобретение российскими банками кредитов за рубежом; персональные санкции к определенной группе лиц (представители политики и бизнеса, крупные чиновники), запрет на въезд в страну и открытие на ее территории банковских счетов.

Экономические санкции в сочетании с военно-политическими мерами воздействия дестабилизируют экономическую и политическую системы управления, чего, по мнению докладчика, и добиваются зарубежные страны. Однако ошибочно утверждать, что их применение несет исключительно разрушительные по-

следствия. В частности, по итогам реализации примеров политических решений по деофшоризации экономики страны, амнистии капиталов, легализации компаний, принадлежащих российским бенефициарам, принятию специальных программ по импортозамещению, не говоря уже о сценариях развития российской экономики после вступления страны в ВТО, заметно прослеживается четкая взаимосвязь политической и экономической сторон государства, которая для рядовых граждан не прямолинейна и не одномерна. Однако такая взаимосвязь, как подчеркивает докладчик, может нести разные версии развития экономической ситуации в государстве, оказывать серьезное влияние на его политическую и экономическую стабильность во внутрисубъективных и международных отношениях.

А. И. Лушкин остановился на проблеме экономической безопасности, обострившейся в настоящее время у большинства стран. Причинение вреда народному хозяйству, а также большой риск разрушения социально-экономической стабильности приводит к внешним и внутренним угрозам. К внешним угрозам относятся:

- резкие изменения мировых цен, условий внешней торговли, доли сырья в экспорте продукции, национальной валюты и уменьшение иностранных инвестиций;
- усиление импортной зависимости по продовольствию, а также потребительским товарам (сегодня импорт составляет почти 80 % фармацевтического и 40 % продовольственного рынков России);
- увеличение внешнего долга;
- незаконный вывоз капитала за границу (по оценке Центробанка, отток капитала в России за 2014 г. составил 151,5 млн долл. США);
- потеря рынков сбыта военной и машиностроительной продукции;
- вступление России в ВТО, повлекшее за собой дискриминационные меры зарубежных стран;
- приобретение российских предприятий западными инвесторами с целью вытеснения отечественной продукции и завоевания внутреннего рынка страны;
- развитие негативных процессов многих регионов в сфере экономики;
- преобладание в экспорте сырьевых товаров;
- утечка умов, или потеря квалифицированных специалистов.

В заключение выступающий добавил, что внешние угрозы отражают состояние мировой экономики. Из-за ее нестабильности невозможно исключить угрозу военной агрессии, что впоследствии может привести к терроризму. На современном этапе Россия столкнулась с новыми внешними угрозами, способными подорвать ее экономический и производственный потенциал благодаря конкуренции и рыночным механизмам.

А. Р. Китаев, рассмотрев динамику продовольственного рынка России в условиях экономических санкций, сделал выводы о дальнейших тенденциях и перспективах развития, поскольку стабильность в данном сегменте страны является гарантом качественного развития экономики в целом. Выступающий отметил, что за время действия продовольственного эмбарго (с сентября 2014 г.) Россия снизила объем импортного продовольствия с 60 до 20 млрд долл. США, что сказалось на социально-экономическом положении граждан и позиционировании некоторых производителей на рынке. Главными факторами стали ответные санкции на ввоз сырья и продовольствия, значительное снижение экспорта и

ежегодное снижение доли импортных товаров по таким товарным группам, как говядина, свинина и мясо птицы, включая субпродукты; колбасные изделия; животные и растительные масла; сыры; мука; крупа; сухое молоко и сливки.

Выделив основные этапы развития ситуации на продовольственном рынке России в подобных условиях (1-й этап — конец 2014 г.; 2-й — начало 2015 г.; 3-й этап — начало 2016 г.), докладчик аргументированно подошел к вопросу внутренней экономической политики государства — стабилизации продовольственного рынка регионов, дал оценку развитию продовольственного рынка Республики Мордовия среди регионов ПФО. В заключение он добавил, что государственным структурам необходимо более активно и эффективно принимать участие в создании и совершенствовании законодательного механизма и системы мер государственного регулирования в этой области. В связи с этим одной из приоритетных задач для Республики Мордовия является создание оптовых продовольственных рынков, т. е. такого управляемого регулируемого механизма товародвижения, функционирование которого обеспечивается инфраструктурой, включающей комплекс производственных помещений, обслуживаемых вспомогательными техническими службами, железнодорожные и автомобильные подъездные пути с автостоянкой, гостиницы, почту, узел связи, медпункт, расчетно-финансовый центр (банк), службы контроля качества, санитарно-эпидемиологического контроля и др.

К. Г. Четаева отметила, что в настоящее время особенно актуальным является вопрос о необходимости импортозамещения. Мобилизация имеющихся ресурсов и предотвращение внутреннего коллапса путем наращивания собственных производств заявлены в качестве основных антикризисных приоритетов отечественной экономики. Активное участие в решении общегосударственной задачи по обеспечению импортозамещения во всех отраслях экономики принимают все субъекты РФ, в том числе Республика Мордовия, которая вошла в число лидеров по реализации профильной программы среди российских регионов.

В рамках политики импортозамещения на возможности и перспективы собственного производства продовольствия в Республике Мордовия негативно влияют неграмотная ценовая политика, сужение ассортимента продовольственных товаров на розничных площадках, низкий уровень жизни и падение реальных доходов населения республики, диспаритет цен промышленной и сельскохозяйственной продукции, слабая рыночная, финансово-кредитная и кадровая инфраструктуры, некредитоспособность большинства сельскохозяйственных организаций и отсутствие оптово-распределительных центров.

В этих обстоятельствах, по мнению выступающего, трудно выполнимым становится создание условий для ускорения темпов роста объемов сельскохозяйственного производства на основе повышения его конкурентоспособности. Поэтому необходимыми являются мероприятия агропродовольственной политики по привлечению значительных финансовых ресурсов (кредитов банков, средств внутренних и внешних инвесторов и др.), концентрации средств, выделяемых из бюджетов всех уровней на наиболее приоритетные направления, и усилению контроля их целевого использования.

М. С. Фролов проанализировал основные подходы (рыночный и ресурсный) к формированию конкурентных преимуществ овощеводческих предприятий и

занимаемое ими место на рынке овощной продукции Республики Мордовия. При оценке общей ситуации на российском рынке овощеводческой продукции докладчик отметил основные направления развития этой подотрасли, среднегодовые цены сельхозпроизводителей на продукцию защищенного и открытого грунта, а также потребительские цены в 2014 — 2015 гг., объяснил снижение объемов ввоза всех видов овощей и подорожание импортной продукции на внутреннем рынке. На материале ГУП РМ «Тепличное» он охарактеризовал положение в этом сегменте экономики в соответствии с ведомственной целевой программой «Развитие овощеводства защищенного грунта в Республике Мордовия на 2014 — 2016 годы».

Выступающий подытожил, что с целью повышения конкурентоспособности и конкурентных преимуществ овощной продукции необходимо на основе новейших достижений генетики и биотехнологии не только создание высокопродуктивных сортов и гибридов, адаптированных к местным условиям, обладающих повышенной устойчивостью к абиотическим стрессам, болезням и вредителям, но и эффективное сочетание и использование внутренних и внешних конкурентных преимуществ, которые позволят овощеводческим предприятиям усилить их конкурентные позиции на рынке.

Е. И. Абаева отметила, что современное состояние российского рынка подвержено влиянию политических событий и экономических явлений, происходящих как внутри страны, так и за ее пределами.

Численность экономически активного населения РФ в 2014 г. по сравнению с 2013 г. снизилась на 0,1 %, в 2015 г. данный показатель увеличился по сравнению с 2014 г. на 1,5 %, что является положительным моментом на рынке труда РФ. Однако на рынке труда Республики Мордовия в 2013 — 2015 гг. наблюдалась тенденция к сокращению численности экономически активного населения, в 2015 г. в среднем она составила 446,1 тыс. чел., из них 427,2 тыс. чел. классифицировались как занятые экономической деятельностью и 18,9 тыс. чел. — как безработные с применением критериев МОТ. Уровень общей безработицы был равен 4,2 %. Однако число безработных, по данным Государственного комитета Республики Мордовия по труду и занятости, на конец декабря 2015 г. составило 4,0 тыс. чел., а уровень официально зарегистрированной безработицы — 0,8 %.

На основе мониторинга потребности в работниках наблюдается снижение количества вакансий, подаваемых работодателями в центры занятости, с 7 157 (в декабре 2015 г.) до 6 746 (на начало 2016 г.).

По данным Федеральной службы по труду и занятости, в начале 2016 г. (по сравнению с 2014 и 2015 гг.) ситуация на рынке труда была более стабильной, и уровень общей безработицы понизился.

В ближайшие годы сохранится тенденция к сокращению численности населения трудоспособного возраста, что существенно осложняет процессы социально-экономического развития региона.

И. М. Кирдюшкина охарактеризовала современные аспекты развития регионального рынка труда, указала, что здесь происходят непрерывные изменения: переход рабочей силы из одного состояния в другое (занятость, безработица, экономическая неактивность), интенсивность движения кадров в организациях, сохранение тенденции к превышению предложения рабочей силы над спросом.

Напряженность ситуации отмечается как в населенных пунктах, имеющих монопрофильную структуру экономики, так и на градообразующих предприятиях. Рост предложения рабочей силы на открытом рынке труда при ограничении приема на работу снижает возможности трудоустройства новой рабочей силы — выпускников учебных заведений и увольнение молодежи в возрасте до 29 лет. В условиях недостатка рабочих мест и высокой конкуренции сложнее трудоустроиться людям с ограниченной трудоспособностью и родителям, воспитывающим несовершеннолетних детей.

В заключение докладчик добавил, что, несмотря на низкие показатели регистрируемой безработицы, ситуация на рынке труда Мордовии остается сложной, возможности трудоустройства ограничены. По этой причине молодежь массово покидает регион в поисках работы, что может стать тормозом устойчивого экономического развития республики уже в ближайшие годы.

Н. В. Кияева доложила об основных направлениях развития малого бизнеса в Мордовии, выявленных на основе анализа данных статистики. По ее мнению, этот сегмент в экономике республики динамично развивается: в 2005 — 2013 гг. число малых предприятий увеличилось в 2,8 раза, их оборот — в 6,8 раза, численность индивидуальных предпринимателей стала больше в 1,4 раза. Динамичные показатели были характерны для таких видов деятельности, как гостинично-ресторанный бизнес, финансы, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг. Низкие темпы роста числа предприятий наблюдались в добывающей и обрабатывающей отраслях.

При соотнесении с другими регионами оказывается, что этот сектор экономики Мордовии развит слабо по причине недостатка финансовых ресурсов и несовершенства материально-технической базы. Кроме того, по мнению выступающего, развитию предпринимательства в регионе мешают всевозможные административные ограничения, требующие улучшения законодательной составляющей ведения бизнеса.

Д. С. Горохов охарактеризовал современные тенденции развития инновационного предпринимательства в Республике Мордовия. Анализируя современный этап развития экономики России, докладчик указал на трансформации в мировой экономике, ведущие к изменению системы предпринимательства в субъектах РФ. Хорошие перспективы он отметил в применении зарубежной политики, которая была более эффективной, так как привела к значительным позитивным результатам в деятельности инновационно-активных предприятий регионального уровня. Инновационное развитие является не только движущей силой современности, но и одним из основных концептов деятельности любого предприятия с целью увеличения эффективности его жизнедеятельности, способствующих изменениям в составе и структуре предприятия во времени.

Исходя из рейтинга основных инновационно-активных регионов, наиболее привлекательным с точки зрения оценки результатов является Республика Мордовия и предприятия, действующие в этом регионе. Особенностью инновационного предпринимательства в Мордовии является регулирование инновационно-активных предприятий в разрезе поддержки малого и среднего бизнеса. В настоящее время выполняется масштабная Комплексная программа развития и государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике

Мордовия, охватывающая весь спектр повышения эффективности деятельности малого и среднего бизнеса, в том числе инновационного.

Докладчик выделил основные факторы, тормозящие развитие инновационного предпринимательства в Республике Мордовия:

— низкая эффективность и отсутствие нормативно-правовой базы, направленной на стимулирование его развития;

— недостаточное ресурсное обеспечение (финансовое, имущественное и информационное) подобных субъектов, а также организаций инфраструктуры их поддержки;

— административные барьеры государственно-частного предпринимательства;

— высокий уровень иммиграции, снижающий количество квалифицированной рабочей силы в регионе.

Вышеуказанные проблемы определяют необходимость реализации следующих ключевых трендов государственной поддержки инновационного предпринимательства в Республике Мордовия:

— создание и повышение эффективности инновационной инфраструктуры, включающей формирование предприятий и структур, направленных на генерацию наукоемкого бизнеса;

— формирование инновационно-активных кластеров, внутри которых предприятия будут восполнять недостающие области и этапы в процессе создания инновационных товаров и услуг;

— достижение ежегодного прироста объемов выпуска инновационной продукции не менее 20 %, а количества инновационно-активных предприятий — не менее 15 %;

— развитие инфраструктуры территории базирования кластера, повышение инновационного и производственного потенциала его участников.

И. Г. Кильдюшкина завершила заседание презентацией короткометражных видеопроектов саранского аэропорта, стадиона «Мордовия-Арена», жилого комплекса «Тавла», гостиниц на ул. Кавказская и перекрестке улиц Большевистской и Коммунистической, отеля «Меркурий», возводящихся в Республике Мордовия к Чемпионату мира по футболу 2018 г. Материал был предоставлен руководителем проекта ООО «Отель» кандидатом экономических наук И. А. Юшачковым.

Тексты научных докладов будут опубликованы в ближайших выпусках журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия».

Подготовили *И. Г. Кильдюшкина, Л. Н. Липатова.*

ПОЛЕВОЙ СЕЗОН 2016: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В июле 2016 г. совместная экспедиция Пензенского государственного университета и НИИГН проводила археологические раскопки древнемордовского могильника, расположенного у с. Ражки Нижнеломовского района Пензенской области.

Основная цель исследования памятника заключалась в выявлении погребений, которые могли бы относиться к началу времени его функционирования. Для этого был разбит раскоп, примыкавший с востока и северо-востока к раскопу № 2, где в 2015 г. был обнаружен ряд погребений, материалы которых отнеслись к наиболее ранним на могильнике. Всего на площади 100 м² было обнаружено и вскрыто 4 погребения.

В северо-западной части раскопа обследовано мужское захоронение № 67, совершенное по обряду труположения. Длина могильной ямы составляла 210 см, ширина в средней части — 81 см, глубина от современной поверхности — до 72 см. Слой заполнения незначителен по толщине: 6 — 8 см, визуально определялся только на уровне желто-коричневой материковой глины (выше — слой чернозема). В погребении были расчищены тлен предплюсен, берцовые и бедренные кости, а также небольшой фрагмент тазовой кости. Судя по их расположению, умерший был положен головой на СЗ. В районе предполагаемой области пояса находился фрагмент металлического предмета, возможно, ножа.

В юго-восточной части раскопа была обнаружена могильная яма № 68, вытянутая длинной осью по направлению ССЗ — ЮЮВ. Северо-западная часть погребения была разрушена современной ямой. Длина сохранившейся части по средней линии составляла 210 см, ширина — 81 см, глубина от современной дневной поверхности — до 144 см. Дно слегка покато по направлению к СЗ. Толщина слоя заполнения: 32 — 35 см, в нем отмечены угольки (в незначительном количестве).

Кости и сопроводительный инвентарь находились в хаотическом порядке на разных глубинах. В погребении были расчищены: пряслице; 2 скопления бронзовых колечек-пронизок; 3 бронзовые пластинки прямоугольной формы до 2,5 см в длину плохой сохранности; бляшка с умбоновидным колпачком; 2 бляшки с отверстием в центре; привеска, состоящая из двух соединенных бляшек диаметром 1 см с петелькой на обратной стороне; единичная бляшка такого же размера; фрагменты неопределяемого железного изделия; бусы в большом количестве (крупная золотостеклянная диаметром 1,9 см; золотостеклянные средних размеров, диаметром 0,6 — 0,9 см; золотостеклянный бисер, краснопастовые диаметром до 0,5 см; бусина из красной пасты с желтой поперечной полосой диаметром 1,2 см; бусина из темно-коричневого стекла с волнообразным орнаментом вытянутой формы (длина около 2 см)).

Погребения с нарушением анатомического порядка расположения костей, без признаков разрушения целостности комплексов грабителями либо животными трактуются исследователями как особая форма погребальной обрядности финно-угров — «обезвреживание», вызванное суеверными страхами перед покойными. Такие захоронения, в частности, отмечены в ходе предыдущих работ на

Ражкинском могильнике. Их появление связывается с местными религиозными традициями, а не внешними этнокультурными импульсами.

Еще 2 погребения были обнаружены в условно «центральной» части раскопа 2016 г. Могильное пятно погребения № 69 имело подпрямоугольную форму с закругленными углами. Его длина составляла 180 см, ширина — 86 см, глубина от современной дневной поверхности — до 91 см. Толщина слоя заполнения: 14 — 15 см. Захоронение детское, безинвентарное. От костяка сохранились тлен черепа и бедренные кости (фрагментарной сохранности). Судя по их расположению, погребение было совершено по обряду труположения, головой на ССЗ.

Существенный интерес представляет погребение № 70, обнаруженное рядом, на расстоянии 0,9 — 1,0 м по направлению к ЮЗ. Это богатое женское захоронение, совершенное по обряду труположения в могильной яме подпрямоугольной с закругленными углами формы, ориентированной длинной осью по направлению ССЗ — ЮЮВ. Следует отметить сравнительно большую длину ямы, которая составляла 298 см, ширину — 84 см, глубину от современной дневной поверхности — до 95 см. Толщина слоя заполнения: 15 — 16 см, в нем отмечены угольки (в незначительном количестве).

Сохранность костяка частичная. В погребении удалось расчистить фрагменты раздавленного землей черепа с нижней челюстью, локтевой (?) кости (условно слева от туловища), а также фалангу пальца (условно в области живота). Судя по сохранившимся костям и расположению инвентаря, умершая была положена на спину головой на ССЗ.

В изголовье обнаружены пряслице и лепной глиняный сосуд горшковидной формы с округлым несколько вытянутым туловом и отогнутым горлом.

Ближе к теменной части черепа находилась бронзовая бляха с обломанными краями (в сохранившейся части край был прямым), орнаментированная пятью выпуклинами. На обратной стороне находилась петля для крепления с сохранившимся кусочком кожи. Несколько глубже, под ней, была расчищена бронзовая круглая бляха с иглой и двумя валиками плохой сохранности, под которой найдены 5 золотостеклянных бус и 1 из красной непрозрачной пасты (рассыпалась при снятии). Кроме того, в районе черепа было обнаружено большое количество золотостеклянных бус и бронзовых колечек-пронизок (часть из которых обжимала кожаный ремешок), а также несколько фрагментов кожи. Следует полагать, что вышеперечисленный инвентарь относился к головному убору. В качестве височных украшений в данном погребении присутствовали подвески с лопастью трапезиевидной формы (одна фрагментарной сохранности).

В области шеи находилась гривна, состоявшая из двух перевитых проволок с замком в виде крючка. Несколько ниже, условно в области правой ключицы, была расположена бляшка с умбовидным колпачком и петелькой на обратной стороне. В области груди обнаружена круглая бронзовая бляха с радиальной прорезью, иглой и тремя валиками. Справа и слева от нее лежали 2 плоские бронзовые бляшки с отверстием в центре.

Украшения рук: круглодротовый браслет с завернутыми в спирали концами и частичной обмоткой бронзовой проволокой (ближе к концам); браслет с расплюснутыми заходящими друг за друга концами, а также перстень с волютообразным щитком. Судя по их расположению, руки покойной были сложены в области

живота. Между браслетами находилась бляшка с умбоновидным колпачком и петелькой на обратной стороне.

Кроме того, в «нижней» части погребения, на уровне ног, было найдено несколько золотостеклянных бус.

Комплекс сопроводительного инвентаря рассматриваемого погребения имеет ярко выраженный ранний облик. Аналогии многим предметам прослеживаются в ранних погребениях Кошибеевского могильника, а прототипы восходят к древностям андеевско-писеральского круга. Захоронение предварительно датируется второй половиной II — рубежом II — III вв. н. э. Историко-культурная интерпретация материалов данного периода имеет прямое отношение к научной реконструкции генезиса культуры древней мордвы. Новые данные, полученные в ходе раскопок, безусловно, обладают значительной ценностью и, как представляется, заинтересуют специалистов.

В полевом сезоне 2016 г. экспедицией НИИГН были проведены археологические раскопки Шалинского могильника. Памятник находится на месте бывшей деревни Шалы Атюрьевского района Республики Мордовия, на пологом склоне первой надпойменной террасы левого берега р. Лячи. На территории могильника располагались хозяйственные и жилые постройки. Могильник случайно открыли в 2012 г. при строительстве часовни. Во время этой работы экскаватором было разрушено 2 погребения, судя по вещам — мужское и женское. Вещи из разрушенных погребений состояли из 12 предметов, включавших 2 топора, 1 наконечник копья, 1 нагрудную бляху, 1 бубенчик, 3 сьюльгамы, 6 браслетов, 3 наконечника стрел, поясной набор, 22 детали от поясного набора, 14 фрагментов от украшения обуви.

Впервые памятник осмотрел и описал профессор кафедры дореволюционной истории МГУ им. Н. П. Огарева, кандидат исторических наук, доцент И. М. Петербургский. Вещи из разрушенных погребений позволили ученому датировать памятник VIII — XI вв.

Приблизительная площадь памятника составляла 0,4 га. Стационарные раскопки памятника ранее не производились. На момент проведения полевых работ в 2016 г. на поверхности могильника было отмечено значительное количество грабительских ям. Выбором места разбивки раскопа послужили относительно ровная дневная поверхность, со всех сторон ограниченная грунтовыми дорогами, без наличия следов построек, а также нарушенный культурный слой в результате грабительской деятельности, представленный мелкими оплывшими ямками. В южную часть раскопа вошла яма ориентированная длинной осью ЗВ, возникшая в результате добычи песка для строительства фундамента часовни в 2012 г.

Контурные могильных ям прослеживались под слоем темно-серой супеси на глубине 40 — 60 см от уровня дневной поверхности.

На исследованной площади могильника в 80 м² экспедиция НИИГН вскрыла 9 погребений, не перекрывавших друг друга. Возможно, что в древности существовали надмогильные сооружения. Все они нарушены кладоискательскими ямами. По половозрастному признаку захоронения распределялись следующим образом: 1 мужское (п. 6), 1 неопределенное (п. 8), 7 женских (п. 1 — 5, 7, 9). Во всех погребениях вещевой комплекс состоял из деталей украшений, глиняных изделий и предметов вооружения. Сохранность костяков очень плохая, поэтому

пол погребенных и их ориентировка определялись по составу погребального инвентаря. Из-за относительно неглубоких могильных ям сохранность вещей очень плохая. Исключение составили глиняные изделия и втульчатый топор из п. 6.

Погребение 1. Детское, труположение.

Очертания могильной ямы прослежены на квадратах Ж2 на глубине 25 см от уровня современной поверхности. Северо-восточная часть погребения разрушена в 2012 г. экскаватором в результате строительства часовни. Судя по юго-западной части, могильная яма имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, вытянутую по линии СЗ — ЮВ. Стенки отвесные, дно ровное. От костяка сохранились фрагменты черепа; в районе пояса — фрагменты лучевой и локтевой костей правой руки.

В погребении обнаружены следующие вещи: в области предполагаемой головы обнаружены остатки ожерелья, включавшие бусы, фрагменты пронизок и бронзовые обоймочки. По обеим сторонам, от места предполагаемого черепа найдены височные подвески с бипирамидальными грузиками из белого сплава. В районе пояса найдены 3 бронзовые сюльгамы с трубчатыми концами. На правой руке — 2 бронзовых спиральных браслета. В области груди и черепа обнаружено пятно от оловянного бисера.

Погребение 2. Женское, труположение.

Очертания могильной ямы прослежены на квадратах Д3, Е2, Е3 на глубине 45 см от уровня дневной поверхности. Яма имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, вытянутую по линии СВ — ЮЗ. Размеры погребения составляли 150 × 50 см, глубиной 60 см от уровня современной поверхности. Стенки отвесные, дно ровное. От костяка сохранились зубы и фрагмент правой плечевой кости. Судя по костям и вещевому комплексу, погребенная лежала головой на ЮЗ. В погребении найдены следующие вещи: в районе головы — бусы, 3 бутыльчатые подвески; в районе груди — бронзовый спиральный перстень; в районе локтя правой руки — бронзовый спиральный браслет, под которым лежали кожаный кошелек и глиняное пряслице; справа от области предполагаемого живота, почти около северной стенки погребальной камеры — 2 маленьких глиняных лепных сосуда; справа от правой тазобедренной кости находился еще 1 лепной глиняный сосуд.

Погребение 3. Женское, труположение.

Очертания могильной ямы прослежены в квадратах Д1, Д2, Е1, Е2 на глубине 40 см от уровня дневной поверхности. Яма имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, вытянутую по линии ССВ — ЮЮЗ. Размеры погребения составляли 150 × 65 см, глубиной 70 см от уровня современной поверхности. Стенки отвесные, дно ровное. От костяка сохранились только зубы, судя по их расположению, костяк был ориентирован головой на ЮЮЗ. В погребении найдены следующие вещи: в районе черепа — салтовская серьга; в 20 см к северо-западу от серьги — бронзовый браслет. В районе предполагаемой правой руки найден бронзовый спиральный браслет.

Погребение 4. Женское, труположение.

Очертания могильной ямы прослежены в квадратах Ж2, Ж3 на глубине 25 см от уровня дневной поверхности. Яма имела овальную форму, вытянутую по линии ВСВ — ЗЮЗ. Стенки наклонные, дно ровное. Размеры погребения составляли 120 × 53 см, глубиной 28 см от уровня современной поверхности. Костяк не

сохранился. Судя по расположению предметов в могиле, погребенная лежала головой на ЗЮЗ с вытянутыми вдоль туловища руками. В погребении обнаружены следующие вещи: в районе предполагаемого черепа — скопление бус и бисера; в районе груди — 5 сьюльгам с трубчатыми концами; справа от них — 2 бронзовые трапецевидные подвески; в области пояса, на предполагаемом месте рук — бронзовые спиральные браслеты.

Погребение 5. Женское, труположение.

Очертания могильной ямы прослежены в квадратах А1, А2 на глубине 50 см от уровня дневной поверхности. Яма имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, вытянутую по линии ЗСЗ — ВЮВ. Стенки отвесные, дно ровное. Размеры погребения составляли 153 × 69 см, глубиной 100 см от уровня современной поверхности. От костяка сохранились лишь фрагменты лучевых костей. Судя по расположению вещей в могиле, погребенная лежала головой на ЗСЗ, с вытянутыми вдоль туловища руками. В погребении обнаружены следующие вещи: по обе стороны предполагаемого черепа — бронзовые височные кольца; слева от черепа — лепной сосуд; в области шеи — бронзовая гривна и большое скопление бус и бисера; в области груди — 3 бронзовые сьюльгамы с трубчатыми концами, а также фрагменты 5 узко обмотанных бронзой поволокой ремешков со звездчатыми подвесками. В районе пояса, с обеих сторон в области предполагаемых рук, найдены бронзовые спиральные браслеты.

Погребение 6. Мужское, труположение.

Очертания могильной ямы прослежены в квадратах Г1, Г2, Д1, Д2 на глубине 55 см от уровня современной поверхности. Могильная яма имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, вытянутую по линии СВ — ЮЗ. Размеры погребения составляли 220 × 95 см, глубиной 95 см от уровня дневной поверхности. Центральную часть погребения прорезала большая кладоискательская яма. Целостность костяка нарушена большой кладоискательской ямой в юго-западной части погребения. От костяка сохранился лишь тлен костей ног. Погребенный лежал головой на ЮЗ. В погребении обнаружены следующие вещи: на ступне левой ноги лежал втульчатый топор; в области ступней ног — тлен неопределенного металлического предмета.

Погребение 7. Женское, труположение.

Очертания могильной ямы прослежены в квадратах В2, Г2 на глубине 60 см от уровня современной поверхности. Могильная яма имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, вытянутую по линии С — Ю. Размеры погребения составляли 208 × 70 см, глубиной 80 см от уровня дневной поверхности. Южная часть погребения нарушена современной кладоискательской ямой. Костяк не сохранился. Судя по вещевому комплексу, умершая лежала головой на Ю. В погребении обнаружены следующие вещи: при расчистке южной части погребения в засыпке найден фрагмент височной подвески с бипирамидальным грузиком, а также бронзовые трубочки и обоймочки от женского головного убора; в изголовье — глиняных лепных сосуда; справа от предполагаемого черепа — височная подвеска с бипирамидальным грузиком.

Погребение 8. Неопределенное (мужское?), труположение.

Очертания могильной ямы выявлены на квадратах В3, Г3 на глубине 60 см от уровня современной поверхности. Могильная яма имела подпрямоугольную

форму со скругленными углами, вытянутую по линии С — Ю. Размеры погребения составляли 210 × 75 см, глубиной 75 см от уровня дневной поверхности. Погребенный лежал головой на Ю. От костяка сохранились фрагменты черепа и берцовая кость правой ноги. Справа от области черепа — тлен двух металлических предметов. Погребение нарушено кладоискательской ямой.

Погребение 9. Женское, труположение.

Очертания могильной ямы прослежены на квадратах Б2, Б3 на глубине 65 см от уровня современной поверхности. Могильная яма имела подпрямоугольную форму со скругленными углами, вытянутую по линии В — З. Размеры погребения составляли 220 × 70 см, глубиной 80 см от уровня дневной поверхности. Погребение нарушено кладоискательской ямой. Костяк представлен фрагментами черепа и тленом бедренной кости левой ноги. Судя по остаткам костяка и инвентарю, погребенная лежала головой на З. В погребении обнаружены следующие вещи: в районе черепа — фрагменты головного венчика, состоящего из трубочек и обоймочек из белого сплава; в районе груди прослежено небольшое пятно олова.

Таким образом, полученный археологический материал позволяет датировать Шалинский могильник VIII — XI вв. н. э. Южная, с небольшими отклонениями на восток и запад, ориентировка этнически относит его к мордве-мокше, которая во второй половине 1 — начале 2-го тыс. плотно заселяла междуречье Вада и Мокши.

Подготовили

В. В. Ставицкий, Е. Н. Кемаев, А. А. Пронин.

РЕЦЕНЗИИ

Закирова И. Г. Эпическое творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы : монография / И. Г. Закирова ; ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. — Казань, 2011. — 268 с.

Выход в свет монографии И. Г. Закировой — долгожданное явление не только в татарском, но и в тюркском, русском и финно-угорском научных филологических сообществах. Данное исследование не состоялось бы без серьезной научной школы, сформированной в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, без тех фундаментальных наработок, которые создавались несколькими поколениями авторитетных фольклористов Татарстана.

Монография И. Г. Закировой является важным научным инновационным исследованием на стыке нескольких смежных дисциплин — фольклористики и этнографии, истории и философии, литературы и этнолингвистики, этногеографии и этнокультурологии. Изданию присущи все основные черты академической работы: актуальность и проблемность, форма и содержание, структурообразующие разделы, совершенный научный инструментарий и методологическая основа, терминологическая точность и выверенность понятийного аппарата, аналитический характер и глубина размышлений над материалом, богатая источниковедческая база, в том числе на языках других тюркских народов.

В основу труда легло сравнительно-историческое, сопоставительное, историко-типологическое и текстологическое исследование фольклорных текстов.

Основой успешного решения задач стали четкость и взвешенность методологических подходов, позволивших автору занять объективную исследовательскую позицию. В связи с этим исследователю удалось успешно сформулировать и выдвинуть концепцию о том, что фольклор народов периода Золотой Орды формировался как продолжение фольклора, мифологии и этнической культуры предыдущих периодов, хранивших в себе следы древних верований и религий, отчетливо прослеживавшихся в татарском фольклоре эпохи Золотой Орды.

Актуальность исследования не подлежит сомнению, поскольку до настоящего времени в татарской фольклористике не было такого глубокого, масштабного труда, содержащего значительное собрание фольклорных текстов. Привлекательной чертой данной работы является то, что автор использует широкий круг источников, опирается на исследования ученых Татарстана, Башкортостана, Киргизии, Казахстана и Монголии, изучавших тюркский фольклор, дав им высокую оценку и интерпретировав их в современном контексте.

В работе используются две значительные группы фактологических источников: фольклор тюркских народов (прежде всего татарского), сохраняющий в себе следы золотоордынского периода; исторические труды (в том числе персидские,

арабские, монгольские и китайские), путевые заметки европейских миссионеров, путешественников, оставивших многочисленные сведения о духовной культуре — верованиях, обрядах и мифологии татар.

Монография является первой работой в татарской фольклористике, посвященной системному изучению фольклора периода Золотой Орды, в которой на широком материале (дастаны, мифы, предания и легенды, включенные в фольклорные сборники тюркских народов, а также неопубликованные версии и их варианты) исследуются сюжеты и мотивы фольклорных произведений в историко-типологическом плане, рассматриваются вопросы их эволюции и трансформации. Важной частью издания стало включение авторских материалов, собранных ученым в ходе экспедиций.

В книге фольклор периода Золотой Орды впервые оценивается с позиций общечеловеческой значимости и гуманистического содержания, тем самым снимается подспудный негативный, клишированный подход к культуре и достижениям татарского этноса. Здесь рассматриваются вопросы изучения фольклора периода Золотой Орды, определение идейно-художественных особенностей татарского фольклора данного периода в свете общетюркских фольклорных традиций, решаются объемные задачи систематизации и классификации фольклорного материала по периоду Золотой Орды, объясняются особенности художественного содержания фольклорных произведений того периода, эпическое повествование соотносится с летописью и историческими документами, выявляются источники сюжетов, изучаются мифологические мотивы эпических произведений как сложной системы, отражающей представления о мире.

Особенно сложным и ценным, на наш взгляд, явилась реконструкция тюрко-татарской картины мировосприятия, основу которого составляют непреходящие ценности, формировавшиеся на заре истории этих народов и на протяжении многих исторических периодов удовлетворявшие духовные потребности общества.

В монографии виден масштаб исследования, охватывающего эпическое творчество народов периода Золотой Орды, интерпретирующего развитие эпического жанра, который достиг уровня полноценного исторического эпоса, и обозначающего начало формирования героико-романического (любовного) дастана. Рассматривается содержание дастанов, сводившихся к освещению истории народа, призыву к единению, борьбе против внешних врагов и защите государственной независимости, воспеванию героев. Отмечается, что фольклорные произведения, посвященные историческим личностям, в большинстве своем носят эпический характер и представляют собой значительный пласт тюрко-татарского фольклора, отражающий специфику художественного переосмысления исторической действительности. Подчеркивается, что фольклор, сформировавшийся как часть синкретичного искусства в первобытную эпоху, играл важную роль и в период Золотой Орды как средство передачи накопленного социального опыта в виде культурных стереотипов, формирования и корректировки ментального поведения народа.

В первой главе «Дастаны периода Золотой Орды: историческая основа и мифопоэтические традиции» выявляются мифологические и исторические основы тюркских дастанов. Исследователь совершает экскурс в историю воз-

никновения мифов и приходит к выводу, что мифическая борьба за космос, составляющая основную идею архаического эпоса, со временем преобразуется в защиту «своей» земли от захватчиков. Поэтому классические формы эпоса, хотя в них и сохраняется связь с мифами, опираются на исторические предания, пользуются их языком для изложения событий прошлого, причем не мифического, а исторического. В связи с этим они отличаются от архаического эпоса не столько степенью достоверности рассказа, сколько географическими названиями, историческими наименованиями племен и государств, царей и вождей, войн и миграций.

Глава состоит из четырех разделов, в первом из которых («Сравнительно-типологический анализ национальных версий дастана об Алпамыше и легенды о богатырях-алыпах») рассматриваются национальные версии дастана тюркских народов «Алпамыш». Во втором разделе «Идейное усовершенствование героического эпоса в период Золотой Орды: дастан „Ак Кубек“» автор выделяет три полных варианта данного дастана — тобольский, барабинский и алтайский. По ним И. Г. Закирова проследила не только эволюцию внешних, формальных особенностей дастана, но и серьезные изменения в его идейном содержании, которые заключаются в идее примирения и единстве племен. На примере главного героя дастан сводит причину всех несчастий народа и героя к бессмысленной вражде. Третий раздел «Дастан „Амет сын Гайсы“ как фольклорная интерпретация исторических событий» посвящен изучению степени фольклоризации реальных исторических событий, описанных в произведении, реальных исторических деятелей — хана Жанибека, его сына Бирдебека и ханши Тайдулы, деятелей Золотой Орды — прототипов персонажей татарской и ногайской версии дастана. В четвертом разделе «Дастан „Кузы-Курпяч и Баян-Сылу“ как новая жанровая разновидность эпоса в период Золотой Орды» исследуются мифологические и этнографические основы национальных версий романического дастана, которому свойственны такие типичные элементы, как влюбленный герой в поисках невесты, преодоление препятствий и гибель героев.

Во второй главе «Соотношение мифического, эпического и исторического в образах реальных деятелей периода Золотой Орды» — одной из наиболее сильных, стержневых, на наш взгляд, — рассматриваются фольклорные образы исторических деятелей данного периода, чьи имена сохранились в сказаниях, легендах, дастанах, сказках, исторических песнях и баитах.

И. Г. Закирова утверждает, что повествование об исторических личностях ведется в рамках архетипов, где тесно переплетаются мифологические, эпические и реалистические элементы. В первом разделе «Концепция идеального правителя в представлении тюркских и монгольских народов: Чингизхан» исследуется образ всемирно известного хана в фольклоре тюрко-монгольских народов. Исследователь приводит родословную этой харизматической личности, легенды, генеалогические мифы о его рождении, связанные с тотемами Борте-Чино и его жены Гоа-Марал, расшифровывается его имя: Тимучин — «избранный Богом». Ученый отмечает, что тотемный предок санкционирует и закрепляет право определенной тотемической группы на занимаемую территорию, которая осваивалась на общинных началах. Раздел богат аналитическим материалом, всесторонне, в тесной связи с мифами изучаются версии дастанов о Чингисхане,

представления народа о его кровном родстве с тотемом и его божественным предназначением властвовать. Положительно то, что автор расширяет аналитическую базу, легко переходя в этнолингвистику, и в его поле зрения оказывается символика Средневековья, в частности, цвета харизмы Чингисхана — золотой и черно-золотой; мифологемы, определяющие состояние героя: «черпал силы от солнца», выражения «нурлы йөз» («лучистое лицо»), «йөзе балкый» («лицо сияет»), «йөзе кояш кебек» («солнечное лицо»), «күзендә ут бар» («в глазах есть огонь»), «күзләре янып тора» («глаза горят»). Приводимый исследователем материал вводит нас в мифопоэтический мир татар, передает «аромат» эпохи, суровый характер времени, отразившийся в деяниях полководцев, расширяет и обогащает представления о тюркском мире.

Несколько в ином ключе написан второй параграф главы «Идея борьбы за независимость Родины в преданиях о Бачман хане», посвященный изучению образа эпического героя татарских дастанов и реальной личности эпохи Золотой Орды. Раздел примечателен топонимическими легендами о Булгаре, Руси, реках Урале, Итили-Волге, этногеографическими диспозициями, генеалогическими легендами и экскурсами. Параграф состоит из небольших шагов-открытий. В связи с этим очень интересным представляется древнее предание тюрков о смерти Бачман хана, мужественно выбравшего смерть от сабли — расчленение тела, кровопролитие, что означало полное истребление души, без его возрождения. В третьем параграфе «Соотношение эпического и исторического в образе Тимура» рассматривается фольклорный образ Тамерлана. Раздел богат жизнеописаниями, историческими и географическими указаниями, сведениями о его деяниях и походах, покорении и разрушении Булгара и Буляра, ставшими основой многих фольклорных произведений. Анализ И. Г. Закировой основан на широком круге материалов — образцов В. В. Радлова, «Гыйкабе» Муххамата Амина, «Дастане о роде Тамерлана» из общетюркского наследия «Чингизнаме». Интересны философские размышления о судьбе, в частности предопределенности судеб личности и целых народов. Четвертая часть главы «Дуалистичность образа Идегея в фольклоре и его исторический прототип» посвящена изучению эпической биографии Идегея мирзы — эпического героя тюркских дастанов и реальной личности эпохи Золотой Орды.

Идегей, главный герой дастана «Идегей», был известен казахам, ногайцам, башкирам, каракалпакам, узбекам, туркменам, крымским и сибирским татарам (известно около 20 татарских вариантов дастана «Идегей»). Немаловажны выводы автора о том, что исторические личности и отдельная историческая эпоха в дастане «Идегей» изображаются на основе эпической традиции тюркских народов, и дастан состоит из двух пластов — исторического и эпического.

Знакомство с главным героем начинается с родословной Идегея, родившегося, по одной из версий дастана, от Баба Туклеса и девушки-голубицы, по другой — от Кутлукыя и пэри. В основе сюжета дастана «Идегей» лежит идея борьбы за трон, которая привела к гибели рода, оборвавшего связующую нить жизни. Исследователь, обращаясь к этнической философии, утверждает, что уничтожение рода, племени — страшное преступление. Опираясь на труды предшественников (Ф. И. Урманчеев, М. Х. Бакиров и др.), исследователь показывает, что вся композиция дастана «Идегей» построена на идее, что за все воздается по деяниям: кровь за кровь, злодейство за злодейство, добро за добро.

Таким образом, в монографии И. Г. Закирова использует интегрированный подход к изучению мифологии, фольклора, так как историческая, фольклорная, этнографическая, философская и культурологическая рефлексии способны привести к синтезированному сращиванию разных сфер знания и в большей степени объективировать осмысление мифологии (ее аспектов и категорий) в заданном научно-исследовательском режиме, что позволило максимально полно представить богатый татарский фольклор.

*В. И. Розачев,
доктор филологических наук, профессор,
И. В. Зубов,
кандидат философских наук, доцент.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артемяева Светлана Степановна — доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, e-mail: art.s13@mail.ru

Бикейкин Евгений Николаевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Бирюков Игорь Геннадьевич — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Бирюкова Ольга Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: Olgbirukova@gambler.ru

Биряева Анастасия Владимировна — соискатель отдела истории НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: vyazik@yandex.ru

Васильев Николай Леонидович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, e-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

Гусарова Елена Михайловна — кандидат искусствоведения, артистка-вокалистка (солистка) ансамбля казачьей песни и пляски «Разгуляй» им. С. В. Балабана, г. Саранск, Россия, e-mail: lenchik907@mail.ru

Девяткин Сергей Генрихович — литературовед, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Дементьева Ксения Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, e-mail: kafedra209gurnal@mail.ru

Егорцева Юлия Юрьевна — магистрант экономического факультета направления подготовки «Экономика» магистерской программы «Государственные и муниципальные ресурсы» МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, e-mail: yuliya_egg@mail.ru

Зубов Игорь Васильевич — кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом литературы и фольклора НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Ибнеева Гузель Вазыховна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия, e-mail: Guzel.Ibneyeva@yandex.ru

Иванов Алексей Ананьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: anani@marsu.ru

Иванов Ананий Герасимович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: anani@marsu.ru

Игнатьева Марина Владимировна — бухгалтер филиала ПАО «МРСК Волги» — Мордовэнерго», г. Саранск, Россия, e-mail: ignateva-marina@lenta.ru

Каторова Александра Михайловна — доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Кемаев Евгений Николаевич — научный сотрудник отдела археологии НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: evg.kemaev@yandex.ru

Кильдюшкина Ирина Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник — заведующий отделом региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: irakil1967@mail.ru

Куршева Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Липатова Людмила Николаевна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Милешина Наталья Александровна — доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и этнологии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: rus_history@mordgpi.ru

Минева Елена Константиновна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И. Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия, e-mail: minevaek21@mail.ru

Мухамадеев Альберт Ильич — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия, e-mail: ALLEO1590@yandex.ru

Пахалюк Константин Александрович — аспирант кафедры политической теории МГИМО МИД России, член Российской ассоциации историков Первой мировой войны, г. Москва, Россия, e-mail: konstantin.pahalyuk@rvio.org

Пронин Александр Сергеевич — научный сотрудник отдела археологии НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Ржанова Светлана Александровна — доктор культурологи, профессор кафедры журналистики МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, e-mail: Rzanova@mail.ru

Рогачев Владимир Ильич — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: rogachev-v@bk.ru

Салаева Мария Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Святогорова Варвара Сергеевна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии МГУ им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия, e-mail: mikardina@mail.ru

Сибатрова Серафима Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ, г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

Соколова Валентина Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «ЧГУ им. И. Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия, e-mail: mineevaek21@mail.ru

Соловьев Анатолий Андреевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», г. Йошкар-Ола, Россия, e-mail: solowaa@mail.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник - заведующий отделом археологии НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Цыганкин Георгий Сергеевич — кандидат исторических наук, педагог дополнительного образования Республиканского детско-юношеского центра эстетического воспитания, г. Саранск, Россия, e-mail: cy-gan-kin@yandex.ru

Чернышов Артем Петрович — аспирант кафедры отечественной истории и этнологии Мордовского государственного педагогического института имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Россия, e-mail: petrowich13@mail.ru

Четаева Кристина Геннадьевна — аспирант отдела региональных исследований и программ НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: kg_kiseleva@inbox.ru

Шеянова Ирина Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Юрчёнков Валерий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, директор НИИГН, г. Саранск, Россия, e-mail: guniign@list.ru

Юрченкова Нина Георгиевна — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) в г. Саранске, г. Саранск, Россия, e-mail: nina-saransk@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Artemyeva Svetlana Stepanovna — Doctor of Economics, Professor of Department of Finance and Credit, N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: art.s13@mail.ru

Bikeykin Evgeny Nikolayevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: otдел_istorii@mail.ru

Biryukov Igor Gennadyevich — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Biryukova Olga Ivanovna — Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, M. E. Evseyev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russia, e-mail: Olgbirukova@rambler.ru

Biryayeva Anastasiya Vladimirovna — External Student of Department of History, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: vyazik@yandex.ru

Vasilyev Nikolay Leonidovich — Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Russian Language, N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru

Gusarova Elena Mikhaylovna — Candidate of Arts, artist-vocalist (soloist) of Ensemble of Cossack Song and Dance “Razgulay” named after S. V. Balaban, Saransk, Russia, e-mail: lenchik907@mail.ru

Devyatkin Sergey Genrikhovich — Specialist in Literature, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Dementieva Kseniya Vladimirovna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Journalism, N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: kafedra209gurnal@mail.ru

Egortseva Yuliya Yuryevna — Master Student of Faculty of Economics, Direction of Preparation “Economics” of Master’s Program “State and Municipal Resources”, N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: yuliya_egg@mail.ru

Zubov Igor Vasilyevich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Ibneyeva Guzel Vazykhovna — Doctor of History, Associate Professor, Professor of Department of National History, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia, e-mail: Guzel.Ibneyeva@yandex.ru

Ivanov Aleksey Ananyevich — Doctor of History, Professor of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: anani@marsu.ru

Ivanov Anany Gerasimovich — Doctor of History, Professor, Head of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: anani@marsu.ru

Ignatyeva Marina Vladimirovna — Accountant, Branch of PJSC “MRGC of Volga — Mordovenergo”, Saransk, Russia, e-mail: ignateva-marina@lenta.ru

Katorova Aleksandra Mikhaylovna — Doctor of Pedagogics, Professor, Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Kemaev Evgeny Nikolayevich — Researcher of Department of Archaeology, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Kildyushkina Irina Gennadyevna — Candidate of History, Associate Professor, Principal Researcher — Head of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: irakil1967@mail.ru

Kursheva Galina Aleksandrovna — Doctor of History, Professor, Deputy Director on Scientific Work, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Lipatova Lyudmila Nikolayevna — Doctor of Sociology, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: ln.lipatova@yandex.ru

Mileshina Natalya Aleksandrovna — Doctor of History, Assistant Professor of Department of National History and Ethnology, M. E. Evseyev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russia, e-mail: rus_history@mordgpi.ru

Mineeva Elena Konstantinovna — Doctor of History, Professor of Department of National History, I. N. Ulyanov Chuvashia State University, Cheboksary, Russia, e-mail: mineevaek21@mail.ru

Mukhamadeev Albert Ilyich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of National History, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia, e-mail: ALLEO1590@yandex.ru

Pakhalyuk Konstantin Aleksandrovich — Postgraduate Student of Department of Political Theory, MGIMO of Ministry of Foreign Affairs of Russia, Member of Russian Association of the First World War Historians, Moscow, Russia, e-mail: konstantin.pahalyuk@rvio.org

Pronin Aleksandr Sergeyevich — Researcher of Department of Archaeology, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: otdel_istorii@mail.ru

Rzhanova Svetlana Aleksandrovna — Doctor of Cultural Studies, Professor of Department of Journalism, N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: Rzanova@mail.ru

Rogachev Vladimir Ilyich — Doctor of Philology, Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, M. E. Evseyev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russia, e-mail: rogachev-v@bk.ru

Salaeva Mariya Nikolayevna — Candidate of Philology, Assistant Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, M. E. Evseyev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Svyatogorova Varvara Sergeyevna — Candidate of Cultural Studies, Assistant Professor of Department of Cultural Studies, N. P. Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia, e-mail: mikardina@mail.ru

Sibatova Serafima Sergeyevna — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher, MarNIIYALI, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: simasibatova802@rambler.ru

Sokolova Valentina Ivanovna — Doctor of History, Professor of Department of National History, I. N. Ulyanov Chuvashia State University, Cheboksary, Russia, e-mail: mineevaek21@mail.ru

Solovyev Anatoly Andreyevich — Candidate of History, Assistant Professor of Department of National History, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, e-mail: solowaa@mail.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich — Doctor of History, Associate Professor, Principal Researcher – Head of Department of Archaeology, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: stawiczky.v@yandex.ru

Tsygankin Georgy Sergeevich — Candidate of History, Teacher of Additional Education, Republican Children and Youth Center for Aesthetic Education, Saransk, Russia, e-mail: cy-gan-kin@yandex.ru

Chernyshov Artem Petrovich — Postgraduate Student of Department of National History and Ethnology, M. E. Evseyev Mordovia State Pedagogical Institute, Saransk, Russia, e-mail: petrowich13@mail.ru

Chetaeva Kristina Gennadyevna — Postgraduate Student of Department of Regional Studies and Programs, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: kg_kiseleva@inbox.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Yurchenkov Valery Anatolyevich — Doctor of History, Professor, Director, NIIGN, Saransk, Russia, e-mail: guniign@list.ru

Yurchenkova Nina Georgiyevna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines, Middle-Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy by the Ministry of Justice of Russia) in Saransk, Saransk, Russia, e-mail: nina-saransk@mail.ru

СОКРАЩЕНИЯ

ИР НБУВ — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины
им. В. И. Вернадского

ГАПО — Государственный архив Пензенской области

ГА РМЭ — Государственный архив Республики Марий Эл

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

ГАСИ ЧР — Государственный архив современной истории Чувашской Республики

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области

ГИА ЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики

НА НИИГН — Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия

НА РК — Национальный архив Республики Коми

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

РГИА — Российский государственный исторический архив

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области

ЦГА РМ — Центральный государственный архив Республики Мордовия

ЦДИАУ — Центральный державный исторический архив Украины

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки, и просит авторов при оформлении статьи придерживаться следующих правил и рекомендаций:

1. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде.
2. К статье, направляемой в редакцию, должны прилагаться *две рецензии*, подписанные специалистом и заверенные печатью учреждения, а также отзыв научного руководителя (для аспирантов).

3. Все статьи публикуются на русском языке. Статьи, представленные на английском языке, должны содержать русский вариант перевода. Авторы могут выполнить его как самостоятельно, так и при помощи редакции.

4. *Объем основного текста* должен составлять 0,5 — 1,0 печатного листа (12 — 24 страницы).

5. *Текст статьи* набирается в программе Microsoft Office Word 2003 шрифтом Times New Roman, размер кегля 14 через 1,5 интервала. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Статья оформляется следующим образом:

1) инициалы и фамилия автора на русском и английском языках;
2) название статьи на русском и английском языках;
3) не более 7 ключевых слов или словосочетаний на русском и английском языках;

4) аннотация объемом до 500 знаков на русском и английском языках;

5) текст статьи;

6) литература (для этнографов — литература и полевой материал авторов);

7) приложения (если есть);

8) сведения об авторах.

6. *Иллюстрации:*

внедряются в электронную версию статьи в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисовочные подписи выполняются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12 и вставляются в иллюстрацию в режиме Вставка; иллюстрации не должны превышать размеры текстового поля; обязательно должны упоминаться в тексте.

7. *Формулы и буквенные обозначения* по тексту:

набираются в среде редактора формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв — Symbol, для остальных — Times New Roman, основной размер кегля 14;

буквы латинского и греческого алфавитов набираются курсивом, кириллицы — прямым шрифтом;

при выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

8. *Таблицы:*

выполняются в режиме Таблица шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; могут быть с заголовками и без них. Заголовок набирается строчными буквами полужирным шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

располагаются после ссылки в тексте.

9. *Библиографические ссылки:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12; фамилия и инициалы авторов выделяются полужирным шрифтом;

располагаются в конце статьи и имеют сплошную нумерацию; оформляются согласно ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», например: *ссылки на произведения одного, двух и трех авторов:*

Первичная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны : Мордов. народ и край в соч. западноевроп. авторов VI — XVIII столетий. Саранск, 1995. 286 с.

Повторная

Юрченков В. А. Взгляд со стороны. С. 25.

Первичная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры (на примере народов Закавказья, проживающих в Республике Мордовия) // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9 — 11 дек. 2008 г.). Саранск, 2008. С. 89 — 93.

Повторная

Никонова Л. И., Илькаева Е. П. Роль семьи в сохранении этнической культуры... С. 90.

Первичная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка и государственной безопасности // Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. : в 2 т. Саранск, 2005. Т. 2. С. 97 — 110.

Повторная

Юрченков В. А., Кечайкина Е. М., Скворцова Л. Г. Органы правопорядка... Т. 2. С. 100.

ссылки на произведения четырех и более авторов:

Первичная

Власть и общество в XX в.: региональный аспект (историографический обзор) / В. А. Юрченков [и др.] // Власть и общество: XX век. Саранск, 2002. С. 7 — 33. (Науч. тр. / НИИГН ; т. 1 (118)).

Повторная

Власть и общество в XX в. ... С. 30.

Первичная

Мордва юга Сибири / Л. И. Никонова [и др.] ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 312 с. (сер. «Мордва России»).

Повторная

Мордва юга Сибири. С. 126 — 127.

При последовательном расположении первичной и повторной ссылок текст повторной ссылки заменяют словами «Там же», или «Ibid.» (Ibidem):

Первичная

⁵**Келина А. Н.** Терминология ткачества в мордовских (мокшанском и эрзянском) языках : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Саранск, 1996. С. 10.

П о в т о р н а я

⁶ Там же. или ⁶ Там же. С. 15.

П е р в и ч н а я

³ **Mainof W.** Les restes de la mythologie Mordvine // J. de la Socirtr Finno-Ougrienne. Helsingissa, 1889. Vol. 5. P. 50 — 52.

П о в т о р н а я

⁴ Ibid. or ⁴ Ibid. P. 60.

В повторных ссылках на одно и то же произведение, созданное одним, двумя и тремя авторами, не следующих за первичной ссылкой, употребляются словосочетания «Указ. соч.», «Цит. соч.», или «Op. cit.», при условии, что ссылки делаются только на одно произведение данного автора (авторов):

П е р в и ч н а я

¹ **Чернов А. В.** Языковое строительство и процесс коренизации в Мордовии в середине 1920-х — 1930-е гг. // Центр и периферия. Саранск, 2008. № 2. С. 86.

П о в т о р н а я

⁵ **Чернов А. В.** Указ. соч. или ⁵ Чернов А. В. Указ. соч. С. 90.

П е р в и ч н а я

² **Paasonen H.** Mordwinisches Worterbuch. Helsinki, 1992. Bd 2. S. 590.

П о в т о р н а я

⁶ **Paasonen H.** Op. cit. or ⁶ **Paasonen H.** Op. cit. Bd 2. S. 600.

Если ссылки делаются на разные произведения одного автора (авторов), то указывается фамилия автора (авторов) и полное или сокращенное название произведения (см. оформление произведения одного, двух и трех авторов).

Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другой работе, то в начале ссылки приводятся слова «Цит. по:», например:

В т е к с т е

В ноябре 1919 г. А. Г. Шляпников открыто писал в газете «Экономическая жизнь»: «Фабричные и заводские комитеты... свели на нет последние остатки дисциплины и, кроме того, разграбили заводской инвентарь»¹⁴².

В с с ы л к е

¹⁴² Цит. по: Гражданская война в России, 1917 — 1922 гг. М., 2006. С. 269.

Комплексная ссылка содержит несколько ссылок, которые отделяются друг от друга знаком «;» с пробелами до и после него. Каждая из ссылок в составе комплексной ссылки оформляется по общим правилам.

Если в комплексную ссылку включено несколько ссылок на произведения одного и того же автора (авторов), то его фамилия во второй и последующих ссылках заменяется словами «Его же», «Ее же», «Их же», или «Idem», «Eadem», «Iidem», например:

²⁰ Юрченков В. А. Новый мир — новые традиции // Блокнот агитатора. Саранск, 1983. № 20. С. 19 — 21 ; Его же. Рост общественно-политической активности трудящегося крестьянства Мордовии в первые годы Советской власти

(1917 — 1920 гг.) // Общественно-политическая жизнь села Советской Мордовии. Саранск, 1987. С. 26 — 43. (Тр. / НИИЯЛИЭ ; вып. 87).

Ссылки на электронные ресурсы, например:

Первичная

Лэтчфорд Е. У. С Белой армией по Сибири [Электронный ресурс] // Восточный фронт армии генерала А. В. Колчака : сайт. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/lachford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

Повторная

Лэтчфорд Е. У. Указ. соч.

Первичная

Жизнь прекрасна, жизнь трагична... [Электронный ресурс] : 1917 год в письмах А. В. Луначарского А. А. Луначарской /отв. сост. Л. Роговая ; сост. Н. Антонова ; Ин-т «Открытое о-во». М., 2001. URL: <http://www.audisium.ru/looks/473> (дата обращения 20.09.2010).

Повторная

Жизнь прекрасна...

Первичная

Уральская семья народов : крат. информ. справ. о финно-угор. и самод. народах [Электронный ресурс] / сост. П. Симпелев, О. Лапшина. Сыктывкар, 2008. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Повторная

Уральская семья народов.

Ссылки на архивные документы, например:

ЦГА РМ. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 32. Л. 12, 13, 15.

РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1042. Л. 66, 121, 123 ; Д. 1043. Л. 141 ; Д. 1124. Л. 60.

Прокаев И. Ф. Предисловие и история Петровского мордовского педагогического техникума // НА НИИГН. И-579. Л. 1 — 2, 13 — 15.

10. *Сведения об авторах:*

набираются шрифтом Times New Roman, размер кегля 12;

содержат фамилию, имя и отчество каждого из авторов, ученую степень, занимаемую должность, место работы (наименование учреждения) и адрес электронной почты; приводятся на русском и английском языках.

11. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья неприята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редакцией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Вся ответственность в решении любых вопросов соблюдения авторских прав возлагается на автора, в том числе получение необходимых разрешений для воспроизведения любых материалов, защищенных авторским правом.

12. С аспирантов плата за публикацию рукописей не взимается.

В Е С Т Н И К
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

№ 1 (41) 2017

Редакторы: *Т. А. Чужайкина, Л. А. Гурьянова, О. Ю. Цыплякова, Е. В. Глазкова*

Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *А. В. Чернова*

Подписано в печать 09.03.2017. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ №

ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия».
430005 г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь“».
430030, Мордовия, г. Саранск, ул. Титова, 2а.
E-mail: tko-saransk@mail.ru